

ISSN 2075-7794 | **2018** | **Vol. 36** | **Is. 2**

ВЕСТНИК

КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ ᲕᲗᲐᲕ

BULLETIN OF THE KALMYK INSTITUTE FOR HUMANITIES OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Published since 1963
ISSN 2410-7670 (online version)
ISSN 2075-7794 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on July 1, 2009.
Registration number PI No. FS77-49346

2018. Vol. 36. Iss. 2
Published six times a year

Editor-in-Chief:

Ph.D. of Philology *V. Kukanova*

Deputy Editor-in-Chief:

Ph.D. of History *E. Bakaeva*

Editorial Council:

Acad. of the RAS *G. Matishov* (Chairman — Rostov-on-Don, Russia),
Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov* (Moscow, Russia), Ph.D. of History *M. Balzer* (USA),
Acad. L. Bold (Mongolia), Ph.D. of History *N. Bugai* (Moscow, Russia),
Ph.D. in History *V. Grayvoronsky* (Moscow, Russia), Corr. Member of the RAS *A. Dybo* (Moscow, Russia),
Ph.D. in Philology *V. Klyaus* (Moscow, Russia), Ph.D. in Philology *I. Kulganek* (Saint Petersburg, Russia),
Ph.D. in History *K. Maksimov* (Elista, Russia), Ph.D. in History *I. Popova* (Saint Petersburg, Russia),
Ph.D. in History *N. Sukhbaatar* (Mongolia), Ph.D. in Philology *O. Mudrak* (Moscow, Russia),
Ph.D. in Philology *Chao Gejin* (China), Ph.D. in History *D. Schorkowitz* (Germany),
Ph.D. in Philology *A. Tsendina* (Moscow, Russia), Ph.D. in History *Wei Jian* (China)

Editorial Board:

Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov* (Makhachkala), Corr. Member of the RAS *B. Bazarov* (Ulan-Ude),
Ph.D. in Philology *Chao Getu* (China), Ph.D. in Sociology *V. Delaru* (Volgograd),
Ph.D. in Sociology *G. Denisova* (Rostov-on-Don), Ph.D. in Sociology *N. Dulina* (Volgograd),
Ph.D. in Philology *S. Krylov* (Moscow), Ph.D. in Sociology *D. Lushnikov* (Stavropol),
Ph.D. in Philology *G. Pyurbeev* (Moscow), Ph.D. in History *A. Sytdikov* (Kazan),
Ph.D. in Philology *E. Skribnik* (Germany), Ph.D. in History *V. Trepavlov* (Moscow),
Ph.D. in History *N. Zhukovskaya* (Moscow)

Ph.D. in History *E. Badmaeva*, Ph.D. in Philology *T. Basangova*,
Ph.D. in Philosophy *B. Bicheev*, Ph.D. in Philology *D. Muzraeva*,
Ph.D. in Philology *V. Mushaev*, Ph.D. in History *U. Ochirov*,
Ph.D. in History *M. Ochir-Goryaeva* (Elista)

The Editorial Board and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia.
Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; Fax No. (84722) 2-37-84.
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

CONTENTS

HISTORY

World History	<i>Stepanova A.</i> Origin of the Berber Tribal Confederation of Šanhādja	2
	<i>Nyamdorj Dagiiraažai.</i> The Bogd Khan's Imperial Seals: Meanings and Symbols	14
	<i>Kitinov B.</i> The Tibetan Context in Khoshut-Qing Relations: from Equality to Subordination	20
National History	<i>Lidzhieva I., Kogdanova B.</i> The Administrative Office of the Kalmyk People: Records Management Practices	29
	<i>Kolomeytseva M.</i> Peasants of the Don River Region: Demographic Processes in the Late 19 th Century	38
	<i>Bashkuev V.</i> Soviet Medical Representations of the Traditional Buryat Lifestyle in the Context of a Campaign against Social Diseases (1920s – Early 1930s)	47
	<i>Sartikova E.</i> Yandyko-Mochazhnaya Party Organization in 1921–1925	59
	<i>Maksimov K.</i> Repatriation of Soviet Citizens Shipped by Fascists for Forced Labor in Germany during the Great Patriotic War	68
Ethnology	<i>Sodnompilova M.</i> Ethnoterritorial Groups of Buryats and Their Marital Preferences: the Image of the Other	79

LINGUISTICS, LITERARY & FOLKLORE STUDIES

Linguistics	<i>Krylov S.</i> Mongolian Analytical Word Forms: an Effort of Distributive and Statistical Classification	88
	<i>Malysheva N., Bozhedonova A., Starostina Y.</i> Horse Coat Colors: Investigating Yakut and Mongolian Lexical Parallels	102
	<i>Jing Tun</i> Translating Word Combinations Containing the Lexeme 'God' into Chinese (a Case Study of <i>The Captain's Daughter</i> by A. S. Pushkin)	110
	<i>Bachaeva S.</i> The Kalmyk Adjective <i>Dogšin</i> : Peculiarities of Lexical Co-Occurrence	122
Literary Studies	<i>Mirzaeva S.</i> The Written Tradition of Vajrayana Buddhism: <i>Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja</i> (Tib. <i>Bzang spyod smon lam</i>)	131

SOCIOLOGY

<i>Mukhametzyanova A.</i> Preservation and Development of the Tatar Language in the Eyes of Tatarstan's Youth: Vision Statements and Projects	144
<i>Namrueva L.</i> Rural Population of Kalmykia: Social Adaptation Revisited (Summarizing the Results of 2016 and 2017 Surveys)	162

REVIEW

<i>Orlova K. V.</i> Book review: <i>The Yellow Chronicle (Šir-a tuyuži)</i> . A. D. Tsendina (transl., translit., introd. and comment.). Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2017. 406 p. (Written monuments of the Orient. CXLVII. A. B. Kudelin et al. (eds.)) – ISBN 978-5-02-039768-2. (In Rus.)	171
--	-----

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 2–13, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-2-13
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 81

Origin of the Berber Tribal Confederation of Ṣanhādja

Anastasia V. Stepanova¹

¹ Lecturer, Department of Oriental and African Studies, Higher School of Economics; Postgraduate Student, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: nastia.7373@mail.ru

“They are nomads who roamed the desert”.
al-Bakrī (11th century AD)
[Al-Bakrī 1859: 149]

Abstract. The paper presents an analysis of the sources on the medieval history of the Maghrib in an attempt to identify the origin of the Berber tribal confederation of Ṣanhādja. The directions of research include the analysis of territories presumably occupied by the branches of this tribal confederation, in addition to the migration routes of the Yemeni region, central Sahara and the Maghreb; history of the Berbers mainly based on the texts of Ibn Khaldūn and his description and the genealogical tree of the Berber tribes and families. Furthermore, to recreate a more complete picture of the mixture of peoples we should take into account the Arab and the Vandals demographic contribution. Yemenis have played its role in the Maghreb, but the real Arabization took place not earlier than in 11th century, so the question is in the earlier relationships between Arab tribes. On the other hand, there is a demographic contribution that is systematically underestimated in the Maghrib, i.e. that of the slaves of sub-Saharan origin that supposedly had a much greater impact.

Various social and political conditions in the Middle East and North Africa as well as the evolution of Islamic written tradition in Arabic during the early medieval period account for the multiplicity and heterogeneity of data on the Berbers in Arab historical works. Thus, an accurate and consistent study of all the available sources is highly desirable. Correlation of medieval and modern regions, different spelling of toponyms and tribal names proper to authors of that period, different approaches to the perception of historical process, not to speak about a possibility of falsifications make it complicated to examine the issue. The difficulty also lies in the fact that some sources provide contradictory information that makes us doubt in their veracity. Therefore, the topic certainly deserves a detailed study.

Keywords: Berbers, North Africa, Ṣanhādja, Genealogy, Middle Ages, History

Introduction

The categories such as “the Berbers” and “the Arabs” are historical. Their origin, maintenance, and reproduction occur under particular circumstances. In the early Middle Ages, the Arabs began a process of “Arabization” of northwest Africa, its peoples, and their pasts. Although a number of travelers and historians mentioned and described Berber tribes and the process of migration of the Arabs there is still a question of formation of certain ethnic groups.

The Maghrib is believed to have been inhabited by the Berbers from at least 10000 B.C. [Ilahiane 2006: 112; Briggs 1995: 136]. However, they owned their lands for many centuries before the Arab conquest of northwest Africa, which was a major event in the history of the region. Taking into account the complicated and multifaceted process of migration of a number of ethnic groups on the territories of the Arabian Peninsula, North and Central Africa, there intermixture and mutual relations, followed by the growing cultural influence of the Arabs on a non-Arab area, it is beyond doubt that the problem of the origin of some Berber tribes proved to be uneasy.

According to medieval historians, the Berbers were split into two branches – Bort and Barnes – divided in their turn into tribes and sub-tribes [Baron de Slane 1852: 276–280; Briggs 1960: 143; Hachid 2001: 16–23]. The descendants of the children of Barnes (Barnos / Barrnass) [As to the transliteration of Arabic names, the standard system of it is used, except the underlining of the characters *dj*, *th*, *kh*, *dh*, *sh*, *gh*. As to Berber names, their approximate transcription is given] occupied almost all the northern part of Africa since the dawn of time. As to the littoral and especially the ports, they fell under the control of the Phoenicians, Dorians, Carthaginians, Romans, Vandals and Visigoths. These peoples were permanently forced to reckon with the kingdoms located inland [Grabmeier & Davis 2004: 28–31].

The Arab conquest, which was a terrestrial, non-maritime conquest, brought about hitherto unknown upheavals and changed the political situation that had previously marked the ethnic stability of the Berbers. The Arabs brought with them Islam with its branches (Shī‘ite, Khārījite) as well as its dynasties. The Berbers preferred to resist and fight for their independence. That process marked with victories of some Berber chiefs and defeats of the others led to the considerable mobility of tribal groups that

would overlap with each other geographically and ethnically.

In every country of northern Africa, the ethnic mosaic of the Berbers reminds them till now their origin from the common ancestor who, if were not Barnos, would be Amazigh, the eponymous forefather of all the Berbers, attested in Ibn Khaldūn’s work *Kitāb al-‘Ibar wa-dīwān al-mabtada’ wa’l-khabar...* He states in it that the Berbers were descendants of Barbar, son of Tamalla, son of Mazigh, son of Canaan, son of Ham, son of Noah [Baron de Slane 1852: 278]. In rejecting any genealogy that connected them to the Arabs, they preferred to be linked to Ham, son of Noah. Zenetes, the ancestor of Zanāta, was considered to be the son of Chana (Jana) b. Yaḥyā b. Solate b. Warsak b. Dhari b. Maqbo b. Qarwal b. Yamla b. Madagiz b. Zajik b. Hamarhaq b. Krad (Grad) b. Mazigh b. Harik b. Barra b. Barbar b. Kan‘ān (Canaan) b. Ḥām (Ham). The patriarch of Zenata claims, meanwhile, that according to Ibn Khaldūn they take their origin directly from Barnos.

Ṣanhāja: Tribal division and ancestors

According to Islamic historical tradition Barrnass (Barnas, Barnos, Barrnos, Barnos) the eponymous ancestor of the Branès, had seven or ten children: Esdaj, Masmod, Awrab, Ujjis, Ktam, Ṣinhāj (Senag) whose descendants were Ṣanhādja, Awrigh, Lamt, Haskor, Kzul (Gzul). The descendants of these three brothers, Ṣanhādja, Lamtāna or Lant, and Awrigh, became very numerous and powerful. They made themselves masters of the other Berber tribes and drove them into the deserts bordering on the Atlantic, where they still remain dispersed through different regions.

The branches of the tribes taking their origin from them had played important historical roles and marked the past of Africa and the Mediterranean in general. One of the most important branches along with Masmoda of Morocco, Kutāma, extended from Central Rīf to Numidia, Haskore (Darn Mountains, Atlas and Eastern Rīf), Hawwāra (extended from Morocco to Tripolitania and the Sahel-Sudanese region) is Ṣanhādja. This tribe stretched from the Atlas Mountains to the Senegal River whose name derives from an alteration of Senag, son of Barnos.

In its turn the Ṣanhādja tribe has nine subtribes, viz. Talkata (the tribe that gave the world Zīrī ibn Menad, ancestor of the dynasties Zīrids and Ḥammādids that reigned in the central Maghrib and Ifrīqiya) [Meynier 2010: 43], Anifa, Charta, Mandala, banū Warit,

banū Yaltissine, Gaddala (occupying the south-western part of the Sahara in northern Senegal), Lamtouna, Massoufa [Camps Branes // Berber Encyclopedia Online]. The last three tribes gave birth to the dynasty of Almoravides [Camps Gudāla / Guezula // Berber Encyclopedia Online].

According to Émile Janier, Ṣanhādja are divided into two branches: sedentary, living in Kabylia, the mountains of Tell and nomads, represented by Litham inhabiting the Sahara [Janier 2017: 245]. This point of view is supported by Arab authors. They confirmed that the central Sahara had been inhabited by a branch of the Ṣanhādja, who are the ancestors of the Tuaregs. Moreover, the trade caravans that went from the northern Sahara, in particular of Ouargla and Nafūsa Mountains were protected by folding and rolling [Nantet 2013: 62].

Ṣanhādja: Territories

The Berbers are perhaps descendants of the ancient Numidians, whose country they now occupy. Their different tribes are scattered over the whole North Africa intervening between the shores of the Atlantic and the confines of Egypt. Our accounts of this people are based on the works of Leo Africanus and Arab Islamic authors. Al-Idrīsī, who wrote in the middle of the 12th century AD, gave a wide description of the Berber tribes and the territories they occupied. *“Their original country was Palestine and their king was Goliath (Djālūt), son of Ǧarīs, son of Djānā, who was the ancestor of Zanāta of the west, and Djānā was the son of Liwā’, son of Barr, son of Qays, son of Ilyās, son of Muḍar. When David (Dā’ūd), the Peace be upon him, slew Goliath the Berber, the Berbers migrated westward, till they reached the extreme limits of the Maghrib. Then they split up there (into tribes); as to Mazāta, Mughīla and Ǧarīsa, they settled in the mountains; as to Lawāta, they settled in the land of Cyrenaica (Barqa), and a group of Hawwāra settled in the mountains of Nafūsa; the rest of them settled in the land of the Extreme Maghrib and the tribes of Maṣmūda with them; then they (together) civilized that country. And the Berber tribes are the following: Zanāta, Ǧarīsa, Mughīla, Muqaddar, Banū ‘Abd Rabbi-hi, Waraḥdjūm, Nafza, Nafzāwa, Maṣmāta, Lamta, Ṣanhādja, Hawwāra, Kutāma, Lawāta, Mazāta, Ṣadrāta, Yaṣlāsan, Madyūna, Zabūdja, Madāsa, Qālīma, Ūrba, Haḥīta, Walīta, Banū Manhūs, Banū Samdjūn, Banū Wārqlān, Banū Yasdarān, Banū Ziridjī, Wardāsā, Warhūn and the other Berber tribes from those whom we*

shall mention, through the power of Allah, in connection with cultivated parts of their land” [Al-Idrīsī 1972: 222].

He then traced the origin of the Ṣanhādja and Lamta tribes to their common male ancestor Lamt, son of Za‘zā’, who was from the children (*min awlād*) of Ḥimyar, and thus attributed to both of them the South Arabian roots. The similar origin is also ascribed to the “brother” of Ṣanhādja and Lamt by maternal line, Hawwār, whose forefather was al-Muṣawwir, son of al-Muthannā, son of Kalā’, son of Ayman, son of Sa‘īd, son of Ḥimyar. According to a legend, his and his tribe’s abode was in Hejaz, but they left it in search of lost camels, so that crossed the Nile and reached the Maghrib, where al-Muṣawwir married Tāzikāy, the mother of Ṣanhādja and Lamt [Al-Idrīsī 1972: 223].

It is very significant that the idea on the South Arabian origin of the main Berber tribes is also attested in the medieval Yemenite genealogical tradition, viz. in the 2nd volume of the real *encyclopedia* of Ḥimyarite antiquities compiled by the greatest polymath of Muslim Yemen al-Ḥasan al-Hamdānī (d. c. in the 3rd quarter of the 10th century AD) under the title *Kitāb al-Iklīl* “the Book of the Diadem”. He wrote on that matter: “As to Murra b. ‘Abd Shams, he gave birth, as they said, and God knows best, to Kutāma, ‘Uhāma, Ṣanhādja, Lawāta and Zunayt (and he was Zunāta); and they are the chiefs of the Berbers (*ru’asā’ al-Barbar*). They migrated with their lord Kanī’ [this is an Arab rendering of Canaan of the Biblical tradition] b. Yazīd, when Ifrīqīs expelled him to Ifrīqiya and the misfortune was diverted from it” [Al-Hamdānī 1966: 101]. Another version of Ṣanhādja’s genealogy is provided by Nashwān b. Sa‘īd al-Ḥimyarī (d. AH 573 = AD 1177–1178), a worthy scholarly successor of al-Hamdānī. According to it Ṣanādja (= Ṣanhādja) was one of the sons of ‘Arīb b. Zuhayr b. Ayman b. al-Hamaysa’ b. Ḥimyar (cf.: [Al-Ḥimyarī 1378: 36-37, n. 1; Caskel 1966: 274]). It is well-known that the so-called South Arabian genealogies are artificially constructed under the influence of Arab Bedouin culture on the eve of Islam or even after its triumph. As to Ṣanhādja, this ethnonym proved to be connected with Yemen for many centuries after the beginning of the Muslim era. One of the villages of Inland Ḥaḍramawt, albeit abandoned, is still known as the site of al-Ṣanāhidja and the Soviet-Yemenite multidisciplinary expedition in the mid-eighties made an archaeological survey

of its medieval necropolis. Thus, the question arises, why some huge tribal confederations of the Berbers decided to attach themselves to the real Himyarite genealogical tradition.

It seems that such an amalgamation would take place not in North Africa, but in Muslim Spain, where the Berbers torn from their roots were in need of alliances with the Arabs. Therefore, they could be involved in the Qaḥṭānite – ‘Adnānite confrontation [Пиотровский 1977: 10–16. It should be stressed that although according to this scholar the Qaḥṭānite alliance was brought already formed from the East, it is not excluded that it could be replenished with new members in a new area] and obtained some genealogies of South Arabian tribes in exchange for the support given to them. But this problem deserves further examination.

A more detailed account on the Berbers is given by Leo Africanus, who lived three centuries later than al-Idrīsī, and was himself, as far as we know, of Berber origin. Africa was divided by him into four parts: Barbary, Numidia, Libya, and Nigritia, which corresponded to al-Barbariyya, Bilād al-Djarīd, al-Ṣaḥrā’ and Bilād al-Sūdān of the Arabs. Then he added that the real origin of the white inhabitants of Africa remained uncertain and transmitted some traditions like al-Idrīsī did. According to them, an idea of mixed and Asiatic origin was long prevailing among these tribes and as a result they became convinced that their language and habits were corroborated. The principal Berber tribes were five: Ṣanhādja, Maṣmūda, Zanāta, Hawwāra and Gumāra. The Zanātians, Hawwārians and Ṣanhādjians, he said, were, for the most part, concentrated in the country around Tamisna (Temesne), and, we may add, spread throughout the whole North Africa, for all the oases in the Desert are peopled by the Berbers [Leo Africanus 1896: 18].

According to Leo Africanus, the Zanaga are Numidians [Leo Africanus 1896: 19]. He reckoned them among the inhabitants of Barbary and Bilād al-Djarīd, and afterwards said that al-Ṣaḥrā’, or the Desert, was divided into five portions, occupied by five different tribes, viz. the Zanaga (Ṣanhādja), Guanziga (Wansikah), Terga (Tarkah), Klemta (Lamṭa) and Berdewa (Berdawah). Of these tribes the Ṣanhādja, or Zanhagahs, are doubtless that widely extended branch of the Berbers, which reached the banks of the Senegal, and gave its name to that river. The part of the Desert

inhabited by the Ṣanhādja tribe in the time of Leo extended from the Atlantic to the salt pits of Teghaza, and was bounded on the north by Sūs, Hahah and Darah, the provinces of Morocco, on the south by Negro kingdoms of Walatah and Tombouctou. From the springs of Aswad, i.e. the Black, dreary waste, to those of Arwan, located at the distance of 150 miles from that city, there was no water for upwards of 200 miles [Leo Africanus 1896: 10].

However, his description of Numidia does not correspond to Roman Numidia. It rather evokes a strip of land north of the Desert (cf.: [Strabo XVII: 3, 19]). It is possible that the name of the Gétules was preserved in that of the tribe Ṣanhādja.

The Gétules are mentioned under this name in North Africa in ancient times, in a large area south of the Roman provinces of Africa and Mauretania. The Greek historian Strabo considered them as the most numerous people of North Africa, but also as the least known [Jolly Maps: 14–23]. According to Strabo they were southern neighbors of the Garamantes. It is assumed that the Gétules adopted the horse through the Egyptians, who themselves received it from the peoples of Central Asia. Unlike the Capsians who had known a Sahara of savannahs, lakes and rivers, the Gétules lived mostly along the southern slopes of the Atlas Mountains, relatively untouched by the gradual desertification of the Sahara [Strabo XVII: 3, 19].

Be that as it may, the Gétules developed an effective cavalry, and thus controlled two trans-Saharan roads. One part of Chella, the current Salé in Morocco, and the other one of Madaure (current Mdaourouch): both lead to the Niger river. According to researcher Émile Felix Gautier ancestors of Zenetes current penetrate the Maghreb to the 5th century AD, during the late antiquity, and Gabriel Camps think that they are substituted for Gétulians [Camps 1980: 128]: thus, he distinguishes Gétulians, Numidians and Moors.

Ancestors of the Tuaregs as well settled, probably in the western part of the Libyan desert in the triangle of Sebha-Ghadames-Gat and early enough began to pave the way through the Sahara in the southern and south-western directions. With these tribes, including the northern Tuareg (Ahaggar, etc.), it is tempting to relate Garamantes, localized in this region by Herodotus (the 5th century BC). Moreover, it is confirmed by the reconstruction of the ethnic situation in North Africa in the II – beginning

of the I millennium BC of Yuri Poplinsky, who also discussed the hypothesis about the connection of Garamantes and Tuaregs [Поплинский 1978: 89-95, 149-155]. It is also worth mentioning the tribe Hawwāra, which lived in Fezzan, according to Ibn Khaldūn, the name “ahaggar” — an ethnonym meaning “noble Tuareg” [Prasse 1970: 48]; The same name, however, is worn by one of the Shilkh tribes of Morocco, relative to the Zenetes. And it's worth mentioning that Ṣanhādja are considered to be the ancestors of the Tuaregs.

But according to Rachid Bellil [Bellil 1999], the researchers of the colonial period in Algeria did not approach the Zenetes and they did not perceive the linguistic dimension of the Zenetian people, who, according to Ibn Khaldūn and contemporary Algerian historiography, have not “replaced”, but “belong to” the oldest Berber tribes designated by the Romans as “Gétules”.

The historian Ernest Mercier designates as “Gétules” the two Berber confederations Zenetes and Ṣanhādja [Mercier 1830: 44], as well as the Houaras, the Goumara and the Masmoudas [Mercier 1830: 182].

Ṣanhādja: History

If we speak about the name of this tribal confederation, it had different variations. In the texts it is also attested as Aznag, Iznagen, Ifnayen, Znaga, Zenaga, Sanaga, Senaja, Senhaji, Sanhaja, Čanhaja [Sanhaja spelling is adopted in: Julien 1994]. The deformation of the name Iznagen in Isenhadjen comes from Arabic authors of the Middle Ages. In Mauritania, the language of the Iznagen is the Zenaga, which retreats today under pressure of Hassanya (al-Ḥassāniyya).

At the end of Antiquity, the Ṣanhādja founded the city of Aoudaghost [Browne 1799: 183; McDougall 1985: 1–31]. From the 9th century AD, the Ṣanhādjan branches of the Western Sahara passed through the phase of Islamization: Lemtuna of Adrar in Mauritania, Gadala and Messoufa nomads between the Upper Niger and the Senegal became those who controlled the trans-Saharan trade. From time to time they compete with pagan kingdoms of the Sahel [Meynier 2010: 76]. But this equilibrium remains fragile. In AD 990 the kingdom of Ghana seized Aoudaghost. At the beginning of 11th century AD a new confederation came into being [Meynier 2010: 76]. The Saharan Ṣanhādja were nomadic with the predominance of a matrilineal organization of kinship unlike other Berber societies. Men

wore the face veil, the *lithām*, hence their name “the veiled” [Meynier 2010: 76].

In the central Maghrib, as Ibn Khaldūn said, the territory of Ṣanhādja extended the area of Miliana until Metidja, and Achir in Titteri to the south of Bejaia [Bellil Kabylia // Berber Encyclopedia Online]. Ṣanhādja tribes are sedentary farmers to the north of the Atlas Blida and nomadic or semi-nomadic in the south, between Ouarsenis the Titteri and Southern Bibans. The country of the Ṣanhādja gave abode to several important cities, including M'Sila, Algiers, Medea, Achir and Miliana.

In AD 971, Bologhin ibn Zīrī, the head of Ṣanhādja living between M'Sila and Algiers [Algeria: History... 2000: 19] was appointed governor of the central Maghrib by the Fatimids in gratitude for the role, which his father Zīrī b. Menad, ancestor of the Zīrid dynasty, played during the Khāridjite revolt of Abū Yazīd and expeditions against the Zenetes in Oran [Meynier 2010: 43]. Bologhin built his capital Achir and several cities in the central Maghrib: Algiers, Miliana and Medea [Algeria: History... 2000: 19]. When the Zīrids became emirs, they settled in Ifrīqiya. One of the Bologhin sons, Ḥammād b. Bologhin founded in AD 1015 the Ḥammādid dynasty that ruled the central Maghrib: their new capital was installed in the Kalāa des Béni Hammad built in AD 1007 and since AD 1090 in Béjaia [Algeria: History... 2000: 20].

Another dynasty of Ṣanhādja origin, *viz.* the Almoravids, was ruling in the course of the 11th – 12th century AD in the west of the Maghrib and in al-Andalus. The Almoravid dynasty was originally a religious movement initiated in Ṣanhādja Saharan Godala by a local leader, Yaḥya b. Ibrāhīm as well as by a preacher ‘Abdallāh b. Yāsīn who met the former on return to Mecca [Camps Gudāla / Guezula // Berber Encyclopedia Online].

These two dynasties ruled the Maghrib and al-Andalus until they were defeated by the Almohads in AD 1152.

In the 14th century AD, the arrival of the Banū Ḥassān provoked the decline of Iznaguen tribes. The dominance of the Ḥassāniyya over the Zenaga is endorsed by the defeat of the latter at the end of the war of Char Bouba [Dauré-Serfaty 1993: 50].

Language

One of the decisive arguments in favor of the Arab origin of several tribes of Ṣanhādja is their language. It remains, indeed, one of the closest to Standard Arabic in the Middle East

and North Africa, if some regional influences, which it underwent during centuries, were taken into consideration. The Arabic of the Ṣanhādja of the north is, in view of the above-mentioned transformations, a Moroccan dialect with Moroccan consonantism.

The Ṣanhādja language has today several variations, among which the principals are:

- the Zenaga;
- the Kabyle;
- the Ṣanhādja of Srair spoken in the southwest of the Rīf;
- the Chleuh.

In Mauritania, Zenegas constitute a Berber-speaking ethnic minority [Breton 2012: 35] speaking Zenaga. There are today from 2000 to 25,000 speakers of the Zenaga [Language Sheet (code “zen”); the linguistic database Ethnologist]. They are mainly located in the south of Mauritania and in Senegal. However, Beidanes speaking the Ḥassāniyya, are originated from a mixture of Arab and Berber tribes of Ṣanhādja [Imād al-Mighrī 2006: 263].

The Ṣanhādjī is a Berber dialect spoken by the Ṣanhādja of Srair, an ethnic group of the region of Rīf in Morocco. It is closer to the dialects of Atlas [Colin 1936: 598], although it is influenced by the neighboring Rīfish speaking people.

The Ṣanhādjī experienced a strong internal dialectal variation: the talk of Kutāma is considered to be distinct from other tribal dialects [Lafkioui 2007: 219–28] and is only spoken in four villages: Ait Ahmed, Ait Aissa, Makhzen and Asmmar.

It is true that their accent is close to that which is heard among the Eastern Arabs (Syrian-Lebanese dialect) unlike, for instance, Darija of Oujda or Casablanca, which is rawer to the ear. But it contains a lot of words that are not easy to be understood at once; however, if we examine their pronunciation, it becomes obvious that they exist in the Arabic vocabulary. A special attention should be paid on the pronunciation of the *qāf* as the *alif*, and of the *djīm* as *g* in *gless* (*idjlis* “sit down”), *lgūz* (*al-djūz* “nuts”); *ngass* (*idjjāss* “pear”), etc.

There are more words of Arab origin that we could imagine. For example, the snake is called *afighār* in Berber, and the Arabs yesteryears said, when the snake opened its mouth, *faghara-th-thu bānu fā-hu* and therefore called it *al-fāghir*... As the Arab was strongly Berberized in the Rīf, the Berber, on the contrary, became clearly Arabized in the Jbalas.

Ṣanhādja of Srair. Can they be an exception?

The Ṣanhādja of Srair constitute an ethnic group and a tribal confederation of Northern Morocco, established in the Central Rīf. It includes ten tribes of Ṣanhādjan origin.

One of the most numerous tribes of this confederation was the Kutāma. This tribe occupied mainly the region of the Babors in Little Kabilie [Ibn Khaldūn 1925: 218–21; Kitouni 2013: 48]. The Kutāma played an important role during the medieval period (AD 909–1171) in the center of North Africa.

The tribe of Kutāma is divided into two branches: Gherssen and Yassuda. From these two branches descended all the Kutāma. Ibn Khaldūn and Ibn Ḥazm denied this origin and did not consider them as a Berber tribe like other tribes of that confederation [Laporte 2005: 4179–87].

The descendants of the Kutāma tribe are today the inhabitants of several regions of eastern Algeria that correspond to the current *wilāyāt* of Skikda, Jijel, Mila and Béjaïa, and are installed also in Constantine, Sétif and Annaba, even in Egypt.

The descendants of Kutāma were for the most part Arabized [Ibn Khaldoun 1925: 573] (Jijel, Collo, North Mila and Setif), others succeeded in preserving their Berber language [Field works of Salem Chaker of L'Institut national des langues et civilisations orientales (INALCO), Paris], as in Bejaïa, in the northwest of Setif in Issaguen and to a lesser extent among the Siwis in Egypt, whose speech is Arabized by 60%.

The other tribes of the Ṣanhādja of Srair are Ait Seddat, Taghzout, Ait Khennous, Ait Bounsar, Ait Ahmed, Ait Bouchibet, Ait Bchir, Zarget, Ait Mezdouy. Among the tribes constituting the confederation of the Ṣanhādja of Srair, that of Kutāma is predominantly Arabic-speaking and that of Ait Seddat is totally Arabic-speaking.

The Ṣanhādja of Srair is considered by the UNESCO to be in a “critical situation” [UNESCO Atlas ...; Senhaja Berber].

Did Ṣanhādja come from Arabia?

There is a point of view, that the Ṣanhādja, at least the Ṣanhādja of the North, *i.e.* Ṣanhādja Shems, Dhal, Ghaddou and probably the Ṣanhādja of Srair were Arabs. Among the Ṣanhādja Shems it has always been reported by elders that their origin was from “Bilād Shām”, from Iraq, and even from the region of Medina. If we accept that the Ṣanhādja are Arabs, they

would come from South Arabia, in other words from Yemen.

It should be emphasized that Ibn Khaldūn himself insisted on the Arab origin of the Ṣanhādja.

In the *Kitāb al-ʿIbar* Ibn Khaldūn claimed the authenticity of the Arab filiation of the Kutāma and Ṣanhādja [Lafkioui 2008: 71–88; Ibn Khaldūn 1925: 167–70]. Moreover, Ibn al-Kalbī (AH 204 / AD 819), famous early Islamic historian and genealogist, reported that “the tribes of Kutama and Sanhaja do not belong to the Berber race: they are branches of the population Yemeni, whom Ibn Ṣaifī established in Ifrīqiya with the troops he left to keep the country” [Lafkioui 2008: 71–88; Ibn Khaldūn 1925: 167–70].

According to Ibn Khaldūn, “...the real fact is that exempt us from any event ... All Arab genealogists agree to look at the various Berber tribes which I have mentioned the names, as actually belonging to this race, there are only the Sanhadja and the Kutama, the origin of which is a matter of controversy for them, and according to the generally accepted opinion, these two tribes were among the Yemenis whom the Africans established in Ifrīqiya when he had invaded that country. Accept no other opinion than ours: it is the only one that is true and from which one cannot depart...” [Lafkioui 2008: 71–88; Ibn Khaldūn 1925: 167–70]

From the point of view of physical anthropology, although it seems of great importance, it is not easy to assert that individuals with fair skin and blue eyes are necessarily the result of a presence — or rather passage — of any people from northern Europe. European pseudo-scientists tried for long to convince that the Berbers have Nordic or Gallic origins to justify the presence of “blue-eyed blondes” in the region. But Gabriel Camps, succeeded in demonstrating that the people of such a physical appearance “always existed” at this area [Camps 1974: 173].

Moreover, this physical anthropological type is widely represented in the Middle East (Lebanon, Palestine, Jordan, Syria and Iraq). To go further, not all Saudis are “dark”, although that is their dominating feature. For instance, a prince of the Saudi dynasty, viz. Yazīd bin ʿAbd al-ʿAzīz Āl Saʿūd, has light hair and blue eyes, albeit his parents are both Arabs. As to the Maghrib, the late King Ḥasan II also had no dark complexion, while he took his origin from Yanbūʿ al-Baḥr in Hejaz, where his own mother died and was buried.

The following sketch of the late medieval history of Ṣanhādja should be taken into account: “After their defeat against the Almohads, they scattered everywhere. The Sanhaja Lemtouna, very learned tribes, then migrated to the North of Morocco at the Jbalas (Sanhaja Chems or Mesbah, Sanhaja Dahl and Sanhaja ghaddou) and have become Arabized in majority except Sanhaja of Srair, Beni Ouariaguel, Bni Bouchibet, Beni Mazgalda, ... who still speak Berber. Part of Sanhaja also migrated to Adrar in Mauritania and the Massoufas with some of the Lemtouna remained in the present Sahara of Morocco with the Hassanya Arab tribe against whom they fought a war in the 17th century. It was the Hassanya who won this war, which allowed them to Arabize the Sanhaja of the Sahara” [The Sahara of the Sanhaja; article].

In this citation it is clearly stated that the “Sanhaja Lemtouna” would have “Arabized” by settling in the “Sanhaja Chems”. It can be deduced that the Ṣanhādja Shams were Arabs, when the Lemtouna came to install “at home”. The expression “at home” is quite remarkable and not senseless. Indeed, this does not mean that the Lemtouna have “mixed” with Shams, because it must be borne in mind that land occupation is always an important issue. It is highly unlikely that the Ṣanhādja Shams agreed to “give away” land, at least for free, to the Lemtouna.

The hypothesis on the Arab origin of Ṣanhādja remains doubtful, in my opinion; there may be branches of them that were Arabized by the Yemenites who established themselves by mingling with their tribes, like that of Ṣanhādja Shams. However, we cannot deny Yemenite origin of some branches and their obvious links in lexica and toponyms.

The Arabs descended from Sem, the Ṣanhādja from Mazigh

It is obvious that neither Sem, nor Mazigh have ever existed. The people inhabited the Maghrib from the Paleolithic, long before the ancestor of the Berber language was disseminated from a Neolithic nucleus in southern Tunisia (Capsiens). As for the Arabs, their cradle was the Arabian Peninsula, especially its most deserted parts inhabited by Bedouins, where in the 1st millennium BC the Old Arabic separated from the other North Arabian languages.

It should be stressed that according to the genetic tests carried out among North African populations, the haplogroup E1b1b1b [Haplogroup is a large group of haplotypes,

which are sets of alleles located at specific sites in a chromosome. The classification of human haplogroups based on genetic markers rapidly evolved, while new markers were found regularly], which is scientifically the marker of the Berber genome, proves to be predominant in spite of multiple waves of occupations of the region. This implies that the Berber populations have mixed little with the invaders (the Romans, the Greeks, the Arabs, etc.) and the Maghribī people are mainly of Berber origin.

It is worth of noting, how Gabriel Camps supported Ibn Khaldūn's conception of Berber origin: *"Ibn Khaldun himself takes a firm stand in favor of what he calls the real fact, a fact that dispenses with any hypothesis ...: the Berbers are the children of Canaan son of Ham, son of Noah, as we have already stated in dealing with the great divisions of the human species. Their grandfather was named Mazigh; their brothers were Gergéséens (Agrikech); the Philistines, sons of Casluhim, son of Misrair, son of Ham, were their parents. The king, at home, bore the title of Goliath (Djalout). In Syria, between the Philistines and the Israelites, there were wars brought back by history, during which the descendants of Canaan and the Gergeseans supported the Philistines against the children of Israel. This last circumstance will probably have misled the person who represented Goliath as Berber, while he was one of the Philistines, relatives of the Berbers. We must admit no other opinion than ours; it is the only that is true, and which one cannot deviate"* [Camps 1974: 173–5].

This researcher did not ignore Berber claims to Himyarite ancestry: *"On the other hand, Berber genealogists claim that many of their tribes, such as the Louata, are Arabs and descend from Himyer ..."* [Camps 1974: 176].

For some tribes, there is no real ambiguity since they are referred to as Berber-speaking by Ibn Khaldūn, but without any connection with the Rīfans. These tribes (Ṣanhādja, Mernissa, Ghomara) are obviously of Berber origin (see the genealogy of the Berbers of Ibn Khaldūn). For the other Jbalas tribes the doubt persists. The only way to know, if the other tribes are Rīfans, Berbers or Arabs, consists in a global genetic study with the aim of establishing which genetic polymorphism fits the Jbala populations. Such studies have already permitted, for instance, to prove that the Doukkala-abda and the Arabic speakers of southern Tunisia are of Berber origin and that the Tuaregs, who speak Berber,

are a mixed population of Berber and other ethnic groups. The laboratories that participated in these studies are: CNRS, Faculty of Sciences Semlalia of Marrakech, Chouaib Doukkali University of El Jadida, Faculty of Sciences of Oujda, Universitat de Barcelona, Pasteur Institute of Tunisia, University Hospital of Algiers, University of Geneva, University of Oxford, etc. [ANTROPObiologia, ANTROPOgenetika...].

The results of the above-mentioned study confirm an idea that all the Moroccans have a common ancestor, not only Berber, but Arab-Berber, and it is almost certain that if a gender study is going to be done to compare the different communities in Morocco, the Jbalas will have the highest percentage of the Gm allotypes of immunoglobulins, because of the European genetic influence that strongly affected the Moresques, while the populations of southern Morocco will have the lowest percentage (about 20%) because of their affinity with the sub-Saharan populations.

The Chorfas were in the distant past of Berber origin, since they belong, for the most part, to the Berber tribes (Zerhoun, Zanāta, Ṣanhādja), who rallied Mūlāy Idrīs (it should be recalled that Idrīs I arrived in Morocco accompanied only by his servant Rashīd).

The Arab demographic contribution does not matter as it gives: it must be of the same order as that of the Vandals. Yemenis have played its role in the Maghreb, but the real Arabization took place not earlier than in 11th century [Masoudi 1861–1877, t. III: 227], and earlier relationships between Arab tribes were of little significance there [Плютовский 1977: 16]. On the other hand, there is a demographic contribution that is systematically underestimated in the Maghrib, i.e. that of the slaves of sub-Saharan origin.

According to the latest genetic studies carried out throughout the Maghrib (Morocco, Algeria, Tunisia, etc.) the Maghribians would originate from various populations:

- Neolithic populations who fled the advance of the desert and would have taken refuge in the Atlas and its foothills;
- Nomadic populations, who took their origin from the Middle East or the Horn of Africa, invaded the Maghrib later (at the end of the Neolithic).

Among the latter there are those who would have brought with them the Berber language, the language of previous populations would have disappeared or could left a substratum in some current Berber dialects.

It is to be stressed that the Maghrib people are of Berber origin and to affirm that the demographic contribution of the Arabs during their various invasions (the Islamic invasion in the 8th century AD, the Hilālian invasion in the 11th century AD) had a weak impact on the populations of the Maghrib.

In short, from the document referred to above, we can divide the populations of the Maghrib, on basis of the distribution of alleles of the Y chromosome, in the following groups:

- Moroccans Arab whose patrilinear descent is Arab: 20%
- Moroccans Arab whose patrilinear descent is Berber: 72%
- Berberian trades whose patrilinear descent is Arab: 10%
- Berberian trades whose patrilinear descent is Berber: 85% moreover, for the Saharawis:
- patrilinear is Arab: 17.2%
- patrilinear is Berber: 82.7% for the Tunisians:
- patrilinear outgrowth is Arabic: 34.2%
- patrilinear ascendance is Berber: 55.2% for the Arab Algerians:
- patrilinear ascendance is Arab: 35%
- patrilinear ascendance is Berber: 65%.

Over the past decade, methods of genetic analysis, approaches to medical genetics and genomics have become much more understandable and accessible. It seems that soon we would become witnesses of the new striking historical discoveries that we closed due to the limited methods of nowadays science.

As a result

The Ṣanhādja were a large group of tribes (not a single one) of Berbers, historically linked with the Maṣmūda, the Berbers of the West (of Morocco); the Ṣanhādja were Berbers of the Sahara, they occupied the entire large region from southern Morocco to Mauritania and from southern Morocco to Timbuctou. They are pure Berbers, although some of them pretended to an Arab origin, because it was tantamount to prestige. The migration of the Ṣanhādja began with the formation of the great empire of the Almoravids.

The Ṣanhādja of the Rīf, for example, are a part of the Ṣanhādja who fled the Almohads during the change of dynasty in the Maghrib and took refuge in the high mountains of the Rīf to protect themselves from Almohad attacks.

Today the vast majority of the Ṣanhādja are in Morocco, in the Rīf, the Middle Atlas

and the south-east of that country among the Chleuh, especially in the south-eastern *ksours* like Figuig.

A part of the Tuareg belongs to the Ṣanhādja too. Tin Hinan, the princess of Tafilalet in southern Morocco who is considered to be the mother of the Tuareg, was of Ṣanhādja origin. Finally, the tribes Zwaya, and Telamides of the Moroccan Sahara and Mauritania are of Ṣanhādja descent but were Arabized following the victory of the Banū Hassān (Arab) on the Ṣanhādja in what is called the *trab el bidhan* (southern Morocco, Tindouf and Mauritania). The great Rguibat tribe would be Ṣanhādja as well as the Teknas of southern Morocco.

There are also some groups of Ṣanhādja in northern Algeria among the Kabyle who are the descendants of the Zīrid and Hammādid dynasties. As soon as this fact is attested in medieval genealogical traditions both of Yemen and of Maghrib. Their roots are most probably can be traced back from the Qaḥṭānite–‘Adnānite conflict in early Muslim Spain, where the Berber majority was considerably influenced by the Arab élite.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Algeria: History... 2000 — Algeria: History, Society and Culture / Collective coordinated by Hassan Ramaoun. L'Algérie: Casbah Editions, 2000, 351 p.
- Al-Hamdānī 1966 — *Al-Ḥasan al-Hamdānī*. Kitāb al-Iklīl / Taḥqīq Muḥammad b. ‘Alī al-Akwa‘ al-Ḥiwālī. Dj. 2. Cairo: Maṭba‘at al-Sunna al-Muḥammadiyya, 1966, 691 p.
- Al-Idrīsī 1972 — *Al-Idrīsī*. Opus geographicum sive «Liber ad eorum delectationem qui terras peragrarare studeant» consilio et auctoritate E. Cerulli, F. Gabrieli, G. Levi Della Vida, L. Petech, G. Tucci una cum aliis ediderunt A. Bombaci, U. Rizzitano, R. Rubinacci, L. Veccia Vaglieri. Fasc. 3. Neapoli; Romae: Prostat apud E. J. Brill, Lugduni Batavorum, 1972, 112 p.
- ANTROPObiologia, ANTROPOgenetika ... — ANTROPObiologia, ANTROPOgenetika, PaleoANTROPOlogia www.didac.ehu.es; The University of Chicago Press. Available at: www.journals.uchicago.edu (accessed: 10 November 2017).
- Baron de Slane 1852 — *Baron de Slane* [McGuckin W.] Histoire des Berbères et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale de Ibn Khaldoun. Alger: Imprimerie du Gouvernement, 1852, 208 p.
- Al-Bakrī 1859 — *Baron de Slane* [McGuckin W.] Description de l'Afrique septentrionale de Al-

- Bakrī. translator and editor. Paris: Imprimerie Impériale. Revised edition with corrections (1913), Tangiers: Adolphe Jourdan, 1859, 405 p.
- Bellil 1999 — *Bellil R.* Les oasis du Gourara (Sahara algerien), National Institute of Oriental Languages and Civilizations, Berber Research Center, Louvain: Peeters Publishers, 1999, 307 p.
- Bellil Kabylia // Berber Encyclopedia Online — *Bellil R.* Kabylia: The region in Arab writings // Berber Encyclopedia, 26: Judaism – Kabylie. Available at: <http://archive.wikiwix.com/cache/?url=http%3A%2F%2Fencyclopedieberbere.revues.org%2F1405> (accessed: 10 September 2017).
- Breton 2012 — *Breton R.* Atlas of Minorities in the World. Paris: Autrement (Editions), 2012 (A Whole World in Cards), 135 p.
- Briggs 1995 — *Briggs L.C.* The Stone Age Races of Northwest Africa. Cambridge, MA: Peabody Museum, Bull. Amer. Sch. Prehist. Res., New Haven 18, 1995, 1–98.
- Briggs 1960 — *Briggs L. C.* Tribes of the Sahara. 15th edition. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1960, 295 p.
- Browne 1799 — *Browne W. G.* Travels in Africa, Egypt, and Syria from the year 1792 to 1798. London: T. Cadell and W. Davies Junior, 1799, 496 p.
- Camps 1980 — *Camps G.* Berbères aux marges de l'Histoire, Paris: Éditions des Hespérides, 1980, 348 p.
- Camps 1974 — *Camps G.* Islam, Society and Community Anthropology of the Maghrib / Under the direction of E. Gellner. Paris: CNRS Publishing, 1974, 294 p.
- Camps Branes // Berber Encyclopedia Online — *Camps G.* Branes // Berber Encyclopedia, 11: Bracelets – Caprarienses. Available at: <http://archive.wikiwix.com/cache/?url=http%3A%2F%2Fencyclopedieberbere.revues.org%2F1836> (accessed: 7 October 2017).
- Camps Gudāla / Guezula // Berber Encyclopedia Online — *Camps G.* Gudāla / Guezula // Berber Encyclopedia, 21: Gland – Hadjarien. Available at: <http://archive.wikiwix.com/cache/?url=http%3A%2F%2Fencyclopedieberbere.revues.org%2F1788> (accessed: 7 October 2017).
- Strabo XVII — The geography of Strabo. With an English translation by Horace Leonard Jones, vol. VIII, Book XVII, Harvard University Press: London, 1967, 533 p.
- Caskel 1966 — *Caskel W.* Ġamharat an-nasab: das genealogische Werk des Hišām Ibn-Muḥammad al-Kalbī. Leiden: Brill, 1966. Bd I. Taf. 274.
- Colin 1936 — *Colin G. S.* Morocco. VII: Linguistic survey // Encyclopedia of Islam. Leiden; E. J. Brill, London: Luzac & Co, 1936, 654 p.
- Dauré-Serfaty 1993 — *Dauré-Serfaty Ch.* Mauritania. Paris: Editions L'Harmattan, 1993, 239 p.
- The linguistic database Ethnologist — Zenaga. A language of Mauritania // Ethnologue. Language of the World. Available at: <http://archive.wikiwix.com/cache/?url=http%3A%2F%2Fwww.ethnologue.com%2Flanguage%2Fzen> (accessed: 10 October 2017).
- Senhaja Berber — Senhaja Berber. Available at: <http://www.unesco.org/languages-atlas/fr/atlasmap/language-id-1288.html> (accessed: 17 November 2017).
- Grabmeier & Davis 2004 — *Grabmeier J.* When Europeans were Slaves: Research Suggests White Slavery was much more Common than Previously Believed // Davis R. (ed.) Christian Slaves; Muslim Masters. London: Palgrave Macmillan, 2004, 354 p.
- Hachid 2001 — *Hachid M.* Les premiers Berbères: entre Méditerranée, Tassili et Nil. Edisud: Aix-en-Provence, 2001, 316 p.
- Ilahiane 2006 — *Ilahiane H.* Historical Dictionary of the Berbers (Imazighen). Lanham, Md: Scarecrow Press Inc., 2006, 360 p.
- Imād al-Mighrī 2006 — *Imād al-Mighrī*, The state and the ethnic question in Mauritania. Consequences on fertility and reproductive behavior of minorities // *Insāniyyat*, № 32–33, April – September 2006.
- Janier 2017 — *Janier É.* (1945) The Bettiwa of Saint-Leu // *Revue Africaine* (Algerian Historical Society, Pub. Univ. Algiers), vol. 89, n° 402–403, 2017.
- Jolly Maps — *Jolly J.* L'Afrique et son environnement européen et asiatique, atlas historique, Paris: L'Harmattan, Maps, 2002, 118 p.
- Julien 1994 — *Julien, Ch.-A.* Histoire de l'Afrique du Nord: Des origines à 1830. Paris: Éditions Payot et Rivages, 1994, 866 p.
- Ibn Khaldūn 1925 — *Khaldun I.* 'Abd al-Rahman Ibn Muhammad. Histoire des Berberes et des dynasties musulmanes de l'Afrique septentrionale [History of the Berbers and the Muslim Dynasties of North Africa]. W. de Slane., trans. 1 vol. Paris: Librairie orientaliste Paul Geuthner, 1925, 273 p.
- Kitouni 2013 — *Kitouni H.* The Eastern Kabylie in History. Paris: Harmattan, 2013, 272 p.
- Lafkioui 2008 — *Lafkioui M.* Dialectometry analysis of Berber lexis. *Folia Orientalia*, *Folia Orientalia* 44, 71–88, 2008.

- Lafkioui 2007 — *Lafkioui M.* Linguistic Atlas of Berber Varieties of the Rif // *Berber Studies*, vol. 16 (Köppe, 2007), pp. 219–228.
- Laporte 2005 — *Laporte J.-P.* Ketama, Kutama // *Berber Encyclopedia*, 27, 2005, pp. 4179–4187. Available at: <http://journals.openedition.org/encyclopedieberbere/1346>.
- Leo Africanus 1896 — *Leo Africanus*. The History and Description of Africa / Ed. by R. Brown. Vol. 1. London: Hakluyt Society, 1896. Available at: <https://archive.org/details/historyanddescr01porygoog>.
- Masoudi 1861–1877 — *Masoudi*, Les Prairies d’Or. Texte et traduction par C. Barbier de Meynard et Pavet de Courteille, vol. I–IX. Paris: Society Asiatique, 1861–1877, vol. III.
- McDougall 1985 — *McDougall, E.* Ann. The view from Awdaghost: war, trade and social change in the southwestern Sahara, from the eighth to the fifteenth century”, *Journal of African History*, Cambridge University Press, 1985, 26 (1): 1–31.
- Mercier 1830 — *Mercier E.* Histoire de l’Afrique septentrionale (Berbérie) depuis les temps les plus reculés jusqu’à la conquête française. Paris. Édition Ernest Leroux, Tome I, 1830, 627 p.
- Meynier 2010 — *Meynier G.* Algeria, the Heart of the Classical Maghrib: from the Islamic-Arabic Opening to the Withdrawal (698–1518). Paris: La Découverte, 2010, 460 p.
- Nantet 2013 — *Nantet B.* The Sahara: History, Wars and Conquests. Paris: Tallandier, 2013, 399 p.
- Al-Ḥimyarī 1378 — *Nashwān b. Sa’īd al-Ḥimyarī*. *Mulūk Ḥimyar wa-aqyāl al-Yaman (al-qaṣīda wa-sharḥu-hā) / Taḥqīq ‘Alī b. Ismā’īl al-Mu’ayyid, Ismā’īl b. Aḥmad al-Djarāfī*. Cairo: al-Maṭba’a al-Salafiyya wa-Maktabatu-hā, AH 1378, n. 1.
- Prasse 1970 — *Prasse K.-G.* The Reconstruction of Proto-Berber Short Vowels. – *Colloquium on Hamito-Semitic Comparative Linguistics (working papers)*. L., 1970, 253 p.
- The Sahara of the Sanhaja — The Sahara of the Sanhaja. Available at: <http://www.artsouk.com/index.php?display=937&module=article> (accessed: 11 January 2018).
- UNESCO Atlas... — UNESCO Atlas of Endangered Languages in the World [Online <http://www.unesco.org/languages-atlas/fr/atlasmap/language-id-1288.html> 17.11.2017].
- Пиотровский 1977 — *Пиотровский М. Б.* Предание о химйаритском царе Ас’аде ал-Камиле, М.: Наука; Глав. ред. вост. лит. 1977, 220 с. [Piotrovsky M. B. *Predanie o khimyaritskom tsare* [The tale about the Himyarite King As’ade al-Kamil]. Moscow: Nauka; Vost. Lit. 1977, 220 p.]
- Поплинский 1978 — *Поплинский Ю. К.* Из истории этнокультурных контактов Африки и эгейского мира. М.: Наука. 1978, 204 с. [Poplinsky Yu. K. *Iz istorii etnokul’turnykh kontaktov Afriki i egeyskogo mira* [Excerpts from the history of ethno-cultural contacts between Africa and the Aegean civilization]. Moscow: Nauka. 1978, 204 p.]

Происхождение конфедерации берберских племен *санхаджа* (Ṣanhādja)

Анастасия Владимировна Степанова¹

¹ преподаватель, Департамент востоковедения и африканистики, Высшая школа экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация), аспирант Института восточных рукописей РАН. E-mail: nastia.7373@mail.ru

Аннотация. В статье представлен анализ источников средневековой истории Магриба в целях идентификации происхождения берберского племенного объединения *санхаджа*. Исследование включает в себя анализ территорий, предположительно занимаемых ветвями этой племенной конфедерации, в дополнение к миграционным путям йеменского региона, центральной Сахары и Магриба; историю берберов, в основном основанную на текстах Ибн Халдуна, его описании истории региона, генеалогического древа берберских племен и семей. Кроме того, чтобы воссоздать более полную картину смешения народов, мы должны учитывать демографический вклад арабов и народов европейского континента. Йеменцы сыграли свою роль в Магрибе, но настоящая арабизация произошла не ранее XI в., поэтому вопрос заключается в более ранних отношениях между арабскими племенами. С другой стороны, существует демографический вклад, который систематически недооценивается в Магрибе, рабов субсахарского происхождения, оказавших гораздо большее влияние, нежели принято считать.

Различные социальные и политические условия на Ближнем Востоке и в Северной Африке, а также эволюция исламской письменной традиции на арабском языке в раннем средневековье объясняют множественность и неоднородность данных о берберах в арабских исторических работах. Таким образом, крайне желательно точное и последовательное изучение всех доступных источников. Корреляция средневековых и современных регионов, различное правописание топонимов и племенных имен, описываемых авторами того периода, разные подходы к восприятию исторического процесса, не говоря о возможности фальсификаций, усложняют изучение проблемы. Трудность также заключается в том, что некоторые источники предоставляют противоречивую информацию, которая заставляет сомневаться в их правдивости. Поэтому тема, безусловно, заслуживает подробного изучения.

Ключевые слова: берберы, Северная Африка, Санхаджа (Ṣanhādja), генеалогия, средневековье, история

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 14–19, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-14-19
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 821.512.36

The Bogd Khan's Imperial Seals: Meanings and Symbols

Nyamdorj Dagjiraazai¹

¹Lecturer, Department for Literary and Art Studies, National University of Mongolia (Ulaanbaatar, Mongolia). E-mail: galdma@yandex.ru

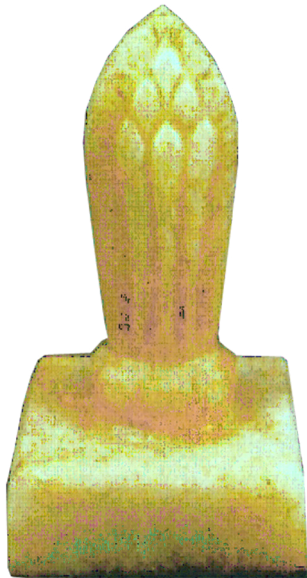
Abstract. Outer Mongolia officially declared independence from the Qing dynasty under the rule of the 8th Bogd Jebsundamba Khutuktu on 29 December 1911, and the latter was enthroned as *olnoo urgugdsun* (Mong. 'elected by the many') Emperor of Mongolia. The sun-like radiant one supposed to have prospered for tens of thousands years, the holder of religion and power Bogd Khan accepted three seals: two for state affairs, and one for religion. The use of the seals for state affairs was legalized in the 30th volume of Mongolia's Code of Laws: 'Article 1. The sun-like radiant, tens of thousands years old, holder of religion and authority, Bogd Khan has one Jade seal and one Silver seal. The seals must be used for judicial pardons, official orders, to grant teachings, blessings, and yellow ribbon credentials'.

The Jade seal is the first seal of the Ruler of Mongolia bearing the legend '*The imperial seal of His Holiness Bogd Khan who holds both religion and power*' inscribed in Soyombo, Classical Mongolian and Phags-pa, and was used to seal orders. The weight of the seal is 5 kg. In the upper left part there is a Soyombo symbol; in the middle one can see the mentioned inscription in Classical Mongolian, duplicated and on the left in Phags-pa and on the right — in Soyombo. The measurements of this seal are 8.5 cm x 8.5 cm, and according to a legend the handle was made of Cintamani — the Wish Fulfilling Stone.

In addition to the Jade seal which was actually a replica of traditional seals once used in the Great Mongol Empire, the Bogd Khan also used a seal made of pure silver bearing the same legend — for state affairs. In terms of size, the Silver seal was 1.5 cm wider than the Jade one and weighed 5,89 kg. Its handle was in the form of a lion's head. The inscription — in Classical Mongolian — in the left said: '*May the Teaching be pure!*'; the one on the right said: '*May the state be inviolable!*' These illustrate the then aspiration of the Mongols to keep the holy Teaching pure and to strengthen their state. At the top of the seal one can read the engraved word 'sky', at the bottom — the word 'earth'. When combined with the words 'peace' and 'tranquility' engraved on the handle respectively, those reveal some deeper meanings, i. e. 'peaceful sky' and 'tranquil earth'.

Keywords: Bogd Khan, imperial seals, Jade seal, Silver seal, Soyombo symbol, inscriptions on seals, meanings and symbols

VIII Богд Жавзандамба хутагт (1869–1924)-ын удирдлагаар монголчууд Манж Чин улсаас 1911 оны 12 дугаар сарын 29-ний өдөр тусгаар тогтнож буйгаа албан ёсоор зарлан тунхаглаж Олноо өргөгдсөн Монгол Улсын эзэн хаанд түүнийг ёслол төгөлдөр өргөмжлөн залжээ. Шашин, төрийг хослон баригч, наран гэрэлт, түмэн наст Богд хаанд гурван тамга өргөн барьсны хоёрыг нь төрийн хэрэгт, нөгөөг нь шашны хэрэгт тус тус даран хэрэглэдэг байв. Төрийн хэрэгт дардаг байсан тамгадыг Монгол Улсын Хууль зүйлийн бичгийн 30 дугаар дэвтэрт «Нэгэн зүйл. Шашин төрийг хослон мандуулагч Наран гэрэлт түмэн наст Богд хааны хас эрдэнэ тамга 1, мөнгөн эрдэнэ тамга 1. Үүнийг аливаа тархаах зарлиг, хэлтрүүлэх зарлиг, ухуулах, сургах, өргөмжлөл, жуух шар торгоны бичигт дарж хэрэглэнэ» [Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль... 1995: 126] хэмээн хэрэглээг нь хуульчлан заажээ.

Зураг 1. Богд хааны хас эрдэнэ тамга

«Шашин төрийг хослон баригч, наран гэрэлт Богд хааны тамга» хэмээх үгсийг соёмбо, монгол, дөрвөлжин гурван үсгээр бичсэн эл цагаан хаш тамга бол «Зарлигт дардаг Монгол Улсын эзэн хааны нэгдүгээр тамга юм» [Монголчууд 2016: 98]. Он цагийн хувьд «Хаш тамгыг Олноо өргөгдсөний 2 дугаар он буюу 1912 онд бүтээлгэсэн нь магадтай боловч уг ажлыг Дотоод яамнаас эрхлэн гүйцэтгэсэн байх

тул Хүрээний хэргийг ерөнхийлэн шийтгэх газар өмнө нь эл тухай сураглаж мэдсэн гэсэн үг бололтой байна. Өөрөөр хэлбэл Монголын тусгаар тогтнол, төр улсаа сэргээн тунхаглаж, Богдыг улсын эзэн хааны суудалд залсан 1911 оны 12 дугаар сарын 29-нөөс өмнө тамга хийлгэхээр цагаан хашны талаар сураг гаргаад тамгыг чухамдаа дараахан нь буюу 1912 оны зун, намар хийлгэсэн бололтой байна гэж түүхч О. Батсайхан үзжээ» [Батсайхан 2014: 187]. Үнэхээр ч Монгол Улсын эзэн хааны тамгыг юугаар хийвэл зохистой талаар урьдчилан хэлэлцэж, Чингис хаанаас уламжлалтай хасбуу тамганы утга бэлгэдлийг бодолцон цагаан хашаар хийхээр тогтож, тохирох чулууг авчирсан хүнд шан харамж өгөх зарлиг дээд яамнаас гарган эрэл сурал болж байжээ.

Энэ үед «Цэцэн чин вангийн хошууны Цэнд зайсан гэгч хүн уг хошууны Сүмбэр нэртэй газраас нэгэн бүхэл хаш мэт цагаан өнгөтэй чулууг олж өвөртлөн хүрээнд иржээ. Үнэт эрдэнэс авдаг нэгэн пүүсийн эзэнд чулуугаа үзүүлтэл 100 лангаар авъяа гэж гуйжээ. Цэнд зайсан эд өлгийн зүйл хийлгэвэлилүү үнэ хүрэх чулууг гэж ойлгосон бололтой. Энэ тухайгаа тэр нутгийн хүмүүст ярьсан нь цэцэн чин ван Гомбосүрэнгийн сонорт хүрч чулууг авчруулахаар зарлага явуулжээ. Төрд хэрэгтэй чулуу өөрт нь байгаа гэдгийг дуулсан Цэнд зайсан яаравчлан явсаар Гомбосүрэнд бараалхаж чулуугаа үзүүлэхэд тэрээр: „Дээд яамны олон түшмэд мяндагтны дунд чи чулууг авч орвол үл ойшооно. Харин миний бие ван хүн учраас өөрөөр үнэлэн хүлээн авах болно“ гээд хаш чулууг авч Цэндэд цөөн мөнгө өгөөд буцаажээ. Гэтэл Цэнд зайсанд цагаан хаш байсан тухай мэдээ бусад сайдуудын чихэнд хүрчээ. Учрыг тунгааваас Цэцэн чин ван Гомбосүрэн, Цэнд зайсанд чулууны үнийг бүрэн гүйцэт өгсөнгүй, хуурамтгай явдал үйлдсэн гэсэн хэрэг мандаж улмаар Богд эзэнд толилогдсон байна. Уг айлтгал бүхий нугалбарт Богд хаан улаан бийрээр цохсон зарлиг нь: Гомбосүрэн ингэж доордыг дарлан басхүү зүйл үгүй бээр гоёлхийлэн явсан нь үнэхээр нийлэлцэхгүй, зүй нь чангалан шийтгэж цээрлүүлбээс зохих боловч уг зүйл эрхэм чухлын тул, бэлгийг бодож шийтгэлийг уучлан хэлтрүүлж энэ удаа Гомбосүрэнгээс 500 ланг хөөн гаргуулж Цэндэд шагнал олгуулаад, түүнийг нэвширтэл донгодогтун. Цэнд нь даруй хувь зохиолтой хүмүүн мөний тул,

үе улиран дэд зэрэг жинс шагнагтун хэмээн тушаан явуулагтун гэжээ. Ийнхүү Монгол улсын төрийн тамгыг сийлэх хаш эрдэнийг олсон түүхтэй юм» [Өлзийдолгор 1999: 83–84] байна. Богд хаан «бэлгийг бодож уучлан хэлтрүүлсэн» ч «Гомбосүрэн чулууны эзэн Цэндэд очих учиртай 500 ланг завшсан тул <...> Дотоод яамны дэд сайд, Сэцэн хан аймгийн чуулганы даргын албанаас огцорчээ» [Батсайхан 2014: 188].

Дотоод яамны сайд, Да лам Цэрэнчимэд «хааны тамгыг гадаад хүнээр хийлгэхгүй, өөрийн монгол хүнээр хийлгэж, түүхэнд тэмдэглэнэ» [Намнандорж 2005: 189] хэмээн шийдсэнээр энэхүү хүндтэй, түүхэн үүргийг Зүүн хүрээний Вангай аймгийн хар гарт Лувсангомбо (Зарим сурвалжид Гомбо гэсэн буй) хүлээж «Өнгөт наран гэрэлт Богд минь хаан суулаа. Өвгөн би түүний тамгыг өндөр уулын өвөрт эхлэн урлаж, өргөн голын захад үзэсгэлэн сайхнаар үйлдэн төгсгөх түмэн үеийн түүх хэрэг» [Намнандорж 2005: 189] гэж ихэд бэлгэшээн нэр төртэйгээр биелүүлжээ. Богд хаан ч түүний хичээл зүтгэлийг өндрөөр үнэлж сар бүр 30 лангийн цалин олгож байх зарлиг буулгасан байна.

Зураг 2. Хас эрдэнэ тамганы бичээс

Хар гарт Лувсангомбын, таван килограмм цагаан хашаар урласан энэ тамганы зүүн дээд буланд соёмбо тэмдэг, төв дунд нь монгол бичгээр бичсэн «Шашин, төрийг хослон баригч, наран гэрэлт Богд хааны тамга» гэх үгсээ зүүн талд нь дөрвөлжин бичгээр, баруун талд нь

соёмбо бичгээр тус тус зэрэгцүүлэн бичжээ.

«Үүний дөрвөлжин бичиг нь эртний Юан улсын үед Пагва ламын зохиосон их гүрний эрхэм үсэг болохын дээр энэ үсгээр бичсэн хоёр мөр нь Жавзандамба хутагт болбоос эртний Юан улсын Хувилай сэцэн хааны адилаар төр шашны хэргийг хослон барьж лам харын засгийг нэгтгэн явуулсныг бэлэгдсэн [бэлэгдсэн. — Д. Н.] утгатай ажээ. Харин соёмбо үсгээр бичсэн найман мөр нь монголын анхдугаар богд Өндөр Гэгээний дараах найм дахь богдын үед монгол тусгаар тогтносон улс болсныг бэлэгджээ [бэлэгджээ. — Д. Н.]» [Нямбуу 1990: 41]. Эдгээр бичээсийн бэлгэдлийн талаар судлаач Х. Нямбуугийн дэвшүүлсэн саналуудтай түүхч Д. Өлзийдолгорын тайлбар таарч байна.

Харин соёмбо тэмдгийн тухайд хүн, төр хоёрын ойлголтыг төлөөлнө. Тамганы бариулыг хаан төрийн долоон эрдэнийн нэг болох зэндмэнийн хэлбэртэй урласан нь монголчуудын юу санасан есөн цагаан хүсэл цаг үргэлжид сэтгэлчлэн бүтэж, элгээрээ энх амгалан, төрлөөрөө түвшин амгалан амьдрахыг бэлгэддэг. Тамганы хэмжээ нь 8.5*8.5 см болно [Содномбалжир, Жамсранжав, Гэрэлмаа 2002: 20]. Улных нь зузааны дээд талд «Тэнгэр» гэсэн үг, харин доод талд нь «Газар» гэсэн үгийг тус тус сийлсэн нь тамгаа дарахад үсгийн толгой хааш харж буйг алдалгүй мэдүүлдэг байна. «Энэ тамгыг бүтээгээд тусгайлан ном уншиж ариутган аравнайлжээ» [Нямбуу 1993: 9–10].

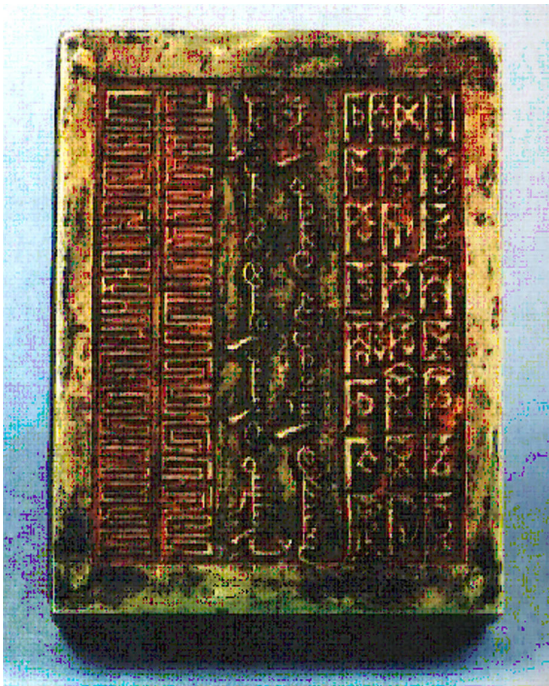
Уламжлалын үүднээс үзвэл Их Юан гүрний үед төрийн дээд зэргийн хэрэгт хаш тамга дардаг байсныг хадгалсан байна. Тамганы үгийг дөрвөлжин үсгийн хичээнгүй тэг болон эвхмэл тигээр бичиж, аливаа тамга бичгийг зөвхөн дөрвөлжин бичгээр явуулахыг тушаасан Хубилай хааны зарлиг Богд хааны хас тамганд уламжлан шингэжээ. Дээр нь Манж Чин улсаас аймгуудын ханд олгож байсан, эхний мөрүүд нь манж, удаах мөрүүд нь монгол бичигтэй тамгуудыг бүрэн халж «Тамганы төв хэсэгт цөм соёмбын э-бам, зүүн баруун этгээдэд монгол үсэг сийлэгтүн» [Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир 2003: 61] хэмээн хуульчилсан нь «Шашин төрийг хослон өрнүүлэгч, улсын эх дагины тамга»-аас доошлон бүх шатанд хэрэгжжээ. Харин гагц Богд хааны хас эрдэнэ тамга болон бусад тамганд соёмбо, дөрвөлжин, түвд бичгийг хослуулан хэрэглэсэн нь «Шашин,

төрийг хослон баригч» гэх утга бэлгэдлийг тодотгож байна.

Их Монгол Улсын төрийн хасбуу тамгыг уламжлан сэргээж хаш чулуугаар хийсэн энэ тамганаас гадна Богд хаан цалин мөнгөөр хийсэн, бичээсийн хувьд үүнтэйгээ адилхан тамгыг төрийн хэрэгт давхар хэрэглэж байжээ.

Зураг 3. Богд хааны мөнгөн эрдэнэ тамга

Зураг 4. Мөнгөн эрдэнэ тамганы бичээс

Зураг 5. Мөнгөн эрдэнэ тамганы дардас

Хэмжээний хувьд мөнгөн тамга нь хаш тамганаасаа 1.5 см илүү бөгөөд 5.890 кг жинтэй, бариул нь арслангийн дүртэй. Тамганы зүүн хажуу талд «шашин маш тунгалаг», баруун хажуу талд «төр маш бат» гэж монгол бичгээр бичсэн нь монголчуудын шүтэн биширч буй Бурханы шашин ариун тунгалаг, өргөн дээдэлж буй төр үргэлжид бат байхыг тус тус бэлгэдэн ерөөсөн хэрэг юм. Мөн тамганы дээд хажууд «тэнгэр», доод хажууд «дэлхий» хэмээсэн нь тамга дарахад бичээсийн толгой хааш харж буйг заахаас гадна дээд хэсэгт, эдгээр үгсийн харалдаа, бариулны хажууд буй «энх», «төвшин» гэсэн үгстэй нийлж «тэнгэр энх», «дэлхий түвшин» гэх гүн утга санааг илэрхийлж байна.

Тамганы дээр, бариулны зүүн, баруун этгээдэд «Цагаагчин гахай жилд бүгдээр өргөмжлөн өргөв» гэсэн нь уг тамгыг хэзээ үйлдэн Богд хаанд өргөснийг хэлж буйгаас гадна тамгыг баригчийг хэзээ хаан ширээнд залсныг давхар илтгэж буй бололтой. Энэ бичээс тамганы дээр, бариулны өмнө, умард этгээдэд буй «энх», «түвшин» гэх үгстэй нийлж «Цагаагчин гахай жилд энх түвшин бүгдээр өргөмжлөн өргөв» гэсэн утгын нийлэмж үүсгэж буй нь сонирхолтой. Төрийн хэрэгт хэрэглэж байсан, Богд хааны эдгээр хас эрдэнэ болон мөнгөн эрдэнэ тамга эдүгээ Монгол Улсын Эрдэнэсийн санд хадгалагдаж байна.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль...
1995 — Зарлигаар тогтоосон Монгол Улсын хууль зүйлийн бичиг / монголоос кирилл бичигт буулгасан О. Батсайхан, З. Лонжид, Ч. Хажидсүрэн. Улаанбаатар: Монсудар хэвлэлийн газар, 1995. 234 х. [*Zarligaar togtooson Mongol Ulsyn khuul' zүйliyn bichig* [Legislative acts of the Mongol state: laws and decrees]. О. Batsaykhan, Z. Lonzhid, Ch. Khazhidsüren (translitr.). Ulaanbaatar: Monsudar, 1995. 234 p.]
- Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир 2003 — Зарлигаар тогтоосон Монгол улсын шастир. Тамга тэмдэг, хааны эрдэнэ тамгыг дарж хэрэглэх нь. 30 дугаар дэвтэр / эрхлэн хэвлүүлсэн О. Батсайхан, З. Лонжид. Улаанбаатар: «Чойжил» хэвлэлийн газар, 2003. 234 х. [*Zarligaar togtooson Mongol ulsyn shastir. Tamga temdeg, khaany erdene tamgyg darzh khereglekh n'. 30 dugaar devter* [A history of the Mongol state in its laws and decrees. Book 30]. О. Batsaykhan, Z. Lonzhid (eds.). Ulaanbaatar: Choyzhil, 2003. 234 p.]
- Монголчууд 2016 — Монголчууд: 1911–1924 онд (Тусгаар тогтнолоо сэргээн тунхагласан нь) / ерөнхий редактор О. Батсайхан. Гурав дахь хэвлэл. Улаанбаатар: Монсудар хэвлэлийн газар, 2016. 252 х. [*Mongolchuud: 1911–1924 ond (Tusgaar togtnoloo sergeen tunkhaglasan n')* [Mongols: 1911-1924 (proclamation and restoration of independence)]. О. Batsaykhan (ed.). 3rd ed.. Ulaanbaatar: Monsudar, 2016. 252 p.]
- Батсайхан 2014 — Батсайхан О. Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба / нягтлан зөвлөгч З. Лонжид. Нэмж баяжуулсан гурав дахь хэвлэл. Улаанбаатар: Монгол Улсын Шинжлэх Ухааны Академийн Олон Улс Судлалын Хүрээлэн. 2014. 708 х. [Batsaykhan О. *Mongolyn сүүлчийн ezen khaan VIII Bogd Zhavzandamba* [The 8th Jebtsundamba Khutuktu – the last ruler of Mongolia]. Z. Lonzhid (ed.). 3rd ed., suppl. Ulaanbaatar: Institute of International Relations, Mongolian Academy of Sciences, 2014. 708 p.]
- Өлзийдолгор 1999 — Өлзийдолгор Д. Монгол Улсын Төрийн тамга / хянан тохиолдуулж зөвлөсөн М. Санждорж. Улаанбаатар: «Одсар Системс» хэвлэлийн компани, 1999. 250 х. [*Ölziydolgor D. Mongol Ulsyn Tөriйн tamga* [Mongolian state seals]. М. Sanzhdorzh (ed.). Ulaanbaatar: Odsar Systems, 1999. 250 p.]
- Намнандорж 2005 — Намнандорж О. Бүрэн зохиолын эмхэтгэл. III боть. Улаанбаатар: «Бемби сан» хэвлэлийн үйлдвэр, 2005. 548 х. [Namnandorzh О. *Bүren zokhiolyn emkhetgel. III bot'* [Collected works. Vol. 3]. Ulaanbaatar: Bembi San, 2005. 548 p.]
- Нямбуу 1990 — Нямбуу Х. Өвөөгийн өгүүлсэн түүх. Улаанбаатар: Улсын хэвлэлийн газар, 1990. 88 х. [Nyambuu Kh. *Өvөөгийн өгүүлсэн түүх* [A history related by father]. Ulaanbaatar: State Publ. House, 1990. 88 p.]
- Нямбуу 1993 — Нямбуу Х. Олноо өргөгдсөн Богд хаант Монгол Улсын төрийн ёс, ёслол / хянан найруулж, эрхлэн хэвлүүлсэн Ц. Нацагдорж. Улаанбаатар: Ардын цэргийн хэвлэлийн «Шувуун саарал» компани, 1993. 72 х. [Nyambuu Kh. *Olnoo өргөгдсөн Богд khaant Mongol Ulsyn төriйн es, eslol* [Mongolia under the rule of the Bogd Khan: public laws and ceremonies]. Ts. Natsagdorzh (ed. and prep.). Ulaanbaatar: Shuvuun Saaral, 1993. 72 p.]
- Содномбалжир, Жамсранжав, Гэрэлмаа 2002 — Содномбалжир С., Жамсранжав Ө., Гэрэлмаа Д. Тамгачин. Улаанбаатар: Тамга тэмдгийн үйлдвэр, 2002. 176 х. [Sodnombalzhir S., Zhamsranzhav Ö., Gerelmaa D. *Tamgachin* [The Guardian of the Seal]. Ulaanbaatar: Tamga Temdgiyn Üyldver, 2002. 176 p.]

Смысл и символика императорских печатей Богдо-хана

Дагийраазайн Нямдорж¹

¹ преподаватель, кафедра литературоведения и искусствоведения, Монгольский государственный университет (Улан-Батор, Монголия). E-mail: galdma@yandex.ru

Аннотация. 29 декабря 1911 г. Монголия официально провозгласила себя страной, независимой от власти династии Цин; правителем был объявлен восьмой Богдо Джебзундамба-хутухта, удостоенный титула императора Монголии — «избранный многими» (монг. *олноо өргөгдсөн*). Богдо-хан, наделенный духовной и светской властью, принял три печати — две для светской политики, одну для религиозной, что было закреплено в пункте 1 тридцатого тома свода законов Монголии: «Подобный солнцу, держатель духовной и светской властей, чей возраст насчитывает десятки тысяч лет, Богдо-хан обладает двумя печатями — нефритовой и серебряной. Они должны применяться для помилований, указов, дарования Учений, благословений, грамот с желтой лентой».

На нефритовой печати, которая использовалась для указов, на письменности *соёмбо*, классическом монгольском и квадратном письме выгравирована следующая надпись: «Императорская печать Его Святейшества Богдо-хана, держателя духовной и светской властей». Эта печать весом 5 кг сделана из нефрита, в верхнем левом углу находится символ *соёмбо*, в центре расположена надпись на классическом монгольском, слева — на квадратном письме, справа — на письменности *соёмбо*. Размеры печати — 8,5х8,5 см; ручка, согласно легенде, выполнена из чинтамани — камня, исполняющего желания.

Наряду с нефритовой печатью, изготовленной по образцу традиционной печати великой Монгольской империи, Богдо-хан также использовал печать из чистого серебра с той же надписью для светской политики. По размерам она была больше нефритовой на 1,5 см, ее вес составлял 5,89 кг; ручка была сделана в форме головы льва. В левом углу расположена надпись: «Пусть Учение будет незапятнанным!», в правом — «Пусть государство будет нерушимо!» на классическом монгольском языке. В этих надписях нашли выражение надежды монголов на сохранение чистоты Учения и нерушимость империи. В верхней части печати выгравировано слово «небо», в нижней — «земля», слева и справа от ручки — «мир» и «спокойствие». Таким образом, эти слова составляли две наделенные глубоким смыслом фразы «мирное небо» и «спокойная земля».

Ключевые слова: Богдо-хан, императорские печати, нефритовая печать, серебряная печать, символ *соёмбо*, надписи на печатях, смысл и символика

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 36, Is. 2, pp. 20–28, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-20-28
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94

The Tibetan Context in Khoshut-Qing Relations: from Equality to Subordination

Baatr U. Kitinov¹

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Associate Professor, Department of General History, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: kitinov@mail.ru

Abstract. Between the 1600s and 1630s, the Khoshuts were the most powerful Oirat tribe. Therefore, when the leaders of the Gelug school made an appeal to Oirats for military assistance in the intersect struggle in Tibet, the *chuulgan* (Mong. 'congress') of Oirat rulers made a decision to send some combined forces to the Land of Snows. After the successful campaign of the Khoshut Güshi Khan in 1637–1642, the Fifth Dalai Lama Lobsang Gyatso, who became the spiritual and secular head of Tibet, granted him and his descendants the titles 'Ruler of Faith' (Tib. *chogyal*) and 'King of Tibet' (Tib. *gyalpo*). Then, Güshi Khan established close relations with the Manchu Qing dynasty, the new rulers of China, and managed the organization of his own state in Qinghai for which he wrote the main legislative act known as *Khökhnuuryu chuulgany tsaazyn bichig*. However, his sons divided the domain into two parts — Tibetan and Kokonor (Qinhai) ones between which, especially at the time of Gyalpo Lhabzang, Gushi Khan's grand-grandson, tensions and hostility arose. Lhabzang also entered into a confrontation with the powerful *desi* (Tib. 'regent') Sangye Gyatso which resulted in death of the latter in 1705. The Sixth Dalai Lama Tsangyang Gyatso's displacement by Lhabzang and the appointment of the new Dalai Lama, Ngawang Yeshe Gyatso, led to an escalation of hostilities with other Oirats which resulted in the capture of Lhasa by the Dzungars in 1717 and the establishment — due to the Qing support — of the Seventh Dalai Lama Kelzang Gyatso's rule in Tibet. The Qing government had approved a new administrative structure in Tibet — *Kashag* — the leaders of which Kanchenne and Pholanay had somewhat special relationships with the Khoshuts: the first one was Lhabzang's son-in-law, and the latter was considered an incarnation of Galdan Tsewang, Güshi Khan's grandson. Khoshuts were viewed upon by the Fifth Dalai Lama as an important force for the future of the Gelug school, and Manchus also intended to preserve the role of Khoshuts in Tibet, but after the 1723 attempted Kokonor uprising by Luvsandanzan in the region, Beijing completely and dramatically changed its policies: the Khoshuts lost the right to be kings of Tibet, and were incorporated into the Qing Empire.

Keywords: Güshi Khan, Dalai Lama, Kokonor, Lhabzang, Khoshut, Qing

Введение

Первая треть XVII в. была особенным периодом в истории ойратов и школ тибетского буддизма, в некоторой степени имевших схожие процессы. У первых происходило политическое и этническое размежевание, хотя все еще сохранялось понимание необходимости единства в особенных случаях. У вторых подобное размежевание основывалось на борьбе за власть (Карма Кагью) и выживание (Гелук), когда религиозные контексты оказались тесно переплетены с политическими, и ни о каком единстве не могло быть и речи. Неудивительно, что в ситуацию оказались вовлечены соседние народы, в частности, монголы и ойраты. Для последних буддизм имел особое значение, он оказывал сильное воздействие на этническое и политическое развитие ойратского сообщества; вместе с тем, как представляется, он в известном смысле способствовал сохранению и актуализации традиционных для ойратов идей и представлений о взаимодействии власти и религии (идеологии), когда духовному фактору уделялось первостепенное значение. Данный дискурс также сыграл свою роль, когда лидеры Гелук обратились за помощью к ойратам. Дальнейшее развитие событий будет характеризоваться вовлечением, в нарастающей степени, в процессы в Тибете и Цинхае (Кукунорский регион) маньчжурской Цинской династии.

Методология исследования

Особенности привлекаемых источников и материалов обусловили необходимость использования таких методов исследования, как логические, общенаучные и междисциплинарные; тем самым стало возможно провести анализ и сравнение исторических сведений, их обобщение, выделить специфику процессов, определить их этнический и религиозный контексты. Комплексное рассмотрение отдельных основных событий из истории отношений между хошутами и цинами, между самими хошутами позволяет указать на роль тибетских обстоятельств, как дополнительных, в подчинении данного ойратского народа Пекину.

Основная часть

Руководители ойратов приняли решение отправить объединенные силы в Тибет под командованием хошутского лидера Турубайху, именуемого также как Гуши-хан (1582–1654). Он сыграл выдающуюся роль в истории Тибета и был известен как Тен-

зин Чокьи Гьялпо (*bstan dzin chos kyi rgyal po*) — ‘Покровитель и Правитель Учения’; этот титул был вручен ему Далай-ламой Пятым Нгавангом Лобсаном Гьяцо (*ngag dbang blo bzang rgya mtsho*, 1617–1682) в центральном лхасском храме Джоканг в 1637 г. На этой же встрече было решено, что он со своим народом поселится у озера Кукунор; таким образом возникло Хошутское ханство [Успенский 2014].

Надо заметить, что военные действия Гуши-хана в период 1637–1642 гг. являются последними крупными военными операциями, проведенными совместными силами ойратов.

Деятельность Гуши-хана была подержана маньчжурами, которые спустя несколько лет станут новыми правителями Китая. Когда тибетские лидеры послали в 1637 г. посольство в Мукден ко двору маньчжуров, их сопровождали ойраты, скорее всего, хошуты. В ответ император Абахай, буквально годом ранее объявивший о начале династии Цин, через своих посланников отправил письма к тем, кто обращался к нему, в том числе и Гуши-хану, за помощью и поддержкой. Вот что было отмечено в письме к ойратскому лидеру:

«Великодушный, гуманный и совершенномудрый император Великой империи Цин шлет письмо Гуши-хану. Я узнал [о том, что в Тибете были] нарушавшие путь — дао и шедшие против учения [Будды] и что ты их покарал. Я обратил внимание на то, что с глубокой древности, когда управляли совершенномудрые ваны, буддийское учение никогда не прерывалось. [Поэтому и я] хочу в настоящее время оказать почести знаменитым монахам Тибета, для чего и послал совместно с Илагуксан-хутухтой послов [ко всем ламам] без различия цвета их облачения, будь оно красным или желтым, с тем чтобы они повсеместно выявляли [нужных] для распространения учения Будды и обеспечения государственного благополучия [лам]. Знай же это» [Мартынов 1978: 85–86].

Содержание письма и его покровительственный тон свидетельствуют о попытке маньчжурского лидера перенять китайскую традицию поддержки религии и ее использования в государственных интересах. Вместе с тем, это — один из ранних документов, подтверждающих высокое положение религии в период политических трансформаций у ойратов, тибетцев и маньчжуров.

Обсуждение

После 1642 г., когда враги Гелук были подчинены или уничтожены, Далай-лама и Гуши-хан установили отношения чой-йон (*chos-yon*) [Ruegg 2003], которые подразумевали союз между ламой-наставником и светским лидером-покровителем. Далай-лама получил поддержку хошутских войск по всему Тибету, и довольно скоро ситуация в Тибете была умиротворена после многих лет борьбы. Таким образом, благодаря поддержке Гуши-хана, возникло государство с религией в качестве руководящего принципа во всех сферах жизнедеятельности.

Гуши-хан в основном пребывал у Кукунора, приезжая в Лхасу по религиозным и политическим делам. Вероятно, одним из самых значительных достижений Гуши-хана в формулировании идеологических (религиозных) оснований своего государства следует признать составленное им законодательство.

Далай-лама отметил в Автобиографии, что высказал свое мнение по подготавливаемому Гуши-ханом основному законодательному акту (для хошут), и написал введение к уставу его правительства (*sog po'i gzhung*)¹. Гуши-хан является составителем такого важного юридического документа, как «Основное уложение кукунорского чулгана»² (*Хөхнуурын чуулганы цаазын бичиг*), в подготовке которого он опирался как на монгольские правовые традиции (например, подобное законодательство Алтан-хана), так и на мнения и знания своих близких друзей, например, дэси (*sde srid*) Соднама Рабтана (*bsod nam rab brtan*, также известный как *bsod nams chos 'phel*, занимал должность до 1659 г.). В документе значительное внимание уделено роли буддизма, в этой части оно также перекликается с ойратомонгольскими законами 1640 г. Х. Цэнгэл, написавший специальное исследование по этому малоизученному вопросу, отмечает, что «Основное уложение кукунорского чулгана» является важным редким историческим памятником [Цэнгэл 2017: 131].

Гуши-хан скончался в конце 1654 г. Более трех лет политические процессы в Тибете шли под контролем Далай-ламы и дэси, после чего в феврале 1658 г. тибетский ие-

парх назначил царем (*rgyal po*) Даяна (Далай Батура), старшего сына Гуши-хана.

Вот что записано в Автобиографии Далай-ламы:

«Глава Палкор Чойде, [которого звали] Чаган номон хан, и Сечен Понпо, искусные в традициях и потому много знающие в направлениях доктрины, на встрече с правителем Дордже рассказали ему о славной сущности этого события, подобной сверканию [солнца] в осенний день. В шестой день [я] возвел его на трон и официально назначил как Тензин Дордже Гьялпо. Красный и белый шелка, чай, одеяния и особые шерстяные одеяния, были во множестве преподнесены в больших наборах»³ [Ngag bdang 2012: 458]. В конце того же 1658 г. он стал хунтайджи: «Множество предметов, таких как одеяния, колчан, меч и т. д. в большом разнообразии были подарены Далай Батуре при официальном назначении на позицию Далай хунтайджи»⁴ [Ngag bdang 2012: 473]. При Даян-хане ситуация в Тибете в целом была спокойной, он скончался в 1670 г., после него царем (гьялпо) стал Далай-хан, его сын (правил до 1700 г.).

В 1697 г. Далай-хан решил послать к императору Канси гонцов с поздравлениями в связи с победой над джунгарским Галданом Бошокту ханом [Petech 1966: 268]. На чулгане тибетских и кукунорских хошут в Цаган Тологай было решено отправить к императору общую делегацию; Канси согласился принять ее в Пекине, куда посланцы во главе с Даши Батуром прибыли в начале 1698 г. Хошуты Тибета представлял Пунцог, один из братьев Далай-хана и Даши Батура.

Даши Батур (1632–1714), также известный как цингванг Батур тайджи, был младшим сыном Гуши-хана. Как и положено по традициям монгольских народов, как младший сын («отчигин») он возглавил хошуты Кукунора после смерти своего отца и объявления в 1658 г. Далай-ламой его брата Даяна

³ «cha gan no mon khan/ dpal 'khor chos sde'i mkhan po/ se chen dpon po can lugs de la mkhas pa mang po dang sde pa bka' bgros pa'i rdo rje re la 'phrod lam yod pa'i snyan pa dang bcas 'char ston byung ba bzhin tshes drug gi khri 'don skabs bstan 'dzin rdo rje rgyal po'i cho lo phul/ shal dkar dmar ja gos dang snam bu phung por spungs pa'i ster cha gtos che ba».

⁴ «gon pa/ sag thag ral gri sogs ster cha tshan grangs dang bcas da la'i pa thur la da la'i hung tha'i ji'i cho lo byin».

¹ «rgyal pos khrims yig mdzad rtsis dang sog po'i gzhung gi dan yig 'go brjod» [Ngag dbang 2012: 251–252].

² Чулган — съезд, конференция народных лидеров.

царем Тибета; фактически тогда случился распад хошутского ханства на «тибетскую» и «кукунорскую» части. Даши Батур так же, как и его брат, не был на стороне джунгарского Галдана Бошокту хана во время его войны с цинами, и поэтому, когда Галдан был разбит и покончил с собой, Даши Батур согласился возглавить хошутскую делегацию в Пекин, где ему и его сопровождению вручили титулы. Вот что сообщает «История Хо-Урлюка»:

«<...> в 40-м году¹ правления Энгкэ Амугулана² старшим³ был оставшихся из 10 сыновей Гүүши-хана Дашибаатур, и под его началом Кукунорский нутук принял подданство [Цинской империи]. Дашибаатуру был пожалован титул чин-вана, [другим] принявшим подданство князьям — титулы цзюнь-вана, бэйлэ, гуна. Всего за саками⁴ было назначено тридцать человек. После смерти Дашибаатуры его титул чин-вана наследовал его сын Лубсанг-Данджин» [История ... 2016: 34].

Л. Петек пишет, что в 1703 г. Даши Батур вновь встретился с императором в Сианьфу, «чем и подтвердил окончательное вхождение хошуты в политическую систему маньчжуров» [Petech 1966: 282]. Даши Батур был особенно близок с Панченем Лобсаном Еше (*blo bzang ye shes*, 1663–1737) и трижды посещал Ташилхунпо — в 1674, 1680 и 1690 гг., в интервалах и после 1690 г. к Панчену ездили его посланники. Но к Далай-ламе он лишь однажды послал своих представителей, что случилось в 1698 г., т. е. в тот год, когда он отправился в Пекин; «вероятно, это было что-то вроде уравнивания» [Petech 1966: 282]. Л. Петек считал его бледной фигурой, игравшей скорее разрушительную роль [Petech 1972: 22].

В 1712 г. Даши Батур совместно с Дайчин-Хошочи (также известный как Цаган Дандзин и Галдан Бошокту Эрдэни, ?–1735), который был сыном Бошокту джинонга и правнуком Гуши-хана, объявил об обнаружении инкарнации Шестого Далай-ламы в Литанге (Кхам) — будущего Седьмого Далай-ламы Лобсана Калсанга Гьяцо (*blo bzang bskal bzang rgya mtsho*, 1708–1757). Как писал Л. Петек, «потомки Гуши-хана,

живущие там [у Кукунора], всегда были довольно ревнивы к своим кузенам в Тибете; и, возможно, также подталкиваемые ламами, они увидели здесь возможность понизить высокое положение Ладжана, несмотря на защиту маньчжуров. Как обычно для ламаистских стран, политическое намерение было одето в религиозную одежду» [Petech 1966: 281].

Лхавзан (1658–1717), названный Ладжаном в исследовании Л. Петека, был вторым сыном Далай-хана. Когда последний скончался в конце 1700 г., гьялпо (царём) стал Вангъял, его старший сын. Но он правил недолго и умер до лета 1703 г., будучи отравленным Лхавзаном; таким образом, новым гьялпо Тибета стал Лхавзан [Sum-pa 1969: 44]. В том же году Чжамьян Шадба, настоятель Дрепунга, пожаловал ему имя Чингисхан [Гончог 2008: 177]. Под этим именем Лхавзан был известен и у мусульманских подданных Джунгарии: по свидетельству капитана И. Унковского, общавшиеся с ним «бухарцы», подданные джунгарского правителя Цэван-Рабдана (*tshe dbang rab brtan*, 1663–1727), сообщили, что «Араптан решил женить дочь за сына Чингис-хана, который живет при Далай-ламе» [АВПР. Оп. 113/1. Д. 1. Л. 104].

Надо заметить, что почти веком ранее и Лигдан-хан, прямой потомок Чингис-хана, тоже называл себя «правителем монгольского государства с сорока десятками тысяч человек Батур Чингисханом» [Мартынов 1978: 65]. Вероятно, в обоих случаях важна была не столько попытка присвоить себе как звание имя великого предка, сколько стремление «начать заново», возглавить «новую эпоху» и идентифицировать себя как истинного лидера.

Лхавзан вскоре вступил в конфликт с могущественным регентом — дэси Сангье Гьяцо (*sangs rgyas rgya mtsho*, 1653–1705), фактически в одиночку руководившим Тибетом в период после смерти Далай-ламы Пятого. Как отмечают современные тибетские историки, сфера его ответственности была обширна: к 13 основным должностям дэси со временем добавилась должность чиновника, ответственного за жертвоприношения, и три другие должности. Основной у него была управленческая работа, которая позже, при разделении его ответственности на другие должности, охватила такие сферы, как деятельность калонов (министров), полководцев, судей, крупных и мелких

¹ В. П. Санчиров считает, что это случилось в 1701 г. [История ... 2016: 34], согласно Л. Петеку — в 1697–1698 гг. [Petech 1966: 282].

² Т. е. Канси, правил в 1662–1722 гг.

³ Он был младшим.

⁴ Руководители хошунов.

управляющих, чиновников, начальников уездов, управляющих и служителей храмов, посланников с императорскими указами, а также иных чиновников¹ [Bod mi'i 2002: 32].

Дэси Сангье Гьяцо скрывал смерть Далай-ламы почти 15 лет. Будучи личностью весьма деятельной, он смог добиться ослабления в стране хошутского влияния. Однако, столкнувшись с давлением со стороны Лхавзана в вопросе обладания политической властью в стране, он был вынужден уйти в отставку, поставив на свое место сына — Нгаванга Ринчена. Тем не менее отношения между ними обострились, и противники вскоре столкнулись в открытом сражении. В 1705 г. Сангье Гьяцо потерпел поражение и был взят в плен, а затем казнен. Лхавзан составил отчет о событиях в Пекин. Император, недовольный бывшим регентом за сокрытие правды о смерти Пятого Далай-ламы, поддержал Лхавзана и выслал ему титул «ифакун шунь-хан» (*I-fa-kung-shun-han*) [Petech 1972: 15]. Вместе с тем Канси отдавал отчет в отсутствии у Лхавзана авторитета среди хошутских правителей Кукунора и тибетцев. Вот что он писал в своем указе от 1709 г.: «Цинхайский народ и тайцзи не ладят с Лхавсаном, он не может один заниматься управлением Тибета, необходимо направить чиновника в Тибет для совместного управления» [Люлина 2016: 90].

Лхавзан, фактически ставший после смерти дэси единственным правителем Тибета, столкнулся с новой оппозицией в лице Шестого Далай-ламы Цаньяна Гьяцо (*blo bzang rin chen tshangs dbyangs rgya mtsho*, 1683–1706). Вероятно, Лхавзан пытался достичь с ним каких-то договоренностей, но, поскольку Далай-лама был воспитан казенным дэси, такие попытки были обречены на провал. Тем не менее, ввиду специфического поведения Далай-ламы, хошутскому хану, который скомпрометировал его как «фальшивого» духовного лидера, удалось

¹ «sde srid sangs rgyas rgya mtshos sa skyi' dus ky i las mtshan bcu gsum nas mchod dpon sogs khag gsum phud thog gsar du las mtshan rnam grangs kha snon mdzad pa'i dang po srid skyong gi byed sgo dang/ de nas bka' blon/ dmag dpon/ zhal lce gcod pa/ bzo rigs do dam/ gnyer pa'i rigs che phra/ sdom gcod pa/ mi dpon/ phyogs mtha'i rjong gzhis/ grva mtshan khag gi gnyer pa/ mtshong dpon/ rda ro kha'i 'go pa/ dkon gnyer/ gser yig pa/ bkar rgya yong sdud la sogs pa phyi nang las tshan gyi spang blang byed sgo'i rim pa dvangs shel nyer gcig zhes pa dang/».

заручиться поддержкой императора: из Пекина последовал указ направить Далай-ламу ко двору. В 1706 г., по дороге в Пекин, Цаньян Гьяцо скончался недалеко от озера Кукунор. Дэси Нгаванг Ринчен также был отправлен в Пекин совместно с Цаньян Гьяцо, и, в отличие от второго, он смог предстать перед императором, и затем был поселен недалеко от Пекина [Petech 1972: 17].

Лхавзан «нашел» «подлинную» инкарнацию Великого Пятого в лице монаха Нгаванга Еше Гьяцо (*ngag dbang ye shes rgya mtsho*)², который был полностью зависим от нового тибетского правителя. Он был признан Панчен-ламой V и императором Канси, но не пользовался популярностью среди тибетцев. Такая ненормальная ситуация разрешилась лишь в конце 1717 г., когда джунгарская армия, под предлогом сопровождения сына Лхавзана, бывшего мужем дочери джунгарского правителя Цэван-Рабдана, штурмом овладела тибетской столицей. Лхавзан погиб в бою близ Поталы, а «Далай-лама» был выдворен оттуда.

После вытеснения из Тибета джунгаров в 1720 г. маньчжурской армией перед Пекином встала задача организации новой эффективной власти и определения места и роли религиозного лидера — Далай-ламы. Первое было решено достаточно скоро — в 1721 г. «временное правительство», которое возглавлял представитель императора, было распущено. Был создан кабинет кашаг (*bka-bshag*), куда вошли четыре калона (*bka' blon*) (министра), он разместился в старейшем лхасском монастыре Джоканг. Наиболее известным из калонов был Канченнэ (*khang chen nas*), бывший руководителем из местечка Нгари Корсум (*mnga' ris skor gsum*) в Западном Тибете, он же и возглавил правительство. Незадолго до этого назначения он прославился уничтожением джунгарского отряда, когда последний, доверяя ему, решил остановиться в его резиденции. Канченнэ возглавил Нгари Корсум буквально за год-два до смерти Лхавзана [Sperling 2012: 205].

Представляющие различные регионы страны, калоны часто не могли согласовать свои представления о развитии Тибета и текущих задачах, между ними часто возникали споры и конфликты, которые закончились в 1727 г. убийством Канченнэ и началом гражданской войны. В таких условиях

² Л. Петек допускал, что он был сыном самого Лхавзана. См.: [Petech 1972: 17–20].

за восстановление порядка взялся Миванг Пхоланай (*mi dbang pho lha nas*, правил в 1728–1747 гг.), один из калонов, подавший в отставку незадолго до трагедии. Он разгромил военные соединения убийц-калонов, схватил их и возглавил управление страной. В конце того же года прибыли представители императора Юнчжэна, которые провели суд и подтвердили право Пхоланая править Тибетом.

Надо отметить следующую особенность тибетской политики маньчжурских правителей: они выдвигали на властные посты в Лхасе людей, так или иначе связанных с хошутами. Например, по свидетельству Сун-юна (1752–1835), этнического монгола из Синего знамени, представлявшего цинский двор в Лхасе в период 1794–1799 гг., Канченнэ был зятем Лхавзана [Heissig 1962: 88]. Не менее интересна личность и Миванга Пхоланая: он являлся инкарнацией хошутского военачальника и ламы Галдана Цеванга (*dga' ldan ts'e dbang*), покорившего центральной власти (Галдан Пходрангу) регион Нгари в 1678–1683 гг. Более того — Галдан Цеванг был внуком Гуши-хана [Sperling 2012: 203]. Таким образом, указанные тибетские политики, возглавлявшие страну после периода правления Далай-ламы VI и джунгарского завоевания, имели особого уровня отношения с хошутским народом.

В свое время Далай-лама V особенно выделил роль хошуты для будущего школы Гелук: «В отличие от прежних школ, сейчас у тех, кто носит желтую [шапку] учения, хорошее и плохое зависит от покровителей, живущих на севере, и тех, кто обитает в регионе Кукунора. Соответственно, чтобы избежать [проблем] и существовать, я благословил царя и его брата [посвящением] «деяния и смерти», связав себя с ними обетами»¹ [Ngag dbang 2012: 476–477]. Вероятно, маньчжуры также были заинтересованы в хошутах, поскольку последние традиционно обеспечивали спокойствие в Тибете и тем самым выступали в качестве охранителей религиозных интересов тибетцев.

Ученые отмечают, что маньчжурский двор вначале, т. е. после изгнания джунгар, предполагал оставить за хошутами по-

зицию «царя Тибета» [Ishihama 1997: 421]. Тем более что и сами хошуты рассчитывали на такое разрешение ввиду их преданности Далай-ламе: «благородные потомки Гуши-хана с ранних времен последовательно интронизировались царями Тибета, и вновь все должно быть как прежде» [Sum-pa 1969: 49]. Через хошуты можно было влиять на других ойратов — джунгаров или торгутов, чьи посольства и паломники двигались в Тибет через земли Кукунора. Возможно, свою роль сыграло и наследие Великого Пятого Далай-ламы; как отмечает В. Л. Успенский, его личность «доминировала над всем этим миром [Центральной и Восточной Азии] не только при его жизни, но и много лет спустя после его кончины» [Успенский 2011: 207]. Однако после восстания Лобсана Данзина в 1723 г. [Солощева 2013] цинское правительство кардинально трансформировало свою политику в отношении хошуты — прежде всего, они навсегда лишились титула «царей Тибета», да и сам титул был предан забвению. Фактически была аннексирована территория, которая еще со времен Гуши-хана относилась к юрисдикции хошуты (богатый Кхам), а они сами вошли в административную систему Китая. Как отмечал цепен В. Д. Шакабпа, «хошеуты утратили интерес к попытке возврата тибетских территорий, уступленных маньчжурам» [Шакабпа 2003: 141].

Изменение в политике Цинов в отношении хошуты определил целый комплекс факторов и обстоятельств. Во-первых, политические: хошуты имели родственные отношения с джунгарами, и те, и другие были ойратами и признавали это родство; такие связи угрожали безопасности как северо-западных, так и юго-западных границ империи. Во-вторых, религиозные: несмотря на обнаружение хошутами инкарнации Далай-ламы VI, Далай-ламы VII Лобсана Калсанга Гьяцо, деятельное участие в его воспитании (он жил в монастыре Кумбум, т. е. на территории, подконтрольной хошутам) и препровождении в Поталу после изгнания джунгар, они уже не воспринимались духовенством Тибета и рядовыми тибетцами как защитники веры. Более того, в одном из своих декретов 1726 г. к Далай-ламе император Юнчжэн ставит фактически в один ряд «повстанцев-джунгаров» и кукуносского правителя Лобсана Данзина: «Позже, когда Лобсан Данзин поднял бунт, я боялся,

¹ «sngar dang mi 'dra ba'i zhva ser 'chang ba'i bstan pa 'di byang phyogs kyi sbyin bdag rnam dang khad nyer mtsho sngon po skor gyi dus bde dog la rag lus pa 'dra zhig 'dug pas las gshin gyi rjes gnam gi sgo nas rgyal po sku mched dam tshig sbrel».

что бандиты налетят на Лхасу, поэтому я послал командира Чжу Ина <...> чтобы обеспечить защиту» [A Collection 1995: 41–50]. В-третьих, административная: хошуты показали свою неспособность выдвинуть единого лидера, который признавался бы ими всеми, результатом чего была неясная ситуация с управлением в Тибете. В-четвертых, экономические: с переходом под управление Пекина региона Кхам экономика Тибета оказалась подконтрольна центральному правительству в Пекине, и хошуты уже не имели финансовых рычагов для обеспечения контроля и порядка в Тибете.

Заключение

Вовлечение хошут в межрелигиозные столкновения в Тибете привело к установлению в Лхасе в 1642 г. власти Далай-ламы, главы Гелук. Облеченный доверием и поддержкой со стороны тибетского и маньчжурского лидеров, хошутский Гуши-хан, усмиритель Тибета, с целью сохранения и процветания своего государства в Цинхэе подготовил основной закон («Основное уложение кукунорского чулгана»), основываясь на монгольском и тибетском законодательствах. Однако с распадом его государства на две части — кукунорскую и тибетскую — его потомки оказались во взаимной вражде; ситуация усугубилась патронированием ими разных Далай-лам: со стороны гьялпо Лхавзана — «истинного» (второго) Шестого, со стороны его кукунорских сородичей — инкарнации скончавшегося (первого) Шестого, будущего Седьмого Далай-ламы. Обе партии полагались на помощь цинского двора, что, наряду с перманентной угрозой со стороны джунгар, привело к постепенному вовлечению Пекина в ситуацию и в дальнейшем к включению Тибето-цинхайского региона в состав цинского государства. В целом в период 1637–1720-х гг. политика цинского двора в отношении хошут прошла три этапа:

1) 1637–1717 гг. — согласие с фактическим положением дел — правлением хошутских «царей» в Тибете, выражавшемся в военном присутствии; период характеризовался поддержкой отношений хошут с Далай-ламой, как соответствующих интересам империи;

2) 1720–1723 гг. — согласие с правом хошут на обладание «царской» властью в Тибете; особенностью периода был поиск устраивающего Пекин механизма управления Тибетом;

3) после 1724 г. — отказ хошутам в наследовании титула «царей» Тибета, ликвидация данного института; начиная с этого года, хошуты полностью лишились какого-либо инструмента влияния на дела в Тибете, более того — они окончательно вошли как административная единица (единицы) в состав империи.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

АВПР — Архив внешней политики Российской империи. Зенгорские дела. [Arkhir vnesheyn politiki Rossiyskoy imperii. Zengorskie dela [Archive of Foreign Policy of the Russian Empire. Dzongar files].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Гончог 2008 — Гончог-Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни Всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дорчже, могущественного ученого и сиддха, называющегося «Брод, ведущий к удивительно благому уделу» / Введен., перев., комментарии Н. В. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с. [Könchog Jigme Wangpo. *Povestvovanie o zhizni Vsevedushchego Chzham'yan-Shadbiy-Dorchzhe, moguschestvennogo uchenogo i sid-dkha, nazyvayusheesya «Brod, veduschiy k udivitel'no blagomu udelu»* [A narrative called 'The Ford towards the Virtuous Lot' about the life of all-knowing Jamyang Shepa Dorje, a mighty scholar and siddha]. V. Tsyrempilov (intr., foreword, comm.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB of RAS, 2008. 312 p.]
- История 2016 — История Хо-Урлюка // Санчи-ров В. П. Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 29–35. [Kho Orluk's history. *Pis'mennye pamyatniki po istorii oyratov XVII–XVIII vekov* [History of the Oirats: written monuments, 17th–18th centuries]. Sanchirov V. P. (comp.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute of RAS, 2016. Pp. 29–35].
- Люлина 2016 — Люлина А. Г. Тибетские институты власти и цинская система администрирования: особенности взаимодействия (середина XVII – конец XVIII вв.). Дисс... канд. ист. наук. М., 2016. 183 с. [Lyulina A. G. *Tibetskie instituty vlasti i tsinskaya sistema administrirovaniya: osobennosti vzaimodeystviya (seredina XVII – konets XVIII vv.)* [Tibetan government institutions and the Qing administrative system: peculiarities of mutual relations (mid-17th – late 18th cc.)]. A PhD thesis. Moscow, 2016. 183 p.]

- Мартынов 1978 — Мартынов А. С. Статус Тибета в XVII–XVIII веках в традиционной китайской системе политических представлений. М.: Наука, 1978. 284 с. [Martynov A. S. *Status Tibeta v XVII–XVIII vekakh v traditsionnoy kitayskoy sisteme politicheskikh predstavleniy* [Tibet's status within the traditional Chinese political science framework: 17th–18th cc.]. Moscow: Nauka, 1978. 284 p.].
- Солощева 2013 — Солощева М. А. Кукунорский мятеж 1723–1724 годов и его значение для истории Тибета // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Востоковедение. Африканистика. 2013. Вып. 1. С. 58–67. [Solosheva M. A. The Kokonor Revolt of 1723–1724 and its historic significance for Tibet. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 13. Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2013. Iss. 1. Pp. 58–67].
- Успенский 2014 — Успенский В. Л. О государстве Гуши-хана // Тибетология в Санкт-Петербурге. Сб. ст. Выпуск 1. СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. С. 52–59. [Uspensky V. L. Gushi Khan's state. *Tibetologiya v Sankt-Peterburge*. Collected papers. Iss. 1. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2014. Pp. 52–59].
- Успенский 2011 — Успенский В. Л. Тибетский буддизм в Пекине. СПб.: Студия НПИ-Принт, 2011. 367 с. [Uspensky V. L. *Tibetskiy buddizm v Pekine* [Tibetan Buddhism in Beijing]. St. Petersburg: Studiya NP-Print, 2011. 367 p.].
- Цэнгэл 2017 — Хошууд Цэнгэл. «Алтан хааны цаазын бичиг» хийгээд Гууш хааны «Цаазын бичиг»-ийн харьцаа, холбогдол // Ойрад ба дээд монголын туух, сурвалж бичгийн судлал. Улаанбаатар, 2017. С. 118–144. [Khoshuud Tsengel. Altan Khan's Code of Laws and that of Gushi Khan: a comparative study. *Oyrad ba deed mongolyn tuukh* [History of the Oirats and Upper Mongols]. A student's book. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 118–144].
- Шакабпа 2003 — Шакабпа В. Д. Тибет: Политическая история. Пер. с англ. А. Дюранова. СПб.: Нартанг, 2003. 432 с. [Shakabpa W. D. *Tibet: a political history*. A. Dyuranov (transl.). St. Petersburg: Nartang, 2003. 432 p.].
- A Collection 1995 — *A Collection of Historical Archives of Tibet*. Beijing: Cultural Relics Publishing House, 1995. 107 p.
- Bod mi'i 2002 — *Bod mi'i khirms mthun gzhung dga' ldan pho brang dbu brnyes nas lo 360 'khor ba'i bka' drin rjes dran dang ma ongs mdun bskyod kyi kha phyogs*. Dharamsala: LTWA, 2002. 458 p.
- Heissig 1962 — Heissig W. Some Notes by Sung-yün on the Administration of Tibet. *Oriens Extremus*. 1962. Vol. 9. No. 1. Pp. 85–89.
- Ishihama 1997 — Ishihama Y. New Light on the 'Chinese Conquest of Tibet' in 1720 (based on the new Manchu sources). *Tibetan Studies: Proceedings of the 7th Seminar of the International Association for Tibetan Studies, Graz 1995*. Krasser H., Much M. T., Steinkellner E., Tauscher H. (eds.). Vol. 1–2. Wien: Austrian Academy of Sciences, 1997. Pp. 419–426.
- Ngag dbang 2012 — *Ngag dbang blo bzang rgya mtsho*. Rgyal dbang lnga pa ngag dbang blo bzang rgya mtsho'i rnam thar du ku la'i gos bzang [The autobiography of the Fifth Dalai Lama]. Lhasa: Bod ljongs mi dmangs dpe skrun khang, 2012. Vol. 1. 640 p.
- Petech 1966 — Petech L. Notes on Tibetan History of the 18th Century. *T'oung Pao, Second Series*. 1966. Vol. 52. Livr. 4/5. Pp. 261–292.
- Petech 1972 — Petech L. China and Tibet in the early 18th Century. History of the Establishment of the Chinese Protectorate in Tibet. Leiden: Brill, 1972. 309 p.
- Ruegg 2003 — Ruegg D. S. Mchod yon, yon mchod and mchod gnas / yon gnas: on the historiography and semantics of a Tibetan religio-social and religio-political concept. *The History of Tibet*. A. McKay (ed.). London – New York: Routledge Curzon, 2003. Vol. 2. Pp. 362–372.
- Sperling 2012 — Sperling E. Pho-lha-nas, Khangchen-nas, and the last era of Mongol domination in Tibet. *Rocznik Orientalistyczny*, 2012. Vol. 65. Part 1. Pp. 195–211.
- Sum-pa 1969 — *Sum-pa mkhan-po Ye-shes dpal-'byor*. The annals of Kokonor. Ho-Chin Yang (transl.). *Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series*. Vol. 106. Bloomington: Indiana University; The Hague: Mouton and Co., 1969. 125 p.

УДК 94

Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению

Баатр Учаевич Китинов¹

¹ кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Российский университет дружбы народов (Москва, Российская Федерация). E-mail: kitinov@mail.ru

Аннотация. Хошуты оказались вовлечены в события в Тибете после обращения глав школы Гелук к ойратам за военной помощью. После успешной кампании хошутского Гуши-хана в 1637–1642 гг. ставший во главе Тибета Далай-лама Пятый Лобсан Гьяцо даровал ему и его потомкам титулы правителя веры (чогьял) и царя (гьялпо) Тибета.

Завершение войны сопровождалось установлением Гуши-ханом тесных отношений с маньчжурами и организацией собственного государства в Цинхае, для чего им был разработан основной законодательный акт. После смерти Гуши-хана его сыновья разделили владения на две части — лхасско-тибетскую и кукунорскую, между которыми, особенно при гьялпо Лхавзане, возникли трения и вражда. Также Лхавзан вступил в противостояние с могущественным дэси Сангье Гьяцо, которое завершилось гибелью дэси в 1705 г.

Смещение Лхавзаном Далай-ламы Шестого Цаньяна Гьяцо и назначение нового Далай-ламы Нгаванга Еше Гьяцо приведет к эскалации отношений с другими ойратами, что завершится захватом Лхасы джунгарами в 1717 г. и в дальнейшем приходом к власти Седьмого Далай-ламы Калсана Гьяцо. Цинское правительство утвердит новую структуру власти в Тибете — кашаг, лидеры которого, Канченнэ и Пхоланай, будут иметь особого рода отношение к хошутам. Вероятно, маньчжуры хотели сохранить роль хошут в Тибете, однако после восстания Лобсана Данзина в 1723 г. Пекин изменил политику: хошуты потеряли право быть царями Тибета и вошли в состав Цинской империи.

Ключевые слова: Гуши-хан, Далай-лама, дэси, Кукунор, Лхавзан, хошуты, Цин

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 29–37, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-29-37
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94(47) 084

The Administrative Office of the Kalmyk People: Records Management Practices

*Irina V. Lidzhieva*¹

*Bair V. Kogdanova*²

¹ Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Archaeology and Ethnology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: irina-lg@yandex.ru

² Postgraduate Student, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kbaya@mail.ru

Abstract. The system for governing the Kalmyk people was structurally hierarchical and based on an administrative-territorial principle; it also comprised related self-government bodies. In terms of functions, all power structures were to duly execute service records. Within records management documents special attention should be paid to those that facilitated adoption and execution of managerial decisions. The article aims to identify the structure and goals, rules and practices inherent to the records management system adopted by the Administrative Office of the Kalmyk People and Ulus Departments of the Kalmyk Steppe of Astrakhan Governorate in the 19th-early 20th centuries as a state body to govern one of the multiple non-Russian populations of the Russian Empire. This became possible due to the use of both common scientific research methods and some special ones. The reconstructive method was applied to restore certain aspects of records management processes within administrative departments of the Kalmyk Steppe during the period under consideration, while the historical sources classification method divided the service documentation into several groups and, thus, determine common and specific features of the latter. Special attention is paid to the analysis of documentary materials from Kalmykia's National Archive which concluded that the common feature of all documents dealing with records management practices was co-subordination, i. e. inferior agencies and officials submitted reports, dispatches, petitions and accounts to superior ones, while the latter issued decrees, instructions, circular letters, prescripts and notifications. Another specific feature was the collegiate order of official document creation: during decision making each successive paper repeated the text of a previous one. Moreover, another peculiarity of the records management process in the early-to-mid 19th century had been the use of the Kalmyk language, while since the 1850s there was a trend towards the reduction of documents written in Old Kalmyk (Todo Bichiq).

The article suggests that the use of the Kalmyk language for official records management in the early-to-mid 19th century had been determined by the lack of Russian officials with sufficient Kalmyk language skills, and the situation was evidently aggravated by the lack of Russian-speaking Kalmyks. The supposition is confirmed by the 'imperial' Statute of the College for Kalmyks dated 23 April 1847 which was supposed to 'teach Kalmyks Russian and educate talented translators'.

Finally, the paper concludes that being integral to the government infrastructure, the records management system of the Administrative Office of the Kalmyk People and ulus departments also aimed to incorporate the Kalmyk Steppe into the common Russian political landscape, including by means of intense acculturation practices.

Keywords: records management, Administrative Office of the Kalmyk People, formular, instruction, decree, petition, petition, circular letter

Реформирование системы государственного управления на протяжении XIX в. во многом было обусловлено потребностями социально-экономического развития страны. Следствием проникновения капиталистических отношений во все отрасли экономики стала интенсификация хозяйственных связей между разными частями государства, что вызвало необходимость сбора сведений, в том числе об экономическом потенциале регионов и, как следствие, активизацию делопроизводственных потоков. При этом следует отметить, что мероприятия по реформированию государственного аппарата были инициированы еще в 1802 г. министром внутренних дел В. П. Кочубеем. Девизом кампании стало недвусмысленное выражение: «краткость во всех делах есть следствие понятий ясных и определенных. Она есть истинное совершенство во всяком роде дел...» [Литвак 1979: 128–129].

Целью данной статьи является определение состава и назначения, правил и практики оформления документов Управления калмыцкого народа (УКК) и улусных управлений Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начала XX вв. как органов управления одним из представителей инородческого населения Российской империи.

Проблемы организации и развития делопроизводства в Российской империи рассматривались рядом авторов [Митяев 1956; Ерошкин 1968; Шепелев 1976; Илюшенко 1993], к сожалению, система делопроизводства в управленческой системе инородцев, за исключением отдельных ее аспектов, осталась за пределами внимания исследователей.

Исследование построено на основе принципов научности и объективности. В качестве методов исследования использованы реконструктивный, позволивший восстановить отдельные стороны делопроизводственного процесса органов управления Калмыцкой степи в рассматриваемый период, а также метод классификации, позволивший разделить служебную документацию по видам и тем самым выделить ха-

рактерные для них общие и специфические признаки.

Структура Управления калмыцким народом как органа исполнительной власти инородцами сложилась в соответствии с «Положениями об управлении калмыцким народом» 1834 и 1847 гг. [ПСЗ РИ-П. Т. X. № 7560а; ПСЗ РИ-П. Т. XXII. № 21144], а также «Проекта учреждения о управлении государственными учреждениями в губерниях» 1838 г. [ПСЗ РИ-П. Т. XIII. Отд. I. № 11189]. УКК находилось в ведении сначала Министерства внутренних дел, а с 1838 г. — Министерства государственных имуществ. Статья 16 «Проекта учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» гласит: «Для единства в надзоре и попечении о государственных имуществях, находящихся в пользовании калмыков, имеющих кочевье в Астраханской губернии и Кавказской области, Управляющий Астраханской Палатой Государственных имуществ соединяет в своем лице и звание Главного Попечителя калмыцкого народа». Таким образом, с 30 апреля 1838 г. управляющий Астраханской Палатой государственных имуществ одновременно являлся и Главным попечителем калмыцкого народа. Непосредственно в улусах управление осуществлялось улусными правлениями «в улусе владельческом из нойона владельца, а за неимением его или устранением от управления улусом, из опекуна и улусного Попечителя с помощником, а в улусе казенном из правителя улуса и улусного Попечителя с его помощником...» [ПСЗ РИ-П. Т. XXII. № 21144].

«Положением об управлении калмыцким народом» 1847 г. на законодательном уровне закреплялось право на местное самоуправление в форме улусных и аймачных сходо́в. Таким образом, система управления калмыцким народом представляла собой иерархичную структуру, основанную на административно-территориальном принципе, в состав которой также входили органы местного самоуправления. Функциональной обязанностью всех звеньев власти являлось

оформление служебной документации. В структуре делопроизводственной документации следует выделить виды документов, обеспечивающих принятие и реализацию управленческих решений.

В соответствии со статьей 73 «Проекта учреждения о управлении государственными имуществами в губерниях» в Палату поступали «Указы Правительствующего Сената, предписания Министра, предложения Начальника губернии, отношения разных губернских присутственных мест, представления мест и лиц Палаты подчиненных по всем вообще делам, требующим разрешения, также рапорты на ее предписания и донесения о важных происшествиях, прошения и жалобы частных лиц и сельских обществ» [ПСЗ РИ-П. Т. XIII. Ч. I. № 11189].

Анализ документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия позволяет сделать вывод о том, что общим признаком документального массива делопроизводственной практики являлась соподчиненность, т. е. нижестоящие учреждения и должностные лица направляли в вышестоящие инстанции рапорты, донесения, доклады, ходатайства и представления, тогда как вышестоящие издавали распоряжения, предписания, циркуляры, постановления и уведомления.

Главный попечитель калмыцкого народа издавал распоряжения, предписания, циркуляры. Так, например, 3 мая 1876 г. за подписью Главного попечителя калмыцкого народа А. Кандибы в Малодербетовское улусное управление было направлено *распоряжение* о созыве улусного схода для выбора должностных лиц [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 671. Л. 2]. 8 мая 1892 г. Главный попечитель В. А. Башкиров направляет попечителям улусов и заведующим («заведывающим») отдельными частями предписание о представлении именных списков избранных для участия в торжественном обнародовании законоположения о калмыцком народе [НА РК. Ф. И-24. Оп. 1. Д. 126. Л. 2].

13 февраля 1885 г. Управление калмыцким народом направляет *циркуляр* о необходимости «при избрании лиц на общественные должности внушать сходом, чтобы лица не располагающие средствами к жизни и вынужденные вследствие этого отлучаться на продолжительное время для заработков вовсе не избираемы на общественные должности» [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1525. Л. 11].

В январе 1914 г. заведующий калмыцким народом направляет попечителю Яндыко-Мочажного улуса *уведомление* об освобождении на основании ходатайства хотонного старосты № 3 хотона Багутовского аймака Джоги Эрдениева, «прослуживший по выбору общества положенный законом срок» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2384. Л. 100].

На основании постановления Главного попечителя калмыцкого народа от 28 марта 1897 г. старшина Абганер-Барунова рода Мучка Манджиев был «подвергнут аресту при Управлении на 6 дней» [НА РК. Ф. И-15. Оп. 4. Д. 1091. Л. 32].

В соответствии с уведомлением Главного попечителя калмыцкого народа, направленного 23 мая 1896 г. на имя попечителя Малодербетовского улуса, в повестку дня общественного схода был включен вопрос «о найме стражи» [НА РК. Ф. И-15. Оп. 4. Д. 1145. Л. 8].

К компетенции улусных попечителей, в свою очередь, относилось издание в адрес нижестоящих должностных лиц постановлений, предписаний, предупреждений и циркуляров, а в вышестоящие инстанции — направление рапортов, донесений, представлений и ходатайств.

Одной из разновидностей служебных документов, издаваемых попечителями улусов, являлось *донесение* — сообщение в письменной форме каких-либо сведений вышестоящему начальству, например, о происшествиях в улусе или о текущей ситуации. Так, попечитель Яндыко-Мочажного улуса донесением от 27 февраля 1893 г. сообщает Главному попечителю о том, что в назначенный Управлением калмыцкого народа срок улусный сход состояться не может в связи с весенней путиной, где задействована большая часть выборных [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 802. Л. 4–5].

Следующим видом служебной документации улусного управления выступает *рапорт*, который, в отличие от донесения, имеет характер отчета о проделанной работе или каких-либо результатах. Например, 28 февраля 1895 г. на имя Главного попечителя калмыцкого народа попечителем Малодербетовского улуса был направлен рапорт, в котором он объяснял причину ареста старшины Бельди Бюрчиева [НА РК. Ф. И-15. Оп. 4. Д. 1091. Л. 72]. Кроме того, в рапортах содержались сведения о контроле над деятельностью аймачных старшин и хотонных старост, результатах проведенных

сходов и т. п. Так, попечитель Харахусовского улуса Соловкин рапортом от 23 мая 1893 г. уведомляет Главного попечителя о вопросах, рассмотренных на сходах, и принятых по ним решениях [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 802. Л. 118–121]. Заведующий («заведывающий») Икицохуровским улусом в своем рапорте от 31 мая 1895 г., сообщая о плачевном состоянии калмыцкой кибитки, служащей помещением для приемного покоя при ставке улуса, просит разрешения о направлении «вырученных от продажи старой кибитки средств на строительство деревянного барака» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 893. Л. 318].

Представления, направляемые улусными попечителями на имя Главного попечителя калмыцкого народа, содержали предложения о назначении, поощрении или наказании. Так, заведующий Икицохуровским улусом в своем представлении от 1 августа 1910 г. просит «подвергнуть аресту хотонных старост за их бездеятельность в отношении сбора податей» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 155].

В *ходатайствах*, как правило, улусные попечители отражали официальную просьбу или представление на выборную должность того или иного кандидата. Например, 20 января 1914 г. попечитель Багацохуровского аймака в связи со смертью демчея (сборщика податей) Бушки Лиджиева просит допустить к исправлению должности первого кандидата Насуна Бомнеева [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2384. Л. 114].

Характер и тональность официальных документов, исходящих от улусных попечителей нижестоящим выборным должностным лицам, соответствовал положению их авторов во властной иерархии. Так, попечитель Малодербетовского улуса в *предписании* Шебенеровскому аймачному старшине от 1 июня 1915 г. пишет: «...ставя на вид Вашу бездеятельность, строго предписываю немедленно представить мне все причитающиеся годовые сборы с аймака, а также недоимки прежних лет и долги в общественный калмыцкий капитал» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2594. Л. 8]. В связи с невыполнением данного предписания улусный попечитель 25 мая 1915 г. направляет уже предупреждение о возможном привлечении к ответственности [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2594. Л. 15].

Постановление — один из видов служебной документации улусного управления

как органа исполнительной власти, имевший силу закона. Так, в связи с неявкой 15 июля 1879 г. большинства участников схода попечителем Малодербетовского улуса было принято постановление о том, что «сход считать недействительным и закрыть, о чем донести Главному Управлению Калмыцким Народом, сход вновь назначить для схода срок более отдаленный, а не явившихся на Улусный сход выборных лиц на основании § 51 Положения об Управлении Калмыцким Народом оштрафовать каждого по 1 руб. и по взыскании денег отослать в Черноморское Уездное Казначейство для причисления к общественному Калмыцкому капиталу» [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 928. Л. 7–7 об.].

В адрес аймачных старшин и хотонных старост улусные попечители направляли *циркуляры*, т. е. официальные письма, содержащие указание. Например, попечителем Манычского улуса Н. М. Рысиным 15 февраля 1910 г. подведомственным аймачным старшинам был разослан циркуляр, согласно которому старшины должны «наивозможно чаще посещать места кочевий подведомственных им калмыков, вести беседы о пользе и вреде общественном, проявлять свою власть путем скорого и непосредственного приложения закона там, где нарушены личные и имущественные права обывателя, нарушены благоустройство и благочиние общественное, испрашивая в сомнительных или особо выдающихся случаях указания и содействие попечительной власти» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 10. Д. 8. Л. 84].

Должностные лица местного самоуправления также были вовлечены в официальный документооборот, но его характер носил скорее форму исполнительного производства. Однако имеют место и *прошения* — письменные ходатайства о чем-либо, официальная форма которых установилась к концу XIX в., тогда как ранее данный вид документа оформлялся без строго определенных правил. Так, например, прошение хотонных старшин Икицохуровского улуса Хошеутова рода, кочующих в Мочагах от июня 1849 г., «о сложении с них албанной недоимки, числящейся на умерших их однородцах» было оформлено на калмыцком языке в произвольной форме [НА РК. Ф. И-6. Оп. 1. Д. 15. Л. 952].

Прошение старшины Ачинер-Эркетоновского аймака Цаган Убуши Леджинова, поданное в ноябре 1907 г., написано на

русском языке. Документ оформлен следующим образом: в центральной части листа расположено обращение к адресату, в правом углу — имя и должность просителя, далее текст просьбы, содержащий причину — «вследствие болезни и семейных обстоятельств» и суть — «уволить меня в отставку от занимаемой должности старшины», и в завершение должность и имя автора прошения. Просителем отмечается, что к прошению прилагается справка, выданная врачом Харахусо-Икицохуровского улуса, подтверждающая его неспособность к труду [НА РК. Ф. И-9. Оп. 5. Д. 2055. Л. 114].

Особое место в делопроизводственной практике Управления калмыцким народом занимают годовые отчеты. Сбор сведений для составления данного вида документа начинался заблаговременно, что вызывало оживление делопроизводственной переписки на всех уровнях органов власти. Улусные попечители готовили отчеты по подведомственной им территории. Далее сведения, представленные в годовых отчетах по улусам, обобщались чиновниками Управления калмыцким народом, и таким образом составлялся сводный годовой отчет. Эволюция формуляра сводного годового отчета Управления калмыцким народом была исследована в работах Л. С. Бурчиновой [Бурчинова 1980; 1982] и Л. В. Оконовой [Оконова 2016а: 21–28; Оконова 2016б: 41–43].

К компетенции улусных и аймачных сходов как органов местного самоуправления относилось принятие приговоров. Подробно процедура составления приговоров рассматривалась автором ранее [Лиджиева 2013а: 20–23; Лиджиева 2013б: 93–97].

Равностатусные учреждения обменивались отношениями, сообщениями, официальными письмами. Так, например, в связи с переходом Большедербетовского улуса и отдельной части Малодербетовского из-под юрисдикции астраханского губернатора к ставропольскому, наблюдалась оживленная переписка, документы которой отложились в фондах Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Ф. И-9. Оп. 4. Д. 127; 137] и Государственного архива Ставропольского края [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 1; 8].

Улусные попечители в переписке между собой, а также попечителем и его помощниками чаще использовали сообщение как вид делопроизводственной документации. Например, помощник попечителя Малодербетовского улуса в сообщении от 27 мая

1896 г. улусному попечителю представляет результаты состоявшихся сходов [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1525. Л. 11].

Несомненно, отдельно следует выделить исходящие от императора указы, повеления, от Государственного совета — высочайше утвержденные мнения и положения и от Сената — указы. К рассматриваемому периоду в качестве примера следует привести высочайше утвержденные «Правила для управления калмыцким народом» 1825 г. [ПСЗ РИ-I. Т. XL. № 30290], «Положение об управлении калмыцким народом» 1834 г. [ПСЗ РИ-II. Т. X. № 7560а], «Положение об управлении калмыцким народом» 1847 г. [ПСЗ РИ-II. Т. XXII. № 21144].

Особый интерес вызывают формулярные списки как один из видов документации в делопроизводстве XIX в. Ранее, 31 января 1764 г., указом Сената была введена форма послужного списка, состоящая из 9 пунктов, характеризующих профессиональный рост и компетенцию чиновника. Дальнейшее законодательное регулирование процесса складывания системы учета управленческого кадрового состава было связано с рядом нормативных актов, в соответствии с которыми сведения в формулярный список заносились на основании подлинных документов и давали полное представление о служащем — от сословного происхождения до наград и взысканий [ПСЗ РИ-II. Т. III. № 2278; ПСЗ РИ-II. Т. XXIV. № 23401]. Так, например, послужной список, использовавшийся во второй половине XIX в., печатался типографским способом и не имел строго установленной формы. Одна из характерных форм, используемая в Управлении калмыцким народом в указанный период, состояла из 14 граф: «I. Чин, имя, отчество и фамилия; II. Должность по службе; III. Ордена и знаки отличия; IV. Когда родился; V. Из какого звания происходит и какой губернии уроженец; VI. Какого вероисповедания; VII. Где воспитывался; VIII. Получаемое по службе содержание; IX. Когда в службу вступил и произведен в офицерский чин; производство в следующие чины и дальнейшая служба: военная, гражданская и по выборам; переводы и перемещения из одного места службы или должности в другую, с объяснением, по какому случаю: по воле начальства, по собственному желанию; когда отправился и прибыл к новому месту службы; награды

чинами, орденами, знаками отличия, Всемиловнейшие рескрипты, Высочайшие благоволения; X. Бытность вне службы: а) во временных отпусках: когда уволен, на какое время и явился ли в срок, а если просрочил, то, сколько именно, признана ли просрочка уважительною; б) для пользования ран: где именно, по чьему разрешению, с какого и по какое время; в) в бессрочном отпуске и запасе, не состоя на гражданской или общественной службе: с какое и по какое время; г) по роду оружия, без исполнения службы; д) в плену, когда и где взят и когда возвратился на службу; и е) в отставке: когда уволен и когда вновь прибыл на службу; XI. Холост или женат, на ком, имеет-ли детей; год, месяц и число рождения детей, какого они и жена вероисповедания; XII. Есть ли за ним, за родителями его, или когда женат, за женою, недвижимое имущество, родовое или благоприобретенное; XIII. Подвергался ли наказаниям или взысканиям, соединенным с ограничениями в имуществах по службе, — когда и за что именно: по судебным приговорам или в дисциплинарном порядке; XIV. Бытность в походах и делах против неприятеля, с объяснением, где именно, с какого и по какое время; оказанные отличия и полученные в сражениях раны или контузии, особые поручения сверх прямых обязанностей, по Высочайшим повелениям,

или от начальства» [НА РК. Ф. И-9. Оп. 1. Д. 279. Л. 13–18].

Ведение формулярных списков являлось обязательной процедурой, и, несмотря на то, что заполнялись они на основании подлинных документов, в них могли быть допущены ошибки, что позволяет сделать вывод о сравнительной достоверности информации, приведенной в данном виде документа.

Следующим характерным признаком делопроизводства указанного периода является сохранение коллежского порядка составления официальных бумаг, при котором каждый последующий документ, создаваемый в ходе процесса решения отдельно взятого вопроса, дублирует текст предыдущего.

Во второй четверти XIX в. появляются бланки с угловым расположением реквизитов, которые включали наименование учреждения и его структурного подразделения, т. е. департамент, отделение, стол. Регистрационный номер документа и дата его составления также включались в состав реквизитов. Такая попытка рационализации делопроизводства позволила заранее вписывать реквизиты, оставляя пропуски для дальнейшего заполнения, т. е. заготавливать бланки, которые писались не только от руки, но и печатались типографским способом.

Таблица. Оформление реквизитов и адресата

М. Г. И. Управление Государственными имуществами ПО УПРАВЛЕНИЮ КАЛМЫЦКИМ НАРОДОМ Стол 1 13 февраля 1885 г. № 954 г. Астрахань	Циркуляр Всем ГГ. Попечителям и Заведующим Отдельными частями
---	---

Источник: [НА РК. Ф. И-15. Оп. 2. Д. 1525. Л. 11].

На указанных бланках с реквизитами оформлялись постановления, циркуляры, предписания. Для примера приведем один из распространенных видов документооборота Управления калмыцким народом — циркуляр.

Особые отметки в верхнем правом углу документа «циркулярно», «конфиденциально» и т. д. Текст резолюции, накладываемый компетентными должностными лицами, располагался на левой стороне листа под реквизитами.

Прошения оформлялись на чистых листах бумаги, без реквизитов.

Делопроизводство на низовом уровне велось на калмыцком языке. Так, например, принятые сходами решения оформлялись на калмыцком языке, на листе бумаги, поделенном на две части: слева — текст на старокалмыцкой (ойратской) письменности «тодо бичиг» («ясном письме») и справа — перевод на русский язык. Следует отметить, что анализ документов из фондов Национального архива Республики Калмыкия по-

казал, что к третьей четверти XIX в. характерным признаком стало отсутствие текста на калмыцком языке, но сохранялось место для него, а к концу XIX в. только единичные документы сохраняли подобную форму. На наш взгляд, использование калмыцкого языка в официальном делопроизводстве в первой половине XIX в. было обусловлено дефицитом служащих, владеющих калмыцким языком, а также русским — в среде калмыцкого населения, что подтверждает высочайше утвержденное 23 апреля 1847 г. «Положение об училище для калмыков» [ПСЗ РИ-П. Т. XXII. № 21145], целью которого являлось «распространение между калмыками русского языка и приготовления способных переводчиков и толмачей». Данная ситуация была характерна не только для Калмыцкой степи Астраханской губернии. Так, официальная переписка между губернатором Ставропольской губернии и Главным приставом кочующих народов свидетельствует о том, что управленческий аппарат в регионах испытывал острый дефицит кадров [ГА СК. Ф. 249. Оп. 2. Д. 220]. Указанная проблема нехватки квалифицированных специалистов ощущалась остро, несмотря на попытки ее решения.

Таким образом, делопроизводство Управления калмыцкого народа и улусных управлений представляло собой законодательно регламентированную систему работы с документами, которая являлась неотъемлемой частью управленческого процесса по реализации имперской политики на национальной окраине. Видовое разнообразие служебных документов, вытеснение национального языка из делопроизводственной практики позволяют сделать вывод о наличии иерархичной структуры управления в Калмыцкой степи, целью которой являлась аккультурация населения и интеграция территории в общероссийское пространство.

Благодарности

Работа подготовлена при поддержке Программы Президиума РАН № 24 «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА СК — Государственный архив Ставропольского края. [*Gosudarstvennyy arkhiv Stavropol'skogo kraya* [State Archive of Stavropol Krai].]

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. [*Natsional'nyy arkhiv Respubliki*

Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. XL. № 30290. Отделение второе. 1825. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 761 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie pervoe. T. XL. № 30290. Otdelenie vtoroe. 1825* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. One. Vol. XL. No. 30290. Part 2: 1825]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 761 p.]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. III. № 2278. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. 1646 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. III. № 2278* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. III. No. 2278]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1830. 1646 p.]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. X. № 7560а. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. 917 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. X. № 7560a. Otdelenie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. X. No. 7560a. Part 1]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1836. 917 p.]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. № 21144. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. 950 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXII. № 21144. Otdelenie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. XXII. No. 21144. Part 1]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1848. 950 p.]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXII. № 21145. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1848. 950 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sobranie vtoroe. T. XXII. № 21145. Otdelenie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. XXII. No. 21145. Part 1]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1848. 950 p.]

Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXIV. № 23401. Отделение первое. СПб.: Тип. II Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. 635 с. [*Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii. Sbranie vtoroe. T. XXIV. № 23401. Otdelenie pervoe* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. Two. Vol. XXIV. No. 23401. Part 1]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1850. 635 p.]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бурчинова 1980 — Бурчинова Л. С. Источниково-ведческие вопросы изучения истории Калмыкии (вторая половина XIX в.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1980. 118 с. [Burchinova L. S. *Istochnikovedcheskie voprosy izucheniya istorii Kalmykii (vtoraya polovina XIX v.)* [Investigating Kalmykia's history (mid-to-late 19th c.): issues of historiography]. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 118 p.]
- Бурчинова 1982 — Бурчинова Л. С. Отчеты Управления калмыцким народом как источник по аграрной политике царизма в Калмыкии (60 – нач. 90-х гг. XIX в.) // Проблемы аграрной дореволюционной Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1982. С. 81–90. [Burchinova L. S. Reports by the Administrative Office of the Kalmyk People as a source to investigate the Tsarist agrarian policy in Kalmykia (1860s – early 1890s). *Problemy agrarnoy dorevolutsionnoy Kalmykii* [Problems of the pre-revolutionary agrarian Kalmykia]. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1982. Pp. 81–90.]
- Ерошкин 1968 — Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.: Высшая школа, 1968. 368 с. [Eroshkin N. P. *Istoriya gosudarstvennykh uchrezhdeniy dorevolutsionnoy Rossii* [Pre-revolutionary Russia: a history of government agencies]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1968. 368 p.]
- Илюшенко 1993 — Илюшенко М. П. История делопроизводства в дореволюционной России. М.: РГГУ, 1993. 395 с. [Ilyushenko M. P. *Istoriya deloproizvodstva v dorevolutsionnoy Rossii* [Pre-revolutionary Russia: a history of records management]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 1993. 395 p.]
- Лиджиева 2013а — Лиджиева И. В. Источники по истории местного самоуправления в Калмыкии в середине XIX в. (на материалах Национального архива Республики Калмыкия) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013а. № 2. С. 20–23. [Lidzhieva I. V. Sources on the history of Kalmykia's local self-government (system) in the mid-19th century (a case study of materials from the National Archive of the Republic of Kalmykia). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2013a. No. 2. Pp. 20–23].
- Лиджиева 2013б — Лиджиева И. В. Приговор суда как источник по истории местного самоуправления Калмыкии в XIX в. // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2013б. № 2(27). С. 93–97. [Lidzhieva I. V. Sentences rendered by citizens' meetings as a source to investigate the history of Kalmykia's self-government in the 19th century. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2013b. No. 2(27). Pp. 93–97].
- Литвак 1979 — Литвак Б. Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX – начала XX вв. М.: Наука, 1979. 374 с. [Litvak B. G. *Ocherki istochnikovedeniya massovoy dokumentatsii XIX – nachala XX vv.* [Essays on the historiography of the mass documentation system: 19th – early 20th cc.]. Moscow: Nauka, 1979. 374 p.]
- Митяев 1956 — Митяев Г. К. История и организация делопроизводства в дореволюционной России. М.: МГИАН, 1956. 268 с. [Mityaev G. K. *Istoriya i organizatsiya deloproizvodstva v dorevolutsionnoy Rossii* [History and organization of records management in pre-revolutionary Russia]. Moscow: MGIAN, 1956. 268 p.]
- Оконова 2016а — Оконова Л. В. Сводные годовые отчеты Калмыцкого Управления: источниковедческая эвристика // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2016а. № 4. С. 21–28. [Okonova L. V. Consolidated annual reports of the Kalmyk Administration: historiographic heuristics. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. 2016a. No. 4. Pp. 21–28].
- Оконова 2016б — Оконова Л. В. Отчеты Управления калмыцким народом: из опыта выявления источника // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф. Элиста: КИГИ РАН, 2016б. С. 41–43. [Okonova L. V. Reports by the Administrative Office of the Kalmyk People: describing some attempts to identify the source. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie. Mat-ly II Mezhdunarodnoy nauch. konf.* Elista: KIGI RAN, 2016b. Pp. 41–43].

dunar. nauch. konf. Elista: Kalmyk Institute for Humanities Research of RAS, 2016b. S. 41–43].

Шепелев 1976 — *Шепелев Л. Е.* Проблемы источниковедческого изучения делопроизводственных документов государственных учреждений в XIX – начале XX вв. // Источниковедение отечественной истории. Сб.

статей. М.: АН СССР, Ин-т ист. СССР, 1976. С. 248–271. [Shepelev L. E. Records management documents of government agencies in the 19th – early 20th cc.: problems of historiographic research. *Istochnikovedenie otechestvennoy istorii. Sb. statey.* Moscow: Academy of Sciences, Institute of History of USSR, 1976. Pp. 248–271].

УДК 94(47)084

Делопроизводственная практика управления калмыцким народом

Ирина Владимировна Лиджиева¹

Байр Владимировна Когданова²

¹ кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, археологии и этнологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: irina-lg@yandex.ru

² аспирант, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kbaya@mail.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является делопроизводственная практика Управления калмыцкого народа и улусных управлений Калмыцкой степи Астраханской губернии в XIX – начале XX вв., как органов управления одного из представителей иногородческого населения Российской империи. В качестве методов исследования использованы: реконструктивный, позволивший восстановить отдельные стороны делопроизводственного процесса органов управления Калмыцкой степи в рассматриваемый период, а также метод классификации исторических источников, позволивший разделить служебную документацию по видам, тем самым выделить характерные для них общие и специфические признаки. Особое внимание уделяется анализу документальных материалов из фондов Национального архива Республики Калмыкия, который позволил сделать вывод о том, что общим признаком документального массива делопроизводственной практики являлась соподчиненность, т. е. нижестоящие учреждения и должностные лица направляли в вышестоящие инстанции рапорты, донесения, доклады, ходатайства и представления, тогда как вышестоящие издавали распоряжения, предписания, циркуляры, постановления и уведомления. В заключение автор приходит к выводу о том, что делопроизводство как составная часть системы управления также была направлена на интеграцию Калмыцкой степи в общероссийское пространство, в том числе посредством аккультурации населения.

Ключевые слова: делопроизводство, Управление калмыцким народом, формуляр, предписание, постановление, прошение, циркуляр

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 38–46, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-38-46
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC: 94 (282.247.36) 08

Peasants of the Don River Region: Demographic Processes in the Late 19th Century

*Mariya A. Kolomeytseva*¹

¹Ph.D. in History (Cand. of Historical Sc.), Lecturer, Institute of Professional Education (Moscow, Russian Federation). E-mail: marijaandreeva@mail.ru

Abstract. The article considers the course and features of demographic processes inherent to the Don peasantry in the period after the Emancipation Reform of 1861. It also justifies the scientific, historical, and social significance of studies of demographic processes in peasant populations. The paper points out that the choice of the modern political agenda for settlement of the demographic situation should be supported with analytical studies of historical experiences supposed to reveal factors that influence that demographic situation. The historiography of the problem is analyzed, and it is emphasized that there have been no academic works dealing with issues of demography of the Don peasantry in the post-reform period.

The work analyzes the demographic situation in the region in general, provides statistical data on population dynamics, birth, death, and natural population growth rates. The demographic behavior of the Don peasantry is compared with that of other social groups in the region, and with demographic data from all over the country. Peculiar features of demographic processes typical for the Don peasantry, factors to influence the peasant population dynamics have been identified. The paper shows that one of the characteristic features of the investigated demographic processes was intensive external colonization of the Don River Region by agricultural population which basically had its certain impact on the socio-demographic development of the territory. The migrations resulted in the formation of two separate categories of peasant population — the native peasantry and the non-native one — with significantly differing situations and features of development. It is noted that the peasant population — as compared to the Cossacks — in common was characterized by higher birth rates though aggravated by heavy mortality due to less favorable living conditions, with a particularly high child mortality rate. Special attention is paid to such aspects as life expectancies, age and gender compositions. The article summarizes the analysis of peculiarities inherent to demographic processes of the Don peasantry in the mid-to-late 19th century, and concludes that despite the fact Don Host Oblast had historically been a region with a predominantly Cossack population the demographic processes were characterized by a rapid increase of the alien (primarily peasant) population. And unlike the case of most other territories, the population of the Don River Region significantly increased as a result of mass migrations of agricultural population thereto rather than as a result of natural population growth. Qualitative indicators of the demographic process were closely related to living conditions of the peasant population.

Keywords: Don, Don peasantry, demographic processes, birth rate, mortality rate, population growth

Демографические процессы в современной России характеризуются депопуляцией, тенденциями ярко выраженного кризиса [см., напр.: Хвыля-Олинтер 2015]. Несмотря на некоторые улучшения показателей воспроизводства населения, отмечаемые в последнее десятилетие, общая картина меняется незначительно. Особенно заметным сокращение численности становится при рассмотрении изменения численности за последние сто лет сельского населения, которое сократилось с 85 % до 26 %¹. В среде сельских жителей отмечается более высокая смертность, максимально отрицательный прирост, который в 2000 г. составил –7,3 (для городского –6,3) [Естественное движение ... 2018].

Исследование демографических процессов в среде крестьянства имеет научную, историческую и социальную значимость. На протяжении длительного времени крестьянство оставалось преобладающей по численности и удельному весу демографической когортой. Сельские жители, современные крестьяне, по-прежнему остаются ведущими сельхозпроизводителями в стране [см., напр.: Город и деревня 2001]. Современное крестьянство составляет не только экономическое, но и социальное ядро российского села, обеспечивая его сохранение и развитие. Решение демографической проблемы, связанное с поиском выхода из кризиса, должно подкрепляться и обеспечиваться аналитическими исследованиями исторического опыта, направленными на определение тенденций, выявление факторов, оказывающих влияние на демографическую ситуацию.

¹ По данным переписи 1897 г., из 128,2 млн человек общего населения сельские жители составляли 108,1 или 84 %. Крестьянство, соответственно, составляло подавляющее большинство жителей сел. Взятый только в границах современной России, этот показатель также был самым высоким: из 67,5 млн человек сельское население составляло 57,6 млн или 85 %. В 1914 г. данный показатель в тех же границах составлял из 89,9 млн чел. — 74,2 млн, т. е. 83 % (для территории всей империи: из 165,7 млн — 74,2 млн, т. е. 82 % соответственно). В 1926 г. из 92,7 млн общей численности сельское население составляло 76,3 млн, т. е. 82 %; в 1959 г. из 117,2 млн — 56,1 млн (48 %); в 1989 г. из 147,0 млн — 39 млн (27 %). В 2016 г. при общей численности в 146,5 млн на долю сельского населения приходилось 26 % или 37,9 млн [Численность и состав ... 2018]

Объектом настоящего исследования стало донское крестьянство конца XIX века. Предметом явились динамика и региональные особенности демографических процессов в среде крестьянского населения.

Историография проблематики недостаточна и фрагментарна. Основное внимание в исследованиях традиционно уделялось войсковому сословию. В дореволюционной историографии можно выделить ряд единичных работ, посвященных собственно крестьянству и содержащих определенный объем статистического материала. В советский период аграрные исследования активизировались, однако специальные труды, направленные на изучение демографических процессов в среде донского крестьянства, отсутствовали. Аналитический материал обобщенного характера приводится в весьма знаковой работе «Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма» [Крестьянство Северного ... 1990], в ракурсе рассмотрения региона Дона и Северного Кавказа в целом. В современной историографии можно выделить ряд работ, затрагивающих узловые проблемы аграрной истории Дона [Ревин 2005; Герман 2000; Герман 2003; Тикиджьян 1995, 2010; Аляев 2005; и др.], однако собственно демографической анализ пореформенного крестьянства до настоящего времени практически оставался за рамками исследований.

Источниками для изучения демографии могут служить данные очередных ревизий, материалы правительственных комиссий, организовывавшихся для обследования донских территорий и жизни казачества, церковного ведомства (относительно православного населения), сведения полицейской, поземельной и другой отраслевой статистики, отчеты войсковых наказных атаманов. Последние, правда, содержали материал исключительно или в большей степени по войсковому сословию. Важнейшую роль в собирании исторического и статистического материала сыграл Областной Войска Донского статистический комитет. По периоду второй половины XIX в. особенно интересно и значимо историко-статистическое описание С. Ф. Номикосова [Номикосов 1884]. Некоторые сведения можно почерпнуть из материалов, публиковавшихся на страницах периодической печати. Обширную информацию представляют данные переписей (1873 и 1897 гг.). В целом уровень статистических исследований был

недостаточно высоким, при сопоставлении данных по одному и тому же предмету выявлялись расхождения, погрешности.

Область войска Донского по общей численности населения находилась среди регионов Европейской России на 12 месте (2 564 238 чел.¹), по абсолютной численности крестьянства — на 35 месте с показателями 1 222 621 д. об. п. [Первая всеобщая... Общий свод 1905: табл. VIII]. На Дону отмечались типичные для страны высокие рождаемость и смертность, приоритет больших семей, невысокая продолжительность жизни. Интерес представляет выявление специфических процессов и характеристик демографической картины крестьянского населения Дона.

В большинстве регионов Европейской России удельный вес крестьянства в структуре населения был наивысшим, составляя от 75 до 95%. В Области Войска Донского преобладающей категорией являлось войсковое сословие, более того, 35 % всех войсковых казаков России проживало именно на Дону. Крестьянство в области составляло, по данным переписи 1897 г., 48 %² [Первая всеобщая... Общий свод 1905: табл. VIII].

Особенностью складывания донского крестьянства являлось формирование его на начальном этапе за счет массовых, стихийных, самовольных миграций в область аграрного населения, отмечавшихся еще с XVI в. Миграциям благоприятствовали естественные предпосылки: земли казаков непосредственно граничили с традиционными земледельческими территориями, испытывавшими всю тяжесть крепостного гнета и земельного голода. На войсковые земли тысячами переселялись выходцы из близлежащих Воронежской, Белгородской, Курской, Орловской губерний и, особенно, Слободской и Левобережной Украины. Для переселяющегося аграрного населения Донская

область представляла возможность перейти в свободное казачество либо же занять пустующие земли, которых на Дону на момент начала освоения края было в избытке. Казачество (особенно казачья верхушка), занятое военными походами, охотно принимало беглое крестьянство, привлекая его к работе на занятых участках. Исследователями отмечалась особая значимость миграций в деле освоения края, прироста населения через постоянную прибыль новых поселенцев³. Многотысячные миграции оказали существенное влияние на эволюцию традиционного донского сообщества, складывание особой системы поземельных отношений. В 1763 г. все переселенцы-крестьяне были записаны в подушный оклад, для чего полагалось приписать их либо к отдельным лицам, либо к целым казачьим обществам, что положило начало складыванию на Дону крепостной системы. В составленных по этому поводу списках значилось 232 поселения с 20 422 душами. Во время 4-й ревизии (1782 г.) крестьян на Дону числилось уже 26 579, по данным 5-й ревизии (1795 г.), — 59 492. Число крестьян по 8 ревизии 1834 г. составляло уже 102 560 душ [Карасев 1867: 75–76, 79, 87]. В подавляющем большинстве это были помещичьи крестьяне, в том числе великороссийские крепостные, купленные донскими помещиками за пределами области. В 1861 г. в реформе по отмене крепостного права участвовало около 160 тыс. крестьян [Савельев 1917: 38–39]. Крестьяне, вышедшие из крепостной зависимости и участвовавшие в поземельных операциях в соответствии с положениями реформы, образовали категорию коренного крестьянства. Крестьянство, переселявшееся на Дон во время и после реформы, получило наименование иногороднего. Положение двух категорий сильно разнилось. В целом относительно масштабов миграций и общей популяции А. П. Пронштейн приводит следующие цифры о численности крестьян-переселенцев на Дону: конец XVIII в. — 55 тыс., начало второй половины XIX в. — почти 300 тыс. (около 30 % крестьян); С. Брук и В. Кабузан пишут о 81 тыс. и 287 тыс. соответственно [Пронштейн 1982: 57; Брук, Кабузан 1984: 49]. Темпы прироста за полвека выросли как минимум в 3 раза.

Еще одной особенностью являлось преобладание в потоке переселенцев малороссийского элемента, что объяснялось

³ См.: [Багалей 1887; Соколовский 1878].

¹ В источнике численность обозначена: «душ обоих полов» (далее нами используется сокращение «д. об. п.»).

² Для сравнения: крестьянское население Кавказа составляло 75 % жителей региона, в Астраханской губернии, где было много инородцев, — 48 %. В соседних областях удельный вес крестьян составлял: в Екатеринославской — 87 %, Воронежской — 95 %, Орловской — 90 %, Курской — 94 %, Ставропольской — 88 %. Сходный с донским был показатель в Кубанской области [Первая всеобщая... Общий свод 1905: табл. VIII]

непосредственной границей с Левобережной Украиной, а также тем, что вплоть до 80-х гг. XVIII в. в Украине признавалось право свободных переходов крестьян. В середине XVIII в. удельный вес украинцев в области доходил до 28,7 % [Брук, Кабузан 1984: 47]. Особенно усилился приток переселенцев после ликвидации Запорожской Сечи. Исследователи разделяли малороссийский и великороссийский тип населения области, соотнося первый в основном с крестьянством, а второй — с казачеством.

Новая волна миграций пореформенного периода¹ способствовала быстрому росту численности населения, прежде всего среди крестьянства, торговых кругов, мещан, тогда как казачье население росло гораздо медленнее. В середине XIX в. общая численность населения составляла около 800 000 человек [Кеппен 1851: 5], по данным первой народной переписи 1873 г., она достигла свыше 1 330 000 чел., т. е. за 20 лет прирост составил почти 62 %. Из указанного количества населения в казачьей группе насчитывалось около 740 тыс. чел., неказачьего населения — 570 тыс. чел., в том числе крестьян — 500 870 чел. [Область войска 1879: 16–17]. По данным переписи 1897 г., крестьян в Донской области проживало 1 222 621², собственно войсковых казаков — 1 026 263 [Первая всеобщая... т. XII 1905: 14–15]. Таким образом, с конца XVIII в. крестьянское население Дона увеличилось почти в 20 раз. По данным этой же переписи, уроженцы других губерний и государств составляли 17 % от общего числа жителей области, при этом 80 % от данного показателя — иногородние, отнесенные к категории лица сельского состояния [Первая всеобщая... т. XII 1905: 44–45]. В конце XIX – начале XX вв. практически ежегодно несколько тысяч иногородних причислялись к невойсковым сословиям, в том числе к крестьянским обществам³. Многочислен-

ные миграции на Дон сохраняли свое значение вплоть до революции. Часть переселенцев организовывала собственное хозяйство, часть уходила в наём⁴, торговлю. Благоприятные условия обеспечивались высокими товарными возможностями региона.

Крестьянское население в области распределялось неравномерно, что было обусловлено особенностями заселения края и спецификой крепостного землевладения на Дону. На начальном этапе крестьяне селились среди казачьих юртов, по мере укрепления собственно казачьего хозяйства крестьянское население отодвигалось на свободные земли. В итоге в области имелись как отдельные крестьянские села, составлявшие волости, так и поселения среди казачьих станиц. С 1835 г. проводилось межевание с перенесением всех владельческих участков донских помещиков с территории станичных юртов на свободные земли в Донецком и Миусском округах, куда, соответственно, была переселена и большая часть зависимого крестьянства. Однако в связи с незавершенностью кампании определенная часть крестьян оставалась жить среди казаков. Иногороднее крестьянство селилось по области на пустующих местах во всех округах. После присоединения Таганрога и Ростовского градоначальства и изменения административного устройства районами массового проживания крестьян стали Таганрогский (крестьянство составляло около 80 % от всего населения округа), Донецкий (около 50 %), Ростовский (около 60 %) округа. Наименьший удельный вес крестьянства отмечался в Черкасском, Сальском (примерно по 47 %), I и II Донском, Усть-Медведицком, Хоперском (от 30 % до 20 % от населения округов) [Первая всеобщая... т. XII 1905: 48–51]. В целом ареал расселения крестьянства охватывал преимущественно запад и юг области. Неравномерно распределялось крестьянское население и внутри округов. При средней плотности населения по Донской области в 17,78 на версту (в Европейской России — в среднем 22,09) [Первая всеобщая... т. XII 1905: 13]), плотность крестьянского населения составляла в среднем 8,5 на версту. При

¹ Важную роль в интенсивной колонизации Дона сыграл закон от 29 апреля 1868 г. «О дозволении русским подданным вневойскового сословия селиться и приобретать собственность в землях казачьих войск...» [ПСЗРИ. Собр. II. СПб., 1873. Т. 43. Отд. 1. № 45785. § 1].

² В общее число вошли, возможно, и иногородние, временно пребывающие в области.

³ Сведения о причислении иногородних к жителям области регулярно сообщались в отчетах Войсковых наказных атаманов и Памятных книжках Областного войска Донского статистического комитета.

⁴ Дон относился к регионам, где доля наемных сельскохозяйственных рабочих к местным работникам была наивысшей в России (за исключением прибалтийских губерний) и составляла около 6 % (см.: [Ковальченко, Бородин 1979: 81–92]).

этом, в Ростовском округе — 38 на версту, Таганрогском — 28 человек на версту [Первая всеобщая ... т. XII 1905: 13–14].

Рождаемость, смертность, прирост. Уровень рождаемости в области войска Донского на конец XIX в. составлял 56,5 на 1000 человек, т. е. был чуть выше, чем в среднем по Европейской России (соответственно 49,5). В начале XX в. этот показатель снизился до 52,7 [Рашин 1956: табл. 123]. По подсчетам С. Ф. Номикосова, в конце XIX в. средняя рождаемость в казачьем населении области была до 4,3, в крестьянском — до 5,7 на 100 человек или 43 и 57 на каждую 1 000 человек соответственно [Номикосов 1884: 201]. Более низкий показатель рождаемости среди казаков объяснялся долгим отсутствием мужчин-казаков, несших военную службу.

Смертность в области на конец XIX в. достигала в среднем цифры 32,7 на 1 000 человек, что примерно соответствовало уровню Европейской России — в среднем 32,1 [Рашин 1956: табл. 145]. Средняя смертность в казачьем населении в 1880-х гг. была до 2,5 %, а в крестьянском — до 3,5 % [Номикосов 1884: 201]. Особенно высокая смертность отмечалась среди детей, а также вследствие частых на Дону эпидемий. Высокая смертность среди крестьянства, по словам С. Ф. Номикосова, «менее обеспеченного и более невежественного в сравнении с казаками», объяснялась менее благоприятными условиями жизни, фактическим отсутствием медицинской помощи, худшими санитарными условиями (см.: [Коломеева 2016]), более низким уровнем просвещения.

Естественный прирост. По подсчетам А. Г. Рашина, естественный прирост в конце XIX в. по Европейской России составлял 17,4 на 1 000 человек, по расчетам Р. И. Сифман — 17,2 [Рашин 1956: табл. 161; Сифман 1977: 76]. Для Области войска Донского этот показатель составлял 23,8 на 1 000 и был едва ли не самым большим в стране. Примерно такой же показатель 2 % (на 100 человек) указывал во второй половине XIX в. С. Ф. Номикосов [Номикосов 1884: 201]. При этом среди собственно казачьего населения прирост составлял 1,7, среди крестьянского отмечался более высокий показатель — 2,2 %. Особенно заметным был показатель прироста среди иногороднего населения — свыше 5% [Номикосов 1884: 266].

Более высокий показатель прироста иногороднего населения в определенной мере подтверждает корреляцию экономических факторов и демографической динамики: та часть иногороднего населения, которая оседала в области для постоянного жительства на правах собственников или крупных арендаторов, торговцы, посредники, представляли собой круг зажиточных людей, имеющих более благоприятные, в сравнении с коренным общинным крестьянством, основания для воспроизводства и сохранения нового поколения. Относительно же более высокого в сравнении с казачьим населением показателя естественного прироста среди крестьян в целом, необходимо подчеркнуть, что данный прирост, с учетом более высокой смертности, которая в отдельные моменты могла даже превысить рождаемость, не может служить характеристикой качественно лучшей демографической ситуации для крестьян. Кроме того, часть прироста обеспечивалась за счет рождений среди иногородних и временно прибывающих на наемные работы лиц.

Средняя продолжительность жизни в области во второй половине XIX в. по годам составляла от 16–25 лет, в рабочем возрасте доходила до 36 лет [подсчитано по: Область войска ... 1879: 28–40]. Вычислить, сколько именно составляла продолжительность жизни в казачьем и крестьянском сословии, — затруднительно, так как отдельной статистики по крестьянам по возрастам не велось, однако наименьший показатель — до 35 лет в рабочем возрасте — отмечался в традиционно крестьянских округах.

В отношении возрастного состава, по данным переписи 1897 г., для сельского сословия области (куда включались и казаки, и крестьяне) характерно было преобладание удельного веса категории до 10 лет (28%). В последующих возрастных категориях показатель снижался: для группы 10–19 лет — 20 %, 20–29 лет — 17 %, для 30–39-летних — 12 %. До 40–49-летнего возраста доживали только 9 %, до 60 лет — 7 %. В целом доля населения в рабочем возрасте от 20 до 60 лет составляла примерно 48 % (для современной России этот показатель составляет 62–66 %) [подсчитано по: Первая всеобщая... т. XII 1905: 52–73].

Соотношение численности мужского и женского населения. В целом в России женское население традиционно преобладало над мужским, к концу XIX в. примерно на

0,6 %. Однако на Дону складывалась очень интересная картина: здесь общее число женщин уступало численности мужчин примерно на 0,95 %. При этом в казачьем сословии женщины превосходили мужчин на 2,95%, а меньшая численность женщин отмечалась именно в крестьянском населении — почти на 4,28 % [Первая всеобщая... Общий свод 1905: табл. VIII]. «Ненормальное числовое отношение полов» [Номикосов 1884: 230] объяснялось исследователями в большей степени тем, что в число крестьянского населения включались иногородние, среди которых значительно преобладало число мужчин, приходивших в область на заработки. Не стоит сбрасывать со счетов и фактор действительно тяжелого положения женщины-крестьянки, фактического отсутствия медицинской помощи.

Таким образом, относительно демографической картины крестьянского населения Дона можно сделать ряд основополагающих выводов. Если Российскую империю в целом в конце XIX в. можно назвать крестьянской страной, то Донская область исторически оставалась казачьим регионом. Между тем, для демографических процессов на Дону был характерен быстрый прирост неказачьего, прежде всего, крестьянского населения. Однако, в отличие от большинства регионов страны, численность населения на Дону росла за счет не столько естественного прироста, сколько за счет многотысячных миграций в край аграрного населения. Переселенческое движение сыграло важную роль в хозяйственном освоении Донской области, оказало влияние на социальные процессы. Именно в среде иногороднего крестьянства отмечался наивысший естественный прирост, в то время как прирост среди коренного крестьянства и казачества отмечался примерно на уровне общероссийских показателей. В целом для крестьянства Дона были характерны традиционные для экстенсивной модели воспроизводства населения высокая рождаемость и высокая смертность, превышающая показатели для казачьего населения. Высокая смертность и более низкая продолжительность жизни в сравнении с казачьим населением объяснялись, прежде всего, менее благоприятными бытовыми условиями, низким уровнем просвещения, фактическим отсутствием медицинского сопровождения и тяжелым земледельческим трудом, остававшимся для крестьян, в отличие от казачьего населения,

единственным источником доходов и основной жизнеобеспечения. Исключение составляла богатейшая прослойка иногороднего крестьянства, свободного от традиционного общинного образа жизни.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Естественное движение... — Естественное движение населения (Таблица). Федеральная служба государственной статистики. [Электронный ресурс] // URL: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 24.01.2018). [*Estestvennoe dvizhenie naseleniya (Tablitsa). Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Natural population movement (Table). Federal State Statistics Service].] Available at: www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 24 January 2018).

Кеппен 1854 — Кеппен П. И. Предварительные сведения о числе жителей в России по губерниям и уездам в 1851 году. На основании данных 9-й народной переписи и др. показаний. СПб.: тип. Имп. Академии наук, 1854. 18 с. [Кеппен P.I. *Predvaritel'nye сведения o chisle zhitelej v Rossii po guberniyam i uezdam v 1851 godu. Na osnovanii dannyx 9-j narodnoj perepisi i dr. pokazanij* [Preliminary data on Russia's population by provinces and uezds in 1851. Results of the 9th Nationwide Census and other sources]. St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc., 1854, 18 p.

Область войска ... 1879 — Область войска Донского по переписи 1873 года. Кн. 5. Итоги жителей в поселениях Области войска Донского. Новочеркасск: Областная войска Донского типография, 1879. 66 с. [*Oblast' vojska Donskogo po perepisi 1873 goda. Vol. 5. Itogi zhitelej v poseleniyakh Oblasti vojska Donskogo* [Don Host Oblast: 1873 Census. Vol. 5. The population of settlements of Don Host Oblast]. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1879, 66 p.

Первая всеобщая... т. XII 1905 — Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Т. XII. Область войска Донского / Под ред. Н. А. Тройницкого. СПб.: Изд. Центрального статистического комитета МВД, 1905. 239 с. [*Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897 g. T. XII. Oblast' vojska Donskogo* [1st Nationwide Census of the Russian Empire. 1897. Vol. XII: Don Host Oblast]. St. Petersburg: Central Statistical Committee of Interior Ministry, 1905, 239 p.

- Первая всеобщая... Общий свод 1905 — Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. Т.I Общий свод по Империи результатов разработки данных Первой Всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / Под ред. Н. А.Тройницкого. СПб: паровая типолитография Н. Л. Ныркина, 1905. 417 с. [*Pervaya Vseobshhaya perepis' naseleniya Rossijskoj Imperii 1897 g. T.I Obshhij svod po Imperii rezul'tatov razrabotki dannyx Pervoj Vseobshhej perepisi naseleniya, proizvedennoj 28 yanvarya 1897 goda* [1st Nationwide Census of the Russian Empire. 1897. Vol. I: Collected data of the Census performed on 28 January 1897]. N. Troitsky (ed.). St. Petersburg: N. L. Nyrkin, 1905. 417 p.]
- ПСЗРИ. Собр. II. — Полное Собрание Законов Российской Империи : Собрание второе. : [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года] : [В 55-ти т. с указ.]. - СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. Канцелярии, 1873. Т. 43. Отд. 1: № 45356 – 46062. 939 с. [*Polnoe Sobranie Zakonov Rossijskoj Imperii : Sobranie vtroe. : [S 12 dekabrya 1825 goda po 28 fevralya 1881 goda] : [V 55-ti t. s ukaz.* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2: 12 December 1825 – 28 February 1881 (in 55 vol. with comments)]. St. Petersburg: Second Section of His Imperial Majesty's Own Chancellery, 1873. Vol. 43. Part 1: No. 45356 – 46062. 939 p.]
- Численность и состав ... 2018 — Численность и состав населения. Федеральная служба государственной статистики [электронный ресурс] // www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls/ (дата обращения: 24.05.2018). [*Chislennost' i sostav naseleniya. Federal'naya sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [Population size and structure. Federal State Statistics Service.] Available at: www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo11.xls/ (accessed: 24 May 2018).
- ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES**
- Аляев 2005 — Аляев М. В. Аграрные отношения на Дону и их эволюция (1861-1914): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Волгоград, 2005. 31 с. [Alyayev M. V. *Agrarnye otnosheniya na Donu i ih ehvolyuciya (1861-1914)* [Agrarian relations in the Don River Region and their evolution (1861-1914)]. A PhD thesis abstract. Volgograd, 2005. 31 p.]
- Багалея 1887 — Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации и быта степной окраины Московского государства: исследование Д. И. Багалея. М.: изд. Имп. о-ва истории и древностей российских при Московском ун-те, 1887. 614 с. [Bagaley D. I. *Ocherki iz istorii kolonizacii i byta stepnoj okrainy Moskovskogo gosudarstva* [Colonization and lifestyles of Muscovy's steppe margins: historical essays]. Moscow: Imperial Society for History and Russian Antiquities, Moscow University, 1887. 614 p.]
- Брук, Кабузан 1984 — Брук С. И., Кабузан В. М. Миграция населения в России в XVIII – начале XX веков (численность, структура, география) // История СССР. 1984. № 4. С. 41–59. [Bruk S. I., Kabuzan V. M. Population migrations in Russia: 18th – early 20th cc. (their size, structure, geography). *Istoriya SSSR*. 1984. No. 4. Pp. 41–59].
- Герман 2000 — Герман О. Б. Экономика казачьих и крестьянских хозяйств Дона во второй половине XIX- начале XX века. // Казачество: прошлое и настоящее. Сб. науч. трудов. Волгоград: Изд-во Волгоградского гос. ун-та, 2000. С. 164–184. [German O. B. The Don River Region: economies of Cossack and peasant household plots in the mid-to-late 19th – early 20th cc. *Kazachestvo: proshloe i nastoyashchee. Sb. nauch. trudov*. Volgograd: Volgograd State Univ., 2000. Pp. 164–184].
- Герман 2003 — Герман О. Б. Правовое положение казачества и крестьянства Юго-Востока Европейской России в 1861–1920 гг.: дис. ... д-ра юрид. наук. Ростов н/Д, 2003. 658 с. [German O. B. *Pravovoe polozhenie kazachestva i krest'yanstva Yugo-Vostoka Evropejskoj Rossii v 1861–1920 gg.* [Southeast of European Russia: the legal status of Cossacks and peasants in 1861–1920]. A PhD thesis. Rostov-on-Don, 2003. 658 p.]
- Город и деревня 2001 — Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен / ред. Т. Неведова, П. Полян, А. Трейвиш. М.: ОГИ, 2001. 557 с. [*Gorod i derevnya v Evropejskoj Rossii: sto let peremen* [The city and the village in European Russia: a hundred years of changes]. Nefedova T., Polyan P., Treyvish A. (eds.). Moscow: OGI, 2001. 557 p.]
- Карасев 1867 — Карасев А. А. Донские крестьяне // Труды Донского Войскового статистического комитета. Вып. 1. Новочеркасск, 1867. С. 72–118. [Karasev A. A. Don peasants. *Trudy Donskogo Vojskovogo statisticheskogo komiteta*. Novocherkassk, 1867. Vol. 1. Pp. 72–118].
- Ковальченко, Бородкин 1979 — Ковальченко И. Д., Бородкин Л. И. Аграрная типология гу-

- берний Европейской России на рубеже XIX–XX веков (опыт многомерного количественного анализа) // История СССР. 1979. № 1. С. 81–92. [Kovalchenko I. D., Borodkin L. I. The agrarian typology of European Russia's provinces at the turn of the 20th century (an effort of multivariate quantitative analysis). *Istoriya SSSR*. 1979. No. 1. Pp. 81–92].
- Коломейцева 2016 — Коломейцева М. А. Со-стояние здравоохранения в среде аграрного населения Области войска Донского во второй половине XIX века (по материалам крестьянства) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3–1. С. 50–55. [Kolomeytseva M. A. Health care conditions among the agrarian population (peasants) of Don Host Oblast: mid-to-late 19th century. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossijskoj akademii nauk*. 2016. Vol. 18. No. 3–1. Pp. 50–55].
- Крестьянство Северного ... 1990 — Крестьянство Северного Кавказа и Дона в период капитализма / Отв. ред. А. М. Анфимов. Ростов н/Дону: Изд-во Ростовского университета, 1990. 254 с. [*Krest'yanstvo Severnogo Kavkaza i Dona v period kapitalizma* [North Caucasus and Don peasants in the Capitalist Era]. A. M. Anfimov (ed.). Rostov-on-Don: Rostov State University, 1990. 254 p.]
- Номикосов 1884 — Номикосов С. Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск: Областная Войска Донского типография, 1884. 762 с. [Nomikosov S. F. *Statisticheskoe opisaniye Oblasti Vojska Donskogo* [A statistical description of Don Host Oblast]. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1884. 762 p.]
- Пронштейн 1982 — Пронштейн А. П. Роль казачества и крестьянства в заселении и хозяйственном освоении Дона и степного Предкавказья в XVIII – первой половине XIX века // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Общественные науки. 1982. № 1. С. 55–59. [Pronstein A. P. [The peopling and land development of the Don River Region and North Caucasus steppes in the 18th – early-to-mid 19th cc.: the impact of Cossacks and peasants. *Izvestiya Severo-Kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshej shkoly. Obshchestvennye nauki*. 1982. No. 1. Pp. 55–59].
- Рашин 1956 — Рашин А. Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). Статистические очерки / Под ред. акад. С. Г. Струмилина. М.: Госстатиздат. 1956. 352 с. [Raschin A. G. *Naselenie Rossii za 100 let (1811–1913 gg.)*. *Statisticheskie ocherki* [Population of Russia during 100 years (1811–1913). Statistical essays]. S. Strumilin (ed.). Moscow: State Statistical Publ., 1956. 352 p.]
- Ревин 2005 — Ревин И. А. Крестьянство Дона и Приазовья в дореформенный период: вторая половина XVIII в. – 1861 г.: дис. ... канд. ист. наук. Новочеркасск, 2005. 227 с. [Revin I. A. *Krest'yanstvo Dona i Priazov'ya v doreformennyj period: vtoraya polovina XVIII v. – 1861 g.* [Don and Azov peasants in the pre-reform period: 1750s – 1861]. A PhD thesis. Novocherkassk, 2005. 227 p.]
- Савельев 1917 — Савельев Е. П. Крестьянский вопрос на Дону в связи с казачьим. Историко-статистический очерк. Новочеркасск: Донская Епархиальная типография, 1917. 77 с. [Saveliev E. P. *Krest'yanskij vopros na Donu v svyazi s kazach'im*. *Istoriko-statisticheskij ocherk* [The 'peasant question' in the Don River Region in its relation to the 'Cossack' one. A historical and statistical essay]. Novocherkassk: Don Eparchy Press, 1917, 77 p.]
- Сифман 1977 — Сифман Р. И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и СССР. Сб. статей. М.: Статистика. 1977. С. 62–82. [Sifman, R. I. Russia's population dynamics: 1897 – 1914. *Brachnost', rozhdaemost', smernost' v Rossii i SSSR*. Moscow, 1977. Pp. 62–82].
- Соколовский 1878 — Соколовский П. А. Экономический быт земледельческого населения России и колонизация юго-восточных степей пред крепостным правом. СПб.: Тип. Ф. С. Сущинского, 1878. 266 с. [Sokolovsky P. A. *Ekonomicheskij byt zemledel'cheskogo naseleniya Rossii i kolonizaciya yugo-vostochnykh stepej pred krepostnym pravom* [The economic lifestyles of Russia's agrarian population and the colonization of southeastern steppes in the era of serfdom]. St. Petersburg: F. S. Suschinsky, 1878. 266 p.]
- Тикиджьян 1995 — Тикиджьян Р. Г. Казачество и неказачье население Дона: становление, этносоциальный состав и проблемы взаимоотношений // Возрождение казачества: история и современность. Сб. науч. ст. к V Всеросс. (Междунар.) науч. конф. Новочеркасск: Логос, 1995. С. 87–102. [Tikidzhyan R. G. Cossack and non-Cossack populations of the Don Region: formation, ethno-social structure, and problems of mutual relations. *Vozrozhdenie kazachestva: istoriya i sovremennost'*. *Sb. nauch. st. k V Vseross. (Mezhdunar.) nauch. konf.* Novocherkassk: Logos, 1995. Pp. 87–102].

Тикиджьян 2010 — *Тикиджьян Р. Г.* История и культура народов Донского края и казачества: научно-популярное и учебно-методическое издание для национально-регионального компонента образования. Ростов н/Д: ООО «Донской издательский дом», 2010. 448 с. [Tikidzhyan R. G. *Istoriya i kul'tura narodov Donskogo kraya i kazachestva: nauchno-populyarnoe i uchebno-metodicheskoe izdanie dlya nacional'no-regional'nogo komponenta*

obrazovaniya [Cossacks and other peoples of the Don Region: history and culture. A popular science study book]. Rostov-on-Don: Donskoy Izdatel'skiy Dom Ltd., 2010. 448 p.].

Хвыля-Олинтер 2015 — *Хвыля-Олинтер Н. А.* Демографическое состояние современной России // Социум и власть. 2015. № 4(54). С. 15–23. [Khvylya-Olinter N. A. The demographic situation in Russia. *Sotsium i vlast'*. 2015. No. 4 (54). Pp. 15–23].

УДК 94 (282.247.36) 08

Демографические процессы в среде крестьянства Дона в конце XIX в.

Мария Андреевна Коломейцева¹

¹ кандидат исторических наук, преподаватель, Институт профессионального обучения (Москва, Российская Федерация). E-mail: marijaandreeva@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению хода и особенностей демографических процессов в среде донского крестьянства в период после реформы 1861 г. Обосновывается научная, историческая и социальная значимость изучения демографических процессов в среде крестьянства. Автором указывается, что выбор курса современной государственной политики по регулированию демографической ситуации должен обеспечиваться аналитическими исследованиями исторического опыта, направленными на выявление факторов, оказывающих влияние на демографическую ситуацию. Проводится анализ историографии проблемы, подчеркивается отсутствие специальных работ, посвященных вопросам демографии донского крестьянства пореформенного периода.

В работе анализируется демографическая картина региона в целом, приводятся статистика по динамике численности населения, показатели рождаемости, смертности, естественного прироста. Проводится сравнительная характеристика демографического поведения крестьянства Дона с иными социальными группами населения региона, с данными демографии по стране. Выявлены особенности демографических процессов в среде донского крестьянства, факторы, влияющие на динамику численности крестьянского населения. Показано, что одной из характерных особенностей демографических процессов являлась интенсивная внешняя колонизация Дона аграрным населением, которая оказала влияние на социально-демографическое развитие региона в целом. В результате миграций на Дону сформировались две отдельные категории крестьянского населения — коренное и иногороднее крестьянство, положение и особенности развития которых значительно различались. Отмечается, что для крестьянского населения в целом была характерна более высокая в сравнении с казачеством рождаемость, в то же время отмечалась более высокая смертность, объяснявшаяся менее благоприятными условиями жизни. Особенно высокая смертность отмечалась среди детей. Отдельно рассматриваются такие аспекты, как уровень продолжительности жизни, возрастной состав, гендерная статистика. В заключении статьи автор приводит выводы, резюмируя особенности демографических процессов в среде донского крестьянства пореформенного периода. В частности, отмечается: несмотря на то, что Область войска Донского исторически являлась казачьим регионом, для демографических процессов на Дону был характерен быстрый прирост неказачьего, прежде всего, крестьянского населения. Однако, в отличие от большинства регионов страны, численность населения Дона росла за счет не столько естественного прироста, сколько за счет многотысячных миграций в край аграрного населения. Качественные показатели демографического процесса находились в тесной корреляции с условиями жизни и бытования крестьянского населения.

Ключевые слова: Дон, донское крестьянство, демографические процессы, уровень рождаемости, уровень смертности, прирост населения

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 36, Is. 2, pp. 47–58, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-47-58
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94(571.5)

Soviet Medical Representations of the Traditional Buryat Lifestyle in the Context of a Campaign against Social Diseases (1920s – Early 1930s)

*Vsevolod Yu. Bashkuev*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Senior Research Associate, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: vbashkuev@gmail.com

Abstract. The article considers the early Soviet medical representations of Buryat everyday life when the newly established Buryat-Mongolian ASSR underwent rapid social transformation from the traditional lifestyle to a modernist socialist one. Health protection for national minorities, such as Buryats, was one of the main objectives of sovietization. At that period they did, indeed, face a serious problem of social diseases. Despite the fact that social diseases had long been a common problem in the Russian Empire, the Bolsheviks particularly highlighted this issue in the Buryat context, blaming tsarist colonial exploitation. In contrast, their efforts in helping Buryats overcome health problems represented concern of the Soviet government about their future and a well-calculated geopolitical strategy. The Bolsheviks endowed the Buryats with a mission to propagate proletarian revolution in the ‘Buddhist Orient’ and envisaged Buryat-Mongolia as a positive example of Socialist transformation in the broader Mongolian world. Consequently, social diseases in Buryat-Mongolia had to be eradicated quickly, efficiently, once and for all. Thus, fighting social diseases turned into a campaign involving considerable healthcare workforce of highly skilled physicians from the People’s Commissariat of Health of the RSFSR.

Traditionally, Russian socio-medical discourse on social diseases concentrated on living conditions and lifestyle of unprivileged strata. As a result, abundant written accounts of Soviet physicians on venereal disease and tuberculosis in Buryat-Mongolia rendered traditional Buryat lifestyle as backward and anti-sanitary. Venereologists saw the causes of rampant syphilis in certain habits of Buryats, such as the use of shared kitchenware and utensils, smoking pipes and bedclothing. Moreover, sex life of Buryats was considered unhealthy and conducive to venereal disease. Soviet physicians and health activists unanimously claimed that the traditional Buryat lifestyle, from hospitality traditions to sex habits, was deeply outdated and urgently needed transformation through the adoption of European hygienic skills and medical assistance. Notably, the Soviet physicians did not see much difference between eastern and western Buryats, as well as Buryat-Russian half-bloods when it came to personal and communal hygiene. The descriptions of their traditional lifestyle were equally negative, sometimes close to depreciative ones and, to a modern eye, full of Orientalist clichés.

In this connection, a serious question arises whether Soviet physicians, despite their internationalist stance and, often, Bolshevik background really saw Buryats as uncultured autochthones in need of medical disciplining. Superimposing medical accounts on Soviet political goals in the region and

professional background of the physicians, the paper concludes that critical descriptions of the Buryat lifestyle served a purpose of attracting Moscow's attention to health problems, securing the support in finance and health workforce, and highlighting what was perceived by the doctors as deviations from the hygienic norm. Taking into account the political goals of spreading Communist ideas to Mongolia, this strategy appears beneficial to all stakeholders. The Buryats were the prime beneficiaries since they finally resolved the long-ignored health problems and received assistance in building a Socialist healthcare system.

Keywords: Buryats, social diseases, physicians, traditional lifestyle, insanitary conditions, textual representations

В 1920-е гг. в докладах деятелей советского строительства в Бурят-Монгольской АССР, газетных материалах и специализированных статьях в медицинской периодике активно обсуждалась проблема социальных болезней. Под этим термином тогда понимался не весь спектр современных социально-значимых заболеваний, а венерические болезни, туберкулез, трахома и, реже, алкоголизм, наркомания, бесплодие. Коннотация социальности придавала им особое значение, так как, в отличие от страдания индивида, они носили массовый характер, представляя угрозу самому существованию человеческого общества [Héricourt 1920: VII].

Концентрация внимания большевиков на социальных болезнях объяснялась рядом причин. Венерические заболевания, туберкулез и трахома были общероссийской проблемой еще в царский период. Например, в конце XIX в. сифилис конструировался врачами-общественниками как побочный эффект экономической модернизации и урбанизации в преимущественно крестьянском обществе. Социальный характер, особенности распространения венерических болезней и их связь с сословной принадлежностью были выделены и объяснены еще тогда.

К 1920-м гг. в этом поле уже сформировался развитый медико-социальный дискурс, легко адаптируемый к идеологии и целям большевиков. Оставив нетронутой его сословную часть, врачи-большевики добавили идеологическое понятие капиталистической эксплуатации, сделав ее главной причиной как культурной отсталости социально непривилегированных сословий, так и распространения среди них социальных болезней. В 1921 г. В. М. Броннер, стоявший у истоков советской социальной венерологии, утверждал: «Только с ликвидацией капитализма исчезнет та грозная опасность,

какую представляет для человечества его страшнейший бич – венерические болезни <...> Вся сила этого бича не в нем самом, а в кулаке, который этот бич держит. Этот кулак — капитализм. <...> Социально-экономический переворот, свершившийся в России, отсекает этот кулак, но на теле народном остались раны, которые веками кулак этот наносил ударами своего бича. Раны глубоки и запущены, их лечение потребует много времени и труда» [Броннер 1921: 26].

Слова эти представляют собой программную матрицу восприятия венерических болезней нарождающимся советским врачебным сообществом. Врачи-большевики подвели всю богатую палитру русской протестной мысли под несколько марксистских тезисов, например, о том, что капиталистическое производство «несравненно в большей степени, чем всякий другой способ производства, является расточителем людей живого труда, расточителем не только тела и крови, а и нервов и мозга» [Харахинов 1933: 5].

В ситуации с национальными меньшинствами большевики присовокупили фактор колониальной эксплуатации и вымирания инородцев, заимствованный из идеологии областничества [Башкуев 2016: 179–180]. Со свойственной им простотой они перенесли полученную матрицу на сложный комплекс социальных проблем традиционного кочевого общества. «Как и другие многочисленные окраинные народности, Бурят-Монголия являлась во времена царизма одной из колоний русского военно-феодального империализма, — писали в 1934 г. В. М. Броннер и И. Б. Бейлин. — Гнет политический, экономический и национальный держали все бурят-монгольское население на крайне низком уровне культурного развития. Прогрессивно шло вымирание бурят-монгольского населения, прогрессивно

росла заболеваемость населения, особенно сифилисом и туберкулезом, достигшая чрезвычайно высоких по сравнению с другими частями России пределов» [Броннер, Бейлин 1936: 368].

Внешнеполитические цели большевиков в Азии требовали концентрации ресурсов и четких, слаженных действий в краткосрочной перспективе. Бурят-Монгольская АССР (далее — БМАССР) была наделена ролью «витрины» социалистического эксперимента для зарубежной монголосферы. Намерение Коминтерна использовать бурят как проводников большевистской идеологии на буддийском востоке придавало задачам оздоровления бурятского народа особую важность. В этом контексте раннесоветский медицинский дискурс акцентировал чрезвычайность, масштабность и конечность мер по решению проблемы социальных болезней. Так, в 1926 г. заместитель наркома здравоохранения БМАССР В. Н. Жинкин писал: «Остается ясным одно, что сифилис в Бурятии есть национальное бедствие бурятской народности. Пути распространения его выяснены, размеры понятны <...>, следовательно, надо принять меры к ликвидации этого бедствия, и меры должны быть срочные и достаточные по своим размерам» [ГА РБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1. Л. 153]. Сложившаяся форма организации мероприятий — по-военному агрессивная и целенаправленная кампания — соответствовала геополитическим задачам большевиков в монгольском мире.

Масштабы проблемы социальных болезней в БМАССР, действительно, выглядели угрожающе. Так, в 1924–1925 гг. на 10 000 населения в Верхнеудинском аймаке республики приходилось 118 случаев сифилиса среди русских и 853 — среди бурят. В Хоринском аймаке на 10 000 населения был 61 случай сифилиса среди русских и 627 — среди бурят. В Боханском аймаке эта цифра составляла соответственно 13 и 503 чел. [ГА РБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1. Л. 150об.]. Статистические данные говорят об огромном преобладании этой болезни среди бурят. Да и в общем для населения республики ситуация была неблагоприятной: из трех инфекционных больных один был «венериком», а из четырех «венериков» один — «сифилитиком». По сравнению с предыдущими годами количество венерических больных выросло чуть ли не втрое [ГА РБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1. Л. 151].

Что касается релевантных статистических данных по всей Советской России, для их сбора требовалась правильная диагностика, регистрация и своевременное сведение информации по заболеваемости в уездных и губернских здравотделах. В условиях восстанавливающейся после революции и Гражданской войны системы здравоохранения это не представлялось возможным. Поэтому занимавшиеся статистикой сифилиса сотрудники Государственного венерологического института произвели подсчет по административным единицам с наиболее сохранившейся лечебно-профилактической сетью. На 1924 г. из 19 центральных губерний наименее благополучная обстановка наблюдалась в Тамбовской и Воронежской (148,2 и 126,4 случаев на 10 000), наиболее благоприятная — в Костромской (31,8 на 10 000) и Псковской (31,4 на 10 000) губерниях [Гальперин, Исаев 1926: 23]. В сравнении даже с самыми высокими показателями заболеваемости в центральной России, ситуация в Бурят-Монголии представляется катастрофической.

Огромное значение имела работа венерологических отрядов, которые командировались Наркомздравом БМАССР и Наркомздравом РСФСР. В 1924–1925 гг. на территории Бурят-Монгольской АССР работали три венотряда — в Агинском, Хоринском и Баргузинском аймаках. В 1926 г. в Хоринском аймаке продолжал работу венотряд ординатора С. Т. Ильина из Государственного венерологического института Наркомздрава РСФСР [ГА РБ. Ф. Р-665. Оп. 16. Д. 1. Л. 150об.].

Социальное конструирование причин заболеваемости люэсом исходило из особенностей повседневного быта обследуемого населения. С конца XIX в. русские венерологи отмечали четкую грань между бытовым сифилисом деревни (*syphilis insontium*) и венерическим сифилисом городов [Engelstein 1986: 169–170]. В Бурят-Монголии 1920-х гг. сифилис признавался «болезнью, в подлинном смысле слова бытовой» [Лапышев 1929: 546]. Советских врачей шокировали нежелание бурят мыться, привычка делиться курительной трубкой, посудой, одеждой, постельными принадлежностями. В результате «культурная отсталость», отчасти сконструированная врачами вследствие непонимания реалий кочевого образа жизни, стала рассматриваться как первопричина эпидемии.

Тезис об антисанитарном характере традиционного быта бурят красной нитью пронизывает посвященные проблеме социальных болезней тексты, особенно адресованные партийному и комсомольскому активу программные статьи. «Венерические болезни получили широкое распространение среди бурят вследствие тяжелых социально-бытовых условий, в которых живет бурят-монгольское население, — писала в 1928 г. М. А. Кубанцева. — Антигигиеническое содержание юрт, грязь, малокультурность ведут к целому ряду навыков, способствующих распространению заразных болезней. Буряты часто пьют и едят из общей посуды, которую они почти никогда не моют; из уважения к чистоплотному гостю, хозяйка вылизывает посуду и вытирает ее полый грязного тырлыка (халата). Довольно часто можно наблюдать раскуривание общей трубки. Восточные буряты многих аймаков часто не имеют совершенно представления о банях и купальнях...» [Кубанцева 1929: 62].

М. А. Кубанцева выделяла «старые формы полового быта» — раннее начало половой жизни, промискуитет, примеры половой распущенности, подаваемые ламами, призывая: «Нужно построить агитпропработу наших низовых организаций, культотделов, профсоюзов, работу среди женщин и крестьянок, всю повседневную работу комсомольских ячеек и воспитательную работу пионерских организаций так, чтобы борьба со старыми формами полового быта являлась неотъемлемой частью всей культурно-просветительной и агитационно-пропагандистской работы» [Кубанцева 1929: 65]. Таким образом, и признаваемый антисанитарным традиционный кочевой образ жизни, и «старые формы полового быта» обозначались как основные препятствия для решения проблемы венерических болезней у бурят.

Интересны антропологические наблюдения, проливающие свет на особенности восприятия бурятского традиционного быта университетски образованными специалистами с большевистской идеологической подготовкой. Врач Д. А. Лапышев возглавлял венотряды, работавшие в 1924 г. в Троицкосавском и в 1925 г. в Агинском аймаке БМАССР. Его статьи базировались на материале преимущественно бурятского (31 200 бурят и 4 059 русских) Агинского аймака [ГА РБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Л. 96].

Вот как Д. А. Лапышев описывал санитарную обстановку в традиционном бурятском жилище: «Постельных принадлежностей „по штату“ не полагается; на полу и на кошме, предназначенной днем для сидения, ночью спят вповалку мужчины, женщины и дети, прикрываясь <...> теми шубами и халатами, в которых постоянно ходят. Шаровары и рубаха — костюм однообразный для мужчин и женщин — никогда не моются и носятся их обладателем до тех пор, пока от ветхости сами не свалятся» [Лапышев 1929: 547].

Продолжает наблюдения едкое описание отношения бурят к личной гигиене: «Бани здесь совершенно отсутствуют, а купанья бурят не признает. Мыла здесь в обиходе не существует <...> на наши утренние умывания стекалось поглазеть, как на что-то странное и никогда не виданное, почти все население улуса <...>; наши нередкие, обращенные к кому-нибудь из пациентов предложения пойти вымыться <...> наталкивались неизменно на энергичный отпор, причем за мотивировкою, которою бурят считал необходимым иной раз снабдить свой отказ, нельзя не признать определенной практичности: „коли я грязь с тела смою, заедят меня тогда вши“» [Лапышев 1929: 547].

Среди факторов, осложнявших работу, Д. А. Лапышев отмечал «поистине стоическое долготерпение бурята и его изумительную нетребовательность к своему самочувствию, позволяющие ему забывать такие факты из своего прошлого, которые для другого, более культурного индивида, остаются памятными надолго» [Лапышев 1929: 547]. Особенно сложно было определить, каким путем и когда произошло заражение.

Венотряд Д. А. Лапышева с помощью особого вопросника выяснил, что у агинских бурят 37,5 % рождавшихся детей не доживали до года, а 50,6 % умирали ранее наступления 12-летнего возраста. Неоспоримым фактом Д. А. Лапышев считал то, что львиная доля этих смертей вызвана сифилисом, хотя и принимал во внимание другие болезни, которым были подвержены буряты [Лапышев 1929: 554].

К близким по содержанию выводам пришел заместитель наркома здравоохранения БМАССР В. Н. Жинкин, изучавший социально-бытовые заболевания у бурят Агинского аймака летом 1926 г. На основании записей Адон-Челонского и Цугольского

хошунных ЗАГСов он охарактеризовал демографическую динамику бурятского населения как неблагоприятную. Обусловлено это было, прежде всего, низкой рождаемостью [Жинкин 1927: 8–9], причину которой В. Н. Жинкин видел в распространенности венерических заболеваний.

В результате обследования 1 508 чел. (659 мужчин, 610 женщин, 239 детей до 15 лет) было выявлено 858 больных (57 %). Из них сифилисом страдало 332 чел. (22 %), гонореей — 113 чел. (7,5 %) и туберкулезом — 87 чел. (5,8 %). Среди больных сифилисом мужчин 65 % приходилось на возраст 16–40 лет; среди женщин на этот возраст приходился 61 %. Из 134 пораженных семей 84 (62,7 %) были с детьми, а 50 (37,3 %) — бездетные. В семьях с детьми на 313 рождений (включая мертворожденных) было 199 живых детей (64 %). В. Н. Жинкин пришел к выводу, что 36 % детей у сифилитических родителей умирало до достижения 15 лет [Жинкин 1927: 13].

В 20 обследованных семьях мать страдала смешанной люэтическо-гонорейной инфекцией. 70 % таких семей были бездетными. В семьях больных только гонореей (50) бездетных было 26 (52 %), с детьми — 24 (48 %). В семьях с детьми было 59 рождений, из них в детстве умерло 12 (20 %) [Жинкин 1927: 13]. Таким образом, показатели семей, пораженных венерическими заболеваниями, приблизительно соответствовали данным Д. А. Лапышева.

Рассуждая о традиционном быте, В. Н. Жинкин отмечал его тесную связь с буддийской религией. «Влияние религии отражается на всех сторонах жизни темного степняка, — писал он. — Без предсказания ламы-гуримчина религиозный бурят не предпринимает никакого дела, даже лечения» [Жинкин 1927: 6]. Затем углублялся в детали: «Рядом с этим гнездятся еще разного рода предрассудки. Например, существует поверье, что смывать грязь — значит смывать счастье, а так как каждому человеку естественно стремиться к счастью, то степняки-буряты занимаются усердным культивированием грязи. Привычка поддерживать тело в чистоте совсем отсутствует. Бань буряты почти не знают. Мыла также не употребляют. Приготовление пищи своеобразно и в санитарном отношении критики не выдерживает. Чай пьют из деревянных чашек, ими же кушают суп, а мясо забирается прямо руками и отправляется

непосредственно в рот. Посуда не моется, в лучшем случае вытирается полой тырлыка (верхняя одежда), а ложки и чашки просто обливаются. Немытая чашка от одного переходит к другому. Трубка также часто раскуривается общая <...> В результате домашней нечистоплотности распространена передача заразных заболеваний через посуду» [Жинкин 1927: 6].

Агинские буряты считались носителями кочевой культуры в ее традиционной форме, в противоположность испытывавшим сильное русское влияние бурятам западных аймаков. Видели ли врачи существенную культурную разницу между восточными и западными бурятами? В качестве примера используем данные, собранные за три года работы главным врачом венерологического диспансера М. И. Звонаревым в улусе Бильчир Боханского аймака, находившегося в западной части Бурят-Монгольской АССР. Отличия в быту между агинцами и боханцами были, в общем, типичны для этнографических сравнений восточных и западных бурят. Звонарев отмечал у боханских бурят большой процент русскоговорящих (80 %). О типе хозяйства и традиционном жилище он писал: «Главное занятие населения (западных бурят) земледелие и скотоводство. Культурный уровень невысок, на что указывает % неграмотных — 57,3 %. <...> Живут буряты зимой в деревянных домиках, основательно построенных, правда, домики небольшие <...>, с малыми окнами, сплошь и рядом с одинарными рамами, обращенными на север, зачастую с земляным полом. В этих же домиках под общими нарами всю зиму держат овец и другой молодой мелкий скот. Летом выезжают („кочуют“) в юрты, построенные из теса и находящиеся поблизости от зимнего жилья (4–5 в.)» [Звонарев 1929: 68].

К отличительным особенностям быта населения западных аймаков М. И. Звонарев, как и его коллега в Аларском аймаке Г. А. Нагибин, причислял отсутствие существенной разницы в бытовых условиях между русскими и бурятами. Самыми бедными жителями западных аймаков были «ясашные», то есть бурятско-русские метисы. В быту они мало чем отличались от бурят, кроме уровня жизни, который у них был заметно ниже, чем у бурят и русских [Нагибин 1927: 81–82].

К отрицательным сторонам быта боханских бурят М. И. Звонарев относил курение

общей трубки и питье тарасуна из одной чашки во время религиозных обрядов, называя это «теневыми сторонами быта» [Звонарев 1929: 72]. Также врач отмечал раннее начало половой жизни и заключающиеся в 16–17 лет браки.

На три западнобурятских аймака приходился один Бильчирский венерологический диспансер. На 1924 г. население Боханского аймака насчитывало 27 200 чел. (63 % бурят и 27 % русских), Аларского — 39 963 чел. (19 300 бурят и 20 633 русских), Эхирит-Булагатского — 37 508 чел. (25 402 бурята и 12 106 русских) [ГА РБ. Ф. Р-248. Оп. 2. Д. 33. Л. 84, 73, 92]. Таким образом, одному специализированному медучреждению приходилось обслуживать почти 100 000 чел. на территории в несколько тысяч квадратных верст.

Вот что писал М. И. Звонарев о доверии бурят к европейской медицине: «Больные буряты, особенно сифилитики, вначале боялись посещать диспансер; с одной стороны, их крепко держали в своих руках шаманы, ламы и знахари, с другой — недоверие к европейским методам воздействия. Много усилий и труда было положено на то, чтобы привлечь население к лечению. Теперь можно сказать, что диспансер прочно завоевал симпатию и доверие широких масс населения Боханского аймака. И если прежде манипуляции (вливания и уколы „ртути“) были для бурят „орудием мучения“, то теперь это — панацея от всех бед и несчастий. Излеченные, хотя бы от наружных ран и проявлений, больные десятками направляли из глухих улусов новый контингент больных сифилисом и гонореей. Результаты лечения были лучшим методом пропаганды» [Звонарев 1929: 69].

Несмотря на одинаковые бытовые условия, русские в Боханском аймаке реже страдали от сифилиса, чем буряты. Среди бурят преобладали больные с третичными формами. Встречалось много врожденного сифилиса. Точно установить превалировавший там способ заражения было очень трудно, так как свежих форм практически не встречалось.

Гонорея среди боханских бурят также встречалась чаще, чем среди русских. За период 1924–1927 гг. с острой гонореей в диспансер обратились 11 русских мужчин и 6 женщин. Мужчин-бурят было 174, женщин-буряток — 206. С хронической формой обратилось 16 русских мужчин и 6 женщин;

236 бурят и 65 буряток. М. И. Звонарев отмечал, что больные гонореей, особенно женщины, аккуратно посещали диспансер, не бросая лечение даже при прекращении внешних проявлений болезни. «Это обстоятельство особенно ценно для бурят, — писал он, — ибо многие на гонорею смотрят как на явление физиологическое („неопасная болезнь“)» [Звонарев 1929: 70].

Самым распространенным кожным заболеванием в аймаке была чесотка. Часто встречались различные пиодермиты, расчесы от большого количества вшей, *acne vulgaris* (угри) и трихофития (стригущий лишай). Причинами распространенности этих болезней М. И. Звонарев считал недостаточное количество бань, пренебрежительное отношение к гигиене тела, доходившее до того, что кожа не мылась десятками лет, редкую смену нательного белья [Звонарев 1929: 70].

У Бильчирского вендиспансера было преимущество — общежитие на 25–30 человек. В те годы своего жилья не имел даже Верхнеудинский венерологический диспансер. Как отмечал М. И. Звонарев, общежитие давало возможность «и самому беднейшему буряту, приехавшему из глухого улуса, проводить полный курс специфического лечения, а также приезжать на повторное лечение». Оно делилось на сифилитическую (большую) и гонорейную (малую) секции [Звонарев 1929: 71].

По словам М. И. Звонарева, в Бильчирском вендиспансере активно велась санитарная пропаганда и образование. В 1924–1927 гг. было проведено 126 лекций и две постановки. Темами лекций, помимо социальных и инфекционных болезней, были охрана материнства и младенчества, оздоровление труда и вопросы половой жизни. «Беседы на санитарные темы имели большой успех, — подчеркивал М. И. Звонарев, — помещения зачастую не вмещали всех желающих. На лекциях можно было встретить и семидесятилетнюю бурятку, и десятилетнего мальчугана, с одинаковым вниманием слушающих слова врача. В конце беседы обычно задавались вопросы» [Звонарев 1929: 71].

Западные аймаки действительно сильно отличались от восточных в плане проблем здоровья бурят в распространенности другого социального заболевания — туберкулеза. Этот вопрос стал подниматься работниками Наркомздрава вскоре после образо-

вания Бурят-Монгольской АССР. В начале 1927 г. наркомат здравоохранения БМАССР направил в Аларский аймак туберкулезный отряд главврача Верхнеудинского противотуберкулезного диспансера Г. А. Нагибина. В его задачи входило выяснение масштабов заболеваемости туберкулезом и сифилисом. В число обследованных попало 14,8 % русских, проживавших в бурятских улусах, однако основной целевой группой врачей были буряты [Нагибин 1927: 80–81].

Собранные материалы показали, что более трети обследованных аларских бурят страдали явными формами туберкулеза. Эти данные, скорее всего, не отражали полной картины заболеваемости, так как начальные формы болезни диагностируются с трудом и требуют специальных рентгенологических и серологических исследований. При этом туберкулезом страдали, в основном, женщины. Распространенность туберкулеза среди детей была еще выше. По этому поводу Г. А. Нагибин писал: «Если мы средний процент туберкулеза, показанный в национальном разрезе, расшифруем, то увидим, что туберкулеза с явными проявлениями у детей будет 51,8 % (бур.) и 63,4 % (рус.), что должно каждого врача и просто гражданина, интересующегося судьбой малых народностей, поразить до крайней степени. Статистика больших промышленных районов должна побледнеть в сравнении с приведенными цифрами...» [Нагибин 1927: 82]. Врач отметил, что у русских детей туберкулезная интоксикация была выражена в большей степени, что объяснялось более тяжелыми бытовыми условиями и худшим питанием, однако устойчивость к туберкулезу была выше, чем у бурятских детей. По мнению Г. А. Нагибина, существенным фактором распространения инфекции были антисанитарные условия жизни: «Жилые помещения заплываются как своими, так и приходящими по делу и без дела соседями, не расстающимися с трубками» [Нагибин 1927: 82].

Таким образом, несмотря на то, что в хозяйственном плане западные буряты отличались от агинских в сторону большей оседлости, описания М. И. Звонаревым и Г. А. Нагибиным санитарных проблем боханцев и аларцев в целом не слишком отличались от репрезентации Д. А. Лапышевым традиционного быта восточных бурят. В глазах советских врачей и те, и другие глубоко пренебрегали правилами личной гиги-

ены, отчего массово страдали свойственными антисанитарии паразитарными и грибковыми заболеваниями. Более серьезными были венерические болезни и вызывающие их причины — ранние половые связи и медицинское невежество, например, игнорирование гонореи, приводившей к глубоким поражениям мочеполовой системы, бесплодию, слепоте. О последнем М. И. Звонарев писал: «...взгляд на [гонорею] среди западных бурят своеобразный, т. е. они считают гноетечение из канала явлением вполне физиологическим (подобно менструации у женщин)» [Звонарев 1929: 73].

Правда, в вопросе передачи сифилиса венерологи находили разницу между Агинским и Боханским аймаками. В Бохане наиболее часто встречались застарелые формы болезни. Как отмечал М. И. Звонарев «здесь имеются свои „курносовки“, т. е. отдельные улусы, где население почти на 50 % с провалившимися носами» [Звонарев 1929: 73; Попов 1903: 125–126]. Тем не менее первичные формы люэса почти не регистрировались, что снимало опасность дальнейшего массового распространения [Звонарев 1929: 73]. В агинских степях ситуация была иной.

Изучая особенности полового быта восточных бурят, врачи определили, что половой путь заражения венерическими болезнями был столь же распространен, как и бытовой. Д. А. Лапышев писал: «Обстоятельством, обуславливающим в довольно большом ряде случаев передачу сифилиса половым путем, являются беспорядочность и легкость у бурят половых отношений. Согласно половой морали бурята, начало половой жизни до брака <...> беременность и деторождение до брака нисколько не компрометируют девушку; напротив, подобный казус в ее жизни рассматривается как доказательство ее несомненной способности быть матерью и аттестует ее в глазах окружающих, в том числе женихов, с самой выгодной и лучшей стороны» [Лапышев 1929: 547].

Доктор Александр Матвеевич Пестерев, впоследствии главный врач Верхнеудинского вендиспансера, работал в Хоринском и Еравнинском аймаках в 1925–1927 гг. и в Закаменском аймаке в 1930 г. Путем опроса он изучил особенности половой жизни бурят и опубликовал в журнале «Жизнь Бурятии» информативную статью. А. М. Пестерев определил, что 55,7 % обследованных мужчин и 78,7 % женщин начали половую

жизнь в возрасте 14–16 лет. Самое раннее начало половой жизни у мужчин он относил к 10–11 годам (6,2 %), но под этим, как и у группы 12–13 лет, понимались лишь первые попытки, а не собственно половые отношения. У 73,3 % мужчин половая жизнь началась со знакомой девушкой. Это врач объяснил тем, что в каждом сомоне и улусе буряты хорошо знают друг друга. Только 9 % мужчин начали половые отношения с невестой; 12,1 % — в браке, 87,9 % — вне брака. Те, кто начал половую жизнь с незнакомой женщиной, обычно делали это в пути, на праздниках, в дацанах и т. д. [Пестерев 1930: 91].

Начало половой жизни в основном происходило во время традиционных праздников, на сенокосе, во время выпаса скота. А. М. Пестерев писал: «Не только молодежь, но и состоящие в браке охотно собираются вечерами в поле у костра на игры с национальными песнями и танцами, которые сопровождаются „похищением“ девушки или женщины группой мужчин, часто производящих над „жертвой“ групповое половое сношение» [Пестерев 1930: 91]. Именно в поле, во время пастбы скота дети и подростки «впервые знакомятся с технической стороной полового акта животных и переносят затем это все на себя в форме первых попыток к половому акту друг с другом или с животными» [Пестерев 1930: 92].

Отмечал А. М. Пестерев и наличие у бурят гостеприимного гетеризма. По его данным в 10,9 % случаев у мужчин половое сношение произошло в гостях. «По обычаю, хозяин юрты в знак уважения к гостю, заночевавшему у него, предлагает ему разделить ночное ложе со своей женой или дочерью, — писал А. М. Пестерев, а затем уточнял. — Правда этот обычай в настоящее время можно отметить весьма редко, в самых отдаленных местах района, в которых он тоже изживается. В других случаях „гость“ в отсутствии хозяина юрты находит удовлетворение своему половому желанию со стороны хозяйки дома, лабильной в половом отношении и не считающей, в силу условий быта, нарушением супружеской верности половой контакт со случайным мужчиной» [Пестерев 1930: 92; Осокин 1906: 205].

Опрос женщин показал, что лишь 0,7 % начали половую жизнь после 20 лет. В 78,7 % случаев это произошло до достижения возраста 17 лет. По поводу женщин А. М. Пестерев заключал: «Бытовая обста-

новка ставит будущую женщину в зависимость от семьи и мужчины, который для удовлетворения своего полового желания пользуется ею свободно и безнаказанно раньше ее физического и полового оформления. Таким образом, начало половой жизни в эти ранние годы у девочек относится и к тем случаям, когда они попадали на вечеринки, празднества и т. д., где и узнавали впервые о половой жизни» [Пестерев 1930: 93].

Доктор А. М. Пестерев выделил ряд факторов, объяснявших столь раннее вступление в половую жизнь, среди которых отметил:

- жилищную скученность, при которой дети с раннего возраста видят половые отношения своих родственников;
- злоупотребление алкоголем;
- верховую езду как главный способ перемещения у бурят, якобы вызывавший прилив крови к половым органам и стимулировавший сексуальную активность;
- отсутствие культурных запросов и бедность культурной жизни, заставлявшая смотреть на секс как на развлечение;
- большую детскую смертность в бурятских семьях, где ребенок расценивался как смысл существования, а бесплодие считалось проклятием и вызывало общественное порицание. При отсутствии детей и муж, и жена в семье склонялись к внебрачным связям с целью завести потомство;
- отсутствие знаний о венерических болезнях и их опасности для здоровья [Пестерев 1930: 97].

Александр Матвеевич мыслил теми же категориями, что и его коллеги. Буряты представлялись ему «малокультурным» народом, а некоторые практики, например, верховая езда как часть кочевого образа жизни, были непонятны. Однако пытливое врачебное око отметило и объективные факторы распространения болезней. Резюмируя исследование, А. М. Пестерев писал: «Задачей социальной венерологии при построении лечебно-профилактических методов борьбы должно быть скорейшее оздоровление полового быта и быта семьи вообще, чтобы парализовать инфекции сифилиса и гонореи, дальнейшее движение которых может привести к вырождению бурятской народности» [Пестерев 1930: 98].

Неутешительные выводы, к которым приходили специалисты, подтверждали опасения Наркомздрава БМАССР о том, что венерические болезни оказывают пагубное воздействие на воспроизводство населения у бурят. «Опасность и угроза вырождения для бурятской национальности в действительности существуют, — резюмировал Д. А. Лапышев, — если положение дел с сифилисом и, в первую очередь, социально-бытовой статус, его питающий, не изменятся» [Лапышев 1929: 550]. «Около одной трети случаев сифилиса падает на врожденное заражение», — писали сотрудники Государственного венерологического института Наркомздрава РСФСР И. Г. Закс и С. Т. Ильин, работавшие в составе экспедиции в Хоринском аймаке летом и осенью 1926 г. «Влияние сифилиса на вымирание и вырождение населения, — продолжали они, — сказывается в виде высокой детской смертности в грудном возрасте и значительных дистрофиях и дегенерации детей — врожденных сифилитиков» [Закс, Ильин 1927: 874]. Этими заключениями медики подтверждали необходимость кардинального решения проблемы венерических болезней для повышения рождаемости и улучшения наследственности у бурят.

При анализе текстуальных репрезентаций бурят и их традиционного быта в документах, созданных советскими врачами, глаз современного историка буквально наталкивается на обилие ориенталистских штампов и уничижительных с сегодняшней точки зрения характеристик представителей иной культуры. Закономерно возникают вопросы: как в большевистском медико-социальном дискурсе уживалась классовая риторика и, казалось бы, антагонистичные этой идеологии колониальные стереотипы? Неужели носители наиболее гуманной из профессий, да еще и подкрепленной философией всеобщего равенства, видели в бурятах дикарей, нуждавшихся в медицинском дисциплинировании? Почему немецкие врачи из совместной советско-германской экспедиции 1928 г. по изучению сифилиса называли бурят умным и жизнеспособным народом [Beringer 1995: 301], а в советском медико-санитарном дискурсе им приписывалась лишь малокультурность, отсталость и забитость?

Однозначно ответить на этот вопрос сегодня вряд ли возможно, так как мы уже не можем напрямую обратиться к непосред-

ственным участникам тех событий. В строках созданных ими текстов имплицитно ощущаются лишь отголоски субъективного восприятия. Однако, сопоставляя выделенные подтексты с историческим контекстом периода, можно нащупать общие линии, складывающиеся в достаточно правдоподобные ответы. Попытаться же объяснить специфическое врачебное восприятие инкультурных реалий кочевого мира необходимо, хотя бы для того, чтобы снять эмоциональное напряжение у людей, болезненно воспринимающих попытки научного осмысления проблемных аспектов истории бурят.

Большинство врачей, занимавшихся проблемами здоровья бурят, были либо марксистами, либо сочувствующими им врачами-общественниками, видевшими в медицинских проблемах инородцев, прежде всего, социальные причины. Они серьезно воспринимали тезис о колониальном гнете царизма, приписывая большинство «социальных язв» именно ему. В их восприятии «культурная отсталость» не была имманентна традиционному кочевому обществу, а навязывалась извне шовинистической имперской политикой. Поэтому ничего предосудительного в репрезентации бурят как «малокультурных», «темных» и «отсталых» они не видели.

Напротив, именно такая постановка вопроса представлялась в тот момент наиболее рациональной: с одной стороны, бичевалось «тяжелое наследие царизма» и порожденные им социальные пороки; с другой — создавалось крайне эффективное мобилизующее средство, выгодное как большевикам, так и самим бурятам. Бросая значительные ресурсы на оздоровление национальных меньшинств, большевики выставляли себя в выгодном свете как во внутренней, так и во внешней политике, особенно по отношению к Монголии и Танну-Туве. Буряты же получали действительно необходимую им медицинскую помощь и долгосрочную инвестицию в свое политическое будущее — систему современного здравоохранения, гарантирующую дальнейшее здоровое развитие народа.

В царской России врачи расценивались властью как проводники внутренней политики, а собираемые ими медицинские данные складывались в, пожалуй, наиболее рациональное из знаний о народах империи [Вишленкова 2011а: 52; Вишленкова 2011б: 41]. Научный рационализм пропитывал

русских врачей с университетской скамьи и, сталкиваясь с почвенным мистицизмом крестьянской общины, причудливыми верованиями инородцев или чуждыми мировоззренческими основами индо-тибетской медицины, философия ланцета и микроскопа побеждала, накладывая неизгладимый отпечаток на врачебное восприятие традиционных сообществ и их практик. При контакте с иными формами мировосприятия рационализирующая рамка медицинской науки выступала пресловутым «прокрустовым ложем», а все, что оставалось вовне, признавалось нерациональным и подлежало упорядочению в соответствии с профессиональным врачебным понятием о гигиеническом порядке.

Таким образом, едкие, иногда граничащие с уничижением, врачебные характеристики бурят не демонстрируют культурного превосходства, а фиксируют внимание на выхваченных профессиональным оком расхождений с гигиенической нормой. При этом они часто сопровождаются словами сочувствия и всегда — глубокой обеспокоенности состоянием здоровья бурят или других автохтонов. Поэтому говорить о том, что встречающиеся в советском медицинском дискурсе ориенталистские тропы отражают некое культурное превосходство, являются маркерами нового колониализма или унижают культурное достоинство бурятского народа, вряд ли правомочно, по крайней мере в контексте политической истории медицины в монгольском мире.

Материалы медицинских исследований бурят и других автохтонов региона показывают, что взгляды политических активистов и профессиональных медиков на традиционное кочевое общество сходились в главном. Так называемые «отжившие формы быта» были источником серьезных факторов риска, ставящих под угрозу будущее коренных народов. Основной задачей национальной автономии в 1920-е гг. было срочное оздоровление автохтонного населения республики. Задача эта требовала принятия срочных и конечных мер, а значит, максимального вовлечения материальных и кадровых ресурсов центра.

Здесь, как нельзя кстати, пригодились педалирование вопроса о вымирании бурят. Оказалось, что это безотказный способ привлечь внимание советского правительства к насущным нуждам новообразованной автономии. В России имелась богатая тради-

ция обсуждения проблемы вырождения: в отношении сибирских инородцев ее инициаторами были областники, а в общем медико-санитарном дискурсе — русские врачи-общественники, разделявшие европейские евгенические теории [Ядринцев 1891: 99–102; Фельдер 2012: 54–55]. Однако достучаться до имперского кабинета с проблемами инородцев в эпоху активной экспансии России в Восточной Азии было возможно лишь в том случае, если это непосредственно касалось геополитических планов. Социальные проблемы отменялись на дальнюю периферию политической повестки и оставались там под спудом, пока не взорвались кровавым революционным хаосом.

У молодой, амбициозной и более гибкой власти большевиков акцентирование проблемы вырождения бурят филигранно сыграло в нужной геополитической тональности. Основной целью борьбы с социальными болезнями в контексте оздоровления бурят было спасение наследственности народа. Более долгосрочные задачи предусматривали ее улучшение в направлениях, прагматически определенных большевиками. Без срочного решения проблемы под угрозой оказалась бы вся идея трансляции положительного опыта социалистической трансформации в монголо-буддийский ареал, а значит и большевистская геополитика экспорта революции на восток.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-09-00630.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия. [*Gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Buryatiya* [State Archive of the Republic of Buryatia].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Башкуев 2016 — Башкуев В. Ю. Российская медицина и монгольский мир: исторический опыт взаимодействия (конец XIX — первая половина XX вв.). Иркутск: «Оттиск», 2016. 436 с. [Bashkuev V. Yu. *Rossiyskaya meditsina i mongol'skiy mir: istoricheskiy opyt vzaimodeystviya (konets XIX — pervaya polovina XX vv.)* [Russian medicine and the Mongol world: historical experience of cooperation (late 19th — early 20th cc.)]. Irkutsk: Ottisk, 2016. 436 p.]

- Броннер 1921 — *Броннер В. М.* Влияние социальных факторов на рост венерических болезней и роль государства в борьбе с этими болезнями. М.: Государственное издательство, 1921. 46 с. [Bronner V. M. *Vliyaniye sotsial'nykh faktorov na rost venericheskikh bolezney i rol' gosudarstva v bor'be s etimi boleznyami* [Influence of social factors on the increase in venereal diseases and the role of government in the control of such diseases]. Moscow: State Publ. House, 1921. 46 p.]
- Броннер, Бейлин 1936 — *Броннер В. М., Бейлин И. Б.* Научно-исследовательские работы в области здравоохранения в Бурят-Монгольской АССР // Проблемы Бурят-Монгольской АССР: труды первой конференции по изучению производительных сил Бурят-Монгольской АССР. Т. 2. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1936. С. 368–387. [Bronner V. M., Beylin I. B. Public health related studies in the Buryat-Mongol ASSR. *Problemy Buryat-Mongol'skoy ASSR: trudy pervoy konferentsii po izucheniyu proizvoditel'nykh sil Buryat-Mongol'skoy ASSR*. Vol. 2. Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1936. Pp. 368–387].
- Вишленкова 2011a — *Вишленкова Е. А.* Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // История и историческая память. 2011. № 4. С. 37–65. [Vishlenkova E. A. Medical and biological origins of Russia's social challenges (1830-1860s). *Istoriya i istoricheskaya pamyat'*. 2011. No. 4. Pp. 37–65].
- Вишленкова 2011б — *Вишленкова Е. А.* «Выполняя врачебные обязанности, я постиг дух народный»: самосознание врача как просветителя государства (Россия, первая половина XIX века) // *Ab Imperio*. 2011. № 2. С. 47–79. [Vishlenkova E. A. 'Functioning as a physician I comprehended the spirit of people': self-awareness of a physician as a public enlightener (Russia, early-to-mid 19th c.). *Ab Imperio*. 2011. No. 2. Pp. 47–79].
- Гальперин, Исаев 1926 — *Гальперин С. Е., Исаев Н. С.* Материалы к статистике сифилиса (Сифилис 1913 и 1924 гг. по данным 19 административных единиц) // Гигиена и эпидемиология. 1926. № 5. С. 20–27. [Galperin S. E., Isaev N. S. Materials for syphilis statistics (syphilis in 1913 and 1924 according to data covering 19 administrative districts). *Gigiena i epidemiologiya*. 1926. No. 5. Pp. 20–27].
- Жинкин 1927 — *Жинкин В. Н.* Опыт изучения социально-бытовых заболеваний среди кочевых бурят Агинского аймака. Верхнеудинск: [б. и.], 1927. 57 с. [Zhinkin V. N. *Opyt izucheniya sotsial'no-bytovykh zabolevaniy sredi kochevykh buryat Aginskogo aymaka* [Social diseases among the Buryat nomads of Aginsky Aimag: a research effort]. Verkhneudinsk, 1927. 57 p.]
- Закс, Ильин 1927 — *Закс И. Г., Ильин С. Т.* Опыт изучения заболеваемости венерическими в Бурято-Монголии // Венерология и дерматология. 1927. № 9. С. 857–875. [Zaks I. G., Ilyin S. T. The venereal disease rate in Buryat-Mongolia: a research effort. *Venerologiya i dermatologiya*. 1927. No. 9. Pp. 857–875].
- Звонарев 1929 — *Звонарев М. И.* Венерические заболевания среди бурят Боханского аймака // Жизнь Бурятии. 1929. № 3–4. С. 68–73. [Zvonarev M. I. Venereal diseases among the Buryat population of Bokhansky Aimag. *Zhizn' Buryatii*. 1929. No. 3–4. Pp. 68–73].
- Кубанцева 1929 — *Кубанцева М. А.* Партийно-советский актив в борьбе с венерическими болезнями // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 57–69. [Kubantseva M. A. The party and Soviet activists to struggle against venereal diseases. *Zhizn' Buryatii*. 1929. No. 5. Pp. 57–69].
- Лапышев 1929 — *Лапышев Д. А.* К характеристике сифилиса среди бурят // Врачебная газета. 1929. № 8. С. 546–554. [Lapyshev D. A. Revisiting syphilis among the Buryats. *Vrachebnaya gazeta*. 1929. No. 8. Pp. 546–554].
- Нагибин 1927 — *Нагибин Г. А.* Туберкулез и сифилис среди бурят и русских Аларского аймака // Жизнь Бурятии. 1927. № 11–12. С. 80–87. [Nagibin G. A. Tuberculosis and syphilis among ethnic Buryat and Russian residents of Alarsky Aimag. *Zhizn' Buryatii*. 1927. No. 11–12. Pp. 80–87].
- Осокин 1906 — *Осокин Г. М.* На границе Монголии. Очерки и материалы к этнографии Юго-Западного Забайкалья. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1906. 304 с. [Osokin G. M. *Na granitse Mongolii. Ocherki i materialy k etnografii Yugo-Zapadnogo Zabaykal'ya* [On the Russian-Mongolian border. Ethnography of Southwest Transbaikalia: essays and materials]. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1906. 304 p.]
- Пестерев 1930 — *Пестерев А. М.* Половой быт бурят // Жизнь Бурятии. 1930. № 4. С. 89–98. [Pesterev A. M. The Buryats: sexual activities. *Zhizn' Buryatii*. 1930. No. 4. Pp. 89–98].
- Попов 1903 — *Попов Г. И.* Русская народно-бытовая медицина. По материалам этнографического бюро князя В. Н. Тенишева. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1903. 404 с. [Popov G. I. *Russkaya narodno-bytovaya meditsina. Po materialam etnograficheskogo*

- byuro knyazyia V. N. Tenisheva* [Russian traditional folk medicine: materials of prince V. Tenishev's Ethnography Bureau]. St. Petersburg: A. S. Suvorin, 1903. 404 p.]
- Фельдер 2012 — *Фельдер Б.* Расовая гигиена в России: Евгений Алексеевич Шепилевский (1857–1920) и зарождение евгеники в Российской империи // Историко-биологические исследования. 2012. Т. 4. № 2. С. 39–60. [Felder B. Race hygiene in Russia: Evgeni A. Shepilevsky (1857–1920) and the emergence of eugenics in the Russian Empire. *Istoriko-biologicheskie issledovaniya*. 2012. Vol. 4. No. 2. Pp. 39–60].
- Харахинов 1933 — *Харахинов М. К.* Десять лет борьбы на фронте здравоохранения в БМАССР. М.; Иркутск: [б. и.], 1933. 27 с. [Kharakhinov M. K. *Desyat' let bor'by na fronte zdravookhraneniya v BMASSR* [The Buryat-Mongol ASSR: 10 years in the struggle for public healthcare]. Moscow, Irkutsk, 1933. 27 p.].
- Ядринцев 1891 — *Ядринцев Н. М.* Сибирские инородцы, их быт и современное положение. СПб.: Издание И. М. Сибирякова, 1891. 306 с. [Yadrintsev N. M. *Sibirskie inorodtsy, ikh byt i sovremennoe polozhenie* [Non-Russian populations of Siberia, their lifestyles and present-day conditions]. St. Petersburg: I. M. Sibiryakov, 1891. 306 p.].
- Beringer 1995 — *Beringer K.* Die deutsch-russische Syphilisexpedition in der Burjato-Mongolei und ihre Bedeutung für die Frage der Metaluespathogenese [The German-Russian (Soviet) syphilis expedition to Buryat Mongolia and its significance for metal pathogenesis]. *Lues, Lamas, Leninisten. Tagebuch einer Reise durch Rußland in die Burjatische Republik im Sommer 1926 / K. Wilmanns; [Hrg. W.U. Eckart]*. Pfaffenweiler: Centaurus-Verl.-Ges., 1995. Pp. 298–308.
- Engelstein 1986 — *Engelstein L.* Morality and the Wooden Spoon: Russian Doctors View Syphilis, Social Class, and Sexual Behavior, 1890-1905. *Representations*. No. 14. The Making of the Modern Body: Sexuality and Society in the Nineteenth Century. Berkeley: University of California Press, 1986. Pp. 169–208.
- Héricourt 1920 — *Héricourt J.* The Social Diseases: Tuberculosis, Syphilis, Alcoholism, Sterility. London: George Routledge & Sons Ltd.; New York: E.P. Dutton & Co., 1920. VIII + 246 p.

УДК 94(571.5)

Советские врачебные репрезентации традиционного быта бурят в контексте кампании против социальных болезней (1920-е – начало 1930-х гг.)

Всеволод Юрьевич Башкуев¹

¹доктор исторических наук, старший научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: vbashkuev@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена текстуальным репрезентациям традиционного быта бурят в документах и статьях советских врачей, принимавших участие в кампании по борьбе с социальными болезнями в Бурят-Монгольской АССР в середине 1920-х – начале 1930-х гг. Оздоровление бурят входило в комплекс важнейших задач советизации, так как на республику и ее титульную нацию возлагалась геополитическая задача продвижения идеологии пролетарской революции в зарубежную монголосферу. На борьбу с венерическими и кожными болезнями, туберкулезом и трахомой Кремль направил медицинские кадры Наркомздрава РСФСР. Работавшие в республике врачи оставили много источников, где охарактеризованы традиционный быт, культура и особенности мировоззрения бурят. Анализ материалов в контексте политических процессов рассматриваемого исторического периода позволяет определить, какие аспекты кочевого быта виделись как отжившие и вредные для построения нового общества. При этом критичность и жесткость врачебных комментариев, по мнению автора, является не свидетельством восприятия бурятского быта через колониальную призму, а конкретным средством привлечения внимания к проблемам здоровья и особенностями врачебного восприятия гигиенической нормы.

Ключевые слова: буряты, социальные болезни, врачи, традиционный быт, антисанитарные условия, текстуальные репрезентации

Published in the Russian Federation
 Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
 of the Russian Academy of Sciences
 Has been issued since 2008
 ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
 Vol. 36, Is. 2, pp. 59–67, 2018
 DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-59-67
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 321.74:9

Yandyko-Mochazhnaya Party Organization in 1921–1925*

*Evgeniya V. Sartikova*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Associate Professor, Leading Research Associate, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Abstract. The article analyzes archival materials to investigate the history of formation and initial activities of the Yandyko-Mochazhnaya party organization. It is found that the Yandyko-Mochazhny RCP(b) Ulus Committee was established at the plenary meeting of the Consolidated Yandyko-Mochazhnaya and Erketenevskaya RCP(b) Ulus Organization. The Yandyko-Mochazhnaya party nucleus had been first organized in December of 1918 by party official Kirillov. In October of 1919, the nucleus was restored by K. R. Herzenberg who acted as authorized representative of the Central Committee of the RCP(b) in Kalmyk Steppe.

Members of the party nucleus in Yandyko-Mochazhny Ulus were primarily fishery workers, such as Khokhol Dzhalikov, Tyurbya Kotvykov, Sangadzhi-Garya Khadylov and many others. According to archival documents, by 18 February 1921 the party register contained 13 party members and 10 candidates.

The paper concludes that the Yandyko-Mochazhny Uezd Party Committee took on the task of promoting political awareness in rural areas and paid special attention to activities of the Soviets, cooperative associations, and peasant mutual aid committees to introduce them into broad layers of the peasant population. By September of 1924, the Yandyko-Mochazhnaya party organization numbered 168 communists already. In early 1925, inspection and ‘housecleaning’ of party nuclei — aiming to strengthen positions of the latter and revive their activities — were proclaimed in Kalmyk Autonomous Oblast. Papers compiled to characterize activities of the Yandyko-Mochazhnaya party nucleus mentioned a number of problems, namely: weak involvement of workers and farmhands, insufficient management of Komsomol organizations, weak control of works performed by groups of the poor, insufficient antireligious propaganda among communists, Komsomol members and non-party citizens. The mentioned shortfalls were inherent to other party nuclei as well.

Keywords: Kalmykia, party construction, party foundation conference, Yandyko-Mochazhny RCP(b) Ulus Committee, organization, K. Herzenberg, Kh. Dzhalikov, number, agitation and propaganda, party housecleaning

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Общественно-политическое развитие народов Юга России в XVIII–XX вв.» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117030910096-7)

История Коммунистической партии Советского Союза после распада СССР и до недавнего времени казалась историкам темой неактуальной. По прошествии времени становится ясно, что КПСС была крупнейшей политической силой в мире. Поэтому изучение, анализ и обобщение опыта Коммунистической партии имеет важное значение, ведь и сегодня в России и мире создаются политические партии, возрождаются общественные организации. В современном обществе происходят глобальные перемены во всех сферах жизни, в том числе в сфере общественно-политических реформ, партийного строительства.

Калмыцкая партийная организация являлась составной частью Коммунистической партии Советского Союза. Она имеет богатую историю, а начало её организационному оформлению положила I областная партийная конференция (18–20 февраля 1921 г.). Автор ставит своей целью показать историю возникновения Яндыко-Мочажной партийной ячейки и начало ее деятельности. Основным методом исследования послужил историко-системный метод, основанный на принципах системного подхода к анализу процессов и явлений прошлого. Анализ архивных материалов основан на принципах объективности и историзма. Научная новизна исследования определяется тем, что автор, привлекая архивные источники, комплексно рассматривает деятельность улусной парторганизации в 1921–1925 гг., рост её численности. Материалы статьи могут быть использованы в преподавании истории России, истории Калмыкии, а также в различных спецкурсах.

Истории Коммунистической партии посвящено огромное количество работ ученых. В последние годы научный интерес к данной теме усиливается. Исследование этой проблемы имеет также фундаментальное значение и в плане решения такой актуальной задачи отдела истории, археологии и этнологии КалмНЦ РАН, как подготовка коллективной работы «Общественно-политическое развитие народов Юга России (XVIII – I-я пол. XX вв.)».

Первыми работами по истории Калмыцкой областной партийной организации являются публикации Н. Х. Бадмаева [Бадмаев 1969а; 1969б]. Автор впервые обобщил опыт работы областной партийной организации на протяжении всего переходного периода. Исследования И. Э. Сангаевой были

посвящены первому периоду оформления областной партийной организации [Сангаева 1971]. Ученый считает, что «экономическая отсталость Калмыкии и вследствие этого политическая безграмотность её населения, тяжелые месяцы гражданской войны и малочисленность политически грамотных работников, отдаленность административного центра и плохая связь между улусами — все это препятствовало развертыванию партийной работы в Калмыцкой степи в 1918–1920 гг.» [Сангаева 1969: 5].

Важным вкладом в разработку истории партии стали диссертации ученых Т. Н. Киевской [Киевская 1975], А. Н. Бурова [Буров 1982], Р. В. Неяченко [Неяченко 1983], М. Н. Гиляшаевой [Гиляшаева 1984], С. З. Сенглеевой [Сенглеева 1987]. Отдельные стороны деятельности партийной организации Калмыкии освещали В. Б. Убушаев [Убушаев 1969], У. Э. Бембеев [Бембеев 1969] и другие авторы.

В 1980 г. вышел крупный коллективный труд обобщающего характера «Очерки истории Калмыцкой организации КПСС» [Очерки истории ... 1980]. Сравнительно подробно, с использованием широкого круга источников, освещаются история и деятельность Калмыцкой партийной организации.

В последние десятилетия в анализе и оценке истории и деятельности партийных организаций наметился новый подход, лишенный, сложившихся в условиях государственно-партийной номенклатуры стереотипов и догм. В этом аспекте написаны статьи С. А. Гладковой. Автором работ по-новому раскрываются роль и место Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 20-х гг. XX в. [Гладкова 2006]. Отдельных исследований по истории районных (улусных) партийных организаций нет, кроме одной статьи С. А. Гладковой [Гладкова 2008].

Большая часть документов по истории Калмыцкой партийной организации хранится в фонде П-1 «Калмыцкий обком КПСС» Национального архива Республики Калмыкия. Документы фонда областного комитета партии, улускомов зафиксировали историю создания первых партийных ячеек Калмыцкого уездного комитета РКП(б) в январе 1920 г. Астраханским губкомом партии. В материалах областных партийных конференций, протоколах заседаний бюро обкома, улускомов партии, докладных записках

1921–1925 гг. отражена деятельность партийной организации по переводу кочевников на оседлый образ жизни, мобилизация коммунистов и населения на борьбу с бандитизмом и с последствиями неурожа 1921 г., когда число голодающих достигло 97 % населения. Изучив документы, можно получить представление о формах и методах организационной и идеологической работы партийных органов, узнать обо всех основных событиях истории республики. Обширный материал о деятельности улусных партийных организаций и ряда партийных ячеек отложился в фондах улусных комитетов партии.

Яндыко-Мочажный улуском РКП(б) [НА РК. Ф. П-761, 26 дел, 1921–1930 гг.] организован на объединенном пленуме Яндыко-Мочажной и Эркетеневской объединенной улусной организации РКП(б). Документы Яндыко-Мочажного улускома ВКП(б) включают в себя протоколы общих собраний, улусных партийных конференций, пленумов, заседаний бюро РКП(б), протоколы общих собраний женщин улуса, информационные отчеты улускома партии, статотчеты о работе ячеек РКП(б), доклад о состоянии работы Яндыко-Мочажного улуса, протоколы заседаний проверочной комиссии по чистке Багутовской ячейки РКП(б) Яндыко-Мочажного улуса и другие.

Как сообщается в материалах I областной партийной конференции, Яндыко-Мочажная партийная ячейка первоначально была организована в декабре 1918 г. партийным работником Кирилловым и представлена через Астраханский уездком и губком на утверждение [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 63]. Из доклада Н. Очирова о деятельности комячейки Яндыко-Мочажного улуса следует, что в 1918 г. ячейка не смогла добиться своего утверждения, поскольку не было поблизости местного райкома, где она могла бы пройти регистрацию [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 63]. Затем территория улуса была занята «белыми», и члены ячейки вынуждены были работать в различных местах. Но когда часть улуса была очищена от белогвардейцев и разбросанные работники собрались при ставке улуса, то прибывшим в Калмыцкую степь по мандату ЦК РКП(б) К. Р. Герценбергом ячейка была вновь восстановлена 22 октября 1919 г. и утверждена Калмыцким уездком партии.

Константин Рудольфович Герценберг, старый партиец, член РКП(б) с 1906 г., нема-

ло сделал для оживления партийной работы в Калмыкии. В 1919–1920 гг. он представлял ВЦИК и Наркомнац при Калмыцком исполкоме, был членом комиссии по подготовке I общекалмыцкого съезда Советов и создания автономной области калмыцкого народа. В июле 1920 г. I общекалмыцким съездом Советов К. Р. Герценберг был избран членом областного Исполнительного Комитета [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 64]. Убежденный коммунист-ленинец, интернационалист К. Р. Герценберг стал политическим руководителем Калмыцкого исполкома и его органов и сделал много полезного для калмыцкого народа [Сангаева 1971: 32].

Уже весной и летом 1921 г. была созвана учредительная конференция в Яндыко-Мочажном улусе. Ввиду малочисленности коммунистов в Эркетеневском улусе был создан на два улуса один улуском партии — Яндыко-Мочажный [Очерки истории ... 1980: 68]. Партийная ячейка в Яндыко-Мочажном улусе состояла преимущественно из рабочих рыбных промыслов. В нее входили Хохол Джалыков, Тюрбя Котвыков, Михаил Брыков, Далбан Сангаджиев, Эрдни-Гаря Церенов, Эрдни-Гаря Надбитов, Эрдни Джохоев, Сангаджи-Гаря Хадылов и многие другие [Бадмаев 1969: 6]. К 18 февраля 1921 г. на учете в партийной организации уезда состояли 13 членов партии и 10 кандидатов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 64]. Перед коммунистами Яндыко-Мочажного улуса стояли следующие задачи:

- 1) в военной области: проведение до 8 мобилизаций на военную службу и трудфронт;
- 2) в области политической:
 - провести: а) неделю фронта, б) неделю транспорта, в) неделю крестьянина, г) неделю ликвидации неграмотности, д) неделю партии и др.;
 - устроить до 50 митингов во всех хотонах и селах;
 - организовать союз коммунистической молодежи в улусе;
- 3) в области просветительной:
 - открыть в улусе клуб «Октябрьской революции» с читальней и библиотекой; поставить культкружком до 15 спектаклей;
 - открыть и оборудовать интернатные и «приходящие» школы, увеличить число учащихся до 400 детей (тогда как в 1917 г. было не более 100 детей);
 - привлечь молодежь на партийные, профессиональные курсы;

- 4) в области организационной:
 - устраивать субботники по заготовке топлива, «недели чистки», «первомайский», «день красной казармы» и др.;
 - послать отряды в степь для борьбы с бандитизмом;
- 5) в области хозяйственной:
 - оказывать помощь семьям красноармейцев;
 - организовать до 50 сельскохозяйственных трудовых артелей в целях приучения и развития среди калмыков земледельческого труда [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 64].

Кроме вышеизложенного, ячейка предвзительно решала на своих общих собраниях и другие вопросы, касавшиеся хозяйственного строительства, и тем облегчала работу местных советских учреждений своими советами, исходившими из резолюции центральных партийных органов и съездов, контролируя, объединяя, таким образом, работу местных учреждений [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 8. Л. 65]. Она провела через местные организации в жизнь около 150 своих постановлений.

Решение назревших задач осложнялось нехваткой профессиональных партийных работников. Партийная организация оставалась малочисленной и по качественному составу очень слабой (рабочие и крестьяне были в основном неграмотные). На собраниях партийных ячеек, в улусных комитетах партии часто обсуждались вопросы о борьбе с неграмотностью, принимались конкретные решения. Каждому грамотному коммунисту и комсомольцу поручалось обучить грамоте не менее 10 человек. Организующим толчком к работе по ликвидации неграмотности народа стало издание 26 декабря 1919 г. Декрета Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР». В нем, в частности, подчеркивалось, что «в целях предоставления всему населению республики возможности сознательного участия в политической жизни страны Совет Народных Комиссаров постановил: „Все население республики в возрасте от 8 до 50 лет, не умеющее читать и писать, обязано обучаться на родном или русском языке по желанию“» [Сартикова 2008: 71]. В первые же годы советской власти было положено начало реализации программы подготовки партийных и советских работников. Огромную роль в этом сыграла

партийно-советская школа. Одним из важных направлений в деятельности Яндыко-Мочажного укома партии было партийно-воспитательное. Правда, перевод ответственного секретаря улускома, выбранного на V областной партийной конференции членом бюро обкома, на работу в областной центр, заметно отразился на общем ходе работы в улусной организации, и наблюдался некоторый застой в мае. Но вскоре на пост ответственного секретаря был выдвинут довольно опытный кандидат, и работа начала налаживаться. В организации было «проведено политвоспитание» в объеме программы, согласно «книжке Коваленко», причем курс политического характера прошли 20 партийцев и 30 комсомольцев. Кроме того, была организована краткосрочная партшкола кандидатов ленинского призыва, в которой обучалось 33 человека.

Парторганизация также усиленно занималась вопросами обустройства безработных на рыбных промыслах, в результате чего на промыслах были заняты около 3 000 калмыков, что считалось большим достижением, так как безработных среди рыболовческого населения Яндыко-Мочажного улуса насчитывалось 5–6 тысяч человек. Было организовано 3 сельскохозяйственных кооперативных товарищества с числом членов свыше 1 000 человек. Парторганизация провела агитационную кампанию по ленинскому призыву, в результате чего в партию приняли 128 рабочих рыбного производства. Во всех пяти кооперативах улуса число членов составляло 2 211 человек [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 22об.].

На IV областной партийной конференции, состоявшейся 17 марта 1923 г., отмечалось, что Яндыко-Мочажный уездный комитет партии усилил массово-политическую работу в деревне, больше обращал внимания на деятельность Советов, кооперативных объединений, комитетов крестьянской взаимопомощи, вовлекая в их ряды широкие слои крестьянства [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40]. На повестке дня конференции стояли вопросы: отчеты обкома РКП(б), контрольной и ревизионной комиссий; о финансовом положении области, землеустройстве, о поднятии народного образования, о внутрипартийной работе организации [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 40. Л. 1–4] и другие.

Численность коммунистов в партийных организациях постепенно росла. В связи с

этим увеличилось число партийных ячеек. Если в 1923 г. их имелось 40, то на 1 октября 1925 г. стало 63, в том числе в Яндыко-Мочажном улусе — 11 [Бадмаев 1969: 19]. К сентябрю 1924 г. в Яндыко-Мочажной партийной организации насчитывалось 168 коммунистов, из них калмыков — 19 членов партии и 141 кандидат, других национальностей — 3 члена партии и 5 кандидатов [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 45].

Яндыко-Мочажный улусный комитет партии проводил большую работу по укреплению партийных ячеек на рыбных промыслах, где работало большое число постоянных и сезонных рабочих. Так, в мае 1925 г. VI областная партийная конференция в резолюции по докладу «О работе в аймаках и хотонах» постановила создать партийные ячейки на рыбных промыслах по производственному признаку [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 78].

По постановлению бюро обкома партии от 27 августа 1924 г. была проверена деятельность партийных ячеек в Яндыко-Мочажном улусе — Долбанской, Багутовской.

В докладе Баинова о работе Долбанской ячейки Яндыко-Мочажного улуса отмечалось, что ячейка насчитывала в своих рядах 15 членов и 97 кандидатов. Внутрипартийная работа велась слабо, так как многие коммунисты, уходя на сезонную работу на рыбные промыслы, посещали собрания, которые проводились два раза в месяц, лишь изредка. Долбанской ячейкой была организована 41 ловецкая артель. В результате кооперативной кампании число кооперативных объединений возросло с 2 до 6, а число членов в них — с 800 до 2 000 человек. Одним из недостатков работы ячейки отмечено то обстоятельство, что митинговые собрания проводились лишь в аймачных центрах, куда из хотонов прибывали по 2–4 представителя. Это говорило о том, что работа ячейки в массах была недостаточной. Причины этого — отсутствие работников-активистов. В декабре открыли одну школу политграмоты, которую окончили, показав удовлетворительные знания, 24 члена организации, вступившие в партию по ленинскому призыву (их еще называли «ленинцами»). Имелся один клуб, при котором работала библиотека. Ячейка выпускала стенную газету «Улан Долбан», кроме того, члены ячейки выписывали газеты: «Улан Хальмг», «Правду» и «Крестьянскую». Было открыто 10 школ ликвидации неграмотности, где об-

учались до 400 человек. Работа среди женщин была очень затруднена. В аймачных Советах и крестьянских комитетах работали всего несколько женщин. Активисты комсомольцы проходили партийную политшколу. Ячейка руководила работой четырех профкомов: совработников (служащих советских учреждений), рабпроса (учителей, работников просвещения), медицинских и санитарных (медикосантруда) и работников земельного и лесного хозяйства (рабземлеса). Эти профкомы объединяли свыше 300 человек. В советах и их аппаратах работали 14 членов партии, из них 9 ленинцев [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59. Л. 89].

Областной комитет партии глубоко вникал в жизнь партийных организаций. Так, 3 января 1925 г., обсудив вопрос о работе Икибагутовской ячейки РКП(б) Яндыко-Мочажного улуса, обком предложил, чтобы указанная партийная ячейка регулярно проводила партийные собрания, на которых бы обсуждала вопросы хозяйственно-политического значения и местной жизни, привлекала на открытые партийные собрания беспартийных. В данной ячейке числилось большое количество неграмотных коммунистов, поэтому обком рекомендовал партийной ячейке принять меры по ликвидации азбучной, а также политической неграмотности. Партийной ячейке было предложено усилить работу среди женщин и молодежи. Вскрытые обкомом партии недостатки в работе Икибагутовской ячейки РКП(б) были присущи и другим партийным ячейкам [Бадмаев 1969: 20].

В начале 1925 г. в Калмыцкой автономной области были объявлены проверка и «чистка» советских и партийных ячеек с целью оживления деятельности, изучение работы партийных организаций для их «укрепления». Главной задачей чисток было объявлено следующее: «очистить» эти организации от «чуждых и разложившихся элементов». Предварительно составлялись списки членов и кандидатов партии, для руководства проверкой создавались проверочные комиссии. В состав комиссии по проведению «чисток» советских аппаратов входили ответственный секретарь укома (улусного комитета) партии, работник улусного исполкома, представители от профсоюзной организации, ОГПУ и помощник прокурора. Как подчеркивалось в письме ответственного секретаря областной кон-

трольной комиссии Кувшинова, «проверка не являлась выражением недоверия к членам РКП(б) проверяемой ячейки» [Гладкова 2008: 31].

При проверке и «чистке» каждой партийной организации давалась характеристика её деятельности. Например, в характеристике Багутовской ячейки Яндыко-Мочажного улусного комитета ВКП(б) указывалось, что ячейка уделяла достаточное внимание советской, хозяйственной и массово-политической работе, коллективизации крестьянских хозяйств: организовано 6 рыболовецких колхозов и 1 бахчеогородная артель. Ячейка оказывала помощь в работе женотдела. Среди населения велась политическая работа. В характеристике отмечались также и недостатки. К ним относились: слабое вовлечение в партию рабочих и батраков, недостаточное руководство комсомольскими организациями, слабый контроль за работой групп бедноты, недостаточное проведение антирелигиозной пропаганды среди коммунистов, комсомольцев и беспартийных [НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 59].

Таким образом, сразу после 1-й учредительной партконференции Калмыцкий обком РКП(б) приступил к созданию улусных комитетов партии (укомов). Предполагалась организация восьми укомов соответственно числу улусов, но после изучения обстановки на местах в целях укрепления отдельных организаций и в условиях нехватки кадров создавали один уком в двух уездах (так было в Яндыко-Мочажном и Эркетеневском улусах).

К августу 1921 г. в Калмыкии уже действовали 7 укомов и один горрайком. Областной комитет партии стремился создать работоспособный партийный аппарат в улусных комитетах партии, укрепить его подготовленными кадрами.

Яндыко-Мочажная партийная ячейка была одной из самых влиятельных партийных организаций Калмыцкой степи. Ею была проделана большая хозяйственная и организационная работа. В военной области своей деятельности ячейка достигла успеха, проведя 8 мобилизаций на военную службу, в политической области были проведены мероприятия типа Недели фронта, транспорта, Недели ликвидации неграмотности и др.; ячейкой был открыт клуб с читальней и библиотекой, поставлено около 15 спектаклей, открыты школы, посылались

отряды в степь для борьбы с бандитизмом. Ячейка стала инициатором оказания помощи семьям красноармейцев, организации сельскохозяйственных трудовых артелей. Яндыко-Мочажная партийная организация укрепляла партийные ячейки на промыслах, проводя массово-политическую работу среди рабочих и ловцов.

Архивные источники позволяют составить картину оживления хозяйственной жизни в Яндыко-Мочажном улусе, проследить, как изменялась численность партийной организации, повышалась квалификация партийных кадров. В ходе восстановления народного хозяйства были достигнуты успехи в ликвидации безработицы среди рабочих и ловцов рыбной промышленности, приняты меры по повышению их общеобразовательного и политического уровня, что способствовало росту их политического сознания.

В то же время в деятельности Яндыко-Мочажного улусного комитета партии отмечались и недостатки. К ним относились: слабое вовлечение в партию рабочих и батраков, недостаточное руководство комсомольскими организациями, слабый контроль за работой групп бедноты, недостаточное проведение антирелигиозной пропаганды среди коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Вскрытые обкомом партии при проверке деятельности Яндыко-Мочажной ячейки РКП(б) недостатки в работе были присущи и другим партийным ячейкам.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. [*Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya* [National Archive of the Republic of Kalmykia].]:

Ф.П-1 — Калмыцкий областной комитет КПСС (до 1925 г. — обком РКП(б); до 1952 г. — обком ВКП(б)). Оп. 1. Д. 8, 40, 59, 78. [F. П-1 — *Kalmytskiy oblastnoy komitet KPSS (do 1925 g. — obkom RKP(b); do 1952 g. — obkom VKP(b))*] [Kalmyk Oblast Committee of the CPSU (before 1925 — Oblast Committee of the RCP(b), before 1952 — Oblast Committee of the VKP(b))]. Оп. 1. Д. 8, 40, 59, 78].

Ф.П-761 — Яндыко-Мочажный улуском РКП(б), 1921–1930 гг. [F. П-761 — *Yandyko-Mochazhnyy uluskom RKP(b), 1921–1930 gg.* [Yandyko-Mochazhnyy Ulus Committee of the RCP(b), 1921–1930].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Бадмаев 1969а — Бадмаев Н. Х. Калмыцкая областная партийная организация в восстановительный период (1921–1925 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. 1969а. № 4. С. 22–34. [Badmaev N. Kh. Kalmyk Oblast Party Organization during the reconstruction period (1921–1925). *Vestnik Kalmytskogo NIYaLI* (Bulletin of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History). 1969a. No. 4. Pp. 22–34].
- Бадмаев 1969а — Бадмаев Н. Х. Партийное строительство в Калмыцкой автономной области (1921–1929 гг.). Элиста: КНИИЯЛИ, 1969б. 51 с. [Badmaev N. Kh. *Partiynnoe stroitel'stvo v Kalmytskoy avtonomnoy oblasti (1921–1929 gg.)* [Political (party) construction in Kalmyk Autonomous Oblast (1921–1929)]. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1969б. 51 p.]
- Бембеев 1969 — Бембеев У. Э. Совершенствование методов организационно-партийной работы в Калмыцкой областной партийной организации после XXIII съезда КПСС // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 4. Серия историко-партийная. Элиста, 1969. С. 106–119. [Bembeyev U. E. Organizational and political work of the Kalmyk Oblast Party Organization: development of methods after the 23rd Congress of the CPSU. *Vestnik Kalmytskogo NIYaLI. Seriya istoriko-partiynnaya*. No. 4. Elista, 1969. Pp. 106–119].
- Буров 1982 — Буров А. Н. Деятельность Калмыцкой областной организации КПСС по осуществлению аграрной политики партии в условиях развитого социализма (1965–1975 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1982. 18 с. [Burov A. N. *Deyatel'nost' Kalmytskoy oblastnoy organizatsii KPSS po osuschestvleniyu agrarnoy politiki partii v usloviyakh razvitogo sotsializma (1965–1975 gg.)* [Activities of the Kalmyk Oblast CPSU Organization within the party's agrarian agenda in the context of developed socialism]. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1982. 18 p.]
- Гиляшбаева 1984 — Гиляшбаева М. Н. Историография партийного руководства сельским хозяйством в годы Великой Отечественной войны: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1984. 22 с. [Gilyashbaeva M. N. *Istoriografiya partiynogo rukovodstva sel'skim khozyaystvom v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Agricultural industry during the Great Patriotic War: a historiography of the party's administrative guidance]. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1984. 22 p.]
- Гладкова 2008 — Гладкова С. А. Большедербетовская партийная организация в период нэпа (20-е гг. XX в.) // Россия и Центральная Азия: историко-культурное наследие и перспективы развития. Мат-лы междунар. науч. конф. Ч. 2. Элиста: КИГИ РАН, 2008. С. 28–32. [Gladkova S. A. Bolshederbetovskaya Party Organization during the New Economic Policy (1920s). *Rossiya i Tsentral'naya Aziya: istoriko-kul'turnoe nasledie i perspektivy razvitiya*. Proc. of the internat. conf. Part 2. Elista: Kalmyk Institute for Humanities Research, 2008. Pp. 28–32].
- Гладкова 2006 — Гладкова С. А. Место и роль Калмыцкой областной организации РКП(б) в политической системе 20-х гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Вып. 20. Элиста, 2006. С. 89–98. [Gladkova S. A. Place and role of the Kalmyk Oblast RCP(b) Organization in the political system of the 1920s. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN*. Iss. 20. Elista, 2006. Pp. 89–98].
- Киевская 1975 — Киевская Т. Н. Калмыцкая областная партийная организация в борьбе за восстановление и развитие народного хозяйства области на основе новой экономической политики (1921–1925 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1975. 29 с. [Kievskaya T. N. *Kalmytskaya oblastnaya partiynnaya organizatsiya v bor'be za vosstanovlenie i razvitie narodnogo khozyaystva oblasti na osnove novoy ekonomicheskoy politiki (1921–1925 gg.)* [Restoration and development of Kalmykia's economy during the NEP (1921–1925): impact of the Kalmyk Oblast Party Organization]. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1975. 29 p.]
- Неяченко 1983 — Неяченко Р. В. Деятельность партийной организации Калмыкии по идейно-политическому воспитанию женщин и вовлечению их в строительство социализма (1917–1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1983. 17 с. [Neyachenko R. V. *Deyatel'nost' partiynoy organizatsii Kalmykii po ideyno-politicheskomu vospitaniyu zhenshin i vovlecheniyu ikh v stroitel'stvo sotsializma (1917–1937 gg.)* [Ideological education of women and their involvement into socialist construction (1917–1937): impact of Kalmykia's party organization]. A PhD thesis abstract. Moscow, 1983. 17 p.]
- Очерки истории ... 1980 — Очерки истории Калмыцкой организации КПСС. Элиста:

- Калм. кн. изд-во, 1980. 451 с. [*Ocherki istorii Kalmytskoy organizatsii KPSS* [The Kalmyk CPSU Organization: historical essays]. Elista: Kalm. Book Publ., 1980. 451 p.]
- Сангаева 1969 — Сангаева И. Э. Начальный этап партийного строительства в Калмыкии (1918–1920 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 4. Серия историко-партийная. Элиста, 1969. С. 5–21. [Sangaeva I. E. The initial stage of Kalmykia's party construction (1918–1920). *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI. Seriya istoriko-partiynaya*. No. 4. Elista, 1969. Pp. 5–21].
- Сангаева 1971 — Сангаева И. Э. Образование Калмыцкой областной партийной организации (1918–1921 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 5. Серия историко-партийная. Элиста, 1971. С. 25–69. [Sangaeva I. E. Establishment of the Kalmyk Oblast Party Organizatio (1918–1921). *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI. Seriya istoriko-partiynaya*. No. 5. Elista, 1971. Pp. 25–69].
- Сартикова 2008 — Сартикова Е. В. Кампании по ликвидации неграмотности калмыцкого народа и их результаты // Культурная жизнь Юга России. 2008. № 4. С. 71–76. [Sartikova E. V. Illiteracy eradication campaigns among the Kalmyk people and their outcomes. *Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii*. 2008. No. 4. Pp. 71–76.]
- Сенглеева 1987 — Сенглеева С. З. Деятельность Калмыцкой областной партийной организации по осуществлению задач культурной революции (1928–1937 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону, 1987. 24 с. [Sengleeva S. Z. *Deyatel'nost' Kalmytskoy oblastnoy partiynoy organizatsii po osuschestvleniyu zadach kul'turnoy revolyutsii (1928–1937 gg.)* [Accomplishment of objectives of the Soviet Cultural Revolution (1928–1937): activities of the Kalmyk Oblast Party Organization]. A PhD thesis abstract. Rostov-on-Don, 1987. 24 p.]
- Убушаев 1969 — Убушаев В. Б. Партийное руководство деятельностью комсомола Калмыкии в борьбе за победу социализма (1921–1937 гг.) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. № 4. Серия историко-партийная. Элиста, 1969. С. 47–71. [Ubushaev V. B. Activities of Kalmykia's Komsomol in the struggle towards Socialism (1921–1937): administrative guidance of the party. *Vestnik Kalmytskogo NIIYaLI. Seriya istoriko-partiynaya*. No. 4. Elista, 1969. Pp. 47–71].

УДК 321.74:9

Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925 гг.

Евгения Викторовна Сартикова¹

¹ доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: sartikova_evgeniya@mail.ru

Аннотация. В данной работе на архивном материале исследуются история образования и начало деятельности Яндыко-Мочажной партийной организации. Яндыко-Мочажный улуском РКП(б) образован на объединенном пленуме Яндыко-Мочажной и Эркетеневской объединенной улусной организации РКП(б).

Яндыко-Мочажная партийная ячейка первоначально была организована в декабре 1918 г. партийным работником Кирилловым. В октябре 1919 г. ячейка была вновь восстановлена прибывшим в Калмыцкую степь по мандату ЦК РКП(б) К. Р. Герценбергом.

Партийная ячейка в Яндыко-Мочажном улусе состояла преимущественно из рабочих рыбных промыслов. В нее входили Хохол Джалыков, Тюрбя Котвыков, Сангаджи-Гаря Хадылов и многие другие. По данным архивных документов, к 18 февраля 1921 г. на учете в партийной организации состояли 13 членов партии и 10 кандидатов.

Согласно архивным документам, Яндыко-Мочажный улусный комитет партии проводил массово-политическую работу в деревне, обращал внимание на деятельность Советов, кооперативных объединений, комитетов крестьянской взаимопомощи, вовлекая в их ряды широкие слои крестьянства. Парторганизация усиленно занималась вопросами обустройства без-

рабочих на рыбных промыслах, в результате чего на промыслах были заняты около 3 000 калмыков, что считалось большим достижением, так как безработных среди рыболовецкого населения Яндыко-Мочажного улуса насчитывалось 5–6 тысяч человек. Было организовано 3 сельскохозяйственных кооперативных товарищества с числом членов свыше 1 000 человек.

Парторганизация провела агитационную кампанию по ленинскому призыву, в результате чего в партию приняли 128 рабочих рыбного производства. Во всех пяти кооперативах улуса число членов составляло 2 211 человек. К сентябрю 1924 г. в Яндыко-Мочажной партийной организации насчитывалось уже 168 коммунистов.

В начале 1925 г. в Калмыцкой автономной области были объявлены проверка и «чистка» партийных ячеек с целью оживления деятельности партийных организаций, их укрепления. В характеристике деятельности Яндыко-Мочажной партийной ячейки отмечались и недостатки в работе. К ним относились: слабое вовлечение в партию рабочих и батраков, недостаточное руководство комсомольскими организациями, слабый контроль за работой групп бедноты, недостаточное проведение антирелигиозной пропаганды среди коммунистов, комсомольцев и беспартийных. Эти недостатки были присущи и другим партийным ячейкам.

Ключевые слова: Калмыкия, партийное строительство, учредительная партийная конференция, Яндыко-Мочажный улусный комитет РКП(б), К. Р. Герценберг, Х. Джалыков, численность, агитационно-пропагандистская работа, чистка партии

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 68–78, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-68-78
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 94(470)+94(470.47)

Repatriation of Soviet Citizens Shipped by Fascists for Forced Labor in Germany during the Great Patriotic War

*Konstantin N. Maksimov*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Professor, Gorodovikov Kalmyk State University (Elista, Russian Federation). E-mail: tsagadam@mail.ru

Abstract. The article primarily aims to explore the occupation and invasive policies of fascist Germany characterized by enslavement of Soviet citizens and their use as cheap labor force (when shipped for forced labor to Germany). In this regard, the goal of the paper is to cover a number of essentially different sources and, thus, investigate the topic of mass forced shipments of Soviet people from temporarily occupied USSR territories — including that of the Kalmyk ASSR — and their return to the Motherland in the context of general repatriation of Soviet residents enslaved by fascists during World War II. The methodological framework is represented by a cognition method based on the principles of historicism, objectiveness, and complete approach. Methods of historiographic and comparative analyses were applied for the investigation and use of historical sources.

The work also provides a comparative analysis of sources from neighboring regions (krais and oblasts) which shows some common tragic consequences of fascist barbarian policies of depopulating USSR territories by forcing Soviet citizens to work in hellish conditions.

A considerable number of people — including from little Kalmykia — were shipped by fascists for forced labor in Germany, and the harsh working conditions in factories, mines, and farming fields claimed lives of a third of those prisoners. In the aftermath of fascist Germany's defeat the surviving citizens of the USSR were brought back to their homelands. Still, for many years to come those were referred to as deplorables of Soviet society because of having been kept prisoners in the enemy territory. Only in the 1990s they were rehabilitated and their civil rights reinstated in Russia.

Keywords: World War II, fascist Germany, Great Patriotic War, Kalmykia, occupation, enslavement, forced labor camp, Office of the USSR Plenipotentiary for Repatriation Affairs, repatriation

Одним из чудовищных видов преступлений немецких фашистов в период Второй мировой войны было как насильственное привлечение к принудительным работам гражданского населения на территории оккупированных стран, так и угон из этих государств в рабство работоспособного населения в Германию. Основной целью нацистской программы являлось не только использование его как рабочей силы для экономических нужд Германии, но и истребление путем эксплуатации на тяжелой работе в нечеловеческих условиях.

Историография исследуемой темы (репатриации советских граждан, угнанных в рабство фашистами в Германию в годы Второй мировой войны), как отечественная, так и зарубежная, фактически отсутствует. В имеющейся литературе о советских военнопленных, гражданских лицах, угнанных немцами в Германию, даются лишь общие сведения, количественные данные. Но при этом в них наблюдается большой разноречивостью, в данной статье автор отмечает эти работы. Среди них выделяется исследование Н. Вахсмана, раскрывшее организацию эксплуатации узников концлагерей в Германии [Вахсман 2017]. Исследований по репатриации в СССР граждан Калмыкии, находившихся в Германии в рабстве, фактически нет.

Характер войны нацистской Германии против Советского Союза, как известно, принципиально отличался от завоевательных походов ее армии в страны Западной Европы не только размахом разрушений, гибелью и угоном в рабство гражданского населения. Готовясь к нападению на СССР, Гитлер, как об этом свидетельствуют опубликованные официальные документы нацистской администрации и ее руководителей, определил концепцию восточной кампании, которую объективно раскрыл немецкий историк Себастиан Хаффнер. Он пишет, что Гитлером планировалось колониальная война с особыми жестокими методами ее ведения. «Разгром русских вооруженных сил был лишь первым актом, за которым должна была последовать тотальная оккупация этой огромной страны, полная ликвидация государственной власти Советского Союза, истребление звена руководящих кадров и интеллигенции, создание подвижного германского колониального аппарата и, наконец, порабощение 170-миллионного населения» [цит. по: Вторая мировая 2005: 351].

Поэтому до вероломного нападения на СССР стратегический план «Барбаросса», утвержденный Гитлером 18 декабря 1940 г., неоднократно дополнялся рядом инструкций и распоряжений, предназначенных охватить весь комплекс мероприятий, связанных с задачами вторжения, захвата и эксплуатации Советского Союза. К числу таких документов относилась «Зеленая папка» Геринга, представлявшая собою подробную инструкцию по организации и ведению хозяйственного разграбления, использования природных, материальных и людских ресурсов оккупированных территорий СССР. В ней имелась целая глава под названием «Использование рабочей силы, привлечение местного населения».

Известный немецкий историк Н. Мюллер, анализируя политику и цели восточной кампании германских фашистов, писал, что в войне против СССР Германия ставила две основные цели: политическую и экономическую. Политическая цель состояла в стремлении покончить с большевизмом, уничтожить СССР как государство и лишить его народы какой бы то ни было формы государственной организации. Экономическая цель заключалась в превращении захваченных советских территорий в аграрно-сырьевой придаток, в источник дешевой рабочей силы, во внутреннюю колонию фашистской империи [Мюллер 2010: 55–56].

Гитлер еще в мае 1939 г. заявлял, что обладание обширными территориями на Востоке будет представлять для Германии преимущество, поскольку население негерманских территорий не будет выполнять никакой воинской повинности, но будет использоваться в качестве источника рабочей силы. Это указание Гитлера в ноябре 1941 г. Геринг на совещании конкретизировал. Он говорил, что трудоспособность советских граждан должна быть теперь использована на благо империи. Их следует использовать преимущественно на строительстве дорог, аэродромов, на угольных шахтах, для работы по расчистке, для разминирования, дробления камней, выполнения земляных работ. Кроме того, следует больше использовать русских в сельском хозяйстве [Нюрнбергский процесс 1990: 523, 542].

Фашисты, планируя использование рабочей силы Советского Союза, предусматривали, во-первых, в принудительном порядке заставить мирное население работать на оккупированной территории на удовлет-

ворение нужд германской армии. Они должны были обеспечивать ее продовольствием и создавать ей бытовые условия, строить и ремонтировать военно-инженерные сооружения, дороги, мосты и т. д. В этих целях немцы создавали местную власть оккупационного режима со своей структурой административного и хозяйственного управления. Так, немецкие войска, оккупировав в начале августа 1942 г. часть территории Калмыцкой АССР, приказом ввели трудовую повинность для всех граждан от 12 до 60 лет. За уклонение от работы предусматривался штраф в 1 тыс. руб. или арест с отправкой в лагеря (огороженные колючей проволокой под открытым небом) на принудительные работы, т. е. фактически их превращали в военнопленных, за саботирование — расстрел [ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 74].

В захваченных улусах и городе Элисте немцы в оккупационной администрации организовали хозяйственный отдел, который занимался направлением рабочей силы на рытье окопов, иных сооружений военного назначения, обеспечением инвентарем и прочим оборудованием, транспортом. Все проблемы снабжения немецких войск на оккупированной территории продовольствием и фуражом были возложены на земельный отдел Элистинской управы. Основными обязанностями жилищного отдела являлись расквартирование немецких солдат и офицеров, подготовка и ремонт казарм, создание благоприятных бытовых условий. Отдел местной промышленности занимался организацией мыловарения, обработки кожсырья и пошива полушубков, рукавиц, изготовления валенок для солдат немецкой 16-й мотодивизии [НА РК. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 6, 8, 19, 39, 60; Д. 3. Л. 20, 72].

Все же главная задача оккупантов состояла, во-вторых, в организации вывоза рабочей силы в Германию для восполнения истощавших ее трудовых ресурсов, особенно в военной промышленности, сельском хозяйстве. В 1941 г. фашистские оккупанты стремились обманым путем на принципах «добровольности» отправить молодых людей в Германию для работы на немецких предприятиях, стройках. По данным представителя обвинения от Франции Ж. Герцога на Нюрнбергском процессе, на 30 сентября 1941 г. в Германии на принудительных работах использовались 1 228 686 иностранных рабочих, в том числе 721 337

из оккупированных стран Запада (Дании — 63 309, Голландии — 134 093, Бельгии — 212 903, Франции — 72 475, Италии — 238 557 человек). Здесь же им было добавлено, что «касается угнанных из восточных стран, [они] входят в компетенцию моих советских коллег». Не вошедших в количество иностранных рабочих из стран Запада в конце сентября 1941 г. в Германии числилось еще 507 349 человек [Нюрнбергский процесс 1990: 638].

В докладе руководителя V главного управления имперского министерства труда Мансфельда, представленном 19 февраля 1942 г. на совещании в Управлении военной экономики и вооружения верховного командования вермахта (OKW), отмечалось, что использование русских гражданских лиц получает все большее значение. В общей сложности в распоряжении этого управления находились 600–650 тыс. русских гражданских лиц, из которых 300 тыс. — промышленные квалифицированные рабочие и 300–350 тыс. — сельскохозяйственные рабочие. Эти сведения Мансфельда почти совпадают с данными Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации о взятых в 1945 г. на учет депортированных в Германию в 1941 г. на принудительные работы 725 480 советских граждан. Из них уже к сентябрю 1945 г. были репатриированы в СССР 664 246 человек, в том числе 281 554 мужчины, 282 967 женщин и 99 725 детей [Нюрнбергский процесс 1990: 660; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 414. Л. 66–67; Оп. 1. Д. 83. Л. 296–298].

После первого крупного поражения в декабре 1941 г. под Москвой, означившего провал фашистской стратегии молниеносной войны, германское командование изменило методы набора и использования принудительного труда советских граждан. В приказе Геринга от 10 января 1942 г. отмечалось, что «в течение ближайших месяцев использование рабочей силы приобретает еще большее значение. С одной стороны, военная обстановка обуславливает необходимость передачи армии всех мужчин молодых возрастов для выполнения стоящих перед ней задач. С другой стороны, в военную промышленность и в другие отрасли военного хозяйства, а также в сельское хозяйство должна быть направлена рабочая сила, в которой они испытывают острую необходимость. В решении этой проблемы играет большую роль использование во-

еннопленных, в особенности из Советской России» [Нюрнбергский процесс 1990: 525].

В связи с возникшей необходимостью организации бесперебойной доставки рабочей силы и интенсификации принудительного труда указом Гитлера 21 марта 1942 г. было создано специальное ведомство генерального уполномоченного по использованию рабочей силы во главе с Фрицем Заукелем, гаулейтером Тюрингии. Распоряжением Гитлера от 27 марта того же года ему были предоставлены неограниченные полномочия в отношении снабжения Германии в принудительном порядке рабочей силой из оккупированных стран, особенно из Советского Союза. Заукель, получив задания и по реализации четырехлетнего плана Геринга, поручил главному командованию сухопутных сил ускорить темпы мобилизации русской рабочей силы и ее отправки в империю, при этом значительно увеличив количество депортируемых рабочих [Нюрнбергский процесс 1990: 525–529].

В октябре 1942 г. Заукель настойчиво требовал от Розенберга, министра по делам оккупированных восточных областей, принять решительные меры к насильственному вывозу в Германию из оккупированных районов до двух миллионов рабочих. Он писал Розенбергу: «Дополнительная рабочая сила в своем большинстве должна быть взята из недавно оккупированных восточных территорий, особенно из имперского комиссариата Украины. Поэтому комиссариат Украины должен доставить 225 тыс. рабочих до октября 1942 г. и 225 тыс. дополнительно — к 1 мая 1943 г.». [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 4]

Из депортированных фашистами советских граждан из оккупированных территорий в 1941–1942 гг. на принудительные работы в Германию, по данным Управления уполномоченного СНК СССР по делам репатриации, осталось в живых и было взято на учет к маю 1947 г. 1 759 492 человека, а из угнанных в 1943 г. — 730 720 чел. [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 4; Д. 414. Л. 66–67].

Управление уполномоченного правительства СССР по делам репатриации определило, что советских граждан, находившихся в рабстве в Германии, умерло и погибло приблизительно до 30 %. Следовательно, в 1941–1942 гг. немцы депортировали в Германию на принудительные работы советских граждан численностью до 2 млн 400 тыс., в 1943 г. — до 1 млн человек.

«В ходе войны значение захватываемых материальных ценностей и людей, — писали германские авторы «Энциклопедии изгнаний», — для немецкой экономики многократно возросло. В октябре 1944 г. в Германии насчитывалось почти 8 млн иностранных рабочих более чем из 20 стран, в том числе 6 млн гражданских лиц и без малого 2 млн военнопленных. Первое место среди стран их происхождения занимал СССР: оттуда было угнано более трети рабочих, зарегистрированных осенью 1944 г., — 2,8 млн человек, 1,7 млн чел. поступили из Польши, 1,2 млн чел. из Франции, по несколько сотен тысяч человек из Италии, Нидерландов, Бельгии, Чехословакии и Югославии» [Энциклопедия изгнаний 2013: 123]. Что касается 2,8 млн советских граждан, это количество относится к людям, оставшимся в живых и работавшим в Германии в конце 1944 г. Действительно, из советских граждан, угнанных в 1941–1944 гг. в Германию в рабство, выжили и вернулись на родину 2 883 505 человек (русских — 906 720, украинцев — 1 209 102, белорусов — 396 303, литовцев — 48 670, латышей — 33 719, эстонцев — 12 793, молдаван — 31 661, калмыков — 2 323, карел — 1 352 и т. д.) [Энциклопедия изгнаний 2013: 123; ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 414. Л. 67].

Немцы за кратковременную оккупацию (август – декабрь 1942 г.) части территории Калмыцкой АССР угнали в Германию в рабство почти до 6 тыс. ее жителей. По имеющимся официальным, неполным, данным (в связи с упразднением республики не все улусы успели представить полные сведения. — К. М.), из Малодербетовского, Сарпинского, Приютинского¹ (ныне Приютненского), Черноземельского и Западного улусов немцы депортировали в Германию в 1942 г. до 3 тыс. человек. Сохранились отдельные сведения разового характера о принудительной отправке людей Калмыкии в Германию. В конце октября из Элисты и пригородных сёл оккупанты насильно согнали и увезли на железнодорожную станцию Зимовники 97 юношей и девушек 17–19 лет, 1 ноября — еще 40, из Яшалтинского улуса — 64, села Троицкого — 27 человек [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 4, 8, 61, 64, 65, 135–137].

¹ Приютинский улус образован в 1938 г. В связи с депортацией калмыцкого народа территория улуса была передана Ставропольскому краю. В 1957 г. воссоздан как Приютненский район.

О судьбе увезенных в рабство граждан Калмыцкой АССР почти нет никаких сведений, за исключением одного письма. 21 июля 1945 г. председатель исполкома Тундутовского сельского совета Малодербетовского улуса получил письмо от группы молодежи села Тундутова, принудительно вывезенной в сентябре 1942 г. на работу в Германию. В письме сообщалось, что они (96 человек) в течение двух месяцев находились на пересыльном пункте в Польше, а затем в качестве гражданских рабочих были доставлены в Германию. На ее предприятиях, как они писали, проработали 2 года и 7 месяцев. 29 марта 1945 г. они были освобождены американскими войсками и 1 июля переданы частям Красной армии. В письме были перечислены лишь 13 фамилий юношей 1924–1925 гг. рождения, а судьбы остальных им не были известны [НА РК. Ф. Р-52. Оп. 1. Д. 18. Л. 41–42].

В ходе операции «Малый Сатурн» (16–30 декабря 1942 г.) советские войска, перейдя в наступление, разгромили 8-ю итальянскую армию, котельниковскую группировку немецких войск. Одновременно был ликвидирован фронт 4-й румынской армии, находившийся между Элистой (точнее, Троицким улусом) и Сталинградом. Чтобы избежать еще большей катастрофы, Гитлер вынужден был 29 декабря 1942 г. отдать приказ об общем ускоренном отходе группам армий «Дон» со стороны Сталинграда и группам армий «А» — с Кавказа.

В тот же день, 29 декабря 1942 г., командующий войсками Сталинградского фронта А. И. Еременко отдал боевой приказ командующим 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армиям о развитии наступления на Ростовском направлении. Немецкая 16-я мотодивизия (командир — генерал-майор Г. Шверин), действовавшая на астраханском направлении против советской 28-й армии (командующий — генерал-лейтенант В. Ф. Герасименко), оказалась изолированной в Калмыцкой степи. 16-я мотодивизия, готовясь к отступлению, стала предпринимать меры к угону огромного количества скота и имущества. В качестве сопровождающих табунов, отар и стад в принудительном порядке были мобилизованы пастухи, чабаны, подпаски, табунщики, конюхи. В связи с захватом большого количества обозов, лошадей фашисты в оккупированных улусах собрали и погнали с собой кузнецов, слесарей, плотников и т. д. Из Приютинского улуса

гитлеровцы при отступлении насильно под угрозой расстрела погнали с собой слесарей, комбайнеров, трактористов, ветсанитаров, плотников, кузнецов, табунщиков, 14–15-летних пастухов, подпасков, а также других специалистов для использования их на разных работах [НА РК. Ф. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 57. Л. 9].

Отступая, 16-я мотодивизия захватила с собой из Калмыкии, по неполным данным, из восьми улусов и Элисты в принудительном порядке около 2,5–3 тыс. человек. По семи улусам имеются приблизительные сведения — 2 380 человек. Командование 16-й мотодивизии пыталось угнать с собой как можно большее количество гражданского населения, в том числе (особенно) юношей призывного возраста. Дивизия при отступлении из Приютинского улуса прихватила с собой 308 человек, из них 115-ти удалось по пути сбежать, из Черноземельского улуса погнали около 300 человек. В районе Тахты и Сальска бойцы 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии отбили у гитлеровцев около 500 граждан республики [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 839. Л. 3; Ф. П-8. Оп. 1. Д. 57. Л. 7; Ф. Р-131. Оп. 10. Д. 120. Л. 6; Д. 121. Л. 9].

В своих мемуарах Маршал Советского Союза А. И. Еременко, анализируя военные действия противника начала 1943 г., обратил внимание на тактику немцев по отношению к мирному населению, особенно в период отступления. «Отступавшие под ударами наших войск немецко-фашистские захватчики, — писал А. И. Еременко, — применяя обман, шантаж, главным же образом силу, угоняли население Северного Кавказа в Германию. Фашисты стремились запугать советских людей, внушали им, что советские войска будут жестоко расправляться с теми, кто побывал на территории, оккупированной врагом, что в Германии им будут созданы все условия для жизни и работы. Вместе с населением фашисты угоняли скот, вывозили хлеб и т. д.» [Еременко 2006: 522].

Фельдмаршал Э. фон Манштейн в своих мемуарах, наоборот, пытался преподнести угон людей из оккупированных регионов как проявление заботы о населении со стороны нацистов. Он писал, что немецкие армии оказывали беженцам, добровольно следовавшим за отступающими частями, всяческую помощь. Их не угоняли, а

направляли на запад, где немецкие штабы заботились об их размещении и снабжении [Манштейн 2009: 438–439].

В освещении вопроса об угоне мирных советских граждан в Германию был объективен Н. Мюллер. Он писал, что цели угона населения заключались в депортации их в Германию в рабство, и использовали советских людей на принудительных работах военного характера в районах боевых действий посредством применения террористических актов [Мюллер 2010: 236, 238].

По данным союзных советских республик и Управления уполномоченного СНК

СССР по делам репатриации, гитлеровцы депортировали в Германию на принудительные работы с временно оккупированных ими территорий СССР 4 794 087 советских граждан, из них к 1 февраля 1946 г. были репатриированы на родину 3 259 857 человек. По советским республикам, подвергшимся временной немецкой оккупации, количество угнанных и репатриированных их граждан по состоянию на февраль 1946 г. было представлено данными в таблице 1. [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 39. Л. 90; Д. 284. Л. 117, 241; Д. 933. Л. 3, 113; Ф. Р-9408. Оп. 1. Д. 10. Л. 125–126].

Таблица 1. *Количество угнанных и репатриированных граждан*

Союзные республики	Угнано (чел.)	Прибыло (чел.)	том числе мужчин	женщин	детей
РСФСР	1 906 661	1 563 328	432 045	682 217	449 066
Украинская ССР	2 102 234	1 114 132	397 652	589 398	127 082
Белорусская ССР	399 374	324 136	108 258	148 603	67 275
Латвийская ССР	160 019	48 518	17 183	21 920	9 415
Молдавская ССР	84 475	45 586	24 231	14 580	6 775
Эстонская ССР	74 226	14 088	5 250	6 384	2 454
Литовская ССР	67 098	47 505	16 456	18 996	12 053
Карело-Финская ССР	нет данных				
Итого:	4 794 087	3 259 857	1 050 802	1 509 111	699 944

Кроме того, фашисты перегнали из оккупированных территорий в западные районы СССР для работы на нужды своей армии 1 153 475 советских граждан [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 19]. Таким образом, перемещенных немцами советских граждан на принудительные работы за годы войны составило 5 675 544 человек.

В отчетах, сводках Управления уполномоченного правительства СССР по делам репатриации указывается, что из Украинской ССР было угнано фашистами в рабство 2 102 234 человека. В новейшем справочнике под редакцией Г. Кривошеева, видимо, ошибочно указано «2402234» [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 607. Л. 113; Д. 933. Л. 3; Великая Отечественная 2009: 47].

Управление уполномоченного Совета Министров СССР по делам репатриации к началу августа 1946 г. взяло на учет еще 34 973 советских граждан, и общее количество советских граждан, депортированных немцами на принудительные работы, составило 4829060, из них были репатрииро-

ваны домой 3 557 713 человек. Управление уполномоченного правительства СССР по делам репатриации, установив общее количество угнанных советских граждан в Германию и находившихся военнопленных в концлагерях, а также взяв выявленных на учет, не смогло выяснить судьбу 1 133 577 советских граждан, бывших в неволе и принудительных работах в фашистской Германии. Управление уполномоченного отнесло их к категории «умерших, погибших в неволе, рабстве» [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 284. Л. 117, 241; Д. 285. Л. 166; Д. 933. Л. 3].

Советские граждане, угнанные немцами в рабство, были заняты на подневольных работах в разных странах, помогавших фашистской Германии. В самой Германии в качестве рабов эксплуатировали 3338583 советских граждан. Значительное количество советских людей (военнопленных и гражданских лиц) нацисты направили для работы на свои нужды в другие страны [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 933. Л. 5; Д. 1120. Л. 2; Д. 932. Л. 125–126; Д. 607. Л. 101] (см. таблицу 2).

Таблица 2. *Количество советских военнопленных и гражданских лиц, эксплуатировавшихся для нужд Германии*

Государства	Находилось (чел.)	Репатрировано (чел.)	Кол-во учтенных в 1.10.44 — 1.1.46 гг.	Осталось захоронений
Германия	3 338 583	2 962 475	541 051	181 997
Австрия	379 929	из этих трех	41 825	33 639
Венгрия	3 259	стран репатри-	74 842	нет сведений
Чехословакия	40 655	ировано 414 037	97 325	-
Румыния	133 734	133 340	60 190	-
Финляндия	132 866	101 141	18 218	-
Франция	135 456	120 422	25 221	-
Италия	92 252	52 964	-	-
Норвегия	92 820	84 362	14 902	-
Польша	87 850	87 850	65 669	-
Бельгия	34 056	12 122	121	-
Югославия	26 052	25 572	-	-
Дания	11 715	7 470	-	-
Голландия	6 934	226	410	-
Болгария	3 682	3 682	-	-
Греция	1 402	1 402	-	-
Албания	824	805	-	-
Швейцария	-	9 807	43	-
Швеция	-	3 183	-	-
Люксембург	-	42	-	-
Нормандские острова	-	-	5 000	-
Итого	5 722 069	4 051 124	945 184	459 233

Органами Управления уполномоченного правительства СССР по делам репатриации на 1 августа 1946 г. были уточнены и взяты на учет 5 713 976 советских граждан, подлежащих репатриации в СССР, из них бывших военнопленных — 2 005 649, гражданских лиц — 3 708 327 человек. Из общего числа советских граждан, взятых на учет, к августу 1946 г. были репатрированы домой 5 352 963 человека, из них бывших военнопленных — 1 825 774 (в том числе 4 327 калмыков: 144 офицера, 538 сержантов, 3 645 рядовых), гражданское население — 3 527 189 (в том числе 2 318 калмыков), из них 1 293 095 мужчин, 1 531 650 женщин, 702 444 детей. К маю 1947 г. общее количество репатриированных в СССР составило 5 423 630 человек (к 1 января 1949 г. — уже 5 444 490), в том числе гражданского населения — 3 588 834 человека, из них 1 355 627 мужчин, 1 540 215 женщин, 692 992 детей.

Кроме того, в Германии и Австрии, в зонах английских, американских и французских войск, в некоторых иностранных государствах, по данным Управления уполномоченного на 1 августа 1949 г., находилось еще 459 233 советских граждан (26 770 русских, 125 608 украинцев, 7 308 белорусов, 111 404 латышей, 73 865 литовцев, 58 807 эстонцев, 55 478 чел. — прочие национальности [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 607. Л. 12, 101; Д. 414. Л. 65]. Этот контингент относился в основном к категории советских граждан, служивших добровольно на стороне противника.

По данным Управления уполномоченного правительства СССР по делам репатриации по состоянию на 1 марта 1949 г., из временно оккупированных краев и областей Юга РСФСР немцами было угнано гражданское население в Германию [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 6. Д. 607. Л. 66–67] (см. таблицу 3).

Таблица 3. *Количество угнанных в Германию граждан из оккупированных регионов Юга РСФСР (на 1.03.1949 г.)*

	Ростовская область	Сталинград. область	Краснодар. край	Ставрополь. край	Всего (чел.)
Угнано,	46 833	64 224	130 524	2 546	244 127
в т. ч. муж.	21 047	28 199	49 425	880	99 551
женщин	25 786	36 025	81 099	1 666	144 576
детей	9 667	4 800	37 887	357	52 711
Вернулось,	36 109	57 386	87 764	1 908	183 167
в т. ч. муж.	13 756	22 581	35 064	742	72 143
женщин	22 353	34 805	52 700	1 166	111 024
детей	2 759	4 401	24 586	184	31 930

По Ставропольскому краю данные о депортированных гражданах в Германию и репатриированных домой являются, видимо, не совсем полными, поскольку в другом источнике имеются совершенно другие сведения о репатриированных в край по состоянию на 1 января 1946 г.: всего 11 474 человека, из них 6 008 мужчин, 4 139 женщин и 1 285 детей [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 300. Л. 45–46].

По данным Управления уполномоченного правительства СССР по делам репатриации на май 1947 г., гражданского населения калмыцкой национальности было репатриировано в СССР 2 323 человека, из них мужчин — 1 166, женщин — 1 051 и детей до 16 лет — 106. Этим людям можно считать действительно угнанными немцами. В отчетных данных Управления уполномоченного по делам репатриации они были отнесены к третьей группе репатрируемых — гражданскому населению (в первую группу входили бывшие военнопленные, во вторую — бывшие бургомистры, старосты, полицейские, власовцы, легионеры, служившие в немецкой армии, карательных отрядах, т. е. коллаборационисты).

По отрывочным сведениям, из этого числа репатриированных калмыков в 1947 г. прибыли: в Казахскую ССР — 190, Киргизскую ССР — 6, Ростовскую область — 123, Тюменскую область — 33, Молотовскую область — 57, Саратовскую область — 8, Сталинградскую область — 5, Красноярский край — 5 человек и т. д. В 1949 г. на учете спецпоселений вместе с семьями, депортированными в декабре 1943 г., числилось 720 гражданских лиц, вернувшихся по репатриации [ГА РФ. Ф. 9526. Оп. 1. Д. 83. Л. 298; Оп. 6. Д. 284. Л. 236; Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 489. Л. 5].

Таким образом, за полтора года войны и кратковременной фашистской оккупации, по данным Статистического управления Госплана РСФСР, трудоспособное население (от 18 до 54 лет) Калмыцкой АССР, как и других регионов, значительно сократилось по сравнению с 1939 г. Из приводимой ниже таблицы [Колесник 1982: 223] видно, что политика гитлеровцев по отношению к советским гражданам по национальным признакам не дифференцировалась.

Территории	Население (по переписи 1939 г., тыс. чел.)	Население после освобождения, тыс. чел	Уменьшение в абсолют., тыс.чел	%
Калмыцкая АССР	220,7	171,1	49,6	22,5
Ставропольский край	1 804,0	1 399,9	404,1	22,4
Краснодарский край	2 694,1	2 203,4	490,7	18,7
Сталинградская область	1 848,0	1 292,3	555,7	30,1
Ростовская область	2 345,6	1 617,7	727,9	31,0

Что касается населения наиболее пострадавших двух областей, то, как известно, Ростовская область дважды подвергалась оккупации, и на ее территории происходили в 1941 и 1942 гг. ожесточенные сражения,

а в Сталинграде шли длительные грандиозные бои.

По уточненным данным Статистического управления Калмыцкой АССР, население республики с июля 1941 г. до

февраля 1943 г. сократилось на 54 796 человек, в том числе трудоспособного — на 49 572 человека, или на 46,3 % от лиц в возрасте от 18 до 54 лет. За этот период численность мужчин в Калмыкии уменьшилась со 111 418 до 66 364 (на 59,6 %)

человек. Подобная ситуация сложилась и в краях, областях, республиках, находившихся в оккупации. Это наглядно представлено в приводимой ниже таблице по некоторым регионам [Колесник 1982: 224].

Республики, края и области	На 100 муж. — женщин до оккупации в возрасте от 16 до 55 лет	На 100 муж. — женщин после освобождения в возрасте от 16 до 55 лет
Калмыцкая АССР	103	273
Ставропольский край	106	260
Ростовская область	108	248
Сталинградская область	109	298
Кабардино-Балкарская АССР	92	198
Чечено-Ингушская АО	92	106

Уход на фронт мужчин и безвозвратные потери, массовое истребление и угон фашистами в рабство населения временно захваченных ими территорий породили аномалию в демографической структуре населения регионов, находившихся в оккупации.

Судьба угнанных советских граждан в рабство в Германию и затем репатриированных на родину сложилась для многих трагически, как и судьба военнопленных. Советские граждане, находившиеся на временно оккупированной врагом территории, оказавшиеся не по своей воле в Германии и в других странах фашистского блока, пройдя тщательную проверку на родине, все равно для властей оставались людьми, не внушающими полного доверия властей. Всю жизнь они вынуждены были заполнять в анкетах графу о пребывании за границей. Это признание уже рассматривалось как негативный факт в биографии любого гражданина СССР. В полном объеме права бывших военнопленных и репатриированных советских граждан были восстановлены лишь с принятием 24 января 1995 г. указа президента Российской Федерации «О восстановлении законных прав российских граждан — бывших советских военнопленных и гражданских лиц, репатриированных в период Великой Отечественной войны и в послевоенный период».

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации. [Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii [State Archive of the Russian Federation].]

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия. [Natsional'nyy arkhiv Respubliki Kalmykiya [National Archive of the Republic of Kalmykia].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Вахсман 2017 — Вахсман Н. История нацистских концлагерей / Пер. с англ. А. А. Уткина. М.: Центрполиграф, 2017. 783 с. [Wachsmann N. *Istoriya natsistskikh kontslagerey* [A History of the Nazi Concentration Camps]. A. A. Utkin (transl.). Moscow: Tsentrpoligraf, 2017. 783 p.]
- Вторая мировая 2005 — Вторая мировая война: Взгляд из Германии. Сб. ст. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 416 с. [Vtoraya mirovaya voyna: Vzgl'yad iz Germanii [World War II: a perspective from Germany]. Collected papers. Moscow: Yauza, Eksmo, 2005. 416 p.]
- Великая Отечественная 2009 — Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г. Ф. Кривошеев, В. М. Андроников, П. Д. Буриков, В. В. Гуркин. М.: Вече, 2009. 384 с. [Velikaya Otechestvennaya bez grifa sekretnosti. Kniga poter'. Noveyshee spravochnoe izdanie [The Great Patriotic War unclassified. Casualty figures. A new reference edition]. G. F. Krivosheev, V. M. Andronikov, P. D. Burikov, V. V. Gurkin (eds.). Moscow: Veche, 2009. 384 p.]
- Еременко 2006 — Еременко А. И. Сталинград: Участникам великой битвы под Сталинградом посвящается / А. И. Еременко. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 556 с. [Eremenko A. I. *Stalingrad: Uchastnikam velikoy bitvy pod Stalingradom posvyaschaetsya* [Stalingrad: in memory of participants of the Battle of

- Stalingrad]. Moscow: AST: Khranitel', 2006. 556 p.]
- Колесник 1982 — Колесник А. Д. РСФСР в годы Великой Отечественной войны: Проблемы тыла и всенародной помощи фронту. М.: Наука, 1982. 328 с. [Kolesnik A. D. RSFSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: Problemy tyla i vsenarodnoy pomoschi frontu [The RSFSR during the Great Patriotic War: the issues of the domestic front and public assistance to the forefront]. Moscow: Nauka, 1982. 328 p.]
- Манштейн 2009 — Манштейн, Э. фон. Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала / Эрих фон Манштейн; пер. с нем. — М.: АСТ, 2009. 640 с. [Manstein, E. von. Uteryannye pobedy. Vospominaniya fel'dmarshala [Lost Victories: The War Memoirs of Hitler's Most Brilliant General]. Moscow: AST, 2009. 640 p.]
- Мюллер 2010 — Мюллер, Норберт. Вермахт и оккупация / Норберт Мюллер. М.: Вече, 2010. 368 с. [Müller, Norbert. Vermakht i okkupatsiya [Wehrmacht and occupation]. Moscow: Veche, 2010. 368 p.]
- Население России... 2001 — Население России в XX веке: Исторические очерки. Т. 2. 1940–1959 гг. М.: РОССПЭН, 2001. 416 с. [Naselenie Rossii v XX veke: Istoricheskie ocherki. T. 2. 1940–1959 gg. [Russia's population in the 20th century: historical essays. Vol. 2: 1940–1959]. Moscow: ROSSPEN, 2001. 416 p.]
- Нюрнбергский процесс 1990 — Нюрнбергский процесс: Сб. мат-лов в 8-ми томах. Т. 4. М.: Юрид. лит-ра, 1990. 672 с. [Nyurnbergskiy protsess: Sbornik materialov v 8-mi tomakh. T. 4 [The Nuremberg trials: collected papers, in 8 vol. Vol. 4]. M.: Yurid. Liter., 1990. 672 p.]
- Энциклопедия изгнаний 2013 — Энциклопедия изгнаний: Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / Пер. с нем. М.: РОССПЭН, 2013. 728 с. [Entsiklopediya izgnaniy: Deportatsiya, prinuditel'noe vyselenie i etnicheskaya chistka v Evrope v XX veke [An encyclopedia of expulsions: deportations, forced evictions, and ethnic cleansing campaigns]. Moscow: ROSSPEN, 2013. 728 p.]

УДК 94(470)+94(470.47)

Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны

Максимов Константин Николаевич¹

¹доктор исторических наук, профессор, Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (Элиста, Российская Федерация). E-mail: tsagadam@mail.ru

Аннотация. Основная цель статьи — раскрыть оккупационную, захватническую политику фашистской Германии, политику порабощения советских людей, использования их как дешевой рабочей силы, насильственного угона в Германию на рабство. В связи с этим ставится задача — на основе различных по происхождению и содержанию источников — исследовать тему угона немцами советских людей из временно оккупированных отдельных территорий СССР, в том числе и из Калмыцкой республики, и возвращения их на родину в контексте общей проблемы репатриации советских граждан, угнанных в рабство фашистами в годы Второй мировой войны. Методологической основой исследования послужил метод познания, опирающийся на принципы историзма, объективности, всестороннего подхода. При изучении и использовании исторических источников применялись методы источниковедческого и компаративного анализа.

При этом проводится компаративный анализ источников по соседним краям и областям, позволивший показать общие трагические последствия фашистской варварской политики истребления советских граждан путем принуждения к рабскому труду в нечеловеческих условиях.

За годы оккупации части территории СССР фашисты угнали в Германию в рабство значительное количество советских людей, в том числе из небольшой Калмыцкой республики, из них на принудительных, тяжелых работах на предприятиях, рудниках, полях Германии погибла почти одна треть. В результате победы над фашистской Германией оставшиеся в живых

граждане СССР были возвращены на родину. Однако они долгие годы относились к категории изгоев советского общества как находившиеся в плену, на территории врага. Лишь в 1990-х гг. в России они были восстановлены в гражданских правах.

Ключевые слова: Вторая мировая война, фашистская Германия, Великая Отечественная война, Калмыкия, оккупация, угон в рабство, концлагеря, принудительный труд, репатриация, Управление уполномоченного правительства СССР по делам репатриации

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 79–87, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-79-87
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 947

Ethnoterritorial Groups of Buryats and Their Marital Preferences: the Image of the Other

*Marina M. Sodnompilova*¹

¹ Ph.D. in History (Doct. of Historical Sc.), Leading Research Associate, Department of History, Ethnology and Sociology, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Abstract. Nowadays the Buryat people are a community characterized by multiple levels of ethno-social identity — from the level of individual clans and tribal associations to that of the Buryat people as a unity with its proximity to the Mongolic world. The relevance of belonging to a clan, tribe, and some administrative-territorial formation or political community — including interaction of different Buryat ethno-territorial groups — has been topical enough. The formation of the bulk of these representations is associated with certain stages in the development of Buryat society. Belonging to a clan / tribe had constituted the basis of self-identification for Buryat ethnic formations in the pre-Russian period. The annexation of their ancestral lands to the Russian Empire established a new vector for the development of ethnic processes in accordance with the territorial principle prescribed by the structure of the Russian state. The isolated conditions of life of the Buryat groups were aggravated by the boundaries of Buryat self-government districts — the Steppe Duma. Other transformations in the administrative structure of Siberia, in particular, the separation of Transbaikalia from Irkutsk Governorate in 1851, resulted in subsequent ethnic development of the Buryats within two large communities — ‘Irkutsk Buryats’ and ‘Transbaikalian Buryats’. This administratively and territorially determined separation was subsequently intensified by the priority influence of shamanism and Orthodoxy in Irkutsk Governorate — and that of Buddhism in Transbaikalia. Thus, the religious factor became a key one for the differentiation between the ‘western’ and ‘eastern’ groups of Buryats.

Representations that form images of ‘strangers’ and ‘kinsmen’ are especially required in situations of close communication, e. g., when it comes to establish some conjugal unions. Drawing of verbal ‘portraits’ to characterize foreigners is a special genre of Buryat folklore. Special songs were traditionally performed at weddings. In accordance with the traditional worldview, such images clearly exaggerated both virtues of the clan (tribe) the singer belongs to — and the otherness and shortcomings of the other clan (tribe). The traditional social hierarchy of Buryats was characterized by the absence of such aspects in inter-clan / inter-tribal relations: differences in social status existed only within clan structures.

Such detailed ‘portraits of foreigners’ are currently distributed poorly enough in Buryat society, once vivid epithets and characteristics have been forgotten. However, the process of forming new ‘portraits’ still continues up to the present days. Clan and tribal identity used to be the main and

most informative layer of individual and group identity. These have not lost their significance for Buryats, especially in rural areas. Other levels of ethnosocial identity typical for the 19th century have disappeared. Those were replaced by ones based on the administrative and territorial structure of federal subjects of the RSFSR and the Russian Federation (Irkutsk Oblast, Republic of Buryatia, Zabaikalsky Krai): the 'Bokhanskies', 'Alarskies', 'Zakamenskies', 'Aginskies' and others. So, the differentiation of Buryats not only persists but also develops new meanings of 'westernness' and 'easterness'. Once borrowed from the religious sphere such differences get transformed into attributed traits of character and even claim to explain vocational abilities and inclinations.

Keywords: Buryats, ethno-territorial group, religious identity, marriage preferences

Бурятский народ сегодня представляет общность, в границах которой сосуществуют разные уровни этносоциальной идентификации: от родовой и племенной общности до осознания единства бурятского народа и его близости с монгольским миром. Бытующее в настоящее время в среде бурят на уровне обыденного сознания деление не только на крупные, но и мелкие группы по разным основаниям и критериям свидетельствуют о факте актуальности этнодифференцирующих признаков и соответственно внутриэтнических групповых границ непосредственно в среде повседневности [Бороньева 2007: 138]. Какие внутриэтнические групповые границы актуальны для современного бурятского общества, и в каких случаях проявляется значимость этих границ? Поиск ответов на этот и другие вопросы станет задачей данной работы.

Во взаимодействии разных этнотерриториальных групп бурят актуальность представляли принадлежность роду, племени, административно-территориальному образованию. Формирование корпуса данных представлений связано с тем или иным этапом развития бурятского общества. Некоторые из них можно охарактеризовать как проявление опыта традиционного знания соседей (представителей родов) друг о друге, иные возникали в период установления более близких контактов между бурятами — выходцами из разных уголков этнической Бурятии, чему, в частности, способствовали радикальные политические, экономические, социальные, культурные преобразования, происходившие на протяжении всего XX в. Исследование разных уровней дифференциации, существующих в бурятском обществе, и степени их актуальности сегодня представляется важным.

Вхождение бурят в состав Российской империи определило новый вектор разви-

тия этнических процессов в соответствии с территориальным принципом устройства Российского государства. В границах территориальных образований разного уровня укреплялась обособленность групп бурят, в основе которых первоначально лежала родовая и племенная организация. С утверждением системы национального самоуправления бурятское население было закреплено в границах Степных дум и инородных управ [История органов местного ... 2013]. В Иркутской губернии возникло десять территориальных групп, а в Забайкалье — шесть бурятских, а также семь хамниганских групп. Таким образом, территориальность этнической структуры бурят была закреплена юридически [Елаев 2000: 68–98].

Территориальный фактор сыграл существенную роль в формировании особого уровня идентичности у бурят, связанной со «своим» ведомством в отсутствие горизонтальных связей с населением других ведомств, даже с сородичами и соплеменниками, которые могли оказаться в составе другого ведомства. П. П. Баторов зафиксировал целую серию характеристик, отражающих образы бурят разных ведомств. Так, про унгинских бурят говорили: *үнгэн хун үнэгэн жинтэй* — 'унгинский человек имеет лисью хитрость'; про идинских бурят — *хату зүрхэтэй, хара ханатай* — 'жестокосердны и склонны к кровавой расправе'; верхоленские и кудинские буряты отличаются воровством [Баторов. Оп. 1. Ф. 14. Д. 23]. Но, несмотря на формирование нового уровня этнической идентичности среди бурят, традиционный родо-племенной антагонизм, выражавшийся в шуточных или бранных характеристиках, не утратил свою актуальность. Образы представителей отдельных племен в материалах П. П. Баторова представлены на примере икинатов, бурутхан, тайбжан, хулмэнгэ.

Другие преобразования в административном устройстве Сибири, в частности, выделение из Иркутской губернии в 1851 г. Забайкальской области определили формирование бурят как двух крупных сообществ — «иркутских» и «забайкальских», объективные и субъективные различия которых в бурятском обществе не преодолены до сих пор. Одним из значимых факторов, определивших дифференциацию «иркутских» и «забайкальских» бурят, стал религиозный фактор. Буряты Иркутской губернии были вовлечены в процесс христианизации. В Забайкалье основные позиции в религиозной жизни населения занимал буддизм [Цыремпилов 2009]. При этом разная судьба постигла исконную веру бурят — шаманизм. В Иркутской губернии шаманизм сохранил свои позиции. Хотя царское правительство изначально выступало против шаманизма, как идолопоклонства, желая искоренить его [Михайлов 1987: 93], ожесточенной борьбы с шаманизмом православные миссионеры не разворачивали — угрозу для православия они видели в буддизме и сосредоточили свои силы на борьбе с «ламайской верой». В Забайкалье буддийская церковь, опасаясь выражать свое негативное отношение к православию — государственной религии страны, обрушила свое недовольство на шаманизм, искореняя шаманов и ассимилируя шаманские культы. Сложение образов «других», основанных на данном уровне административно-территориального деления бурят, подкрепленном влиянием разных конфессий, дополнило известные родовые и племенные характеристики-противопоставления.

Образы «других» обретают особую «остроту» при установлении брачных союзов, в период крупных общественных праздников, когда честь и достоинства родов и племен защищаются в спортивных и поэтических состязаниях. «В соответствии с закономерностями традиционного мировоззрения явно преувеличиваются достоинства своего рода и инаковость и недостатки другого» [Традиционное мировоззрение ... 1990: 16].

Особенностью социальной иерархии традиционного бурятского общества было отсутствие таковой в межклановых/межплеменных, родовых отношениях. К. Хамфри видит межклановые различия в отличительных чертах характера и специализации деятельности бурятских социальных общ-

ностей: «Кланы или местные роды воспринимались как качественно отличные друг от друга: одни считались храбрыми или хитрыми, другие славилась своими профессиями (например, «хорошие охотники, «хорошие кузнецы», «пастухи» и т. п.), но эти качества и профессии не ранжировались. Различия в социальном статусе «прочитывались» только внутри кланов...» [Хамфри 2010: 46].

В традиционных социальных практиках бурят браки прежде заключались внутри определенного круга социальных общностей — племен, проживающих, как правило, по соседству на одной территории, и эти связи поддерживались из поколения в поколение. Внутри подобной общности, связанной брачными узами родства, имели место локальные образы «другого», выработанные в процессе длительного взаимодействия, которые не носили враждебный характер, а скорее выступали в качестве маркеров своеобразного жанра народного фольклора, о чем свидетельствует особенность построения текстов. Обычно тексты формируются по шаблону. Приведем ряд примеров: бурят, проживающих в селе Бортой Закаменского района (они представители западнобурятского племени *хурхут*), соседи из других селений характеризуют следующим образом: *хузуу муу мяхан хурханууд*. В свою очередь жители Бортой обозначают своих соседей из села Цагаан-Морин как *тэнэг тэртэнүүд* ('глупые тэртэ') [ПМА: Закаменский район]. Аналогичная форма текста в прошлом передавала образ бурят племени *хулмэнгэ*: *хуни муу хулмэнгэ, мяхани муу хузууни тором* ('худший из людей хулмэнгэ, худшее мясо — на шее').

Таким образом, даже на локальном уровне жители отдельных поселений, противопоставляя себя соседям, выискивают у них, как правило, недостатки (в чертах характера, поведении, манере одеваться и т. д.) и используют их в обозначении, подбирая к названию рода (племени или другой социальной общности) созвучные определения, как например: *тэнэг тэртэнүүд* ('глупые тэртэ'), *буруу зантан бурутхан* ('своенравные и упрямые бурутхан') [Баторов. Оп. 1. Ф. 14. Д. 23].

Образы «другого» особенно актуальны по отношению к потенциальному брачному партнеру сына или дочери. По данным С. П. Балдаева, песни-характеристики традиционно исполнялись на свадьбах и были

одним из способов развлечь гостей. На свадьбах и других торжествах «...всплывают разного рода прозвища, эпитеты и характеристики, связанные с улусами, родами, племенами. Знатоки старины бывают хорошо осведомлены о положительных и отрицательных качествах отдельных людей улуса, рода и племени. Причем отрицательные качества предков приписываются потомку, хотя прошло десять поколений после этого события» [Балдаев 1959: 48]. Составление подобных «портретов» представляет особый жанр в устном творчестве бурят, и, как отмечает С. П. Балдаев, «указанные характеристики, касаясь отрицательных сторон рода и племени, не вызывались желанием оскорбить или осмеять гостей или местных соседей, а все делалось шутя, любезно, с редким юмором, остроумно, образно, чтобы провести весело время» [Балдаев 1959: 48].

Широко известна в среде бурят старинная поговорка о проживающих в южных районах Бурятии цонголах: «Лучше переночевать в открытой степи, чем в юрте цонгола», которая, возможно, отражает негостеприимный характер, скупость представителей данной этнической группы. Негативными чертами наделялись те, чьи предки были эвенками (тунгусами). Буряты считали их очень вспыльчивыми. У П. П. Баторова, собиравшего сведения у бурят относительно иноплеменников, находим представления об эвенках: *Хамнаган хун хамар дэрэ уртай* ('хамниган имеет гнев на кончике носа'), что означает «вспыльчивый характер» [Баторов. Оп. 1. Ф. 14. Д. 23]. Поскольку среди предков многих современных бурят были и эвенки, нередко наличие этих черт характера у тех или иных людей объяснялись влиянием эвенкийской крови.

В настоящее время в среде бурят подробные «портреты» представителей иноплеменников распространены слабо, прежние эпитеты и характеристики забыты. Однако это не значит, что новые «произведения» данного жанра не возникают. Этот процесс продолжается, и примером тому может служить «произведение» народного творчества советской эпохи, характеризующее представителей племени эхирит: «Не хитрите с эхиритом, эхирит — перехитрит» [ПМА: г. Улан-Удэ]. Но в отношениях современных бурят подобная информация уже не имеет существенного значения, подрастающее поколение лишь принимает ее к сведению, но может апеллировать к ней, например, в случае семейных размолвок.

Более важным в потенциальных родственных отношениях видится вероисповедание будущих родственников. В недалеком прошлом (советскую эпоху) в бурятской среде непросто складывались отношения между последователями шаманизма и буддистами. Как уже говорилось выше, традиционно бурят, расселившихся к югу от Байкала, принято называть «восточными», а их религиозные предпочтения связывались с буддизмом. Согласно мнению преимущественно молодых бурят, слабо осведомленных о своей родовой и племенной принадлежности, в группу «восточных» входят все буряты, проживающие на территории Республики Бурятия и Забайкальского края. Предбайкальские буряты, расселившиеся к северу от Байкала, считались шаманистами. В отношении этой группы бурят используется целый ряд определений: *западный, иркутский, худары буряад, хойшонхи буряад*.

Актуальность такой составляющей, как религиозная принадлежность потенциальных родственников, появилась, очевидно, не так давно: в прошлом установление брачных связей между бурятскими родами, разделенных большими расстояниями и границами административных образований, было редкостью. В традиционных социальных отношениях бурят браки прежде заключались внутри определенного круга общностей — родов, проживающих, как правило, по соседству на одной территории, и эти связи поддерживались из поколения в поколение, сохраняясь в некоторых районах этнической Бурятии вплоть до середины XX в.¹

В XX в. в семьях восточных бурят-буддистов брачные отношения с западными бурятами — последователями шаманизма, не рассматривались как благоприятные.

¹ Несмотря на то, что, начиная с послевоенного периода, значительно расширяются контакты между различными группами бурят, браки между агинскими бурятами и представителями других этлокальных групп в то время были очень редки. В наши дни некоторые люди преклонного возраста при женитьбе юноши на неагинской девушке говорят, что жена у него хойшонхи буряад ('северная бурятка') [Гомбожапов 2006: 16]. Подобное определение хойто ('северный') указывает на чуждость в восприятии данной этнической группы представительниц из других мест, которые не входили в число традиционных территорий, откуда принято было брать невест.

Данные взгляды основаны на религиозных представлениях и обусловлены чуждостью религиозных традиций. Старики-буддисты считали шаманизм черной верой, верой в духов/чертей, от которых больше вреда, чем пользы. Считалось, что именно духи предков помогают западным бурятам достигать небывалых высот в карьере, обеспечивают финансовый успех, но они же могут жестоко покарать своих потомков, забывающих вовремя их почитать. Непримиимо могло относиться и старшее поколение бурят-шаманистов к родственникам, исповедующим буддизм. Неудачные попытки включения снохи в сложный круг традиционной семейной обрядности западных бурят могли закончиться распадом молодой семьи по настоянию родителей.

«Вышла я замуж за иркутского бурята. Его отец-шаманист, сразу же после свадьбы, сказал мне: „Теперь ты стала членом нашей семьи и должна отречься от своей прежней буддийской веры. Ты должна научиться почитать наших богов“. Но мое сознание не воспринимало непонятные обряды, действия, слова. Я продолжала молиться по-своему. Наши отношения со свекром перешли в открытое противостояние, и со временем он своего добился — с мужем мы разошлись, я вернулась на родину» [ПМА: Кяхтинский район Республики Бурятия].

Таким образом, чуждость религиозных традиций жениха и невесты несла в себе угрозу распада семьи, в особенности, если старшее и младшее поколения были вынуждены жить совместно либо по соседству.

В действительности негласная дифференциация бурят на последователей шаманизма и буддизма является во многом надуманной, искусственной, поскольку абсолютного противопоставления между шаманизмом и буддизмом, особенно его формой¹, укоренившейся в Бурятии, нет. Среди семей, исповедующих буддизм, полностью отрекшихся от идей шаманизма и шаманских практик в действительности было мало. Буддизм, за которым сегодня признается статус национальной религии бурят, по существу остался малопонятным восточным учением для большинства верующих, считающих себя буддистами. Шаманизм же негласно существует в религиозной жизни

¹ Буддизм взял под свое прикрытие значительную часть обрядовой практики шаманизма и пантеон наиболее значительных шаманских божеств и духов [Жуковская 2013: 122]

каждой бурятской семьи, активно проявляется во многих так называемых буддийских религиозных практиках.

В постсоветский период, характеризующийся возрождением традиционной культуры, всплеском интереса к исконной религии бурят — шаманизму, постепенным «сближением» религий, взаимное неприятие буддийской и шаманской традиций в родственных отношениях постепенно нивелируется. Возрождение семейно-бытовой и коллективной обрядности в этнической Бурятии выявляет добуддийскую природу значительной части религиозных практик, в особенности индивидуально-семейных, что стимулирует интерес в среде бурятской молодежи к родовой, племенной принадлежности (и, в целом, к происхождению бурят), к «своим корням»². Невестки из «буддийских» районов, таких как Ага, Кижинга, Хоринск, охотно изучают и осваивают традиционные шаманские практики в семьях бурят-шаманистов, и, наоборот, шаманисты начинают посещать дацаны, лечатся у буддийских монахов, празднуют Сагаалган.

Следование человека традициям и обычаям шаманизма в брачных отношениях стало оцениваться с других позиций. В наши дни люди преклонного возраста говорят, что, выбирая своего будущего (-ую) супруга (-гу), следует посмотреть его (ее) родословную. Некоторые семьи имеют излишне сильную родословную (*шанга угтай*), что объясняется наличием в прошлом в их роде сильных шаманов и шаманок. В этом случае при выходе замуж или женитьбе девушка или парень могут быть не приняты родовыми покровителями другого рода, в результате чего их семейная жизнь не сложится [Гомбожапов 2006: 17]. Опасались выходцев из мест, которые в воззрениях местных бурят представлялись *хату*, — божества и духи этих мест могли не принять новых членов семьи, что могло привести к негативным последствиям.

Тем не менее деление на «западных» и «восточных» бурят все еще сохраняется, хотя актуальность прежней основы дифференциации постепенно перемещается из

² В этой связи, говоря об элементах шаманского наследия в религиозной и повседневной жизни современной бурятской семьи, следует отметить, что сегодня шаманские и буддийские идеологемы, жизненные ценности представляют собой единое целое и понимаются обществом как национальные обычаи.

религиозной сферы на другую почву. Например, принадлежность к «западным» и «восточным» обосновывает особенности характера. Восточные буряты представляются более робкими, скромными, безынициативными, неактивными, а это вряд ли те самые черты характера, способствующие успешной адаптации индивида к ритму жизни современного общества; западных бурят принято считать хитрыми, ловкими, наглыми, более способными в бизнесе, политике и т. д. Однако в семейной жизни такие черты характера оцениваются неоднозначно. Такого рода дифференциация уже в течение длительного времени закрепляется за двумя территориальными группами бурят¹.

Изучая вопрос брачных отношений в условиях современности, нельзя не отметить место и значение социального статуса брачного партнера. Какие параметры определяют социальный статус современного человека — потенциального родственника в среде бурят? В определенной степени формирование социального статуса человека сегодня находится под воздействием идеологем, выработанных в период значимости общинного сообщества — рода. Как отмечают авторы «Традиционного мировоззрения тюрков Южной Сибири», родовое сообщество, зародившись в древности, обнаруживает высокую степень адаптации к самым разным социальным и политическим ситуациям, является наиболее устойчивым и минимальным элементом, в пределах которого была сосредоточена этническая специфика, и существует в этнографической современности [Традиционное мировоззрение... 1990: 12].

Значимость рода в бурятской среде особенно ярко проявлялась на фоне осуществления ключевого события в жизни семьи / родового сообщества — свадьбы. В про-

шлом высказывание «породниться» несло в себе более глубокий смысл — установление близких отношений не с конкретным человеком, а с определенным родом. Традиционно посредством брачных отношений заключались племенные союзы. Поэтому при выборе невесты имущественному положению ее семьи не придавалось особого значения, более важными представлялись сведения о роде (хорошая родословная) и личные качества невесты. «Большое внимание при выборе невесты обращалось на репутацию рода. Приходилось не раз слышать, как отец, сосватав сыну невесту, говорил: „Хормойнь улааниие хараагуйб, хотынь улааниие харааб“ (‘Не смотрел я, красен ли подол, смотрел, красен ли род’))» [Линховоин 1972: 53]. В настоящее время актуальность *статуса* родового коллектива в общественных отношениях бурят можно считать полностью утраченной. Мало кто помнит, чем был славен тот или иной род в прежнее время, более того, значительная часть бурят (особенно городских) не имеют сведений относительно того, потомками какого рода они являются.

Что касается социального статуса индивидов внутри родовой структуры, то благодаря тому же единству рода², по справедливому замечанию К. Хамфри, социальный статус среди бурят был «распылен» [Хамфри 2010: 46]. Ранжирования на кланы «белой» и «черной кости», как это отмечено у калмыков, в бурятском обществе не было, аристократы не подчиненных друг другу экзогамных кланов могли вступать в брак с представителями других сословий. Об этом же пишет и Е. М. Залкинд, отмечая, что у бурят XVIII – первой половины XIX в. нойонство, входящее в категорию «почетных родовичей», аморфно и обладает в достаточной мере личной свободой [Залкинд 1970: 340]. В связи с этим в настоящее время в исторической памяти, наверное, любого представителя бурятской общности «живут» отрывочные сведения о знатности его

¹ Как пожаловалась одна из информаторов, проживающая в Качугском районе Иркутской области, им, немногочисленным бурятам, которым сегодня нелегко живется на родине в окружении русских, очевидно, нет смысла перебираться и в Бурятию: «Нас восточные буряты не любят, называют „портфелье бэдэрэиэн хун“ — ‘ищущие портфели’» [ПМА: Качугский район]. В этом определении, возникшем и распространенном среди восточных / забайкальских бурят, вскрываются приоритетные интересы, отношение к жизни в целом представителей другой этнической группы — западных бурят.

² Объективно существующее расслоение общества определяет (или определяется) разное качество жизненных условий людей, выражающееся в уровне материального достатка. Однако это не играет никакой роли в аспектах духовной жизни, поэтому оно здесь почти не находит отражения... Это исходное равноправие представителей мира людей определяет особенности родового устройства бурят [Жамбалова 2008: 71].

рода, о «горшке с золотом и драгоценностями», зарытом предками в период «смутного времени» (революция, ссылки), об обширных родовых землях. Память о роде, а не о конкретной семье, очень выгодна — на фоне знатности и богатства рода в целом не представляет значения факт принадлежности одного из его членов к низшей ступени иерархии кланового сообщества. Внимание акцентируется на том, что были в роду родственники-аристократы, главы родов тайши, зайсаны, нойоны, а также другие представители местной аристократии — великие шаманы, главы буддийского духовенства и т. д. Сегодня любой может похвастаться своей причастностью к знатному роду, тем самым «притягивая» высокий социальный статус, и на этом социальном «поле» сложно составить кому-либо конкуренцию.

Заключение

Родовая и племенная идентичность в прошлом составляли основной и самый прочный слой индивидуального и группового самосознания [Трепавлов 2011: 112]. Эти уровни идентичности не утратили своей актуальности для бурят и в условиях современности, особенно в сельском обществе. Другие уровни этносоциальной идентичности, в частности, связанные с бурятскими ведомствами, характерные для XIX в., нивелировались. Их заменили другие, основанные на административно-территориальном устройстве субъектов РСФСР и Российской Федерации (Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского края): «боханские», «аларские», «закаменские», «агинские» и другие. Не только сохраняется, но и наполняется новыми смыслами дифференциация бурят на «западных» и «восточных». Представления, формирующие образы «чужих» и «своих», особенно востребованными становятся в ситуации тесных коммуникаций, например, при установлении брачных союзов.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России: проект XII.191.1.1. Трансграничье России, Монголии и Китая: история, культура, современное общество, номер госрегистрации № АААА-А17-117021310269-9 (“The transboundary spaces of Russia, Mongolia and China: history, culture, contemporary society”)

ПОЛЕВОЙ МАТЕРИАЛ АВТОРА / AUTHOR'S FIELD DATA

- ПМА: г. Улан-Удэ: Цыбикдоржиев Д. В., 2003. [Tsybikdorzhiev D. V. Ulan-Ude, Republic of Buryatia. A 2003 recording].
- ПМА: Закаменский район Республики Бурятия: Шойдонов Ц. Ш., 2012. [: Shoydonov Ts. Sh. Zakamensky District, Republic of Buryatia. A 2012 recording].
- ПМА: Кяхтинский район Республики Бурятия: Цыренова Д. М., 2003. [Tsyrenova D. M. Kyakhtinsky District, Republic of Buryatia. A 2003 recording].
- ПМА: Качугский район Иркутской области: Хахунаева М. Н., 2004. [Khakhunaeva M. N. Kachugsky District, Irkutsk Oblast. A 2004 recording].

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

- Баторов. Оп. 1. Ф. 14. Д. 23 — Баторов П. П. Характеристики людей. Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Личный архивный фонд П. П. Баторова № 14. Оп. 1. Д. 23. [Batorov P. P. *Kharakteristiki lyudey* [Human characteristics]. *Tsentr vostochnykh rukopisey i ksillografov Instituta mongolovedeniya, buddologii i tibetologii SO RAN. Lichnyy arkhivnyy fond P. P. Batorova* [Center of Oriental Manuscripts and Xylographs; Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB of RAS. P. P. Batorov's personal archives]. No. 14. Op. 1. D. 23].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Балдаев 1959 — Балдаев С. П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1959. 179 с. [Baldaev S. P. *Buryatskie svadebnye obryady* [Buryat wedding rites]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1959. 179 p.].
- Бороноева 2007 — Бороноева Д. Ц. Буряты и монгольский мир в контексте идентификационной функции этнонима. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2007. 152 с. [Boronoeva D. Ts. *Buryaty i mongol'skiy mir v kontekste identifikatsionnoy funktsii etnonima* [Buryats and the Mongol world: the identification function of ethnonyms]. Ulan-Ude: Buryat State University, 2007. 152 p.].
- Гомбожапов 2006 — Гомбожапов А. Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX–XX в. Новосибирск: Наука, 2006. 183 с. [Gombozhapov A. G. *Traditsionnye semeyno-rodovye obryady aginskikh buryat v kontse XIX–XX v.* [The Aga

- Buryats: traditional family and clan rituals in the late 19th–20th cc.] Novosibirsk: Nauka, 2006. 183 p.].
- Елаев 2000 — Елаев А. А. Бурятский народ: становление, развитие, самоопределение. М.: Вестком, 2000. 352 с. [Elaev A. A. *Buryatskiy narod: stanovlenie, razvitie, samoopredelenie* [The Buryat people: formation, development, self-determination]. Moscow: Vestkom, 2000. 352 p.].
- Жамбалова 2008 — Жамбалова С. Г. Сохранение и возрождение генеалогической традиции бурят // Мир Центральной Азии – 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. С. 68–76. [Zhambalova S. G. The Buryat genealogical tradition: its preservation and revival. *Mir Tsentral'noy Azii* – 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center of SB of RAS, 2008. Pp. 68–76].
- Жуковская 2013 — Жуковская Н. Л. О буддизме и буддистах. Статьи разных лет (1969–2011). М.: Ориенталия, 2013. 474 с. [Zhukovskaya N. L. *O buddizme i buddistakh. Stat'i raznykh let (1969-2011)* [About Buddhism and Buddhists. Articles of various years (1969–2011)]. Moscow: Orientalia, 2013. 474 p.].
- Залкинд 1970 — Залкинд Е. М. Общественный строй бурят в XVIII и первой половине XIX века. М.: Наука, 1970. 399 с. [Zalkind E. M. *Obschestvennyy stroy buryat v XVIII i pervoy polovine XIX veka* [Buryat social structure: 18th-early 19th cc.]. Moscow: Nauka, 1970. 399 p.].
- История органов местного ... 2013 — История органов местного самоуправления бурят в XIX – начале XX в. / Л. М. Дамешек, Б. Ц. Жалсанова, Л. В. Курас. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 503 с. [Istoriya organov mestnogo samoupravleniya buryat v XIX – nachale XX v. [History of Buryat self-government: 19th – early 20th cc.]. L. M. Dameshek et al. Irkutsk: Irkutsk State University, 2013. 503 p.].
- Линховоин 1972 — Линховоин Л. Заметки о дореволюционном быте агинских бурят. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1972. 100 с. [Linkhovoin L. *Zametki o dorevolutsionnom byte aginskikh buryat* [Essays on pre-revolutionary lifestyles of the Aga Buryats]. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1972. 100 p.].
- Михайлов 1987 — Михайлов Т. М. Бурятский шаманизм. История. Структура. Социальные функции. Новосибирск: Наука, 1987. 287 с. [Mikhaylov T. M. *Buryatskiy shamanizm. Istoriya. Struktura. Sotsial'nye funktsii* [Buryat shamanism: history, structure, social functions]. Novosibirsk: Nauka, 1987. 287 p.].
- Традиционное мировоззрение ... 1990 — Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Знак и ритуал / Октябрьская И. В., Сагалаев А. М. Новосибирск: Наука, 1990. 209 с. [Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. *Znak i ritual* [Turkic peoples of South Siberia: traditional worldview. Symbol and ritual]. Oktyabrskaya I. V., Sagalaev A. M. Novosibirsk: Nauka, 1990. 209 p.].
- Трепавлов 2011 — Трепавлов В. В. Сакральная топография улуса Джучи // Этнографическое обозрение, 2011. № 2. С. 107–115. [Trepavlov V. V. The Ulus of Jochi and its sacred topography. *Etnograficheskoe obozrenie*. 2011. No. 2. Pp. 107–115].
- Хамфри 2010 — Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России (антропологические очерки). М.: Наталис, 2010. 384 с. [Humphrey C. *Postsovetskie transformatsii v aziatskoy chasti Rossii (antropologicheskie ocherki)* [Post-Soviet transformations in Asian Russia (anthropological essays)]. Moscow: Natalis, 2010. 384 p.].
- Цыремпилов 2009 — Цыремпилов Н. В. За святую дхарму и Белого царя. Российская империя глазами бурятских буддистов (XVIII – нач. XX в.) // Ab imperio. 2009, №2. С. 105–130. [Tsyrempilov N. V. For the Holy Dharma and the White Tsar: the Russian Empire in the eyes of Buryat Buddhists (18th – early 20th cc.). *Ab imperio*. 2009. No. 2. Pp. 105–130].

Этнотерриториальные группы бурят в брачных предпочтениях: образ «другого»

Марина Михайловна Содномпилова¹

¹ доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, отдел истории, этнологии и социологии, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: sodnompilova@yandex.ru

Аннотация. Бурятский народ сегодня представляет общность, в границах которой сосуществуют разные уровни этносоциальной идентификации: от родовой и племенной общности до осознания единства бурятского народа и его близости с монгольским миром. Родовая и племенная идентичность в прошлом составляли основной и самый прочный слой индивидуального и группового самосознания. Эти уровни идентичности не утратили своей актуальности для бурят и в условиях современности, особенно в сельском обществе.

Другие уровни этносоциальной идентичности, в частности, связанные с бурятскими ве-домствами и характерные для XIX в., нивелировались. Их заменили другие, основанные на административно-территориальном устройстве субъектов РСФСР и Российской Федерации (Иркутской области, Республики Бурятия, Забайкальского края): «боханские», «аларские», «закаменские», «агинские» и другие.

Не только сохраняется, но и наполняется новыми смыслами дифференциация бурят на «западных» и «восточных». Административно-территориальное разделение усилилось приоритетным влиянием шаманизма и православия в Иркутской губернии и буддизма в Забайкальской области. Представления, формирующие образы «чужих» и «своих», особенно востребованными становятся в ситуации тесных коммуникаций, например, при установлении брачных союзов.

Ключевые слова: буряты, этнотерриториальные группы, религиозная идентичность, брачные предпочтения

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 88–101, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-88-101
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 811.512.3

Mongolian Analytical Word Forms: an Effort of Distributive and Statistical Classification*

*Sergey A. Krylov*¹

¹ Ph.D. in Philology (Doct. of Philological Sc.), Leading Research Associate, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation). E-mail: krylov-58@mail.ru

Abstract. The paper attempts to estimate the frequency of use of Mongolian analytical word forms. A wide approach to analytical structures represented in the so called grammaticalization (grammatization) theory is considered to be most heuristically efficient; but the approach should be supplemented with quantitative methods developed in corpus linguistics. The estimation used materials of the General Corpus of Mongolian (Rus. *GKMYa-1a*) and served the basis for the investigation of most frequently used analytical word forms. The latter are organized in direct alphabetical order (by structural analytical modules), within the framework synthetical grammemes (as constituent parts of analytical grammemes) are represented in inverse order, and inside that order — in the descending order of corresponding frequencies. The article mentions the most frequently used analytical word forms the absolute frequency of which exceeds 10 entries, and the relative one — 9 ipm. Such word forms of *GKMYa-1a* number 1 818.

One of the major difficulties faced by the researcher was that the very list of properties inherent to analytical forms as such is not clear enough. Evidently, the multitude is of diffusive nature, i.e. its boundaries are vague. Still, those can be investigated with some quite precise methods, given that the methods essentially correlate with their real object, i.e. are basically quantitative. For that purpose specific formal properties of analytical forms should be identified at the initial stage of the study.

The mentioned so-called ‘wide approach’ to analytical forms has been developed in works by V. Vinogradov, S. Katsnelson, V. Zhirmunsky, V. Gak, Yu. Maslov and others. But when it comes identification of analytical word forms the authors ignore quantitative (statistical) methods and examine only semantic and syntactical specifics of analytical structures constituted by such analytical forms; thus, it is necessary to clarify the applicability of the probabilistic-distributive approach to analytical forms identification procedures as such.

The paper aims to provide a primary quantitative systematization of Mongolian language materials resulting from a case study of the General Corpus of Mongolian developed by the author and presented in a number of publications.

Materials shall be more descriptive if presented in a dictionary form.

Keywords: Mongolian language, corpus linguistics, quantitative methods in linguistics, analytical structures, analytical forms

* Настоящее исследование выполнено при поддержке РФФИ (грант № 15-04-00553 «Структурно-вероятностный синтаксис монгольских языков»), комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы» направление «Создание версии «З» генерального корпуса современного монгольского языка», и РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфология монгольских языков»)

**Аналитические словоформы
монгольского языка.
Классификация по аналитическим
грамматемам**

В данном исследовании ставится задача измерить употребительность аналитических форм монгольского языка.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим формам — так называемый «широкий» подход, представленный в т. н. теории «грамматикализации» [Мейе 1912¹], а также «грамматизации» (в отечественном языкознании), например, работами В. В. Виноградова [1947], С. Д. Кацнельсона [1948, 1986], В. М. Жирмунского [1976], В. Г. Гака [1965], Ю. С. Маслова [1975, 1987] и других авторов. Но эти авторы при выделении аналитических форм не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики аналитических конструкций.

Целью настоящей работы будет первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора (см. [Крылов 2014] и указанную там литературу).

В прямой алфавитный список включены не все аналитические словоформы монгольского языка, а лишь наиболее употребительные. Пороговое значение для включения в список составляет 10 вхождений в корпус ГКМЯ-1а, или 9 *ipm*. Таких словоформ оказалось 1 818.

Аналитическая грамматема представлена как сочетание определённой структурной модели с определённой синтетической грамматемой.

В первой зоне словарной статьи приводится (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) та структурная модель, к которой относится данная аналитическая словоформа (всего словарь содержит 285 структурных моделей). Структурная модель состоит из постоянного и переменного

компонентов (константа + переменная). Постоянный компонент представляет собой некоторую служебную (или полуслужебную) словоформу (или, в некоторых случаях, комплекс служебных словоформ). Переменный компонент представляет собой условный обобщённый символ знаменательной синтетической словоформы (в качестве такого условного символа выбран значок W).

Переменный компонент (знаменательная синтетическая словоформа), в свою очередь, по своей структуре бинарен. Он представляет собой сочетание служебного (грамматического) компонента (то есть некоторой синтетической условной грамматемы) с некоторой условной лексемой. Синтетическая условная грамматема в словаре представлена её именем, а условная лексема (ради компактности) не приводится вообще; однако читатель большей частью может легко догадаться, какая лексема имеется в виду, так как соответствующая словоформа в статье приведена.

Во второй зоне (полужирным подчёркнутым прямым шрифтом) приводится та грамматема (грамматическая форма), к которой принадлежит синтетическая словоформа, функционирующая как знаменательный компонент данной аналитической словоформы.

В третьей зоне (полужирным неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится суммарная относительная частотность (в *ipm*) данной аналитической грамматемы в корпусе ГКМЯ-1а.

В четвёртой зоне (полужирным неподчёркнутым курсивным шрифтом) приводится сама синтетическая словоформа, функционирующая в роли знаменательного компонента данной аналитической формы. Словоформа даётся в квазиорфографической записи.

В пятой зоне (светлым неподчёркнутым прямым шрифтом) приводится суммарная относительная частотность (измеренная в *ipm*) той аналитической грамматемы, которая (в сочетании с условной лексемой) образует данную аналитическую форму, по корпусу ГМЯ-1а. Пороговое значение 9 *ipm*.

Повтор имени аналитической структурной модели заменяется символом тильды (~), а повтор имени синтетической грамматемы заменяется на символ знака равенства (=).

¹ См. также работы Б. Хайне, Кр. Лемана, Дж. Байби (1980-х гг.), а в XXI в. — работы Н. Р. Сумбатовой, Т. А. Майсака и др.

**Частотность аналитических грамматем
и аналитических словоформ, которыми
они представлены**

W_үү_дээ **CVB.CNGR 11** гэж 11
W_үү **VF.IND.PRS1 14** гэнэ 14
 ~ ? 21 бил 21
 ~ **NOM 201** хэрэг 56; ~ = тийм 48; ~ = тэр 43;
 ~ = энэ 25; ~ = хүн 18; ~ = үнэн 11
 ~ **VF.IND.PROF(Q) & NOM 11** гэл 11
 ~ **PC.PROSP-NOM 23** тэгэх 12; ~ = гэх 11
 ~ **CVB.CNGR 190** гэж 190
 ~ **VF.IND.AOR 22** мэдэв 22
 ~ **INSTR 11** зүгээр 11
 ~ **{PART}** 16 мөн 16
 ~ **VF.IND.AOR & {PART} 11** гэв 11
W_үзээд **PC.PROSP-ACC 10** байхыг 10
W_өөд **NOM 25** тэнгэр 14; ~ = нүүр 11
 ~ **ABS-NOM & NOM 12** уул 12
W_өгнө **CVB.CNGR 9** зааж 9
W_өгсөн **CVB.CNGR 11** авчирч 11
W_өмнө **NOM 11** зүүн 11
 ~ **GEN-NOM 167** жилийн 91; ~ = юуны 37;
 ~ = олны 17; ~ = нүдний 13; ~ = түүний 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 29** хоногийн 19; ~ = то-
 лины 10
 ~ **{TEMP}NOM 34** урьд 34
W_аа **VF.IND.PRS1 15** яана 15
 ~ **NOM 123** багш 33; ~ = ах 32; ~ = аав 29;
 ~ = жанжин 10; ~ = найз 10; ~ = дарга 9
W_аваад **CVB.CNGR 24** татаж 14; ~ = шүүрч
10
W_авсан **CVB.CNGR 12** худалдаж 12
W_авч **CVB.MOD 131** шүүрэн 41; ~ = татан
 23; ~ = хүлээн 20; ~ = тэврэн 18; ~ = угтан 18;
 ~ = таслан 11
 ~ **NOM & REL-NOM & CVB.MOD 10** тосон
 10
W_адил **NOM & POSS.REFL 26** лугаа 26
 ~ **REL-NOM 18** нэгэн 18
 ~ **{TEMP}GEN-NOM 9** урьдын 9
W_алга **NOM 61** хэрэг 20; ~ = хүн 19; ~ = арга
 11; ~ = даанч 11
 ~ **NOM & CAR-NOM 10** сураггүй 10
W_алдан **NOM 52** инээд 18; ~ = хөл 14; ~ = ухаан
 11; ~ = уулга 9
 ~ **ABS-NOM 48** санаа 48
 ~ **NOM & ABS-NOM 39** дуу 39
W_аль_нь **NOM 12** аль 12
W_бүхэн_нь **NOM 10** энэ 10
W_бөгөөд **NOM 12** хүн 12
 ~ **NOM & COM-NOM 11** сүртэй 11
 ~ **PC.PROSP-NOM 10** үзэгдэх 10
W_байв **CVB.CNGR 54** зогсож 32; ~ = санаг-
 даж 13; ~ = ажиллаж 9
W_байгаа_бол **CVB.CNGR 9** гэж 9

W_байгаа_нь **CVB.CNGR 13** гэж 13
W_байгаа_юм_шиг **CVB.CNGR 22** гэж 22
W_байгаа_юм **CVB.CNGR 12** гэж 12
W_байгаа **CVB.CNGR 173** гэж 63; ~ = зогсож
 33; ~ = идэж 18; ~ = унтаж 18; ~ = хүлээж 11;
 ~ = харагдаж 11; ~ = урсаж 10; ~ = тоглож 9
 ~ **DAT 10** энд 10
W_байгааг **CVB.CNGR 20** гэж 20
W_байгаад **CVB.CNGR 19** тулгаж 10; ~ = гэж
 9
W_байдаг_билээ **{PART} & ABS-NOM 11** юу 11
W_байдаг **CVB.CNGR 18** гэж 18
W_байж **NOM 13** хүн 13
 ~ **CVB.CNGR 11** гэж 11
W_байжээ **NOM 20** хүн 10; ~ = энэ 10
W_байлаа **NOM 51** хүн 22; ~ = хэрэг 16; ~ = тэр
 13
 ~ **COM-NOM 11** хэрэгтэй 11
 ~ **CVB.CNGR 72** зогсож 26; ~ = санагдаж 15;
 ~ = хүлээж 11; ~ = унтаж 10; ~ = чичирч 10
W_байн **CVB.MOD 18** байн 18
W_байна_вэ **{ADV}ESS1 9** хаана 9
W_байна_даа **NOM 9** хүн 9
W_байна_уу **NOM 40** сайн 40
 ~ **CVB.CNGR 36** санаж 18; ~ = гэж 18
W_байна **{ADV}ESS1 31** хаана 31
 ~ **SBJ 18** би 18
 ~ **NOM 181** хүн 35; ~ = энэ 22; ~ = тийм 19;
 ~ = сайхан 18; ~ = ямар 17; ~ = тэр 13; ~ = сайн
 11; ~ = бэлэн 10; ~ = газар 9; ~ = морь 9; ~ = муу
 9; ~ = хэрэг 9
 ~ **COM-NOM 10** хэрэгтэй 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 19** юу 19
 ~ **{ADV}NOM 26** хаа 26
 ~ **CVB.CNGR 206** гэж 115; ~ = харагдаж 18;
 ~ = асууж 17; ~ = санаж 16; ~ = зогсож 12;
 ~ = итгэж 10; ~ = хүлээж 9; ~ = хүсэж 9
 ~ **{ADV} & CVB.CNGR 17** яаж 17
 ~ **{PART} 16** мөн 16
W_байсан_юм **NOM 10** хүн 10
W_байсан **NOM 14** хүн 14
 ~ **CVB.CNGR 67** зогсож 24; ~ = гэж 20;
 ~ = ажиллаж 12; ~ = хүлээж 11
W_байснаа **CAR-NOM 16** дуугүй 16
 ~ **CVB.CNGR 32** ширтэж 12; ~ = зогсож 11;
 ~ = ажиглаж 9
W_байтал **NOM & PC.DUR-CAR-NOM 10**
 амжаагүй 10
 ~ **CVB.CNGR 39** тэгж 20; ~ = гэж 19
 ~ **NOM & CVB.CNGR 11** чингэж 11
W_байтугай **NOM 36** тэр 26; ~ = хүн 10
W_байх_билээ **SBJ 10** хэн 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 15** юу 15
W_байх_вэ **NOM 33** юу 33
W_байх_уу **CVB.CNGR 12** гэж 12
W_байх **NOM 18** тийм 9; ~ = хүн 9

- W_байхад* CVB.CNGR 15 гэж 15
W_байхгүй CVB.CNGR 13 гэж 13
W_барин ACC 9 зүгийг 9
W_барьсан DAT-POSS.REFL 10 гартаа 10
W_бий NOM 31 ёс 11; ~ = хүн 11; ~ = тийм 9
~ CVB.CNGR 14 гэж 14
~ {PART} 9 бас 9
W_билээ VF.IND.PRS1 58 гэнэ 58
~ SBJ 17 хэн 17
~ NOM 71 энэ 26; ~ = тэр 21; ~ = хүн 13; ~ = сан 11
~ PC.PRF-NOM 10 гэсэн 10
~ PC.PROSP-NOM 13 чадах 13
~ {PART} & ABS-NOM 68 юу 68
~ PC.US-NOM 28 яадаг 28
~ NOM & PC.US-NOM 10 болдог 10
~ CVB.CNGR 15 гэж 15
W_биш ABL 15 түүнээс 15
~ PC.PROSP-ABL 26 болохоос 26
~ NOM 86 хүн 40; ~ = тийм 24; ~ = хэрэг 22
W_бодож CVB.MOD 32 хэмээн 22;
~ = эргэцүүлэн 10
~ {PART} & ABS-NOM 13 юу 13
W_бол SBJ 57 би 41; ~ = чи 16
~ COP.IRREAL & PC.US-COP.IRREAL 20 болдогсон 20
~ {ADV} & DAT-POSS.REFL 11 үнэндээ 11
~ NOM 407 энэ 288; ~ = тэр 52; ~ = хүн 33;
~ = тийм 19; ~ = сан 15
~ PL3-NOM 11 эд 11
~ PC.PRF-NOM 25 мэдсэн 14; ~ = тэгсэн 11
~ PC.PROSP-NOM 11 гэх 11
~ NOM & CAR-NOM 49 аягүй 49
~ PC.PROSP-CAR-NOM 34 авахгүй 13;
~ = тэгэхгүй 11; ~ = өгөхгүй 10
~ ABS-NOM 29 нэг 29
~ PC.US-NOM 46 гэдэг 46
~ {TEMP}NOM 26 одоо 26
~ {POST.REL}DAT 9 тухайд 9
~ {PART} 40 эс 26; ~ = үгүй 14
W_болж_байгааг {PART} & ABS-NOM 18 юу 18
W_болж NOM 80 хүн 36; ~ = тус 14; ~ = их 11;
~ = эр 10; ~ = аз 9
~ CAR-NOM 9 аргагүй 9
~ {PART} & ABS-NOM 11 юу 11
~ {TEMP}NOM 9 орой 9
W_боллоо NOM 11 цаг 11
~ {PART} & ABS-NOM 10 юу 10
W_болно NOM 16 хэрэг 16
~ {PART} 17 үл 17
W_болов NOM 13 овогтон 13
~ COM-NOM 11 хэрэгтэй 11
~ CAR-NOM 18 дуугүй 18
~ NOM & CAR-NOM 13 чимээгүй 13
~ {PART} & ABS-NOM 28 юу 28
W_боловч SBJ 11 хэн 11
~ NOM 40 ямар 19; ~ = бага 12; ~ = хүн 9
~ PC.PRF-NOM 50 гэсэн 41; ~ = оролдсон 9
~ PC.PROSP-NOM 11 гэх 11
W_болон NOM 24 бодол 24
W_болоод NOM 10 том 10
~ {PART} & ABS-NOM 12 юу 12
W_болох_вэ {PART} & ABS-NOM 10 юу 10
W_болох NOM 19 тус 10; ~ = хүн 9
W_болохгүй NOM 10 огт 10
W_болохоор NOM 82 аль 40; ~ = хүн 28;
~ = тийм 14
~ {TEMP}NOM 9 одоо 9
W_болохыг SBJ 15 хэн 15
~ NOM 9 хүн 9
~ {PART} & ABS-NOM 32 юу 32
W_болсон NOM 48 дасал 22; ~ = цаг 15; ~ = цус 11
~ NOM & ABS-NOM 13 эх 13
W_бэ SBJ 48 хэн 48
~ NOM 89 хүн 50; ~ = амьтан 26; ~ = сайхан 13
W_вэ_дээ PC.PROSP-NOM 9 гэх 9
W_вэ VF.IND.PRS1 9 хэлнэ 9
~ {ADV}ESS1 32 хаана 32
~ NOM 201 энэ 48; ~ = тэр 37; ~ = аль 33;
~ = хэрэг 32; ~ = улс 20; ~ = гээ 11; ~ = золиг 11;
~ = хүүхэд 9
~ PC.PROSP-NOM 87 гэх 61; ~ = яах 17; ~ = та-
арах 9
~ PC.DUR-NOM 10 яагаа 10
~ NOM & ABS-NOM 14 юу 14
~ {PART} & ABS-NOM 106 юу 106
~ PC.ACT-NOM 13 гэгч 13
W_гадна PC.PROSP-ABL 10 болохоос 10
W_гарган NOM 21 царай 21
W_гарч ABL 17 гэрээс 17
~ NOM 11 хүн 11
~ ABS-NOM 21 чимээ 21
~ NOM & ABS-NOM 18 дуу 18
~ {LOC}LAT 9 гадагш 9
W_гуай NOM? 12 чогжмаа 12
~ POSS.REFL 10 сүхээ 10
~ NOM 90 дүгэр 22; ~ = банди 18; ~ = шарав 11;
~ = ням 11; ~ = янжин 10; ~ = өвгөн 9; ~ = эрдэнэ 9
~ {PART} 11 жав 11
W_гэнэ_ CVB.CNGR 9 гэж 9
W_гэх_вэ NOM 14 тэр 14
W_даа VF.IND.PRS1 14 яана 14
~ ABL 13 хаанаас 13
~ PC.PROSP-POSS.REFL 10 байхаа 10
~ NOM 35 амьтан 14; ~ = яамай 11; ~ = яришиг 10
~ {PART} & ABS-NOM 21 юу 21
~ NOM & VF.OPT.IMP 35 ай 35
~ {COMM} 18 за 18

W_дараа **GEN-NOM 26** жилийн 16; ~ = цагийн 10
 ~ **NOM & GEN-NOM 26** хоногийн 26
 ~ **PC.PRF-GEN-NOM 34** явсны 23; ~ = болсны 11
 ~ **GEN-NOM & PC.PRF-GEN-NOM 10** өнгөрсний 10
W_дор **NOM 9** тэртээ 9
 ~ **REL-NOM 9** нэгэн 9
 ~ **GEN-NOM 11** тэнгэрийн 11
 ~ **NOM & GEN-NOM 15** сарны 15
 ~ **ABS-NOM 11** нэг 11
W_дотор **REL-NOM 20** модон 10; ~ = усан 10
 ~ **GEN-NOM 106** гэрийн 30; ~ = зуурын 24;
 ~ = түүний 13; ~ = хүний 11; ~ = сэтгэлийн 10;
 ~ = миний 9; ~ = жилийн 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 16** хоногийн 16
W_дотоо **REL-NOM 13** аман 13
W_дунд **NOM 61** тэр 21; ~ = шөнө 18; ~ = өдөр 11; ~ = бага 11
 ~ **GEN-NOM 47** олны 21; ~ = харанхуйн 15;
 ~ = хүмүүсийн 11
 ~ **NOM & GEN-NOM 31** эдний 11; ~ = зуны 11;
 ~ = намрын 9
 ~ **PL3-REL-GEN-NOM 14** тэдний 14
 ~ **ABS-GEN-NOM 9** хоёрын 9
W_дэргэд **GEN-NOM 34** галын 23; ~ = миний 11
W_дээ **PC.PROSP-QUEST(S) 32** байхав 19;
 ~ = яахав 13
 ~ **NOM 114** хүн 47; ~ = тийм 27; ~ = энэ 20;
 ~ = тэр 11; ~ = хэрэг 9
 ~ **CAR-NOM 37** байлгүй 37
 ~ **CVB.CNGR 41** гэж 41
 ~ **VF.IND.AOR 10** гэхэв 10
 ~ **{PART} 123** шив 57; ~ = ээ 52; ~ = үгүй 14
W_дээр_нь **NOM 10** толгой 10
W_дээр **CVB.MOD 16** зүлгэн 16
 ~ **GEN-SUBST-POSS.REFL 10** түүнийхээ 10
 ~ **NOM 413** орон 41; ~ = эрэг 31; ~ = толгой 30;
 ~ = дээл 24; ~ = газар 22; ~ = дэнж 20; ~ = сандал 20;
 ~ = шалан 20; ~ = зам 18; ~ = хорвоо 18;
 ~ = гар 16; ~ = бүр 15; ~ = буудал 13; ~ = ертөнц 12;
 ~ = зах 11; ~ = ирмэг 11; ~ = талбай 11;
 ~ = гал 11; ~ = хичээл 11; ~ = хог 11; ~ = дэлхий 10;
 ~ = тавцан 10; ~ = өвөр 9; ~ = дэвсгэр 9;
 ~ = хацар 9
 ~ **REL-NOM 320** ширээн 40; ~ = чулуун 33;
 ~ = даваан 23; ~ = цаасан 18; ~ = түүн 18;
 ~ = уяан 17; ~ = морин 16; ~ = нуруун 16; ~ = хаалган 16;
 ~ = үүдэн 13; ~ = ногоон 13; ~ = цаасан 13;
 ~ = модон 12; ~ = нүдэн 11; ~ = тэргэн 11;
 ~ = хүрэн 11; ~ = мөсөн 11; ~ = усан 10;
 ~ = нүүрэн 9; ~ = юман 9
 ~ **NOM & REL-NOM 22** мөрөн 11; ~ = элсэн 11
 ~ **PC.US-NOM 9** гэдэг 9
 ~ **{TEMP}NOM 25** орой 25

W_дээрээ **NOM 148** орон 33; ~ = хөл 23; ~ = өвдөг 18;
 ~ = өвөр 17; ~ = гар 16; ~ = эмээл 16; ~ = толгой 14;
 ~ = хэрэг 11
 ~ **REL-NOM 34** морин 12; ~ = алган 11;
 ~ = дөрөөн 11
 ~ **NOM & REL-NOM 17** мөрөн 17
 ~ **{TEMP}NOM 13** орой 13
W_ирж **CVB.MOD 21** давхин 12; ~ = хүрэлцэн 9
 ~ **NOM & GEN-NOM & CVB.MOD 17** гүйн 17
 ~ **DAT-POSS.REFL 9** гэртээ 9
 ~ **NOM 15** хүн 15
W_ирлээ **CVB.CNGR 10** буцаж 10
 ~ **CVB.ANT 15** хүрээд 15
W_ирнэ **CVB.CONDI 11** заавал 11
W_ирэх **NOM 11** өдөр 11
W_ирээд **DAT-POSS.REFL 12** гэртээ 12
 ~ **CVB.CNGR 40** буцаж 16; ~ = гүйж 12;
 ~ = давхиж 12
W_их_л **CVB.CNGR 11** гэж 11
W_л_биш **ABS-NOM 11** нэг 11
W_л_дээ **NOM 11** тийм 11
W_л **GEN/ACC 18** бүхий 18
 ~ **SBJ 47** би 30; ~ = чи 17
 ~ **POSS.REFL 19** өөрөө 19
 ~ **DAT-POSS.REFL 35** ердөө 35
 ~ **PC.PROSP-DAT-POSS.REFL 13** гэхдээ 13
 ~ **NOM 706** их 257; ~ = дэмий 92; ~ = төдий 53;
 ~ = тэр 44; ~ = ийм 37; ~ = энэ 34; ~ = арай 33;
 ~ = улам 18; ~ = аанай 17; ~ = тийм 17; ~ = хүн 15;
 ~ = өнөөх 14; ~ = зөвхөн 11; ~ = нээрээ 11;
 ~ = хоёр 11; ~ = цөм 11; ~ = бүх 11; ~ = чухам 11;
 ~ = нөгөө 9
 ~ **COM-NOM 91** ёстой 91
 ~ **NOM & COM-NOM 20** золтой 20
 ~ **REL-A.COM-NOM 13** нэгэнт 13
 ~ **GEN-NOM 14** миний 14
 ~ **CAR-NOM 35** аргагүй 35
 ~ **PC.DUR-NOM 25** эгээ 25
 ~ **ABS-NOM 248** нэг 248
 ~ **{PART} & ABS-NOM 9** юу 9
 ~ **{TEMP}ABS-NOM 25** сая 25
 ~ **PC.US-NOM 11** гэдэг 11
 ~ **{TEMP}NOM 41** одоо 41
 ~ **VF.OPT.IMP 11** хий 11
 ~ **CVB.CNGR 46** гэж 24; ~ = ингэж 13;
 ~ = тэгж 9
 ~ **INSTR 39** зүгээр 39
 ~ **NOM & VF.OPT.JUSS 38** бараг 38
 ~ **NOM & DAT 16** шууд 16
 ~ **CVB.ANT 177** тэгээд 77; ~ = гээд 60; ~ = ингээд 40
 ~ **NOM & CVB.ANT 50** дахиад 50
 ~ **NOM & DAT & CVB.ANT 11** ахиад 11
 ~ **{TEMP} 16** дандаа 16
 ~ **{PART} 389** мөн 202; ~ = бас 187
 ~ **{ADV} 74** яг 74

W_минь ACC 15 зүрхийг 15
 ~ **SBJ 165** чи 90; ~ = та 75
 ~ **NOM 1178** хүү 253; ~ = ээж 59; ~ = аав 54;
 ~ = дүү 49; ~ = охин 47; ~ = зүрх 40; ~ = өвгөн 35;
 ~ = бурхан 34; ~ = нөхөр 34; ~ = орон 33;
 ~ = хөөрхий 33; ~ = тэр 32; ~ = ах 31; ~ = эр-
 дэнэ 31; ~ = хонгор 30; ~ = сэтгэл 29; ~ = нас 28;
 ~ = нутаг 27; ~ = нөхөд 24; ~ = найз 21;
 ~ = эвий 21; ~ = бие 20; ~ = үр 19; ~ = тэнгэр 18;
 ~ = эцэг 18; ~ = ижий 18; ~ = морь 14; ~ = эгч 14;
 ~ = эжий 13; ~ = дарга 12; ~ = эзэн 12; ~ = долгор 11;
 ~ = амраг 11; ~ = москва 11; ~ = наваан 11;
 ~ = эхнэр 11; ~ = багш 10; ~ = хүүхэд 10
 ~ **N.PL4A-NOM 20** хүүхдүүд 20
 ~ **NOM & PC.PRF-NOM 11** төрсөн 11
 ~ **NOM & REL-NOM 10** чулуун 10
 ~ **GEN-NOM 96** орны 26; ~ = нутгийн 17;
 ~ = ээжийн 17; ~ = биеийн 9; ~ = сэтгэлийн 9;
 ~ = хүүгийн 9; ~ = чиний 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 30** насны 19; ~ = төрийн 11
 ~ **NOM & CAR-NOM & CAR-NOM 11** бүсгүй 11
 ~ **DAT 20** зүрхэнд 10; ~ = сэтгэлд 10
 ~ **NOM & DAT 9** анд 9
 ~ **NOM & A.COM-NOM & DAT 17** хайрт 17
W_мэднэ NOM 31 сайн 31
 ~ **{PART} 35** үл 35
W_мэдэж ACC 9 учрыг 9
W_мэдэх {PART} 11 үл 11
W_мэдэхгүй NOM & VF.OPT.IMP 10 хэл 10
W_мэт NOM 35 энэ 21; ~ = буй 14
 ~ **PC.PRF-NOM 35** гэсэн 35
 ~ **PC.PROSP-NOM 40** гэх 30; ~ = инээмсэглэх 10
W_нар_минь SBJ 14 та 14
W_нар_чинь SBJ 18 та 18
W_нар SBJ 258 та 246; ~ = бид 12
 ~ **NOM 134** лам 38; ~ = дүү 26; ~ = дарга 26;
 ~ = шар 13; ~ = багш 11; ~ = ач 10; ~ = хурц 10
 ~ **PL3-NOM 30** эд 19; ~ = тэд 11
 ~ **GEN-NOM 13** өглөөний 13
 ~ **{TEMP}GEN-NOM 22** оройн 22
 ~ **{TEMP}NOM 11** орой 11
W_нарын SBJ 45 та 45
 ~ **NOM 48** лам 30; ~ = багш 9; ~ = дарга 9
W_нь_бол NOM 10 энэ 10
W_нь_л NOM 11 ер 11
W_нь_ч SBJ 15 хэн 15
 ~ **NOM 11** аль 11
W_нь {LOC}ESS2 33 дээр 20; ~ = доор 13
 ~ **ABL2 47** өдөөс 47
 ~ **ACC 335** сэтгэлийг 40; ~ = гарыг 27; ~ = өөрийг 26;
 ~ = нүдийг 23; ~ = толгойг 21; ~ = морийг 19;
 ~ = бүгдийг 18; ~ = үгийг 16; ~ = амыг 14;
 ~ = зүрхийг 14; ~ = нэрийг 14; ~ = бусдыг 13;

~ = хацрыг 13; ~ = биеийг 12; ~ = түүнийг 12;
 ~ = нүүрийг 11; ~ = хөлийг 11; ~ = цөмийг 11;
 ~ = заримыг 10; ~ = учрыг 10
 ~ **ACC & ACC 11** юмыг 11
 ~ **PL3-ACC 10** морьдыг 10
 ~ **GEN-ACC 23** толгойгий 14; ~ = хэдий 9
 ~ **GEN/ACC 136** сэтгэлий 19; ~ = өөрий 15;
 ~ = гары 15; ~ = хөлий 14; ~ = биеий 13;
 ~ = нүүрий 11; ~ = учры 11; ~ = үгий 10; ~ = гэрий 10;
 ~ = амы 9; ~ = нэрий 9
 ~ **PC.DUR-GEN/ACC 14** байгаагий 14
 ~ **GEN/ACC & GEN/ACC & PC.DUR-GEN/ACC 10** бараагий 10
 ~ **ABS-GEN/ACC 13** нэгий 13
 ~ **SBJ 29** хэн 29
 ~ **ABL 107** талаас 31; ~ = нүднээс 25; ~ = гараас 22;
 ~ = амнаас 11; ~ = бүрээс 9; ~ = сэтгэлээс 9
 ~ **NOM & ABL 71** араас 71
 ~ **{LOC}ESS1-ABL 45** хойноос 36; ~ = гаднаас 9
 ~ **ESS2-ABL 15** дотроос 15
 ~ **{LOC}REL-ABL 10** хажуунаас 10
 ~ **{LOC}ABS-ABL 14** хажуугаас 14
 ~ **{LOC}DAT-ABL 11** урдаас 11
 ~ **{LOC}ABL 71** өмнөөс 40; ~ = дотороос 20;
 ~ = дээрээс 11
 ~ **POSS.REFL 12** гэмээ 12
 ~ **NOM & POSS.REFL 12** өвөө 12
 ~ **NOM & ABS-NOM & PC.DUR-NOM & POSS.REFL 9** бараа 9
 ~ **ABS-NOM & POSS.REFL 12** шороо 12
 ~ **ABL-POSS.REFL 25** өөрөөс 25
 ~ **DAT-POSS.REFL 16** цээжинд 16
 ~ **{LOC}DAT-TRANSL 10** урдуур 10
 ~ **{LOC}TRANSL 22** дундуур 13; ~ = дэргэдүүр 9
 ~ **A.COM 29** гэрт 29
 ~ **NOM 3516** ер 307; ~ = зарим 187; ~ = сэтгэл 175;
 ~ = энэ 174; ~ = уг 164; ~ = тэр 130; ~ = ца-
 рай 116; ~ = бие 110; ~ = хүү 104; ~ = ард 79;
 ~ = зүрх 68; ~ = хөл 65; ~ = ээж 56; ~ = хоёр 55;
 ~ = гар 54; ~ = нөгөө 53; ~ = ах 52; ~ = морь 50;
 ~ = эцэг 48; ~ = аав 46; ~ = газар 46; ~ = эхнэр 44;
 ~ = нөхөр 41; ~ = толгой 41; ~ = эзэн 41; ~ = гол 39;
 ~ = хоолой 35; ~ = охин 33; ~ = нүүр 33; ~ = үс 32;
 ~ = нөхөд 29; ~ = ухаан 29; ~ = гэр 26; ~ = зах 25;
 ~ = хүн 25; ~ = арга 24; ~ = бүхэн 22; ~ = багш 22;
 ~ = байдал 21; ~ = уруул 21; ~ = эмгэн 21;
 ~ = мөр 20; ~ = жишээ 19; ~ = нэр 19; ~ = ха-
 мар 19; ~ = чих 18; ~ = хөмсөг 18; ~ = цээж 18;
 ~ = шүд 18; ~ = үзүүр 17; ~ = нохой 17; ~ = хүүхэд 17;
 ~ = хэсэг 17; ~ = шөнө 17; ~ = өдөр 16; ~ = бо-
 дол 16; ~ = өнгө 15; ~ = нойр 15; ~ = нуруу 15;
 ~ = сүнс 15; ~ = эгчмэд 15; ~ = уур 14; ~ = хөлс 14;
 ~ = ажил 13; ~ = аль 13; ~ = дүү 13; ~ = зор-
 риг 13; ~ = авгай 12; ~ = амьдрал 12; ~ = гал 12;
 ~ = ижий 12; ~ = үнэр 11; ~ = амьсгал 11;

~ = буй 11; ~ = гэм 11; ~ = дарга 11; ~ = зан 11;
 ~ = зэрэг 11; ~ = цаг 11; ~ = шар 11; ~ = эгч 11;
 ~ = өвдөг 11; ~ = өвчин 11; ~ = гээг 11; ~ = зовхи
 11; ~ = урам 11; ~ = утга 11; ~ = хүсэл 11; ~ = ха-
 цар 11; ~ = хэрэг 11; ~ = зам 10; ~ = сайхан 10;
 ~ = сахал 10; ~ = тэрэг 10; ~ = эр 10; ~ = дээл 9;
 ~ = инээд 9; ~ = хүмүүс 9; ~ = хонь 9; ~ = хувцас 9
 ~ **ABS-NOM & NOM 32** уул 32
 ~ **{LOC}ESS1-NOM 20** цаана 20
 ~ **{LOC}ESS2-NOM 30** дотор 30
 ~ **N.PL4A-NOM 13** хүүхдүүд 13
 ~ **PC.PRF-NOM 87** хэлүүлсэн 18; ~ = бичсэн
 17; ~ = гэсэн 17; ~ = тавьсан 12; ~ = ярьсан 12;
 ~ = өмссөн 11
 ~ **REL-NOM 14** нулимс 14
 ~ **COM-NOM 11** өөртэй 11
 ~ **NOM & COM-NOM 12** харамсалтай 12
 ~ **GEN-NOM 126** өөрийн 37; ~ = нүдний 34;
 ~ = түүний 33; ~ = морины 11; ~ = үүний 11
 ~ **PC.PRF-GEN-NOM 22** байсны 11; ~ = болсны
 11
 ~ **PC.PROSP-NOM 192** гэх 48; ~ = цаадах 25;
 ~ = ихэнх 20; ~ = өгүүлэх 19; ~ = үзэгдэх 15;
 ~ = үзэх 12; ~ = үхэх 12; ~ = суух 11; ~ = тавих
 11; ~ = харагдах 10; ~ = ярилцах 9
 ~ **ABS-NOM 650** нэг 207; ~ = нүд 192; ~ = өглөө
 52; ~ = ам 48; ~ = санаа 48; ~ = ус 24; ~ = үг 21;
 ~ = амьсгаа 13; ~ = заяа 13; ~ = мах 12; ~ = чимээ
 11; ~ = хаалга 9
 ~ **NOM & ABS-NOM 174** эх 77; ~ = дуу 41;
 ~ = гэдэс 18; ~ = зүс 14; ~ = яс 14; ~ = хуруу 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 15** юу 15
 ~ **PC.US-NOM 95** гэдэг 95
 ~ **PC.ACT-NOM 46** гэгч 46
 ~ **GEN-SUBST-NOM 30** өөрийнх 19; ~ = нүднийх
 11
 ~ **{LOC}NOM 61** дэргэд 27; ~ = хооронд 18;
 ~ = өмнө 16
 ~ **{TEMP}NOM 343** дараа 183; ~ = маргааш
 107; ~ = орой 34; ~ = урьд 19
 ~ **{PART}NOM 55** учир 55
 ~ **{ART}NOM 22** дахь 22
 ~ **CVB.TERM 15** болтол 15
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 11** хэл 11
 ~ **A.COP 11** нөгөөх 11
 ~ **INSTR 21** ёсоор 11; ~ = хүзүүгээр 10
 ~ **NOM & INSTR 9** амьдаар 9
 ~ **PC.PROSP-INSTR 42** тэгэхээр 18; ~ = гэхээр
 13; ~ = байхаар 11
 ~ **{LOC}INSTR 26** хажуугаар 26
 ~ **DAT 489** сэтгэлд 111; ~ = оронд 47; ~ = өөрт
 39; ~ = нүүрэнд 34; ~ = санаанд 27; ~ = гарт 25;
 ~ = үүнд 25; ~ = царайд 19; ~ = хөлд 18; ~ = биед
 15; ~ = магнай 14; ~ = замд 12; ~ = цагт 12;
 ~ = амьдралд 11; ~ = түүнд 11; ~ = бүрд 11;
 ~ = биенд 11; ~ = хоолойд 11; ~ = голд 9; ~ = ду-

унд 9; ~ = зүрхэнд 9; ~ = толгойд 9
 ~ **NOM & DAT 273** эцэст 146; ~ = хариуд 92;
 ~ = сүүлд 25; ~ = эзэд 10
 ~ **A.COM-NOM & DAT 31** өвөрт 17; ~ = ха-
 царт 14
 ~ **NOM & A.COM-NOM & DAT 9** үзүүрт 9
 ~ **REL-DAT 138** нүдэнд 109; ~ = чихэнд 18;
 ~ = аманд 11
 ~ **PC.PROSP-DAT 331** гэхэд 269; ~ = өгөхөд 18;
 ~ = суухад 13; ~ = тэгэхэд 11; ~ = гарахад 10;
 ~ = ороход 10
 ~ **{LOC}DAT 79** хажууд 65; ~ = урд 14
 ~ **{TEMP}DAT 12** дараад 12
 ~ **{ADV}DAT 76** бусад 76
 ~ **{LOC}LAT 73** цааш 33; ~ = доош 17; ~ = дээш
 12; ~ = нааш 11
 ~ **{TEMP} 10** хожим 10
 ~ **{ADV} 25** хэр 25
 W_нэг_нь **SBJ 16** хэн 16
 ~ **NOM 13** зарим 13
 W_нэг_юм **NOM 17** ямар 17
 W_нэгэн_юм **NOM 13** ямар 13
 W_олж **ACC 11** учрыг 11
 ~ **POSS.REFL 9** газраа 9
 W_орж **DAT-POSS.REFL 10** гэртээ 10
 ~ **A.COM 19** гэрт 19
 ~ **NOM 11** ухаан 11
 ~ **DAT 33** усанд 14; ~ = үгэнд 10; ~ = өрөөнд 9
 W_очиж **NOM & GEN-NOM & CVB.MOD 11**
 гүйн 11
 W_очоод **CVB.CNGR 11** гүйж 11
 W_рүү_нь **NOM 9** нүүр 9
 W_рүү **NOM 22** үүд 12; ~ = эрэг 10
 ~ **REL-NOM 10** түүн 10
 ~ **ABS-NOM 9** өрөө 9
 W_руу **NOM 32** хот 14; ~ = зах 9; ~ = толгой 9
 ~ **ABS-NOM 40** ус 19; ~ = ам 11; ~ = хаалга 10
 ~ **DAT 37** над 37
 W_суугаад **CVB.MOD 10** завиан 10
 W_сууж **CVB.MOD 11** сөхрөн 11
 W_тал **NOM 24** цагаан 14; ~ = дах 10
 W_талаар **NOM 9** зүүн 9
 W_талд **NOM 37** баруун 16; ~ = зүүн 11; ~ = хоёр
 10
 W_талын **NOM 63** зүүн 24; ~ = баруун 20;
 ~ = хоёр 19
 ~ **NOM & DAT 9** хойд 9
 ~ **{LOC}DAT 12** урд 12
 W_тийш **NOM 42** баруун 18; ~ = зүүн 15;
 ~ = хоёр 9
 ~ **{LOC}NOM 11** хажуу 11
 ~ **LAT 48** ийш 48
 W_тул **NOM 11** хүн 11
 ~ **GEN-NOM 11** иймийн 11
 ~ **PC.DUR-CAR-NOM 15** үзээгүй 15
 W_тухай **NOM 50** энэ 36; ~ = тэр 14

- ~ GEN-NOM 9 хүний 9
 ~ NOM & GEN-NOM 10 амьдралын 10
 W_удаа_ч NOM 9 энэ 9
 W_удаа NOM 110 энэ 62; ~ = олон 21; ~ = хоёр 18; ~ = эцсийн 9
 ~ REL-NOM 55 нэгэн 25; ~ = хэдэн 20; ~ = гурван 10
 ~ ABS-NOM 132 нэг 84; ~ = анх 48
 W_урьд GEN-NOM 27 юуны 27
 W_уу_даа PC.PROSP-NOM 11 барах 11
 W_уу VF.IND.PRS1 17 байна 17
 ~ NOM 18 сайн 18
 ~ COP.IRREAL & REL-NOM 11 юмсан 11
 ~ PC.PROSP-NOM 20 таних 11; ~ = барах 9
 ~ {PART} 40 бус 40
 W_хүртэл NOM 12 өдий 12
 ~ {TEMP}NOM 26 одоо 26
 W_хүрэн NOM 15 том 15
 W_хүрээ GEN-NOM 11 богдын 11
 W_хамт GEN-NOM 13 нөхдийн 13
 W_хараад PC.PROSP-ACC 17 байхыг 17
 W_харан POSS.REFL 11 түрүүлгээ 11
 ~ {LOC}LAT 11 доош 11
 W_харж NOM 13 буруу 13
 ~ INSTR 12 нүдээр 12
 W_хийж NOM 62 хоол 36; ~ = ажил 15; ~ = цай 11
 ~ {PART} & ABS-NOM 15 юу 15
 ~ NOM & DAT 9 унд 9
 W_хийх_вэ {PART} & ABS-NOM 10 юу 10
 W_хоёр_нь NOM 11 нөгөө 11
 W_хойно NOM & PC.PRF-NOM 11 өнгөрсөн 11
 W_хойноос NOM 10 баруун 10
 W_хойш ABL 48 үүнээс 33; ~ = үдээс 15
 ~ PC.PRF-ABL 43 болсноос 15; ~ = ирснээс 15;
 ~ = явснаас 13
 ~ NOM 10 баруун 10
 W_хувь GEN-NOM 11 хүний 11
 W_хувьд {TEMP}NOM & GEN-NOM 12 өнөөдрийн 12
 ~ PC.DUR-GEN-NOM 10 байгаагийн 10
 W_хэлж ABS-NOM 18 үг 18
 W_хэлэв INSTR 40 дуугаар 40
 W_хэлэх ABS-NOM 13 үг 13
 W_хэлэхэд ACC 21 үнэнийг 21
 ~ INSTR 9 өөрөөр 9
 W_хэлээд INSTR 15 дуугаар 15
 W_хэн_нь SBJ 13 хэн 13
 W_ч_үгүй SBJ 14 хэн 14
 ~ PC.PRF-NOM 27 удсан 27
 ~ PC.DUR-NOM 17 яагаа 17
 ~ ABS-NOM 13 нэг 13
 ~ {PART} & ABS-NOM 20 юу 20
 W_ч_алга {PART} & ABS-NOM 11 юу 11
 W_ч_байсан NOM 16 ямар 16
 W_ч_байтугай NOM 35 тэр 35
 W_ч_биш {PART} & ABS-NOM 12 юу 12
 W_ч_болсон {PART} & ABS-NOM 11 юу 11
 W_ч_л {PART} & ABS-NOM 19 юу 19
 W_ч_мэдэхгүй SBJ 12 хэн 12
 W_ч_юм {ADV} & CVB.ANT 11 яагаад 11
 W_ч_яахав NOM 11 тэр 11
 W_ч CVB.COND1 11 тэгвэл 11
 ~ {ADV}ESS1 9 хаана 9
 ~ ACC 26 хэнийг 14; ~ = юуг 12
 ~ GEN-ACC 16 хэдий 16
 ~ {PART} & CVB.MOD 16 даан 16
 ~ VF.IND.PROF-EMPH 146 гэлээ 136; ~ = яалаа 10
 ~ SBJ 379 би 180; ~ = хэн 107; ~ = чи 52; ~ = бид 30; ~ = та 10
 ~ ABL 37 хэнээс 19; ~ = хаанаас 9; ~ = юунаас 9
 ~ POSS.REFL 35 өөрөө 35
 ~ {ADV} & DAT-POSS.REFL 18 үнэндээ 18
 ~ {ADV}LAT-POSS.REFL 17 хаашаа 17
 ~ NOM 1003 ямар 242; ~ = бүр 92; ~ = улам 70; ~ = энэ 55; ~ = тийм 53; ~ = тэр 48; ~ = хүн 43; ~ = үнэхээр 39; ~ = хоёр 30; ~ = хичнээн 29; ~ = өчүүхэн 28; ~ = аль 27; ~ = ганц 26; ~ = огтхон 25; ~ = арай 24; ~ = сайхан 20; ~ = нээрэн 18; ~ = түүгээр 18; ~ = хүмүүс 18; ~ = хүү 13; ~ = өвгөн 11; ~ = нээрээ 10; ~ = олон 10; ~ = бүүр 9; ~ = балданцэрэн 9; ~ = дэжид 9; ~ = ийм 9; ~ = муу 9; ~ = явдал 9
 ~ PC.PRF-NOM 61 гэсэн 41; ~ = яасан 20
 ~ REL-NOM 10 юун 10
 ~ COM-NOM 40 юутай 26; ~ = хэнтэй 14
 ~ GEN-NOM 14 хэний 14
 ~ ABS-NOM 82 нэг 69; ~ = үг 13
 ~ NOM & ABS-NOM 20 юу 11; ~ = дуу 9
 ~ {PART} & ABS-NOM 256 юу 256
 ~ PC.US-NOM 12 гэдэг 12
 ~ {TEMP}NOM 190 хэзээ 113; ~ = одоо 77
 ~ {ADV}NOM 15 хаа 15
 ~ CVB.TERM 11 тэгтэл 11
 ~ {ADV} & CVB.CNGR 14 яаж 14
 ~ INSTR 12 юугаар 12
 ~ DAT 63 хэнд 49; ~ = юунд 14
 ~ CVB.ANT 67 тэгээд 67
 ~ {PART} 348 мөн 115; ~ = харин 92; ~ = бас 75; ~ = тун 52; ~ = маань 14
 W_чинь SBJ 152 би 59; ~ = чи 58; ~ = бид 18; ~ = та 17
 ~ NOM 448 энэ 202; ~ = тэр 66; ~ = аав 36; ~ = өвгөн 23; ~ = хүү 22; ~ = хүн 22; ~ = ах 20; ~ = бие 19; ~ = нөхөр 15; ~ = ээж 12; ~ = эцэг 11
 ~ {LOC}ESS1-NOM 13 цаана 13
 ~ PL3-NOM 20 тэд 10; ~ = эд 10
 ~ PC.PRF-NOM 54 гэсэн 30; ~ = тэгсэн 24
 ~ GEN-NOM 11 юуны 11
 ~ PC.PROSP-NOM 50 наадах 29; ~ = цаадах 21
 ~ ABS-NOM 11 нүд 11

- ~ **PC.US-NOM 122** гэдэг 122
 ~ **DAT 10** энд 10
W_шүү_дээ **NOM 40** хүн 31; ~ = амьтан 9
 ~ **CAR-NOM 9** аргагүй 9
W_шүү VF.IND.PRS1 45 гэнэ 33; ~ = орхино 12
 ~ **NOM 61** хүн 42; ~ = амьтан 10; ~ = сайхан 9
 ~ **PC.US-NOM 27** гэдэг 27
 ~ **{PART} 11** үгүй 11
W_шиг NOM & POSS.REFL 11 согоо 11
 ~ **NOM 378** хүн 87; ~ = хүүхэд 62; ~ = чам 31;
 ~ = шувуу 24; ~ = чулуу 18; ~ = морь 16; ~ = цэцэг
 16; ~ = сар 15; ~ = гал 13; ~ = хоёр 12; ~ = чоно 12;
 ~ = зураг 11; ~ = мал 11; ~ = нохой 11; ~ = тэнгэр
 11; ~ = могой 10; ~ = гол 9; ~ = сүүдэр 9
 ~ **ABS-NOM & NOM 42** мод 26; ~ = уул 16
 ~ **PC.PRF-NOM 79** гэсэн 79
 ~ **REL-NOM 12** түүн 12
 ~ **PC.PROSP-NOM 45** гэх 45
 ~ **ABS-NOM 33** ус 18; ~ = нүд 15
 ~ **NOM & ABS-NOM 75** сүм 26; ~ = од 16;
 ~ = сүү 11; ~ = цас 11; ~ = дуу 11
 ~ **DAT 42** над 42
 ~ **NOM & DAT 11** бүргэд 11
 ~ **ABS-NOM & DAT 11** зүүд 11
W_энэ нь CVB.TERM 9 гэтэл 9
W_эргэн ACC 11 шарилыг 11
W_ээ VF.IND.PRS1 16 гэнэ 16
 ~ **NOM 209** тийм 153; ~ = ээж 27; ~ = хэрэг 18;
 ~ = тэр 11
 ~ **NOM & CAR-NOM 13** гайгүй 13
 ~ **{PART} 105** үгүй 92; ~ = харин 13
W_юм бэ PC.PRF-NOM 9 гэсэн 9
 ~ **{PART} & ABS-NOM 18** юу 18
 ~ **PC.US-NOM 21** яадаг 21
 ~ **NOM & PC.US-NOM 10** болдог 10
W_юм даа NOM 21 хүн 12; ~ = эр 9
W_юм уу PC.PROSP-NOM 17 гэх 17
W_юм шиг NOM 10 ихэр 10
 ~ **PC.PRF-NOM 45** гэсэн 27; ~ = болчихсон 9;
 ~ = мэдсэн 9
 ~ **PC.DUR-CAR-NOM 15** болоогүй 15
W_юм NOM 352 бүх 48; ~ = өөр 42; ~ = хүн 41;
 ~ = их 31; ~ = сайхан 26; ~ = муу 24; ~ = олон 19;
 ~ = тийм 16; ~ = ийм 15; ~ = дэмий 14; ~ = со-
 нин 12; ~ = улс 11; ~ = амьтан 11; ~ = хачин 11;
 ~ = хэцүү 11; ~ = сайн 10; ~ = хамаг 10
 ~ **PL3-NOM 9** эд 9
 ~ **PC.PRF-NOM 100** гэсэн 73; ~ = мэдсэн 18;
 ~ = орхисон 9
 ~ **NOM & PC.PRF-NOM 10** үлдсэн 10
 ~ **COM-NOM 30** хэрэгтэй 17; ~ = ёстой 13
 ~ **PC.PROSP-NOM 49** идэх 18; ~ = гэх 16;
 ~ = санагдах 15
 ~ **CAR-NOM 9** аргагүй 9
 ~ **PC.US-CAR-NOM 15** байдаггүй 15
 ~ **NOM & CAR-NOM & PC.US-CAR-NOM 23**
 болдоггүй 23
 ~ **ABS-NOM 74** нэг 74
 ~ **PC.US-NOM 128** гэдэг 41; ~ = яадаг 25; ~ = ир-
 дэг 15; ~ = санагддаг 11; ~ = авдаг 9; ~ = суудаг 9;
 ~ = ургадаг 9; ~ = хийдэг 9
 ~ **NOM & PC.US-NOM 22** болдог 22
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 21** хар 21
 ~ **NOM & VF.IND.AOR 11** элдэв 11
W_яаж мэдэх вэ ACC & ACC 11 юмыг 11
W_яах вэ CAR-NOM 9 байлгүй 9
 ~ **{TEMP}NOM 11** одоо 11
 ~ **{COMM} 10** за 10
W_яахав CAR-NOM 18 байлгүй 18
 ~ **PC.MERIT1-CAR-NOM 24** тэгэлгүй 24
 ~ **{COMM} 47** за 47
W_яваа CVB.CNGR 10 унаж 10
W_явж байна уу NOM 9 сайн 9
W_явлаа NOM 14 зүг 14
 ~ **{TEMP}NOM 10** маргааш 10
 ~ **{LOC}LAT 11** цааш 11
W_явсаар CVB.CNGR 11 ингэж 11
 ~ **NOM & DAT 10** шууд 10
 ~ **VF.OPT.IMP & {ADV} & {ADV} 15** яв 15
W_явсан DAT-POSS.REFL 9 ажилдаа 9
W_ямар ч NOM 13 өөр 13
W_яриа ABS-NOM 18 үг 18
үүнийг W CVB.ANT 9 хараад 9
өөр W болов CAR-NOM 11 аргагүй 11
өөр W ч {PART} & ABS-NOM 21 юу 21
өөр W NOM 34 хүн 25; ~ = арга 9
 ~ **NOM & COM-NOM 11** хүнтэй 11
 ~ **CAR-NOM 30** аргагүй 19; ~ = юмгүй 11
 ~ **ABS-NOM 11** үг 11
 ~ **NOM & ABS-NOM 10** хариу 10
 ~ **{PART} & ABS-NOM 11** юу 11
 ~ **LAT 10** тийш 10
өнөөх W NOM 9 хүн 9
аль W нь GEN-ACC 18 хэдий 18
аль W {PART}CVB.CONDI 28 эсвэл 28
 ~ **NOM & POSS.REFL 11** хэдийнээ 11
 ~ **GEN-NOM 68** хэдийн 68
 ~ **{TEMP}NOM & ABS-NOM & A.COM-NOM**
& DAT 20 эрт 20
 ~ **{ADV} 13** хэр 13
бүү W VF.OPT.IMP 120 мэд 120
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 28** хэл 28
бүрэн W NOM 13 эрхт 13
бүх W нь NOM 21 бие 21
бүх W NOM 30 бие 12; ~ = гэр 9; ~ = цэрэг 9
бага W REL-ABL 12 наснаас 12
 ~ **NOM 37** зэрэг 28; ~ = балчир 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 11** үдийн 11
 ~ **NOM & ABS-NOM 10** нуур 10
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 11** сага 11
бас W NOM 53 чингис 29; ~ = дахин 14; ~ = хоёр
 10

~ CVB.ANT 61 тэгээд 61
 би W байна CVB.CNGR 11 мэдэж 11
 би W нь NOM 15 ер 15
 би W VF.IND.PRS1 15 мэднэ 15
 ~ ? 11 вээр 11
 ~ ACC 25 таныг 25
 ~ ABL 12 чамаас 12
 ~ POSS.REFL 40 өөрөө 31; ~ = чамайгаа 9
 ~ INSTR-POSS.REFL 9 ганцаараа 9
 ~ VF.OPT.VOL 10 явъя 10
 ~ NOM 24 хүн 15; ~ = хоёр 9
 ~ {TEMP}A.ATTEN1-NOM 9 одоохон 9
 ~ NOM & COM-NOM 11 хайртай 11
 ~ GEN-NOM 13 өөрийн 13
 ~ PC.PROSP-CAR-NOM 9 мэдэхгүй 9
 ~ {PART} & ABS-NOM 18 юу 18
 ~ {TEMP}NOM 37 одоо 26; ~ = өнөөдөр 11
 ~ {ADV} & CVB.CNGR 11 яаж 11
 ~ INSTR 11 зүгээр 11
 ~ DAT 22 танд 22
 ~ PC.PROSP-DAT 9 тэгэхэд 9
 би гэдэг W NOM 15 хүн 15
 бид W ACC 34 хоёрыг 34
 ~ NOM 264 хоёр 264
 ~ ABS-GEN-NOM 50 хоёрын 50
 ~ ABS-NOM 13 гурав 13
 ~ DAT 21 хоёрт 21
 битгий W NOM 9 уйл 9
 ~ NOM & VF.OPT.IMP 29 хэл 29
 бор W ABS-NOM & ABL 11 гөрөөс 11
 ~ NOM 22 морь 22
 ~ COM-NOM 11 царайтай 11
 буй W VF.OPT.IMP 33 заа 33
 ганц W POSS.REFL 9 хүүгээ 9
 ~ NOM 59 хоёр 21; ~ = бие 19; ~ = хүн 10; ~ = хүү 9
 гэв W {TEMP}NOM 18 гэнэт 18
 гэвч W NOM 28 балданцэрэн 19; ~ = хүн 9
 гэдэг W ACC 31 үгийг 31
 ~ NOM 101 газар 38; ~ = бодол 25; ~ = хүн 18;
 ~ = амьтан 11; ~ = нэр 9
 ~ COM-NOM 9 нэртэй 9
 ~ ABS-NOM 37 үг 37
 ~ {PART} 23 маань 23
 гэж W алдан NOM & ABS-NOM 29 дуу 29
 гэж W байв CVB.CNGR 9 бодож 9
 гэж W байлаа CVB.CNGR 12 бодож 12
 гэж W байна уу CVB.CNGR 12 бодож 12
 гэж W байна CVB.CNGR 34 бодож 34
 гэж W байсан CVB.CNGR 11 бодож 11
 гэж W болов NOM 63 зарлиг 63
 гэж W л CVB.ANT 10 ирээд 10
 ~ {PART} 9 мөн 9
 гэж W нь PC.PROSP-DAT 10 хэлэхэд 10
 гэж W хэлэв NOM 12 эрдэнэ 12
 гэж W хэлэхэд GEN-NOM 13 эрдэнийн 13

гэж W хэлээд A.COM-NOM 9 итгэлт 9
 гэж W юм PC.PRF-NOM 17 бодсон 17
 гэж W явлаа CVB.CNGR 11 бодож 11
 гэж W CVB.CONDI 15 асуувал 15
 ~ VF.IND.PRS1 144 бодно 77; ~ = санана 34;
 ~ = бодогдоно 23; ~ = явна 10
 ~ CVB.CONC 11 бодовч 11
 ~ CVB.MOD 164 хашиглан 33; ~ = гайхан 20;
 ~ = үзэн 19; ~ = шивнэн 17; ~ = бодогдон 13;
 ~ = өгүүлэн 12; ~ = хэлэн 11; ~ = баярлан 10;
 ~ = дуудан 10; ~ = инээмсэглэн 10; ~ = харамсан 9
 ~ NOM & CVB.MOD 142 бодон 129; ~ = яаран 13
 ~ VF.IND.PROF-EMPH 47 зүүдэллээ 15;
 ~ = хэллээ 13; ~ = ирлээ 10; ~ = ярилаа 9
 ~ POSS.REFL & VF.IND.PROF-EMPH 58 бод-
 лоо 46; ~ = сэтгэлээ 12
 ~ PC.DUR-NOM & VF.IND.PROF-EMPH 19
 асуулаа 19
 ~ VF.IND.RENARR-EMPH 29 боджээ 29
 ~ ABL 11 өөрөөсөө 11
 ~ PC.PROSP-ABL 45 бодохоос 45
 ~ POSS.REFL 54 нүдээ 13; ~ = үгээ 11; ~ = өөрөө 10;
 ~ = биеэ 10; ~ = нямаа 10
 ~ {LOC}ESS2-POSS.REFL 66 дотроо 66
 ~ PC.PRF-POSS.REFL 27 бодсоноо 27
 ~ DAT-POSS.REFL 24 өөртөө 24
 ~ REL-DAT-POSS.REFL 31 амандаа 31
 ~ PC.PROSP-DAT-POSS.REFL 17 бодохдоо 17
 ~ VF.OPT.RECOM 22 хэлээрэй 11; ~ = мэдээр-
 рэй 11
 ~ NOM 768 эрдэнэ 57; ~ = сэтгэл 52; ~ = өвгөн 40;
 ~ = бат 40; ~ = дахин 33; ~ = төмөр 32;
 ~ = балданцэрэн 23; ~ = хонгор 23; ~ = дорж 19;
 ~ = толгой 19; ~ = жаргал 18; ~ = огт 18;
 ~ = хоёр 18; ~ = ээж 18; ~ = долгор 16; ~ = жиг-
 тэйхэн 15; ~ = бүдүүн 14; ~ = бие 14; ~ = зар-
 лиг 13; ~ = хоолой 13; ~ = шонхолой 13; ~ = дол-
 жин 12; ~ = ер 12; ~ = баахан 11; ~ = дулмаа 11;
 ~ = хичнээн 11; ~ = өндөр 11; ~ = багш 11;
 ~ = баяр 11; ~ = ганзориг 11; ~ = данзан 11;
 ~ = залуу 11; ~ = сүхбаатар 11; ~ = хуяг 11;
 ~ = цамба 11; ~ = эмгэн 11; ~ = арай 10; ~ = до-
 вчин 10; ~ = худал 10; ~ = өлзий 9; ~ = павлов 9;
 ~ = сулхан 9; ~ = түгжил 9; ~ = хүн 9; ~ = хатуу 9;
 ~ = хэсэг 9
 ~ {TEMP}A.ATTEN1-NOM 13 аяархан 13
 ~ PC.PRF-NOM 106 бодсон 53; ~ = хэлсэн 27;
 ~ = алдаршсан 13; ~ = ирсэн 13
 ~ NOM & REL-NOM 12 чулуун 12
 ~ A.COM-NOM 48 итгэлт 48
 ~ PC.PROSP-NOM 57 хэлэх 26; ~ = бодох 21;
 ~ = хашиграх 10
 ~ PC.DUR-NOM 19 яваа 19
 ~ ABS-NOM 52 ам 23; ~ = санаа 18; ~ = үг 11
 ~ NOM & ABS-NOM 62 дуу 47; ~ = хариу 15

~ **{PART} & ABS-NOM 13** юу 13
 ~ **PC.US-NOM 50** боддог 26; ~ = үздэг 13;
 ~ = нэрлэдэг 11
 ~ **{TEMP}NOM 29** гэнэт 17; ~ = үргэлж 12
 ~ **CVB.TERM 27** бодтол 18; ~ = хэлтэл 9
 ~ **VF.OPT.IMP 11** мэд 11
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 21** хэл 11; ~ = хар 10
 ~ **CVB.CNGR 67** бодож 49; ~ = хэлж 18
 ~ **ABS-NOM & CVB.CNGR 16** бадарч 16
 ~ **VF.IND.AOR 368** бодов 99; ~ = асуув 77;
 ~ = хэлэв 60; ~ = хашиграв 36; ~ = хариулав 25;
 ~ = илгээв 11; ~ = тушаав 11; ~ = шивнэв 11;
 ~ = шивэгнэв 11; ~ = бодогдов 9; ~ = дуудав 9;
 ~ = оролдов 9
 ~ **NOM & VF.OPT.JUSS 9** бараг 9
 ~ **NOM & DAT 11** шууд 11
 ~ **{ADV} & DAT 9** ихэд 9
 ~ **PC.PRF-DAT 12** асуусанд 12
 ~ **PC.PROSP-DAT 117** бодоход 61; ~ = асуухад
 34; ~ = хэлэхэд 22
 ~ **CVB.ANT 329** бодоод 163; ~ = хэлээд 99;
 ~ = хашигараад 23; ~ = үзээд 13; ~ = санаад 11;
 ~ = шийдээд 11; ~ = яваад 9
 ~ **DAT & CVB.ANT 9** оролдоод 9
 ~ **CVB.PERSEV 16** бодсоор 16
 ~ **{PART} 9** үгүй 9
 гэнэ_ **W 0** 18 лээ 18
 гэсэн_ **W_вэ ABS-NOM 28** үг 28
 гэсэн_ **W ACC 10** үгийг 10
 ~ **NOM 47** бодол 36; ~ = хэрэг 11
 ~ **COM-NOM 13** бололтой 13
 ~ **NOM & COM-NOM 22** янзтай 13; ~ = утга-
 тай 9
 ~ **ABS-NOM 108** үг 108
 гэтэл_ **W {TEMP}NOM 48** одоо 27; ~ = гэнэт
 11; ~ = өнөөдөр 10
 гэтэл_ **нэг W NOM 11** өдөр 11
 гэх_ **W NOM 30** зэрэг 30
 ~ **GEN-NOM 17** мэтийн 17
 ~ **INSTR 34** зэргээр 25; ~ = мэтээр 9
 ~ **{PART} 9** буюу 9
 гэхэд_ **W NOM 27** өвгөн 14; ~ = хүү 13
 гээд_ **W нь {LOC}LAT 9** цааш 9
 гээд_ **W POSS.REFL 27** үгээ 18; ~ = нүдээ 9
 ~ **NOM & POSS.REFL 11** дулмаа 11
 ~ **NOM 188** эрдэнэ 40; ~ = төмөр 27; ~ = бат
 19; ~ = хонгор 14; ~ = жаргал 13; ~ = гэрэл
 12; ~ = өвгөн 11; ~ = дахин 11; ~ = жамбал 11;
 ~ = петр 11; ~ = сүхбаатар 10; ~ = түгжил 9
 ~ **A.COM-NOM 35** итгэлт 35
 ~ **ABS-NOM 13** санаа 13
 ~ **CVB.CNGR 11** гарч 11
 ~ **ABS-NOM & CVB.CNGR 11** бадарч 11
 ~ **VF.IND.AOR 14** инээмсэглэв 14
 ~ **{LOC}LAT 13** цааш 13
 зарим_ **W NOM 36** хүмүүс 13; ~ = газар 12;

~ = хүн 11
 ийм_ **W NOM 41** сайхан 32; ~ = том 9
 ~ **ABS-NOM 17** үг 17
 ~ **DAT 18** үед 18
 их_ **W NOM & POSS.REFL & VF.IND.PROF-
 EMPH 11** баярлалаа 11
 ~ **NOM 83** амар 27; ~ = жанжин 18; ~ = сургу-
 уль 18; ~ = баяр 11; ~ = хэрэг 9
 ~ **GEN-NOM 42** талын 12; ~ = зохиолчийн 11;
 ~ = хурлын 10; ~ = усны 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 24** сургуулийн 15; ~ = бу-
 уны 9
 ~ **NOM & GEN-NOM & REL-GEN-NOM 18**
 мөрний 18
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP & ABS-NOM 13** буу 13
 манай_ **W NOM 37** багш 15; ~ = хоёр 12; ~ = муу
 10
 ~ **GEN-NOM 11** нутгийн 11
 ~ **NOM & GEN-NOM & GEN-NOM 16** ангийн
 16
 маш_ **W NOM 26** сайн 16; ~ = сайхан 10
 миний_ **W ACC 21** үгийг 11; ~ = сэтгэлийг 10
 ~ **{LOC}ESS1-ABL 12** хойноос 12
 ~ **NOM 297** хүү 103; ~ = бие 38; ~ = дүү 26;
 ~ = нутаг 19; ~ = нэр 18; ~ = охин 18; ~ = аав 17;
 ~ = өвгөн 14; ~ = хоёр 13; ~ = муу 11; ~ = ард 10;
 ~ = сэтгэл 10
 ~ **NOM & PC.PRF-NOM 26** төрсөн 26
 ~ **NOM & ABS-NOM 10** эх 10
 ~ **{POST.REL}NOM 10** төлөө 10
 ~ **DAT 18** сэтгэлд 18
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP & A.COM-NOM &
 DAT 9** хайрт 9
 ~ **REL-DAT 11** нүдэнд 11
 ~ **PC.PROSP-DAT 12** бодоход 12
 нөгөө_ **W ABL 10** талаас 10
 ~ **NOM 61** хоёр 27; ~ = хүн 25; ~ = муу 9
 ~ **GEN-NOM 10** талын 10
 ~ **INSTR 49** талаар 49
 ~ **DAT 15** талд 15
 нэг_ **W нь NOM 9** хэсэг 9
 ~ **ABS-INSTR 13** нэгээр 13
 нэг_ **W чинь PC.PRF-NOM 9** харсан 9
 нэг_ **W ACC 38** бүрийг 18; ~ = хүнийг 11;
 ~ = зүйлийг 9
 ~ **PC.DMIN-POSS.REFL 21** мэдэхнээ 21
 ~ **DAT-POSS.REFL 9** хэсэгтээ 9
 ~ **NOM 615** өдөр 125; ~ = хэсэг 106; ~ = хүн 89;
 ~ = үе 50; ~ = том 43; ~ = муу 42; ~ = хоёр 28;
 ~ = залуу 26; ~ = сайн 24; ~ = зэрэг 20; ~ = га-
 зар 15; ~ = сайхан 15; ~ = шөнө 12; ~ = эр 11;
 ~ = хүүхэд 9
 ~ **REL-NOM 11** мөсөн 11
 ~ **GEN-NOM 41** хүний 20; ~ = ёсны 11; ~ = бод-
 лын 10

- ~ **ABS-NOM 18** өглөө 18
 ~ **NOM & ABS-NOM 30** сум 11; ~ = аяга 10;
 ~ = ишл 9
 ~ **{TEMP}NOM 18** орой 18
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 14** хар 14
 ~ **INSTR 26** талаар 26
 ~ **DAT 11** хүнд 11
 ~ **PC.PROSP-DAT 115** мэдэхэд 95; ~ = харахад 11; ~ = бодоход 9
 нэгэн_ **W NOM 145** өдөр 42; ~ = зэрэг 34; ~ = хэсэг 33; ~ = сайхан 15; ~ = зүйл 11; ~ = том 10
 ~ **GEN-NOM 12** бодлын 12
 ~ **ABS-NOM 9** өглөө 9
 ~ **DAT 40** цагт 40
 олны_ **W {LOC}ABL 9** дундаас 9
 олон_ **W өмнө GEN-NOM 9** жилийн 9
 олон_ **W NOM 149** жил 53; ~ = хүн 47; ~ = хоног 24; ~ = дахин 14; ~ = сайхан 11
 ~ **REL-NOM 51** таван 17; ~ = түмэн 14; ~ = зуун 11; ~ = анчин 9
 ~ **GEN-NOM 68** хүний 26; ~ = жилийн 25; ~ = улсын 17
 ~ **NOM & GEN-NOM & GEN-NOM 11** өнгийн 11
 түүний_ **W ACC 15** сэтгэлийг 15
 ~ **NOM & ABL 10** араас 10
 ~ **{LOC}ESS1-ABL 19** хойноос 19
 ~ **{LOC}ESS1-NOM 13** хойно 13
 ~ **DAT 9** оронд 9
 ~ **REL-DAT 9** нүдэнд 9
 түүнээс_ **W {LOC}LAT 64** хойш 55; ~ = цааш 9
 та_ **W ACC 11** хоёрыг 11
 ~ **ACC & ACC 44** нарыг 44
 ~ **POSS.REFL 10** өөрөө 10
 ~ **NOM 70** хоёр 70
 ~ **GEN-NOM 9** бүхний 9
 ~ **ABS-GEN-NOM 15** хоёрын 15
 ~ **{PART} & ABS-NOM 18** юу 18
 ~ **{TEMP}NOM 17** одоо 17
 ~ **DAT 10** бүхэнд 10
 ~ **NOM & A.COM-NOM & DAT 41** нарт 41
 ~ **CVB.ANT 9** тэгээд 9
 тас_ **W CVB.MOD 10** анин 10
 ~ **NOM 53** няс 40; ~ = харанхуй 13
 ~ **CVB.TERM 9** хийтэл 9
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 17** хар 17
 тийм_ **W NOM 40** том 17; ~ = сайхан 13; ~ = хүн 10
 тун_ **W NOM 28** сайн 17; ~ = сайхан 11
 ~ **{TEMP}DMIN-NOM 12** саяхан 12
 тэр_ **W хойш ABL 18** цагаас 18
 тэр_ **W PC.PROSP-QUEST(S) 10** яахав 10
 ~ **ACC 78** хоёрыг 31; ~ = хүнийг 20; ~ = үгийг 18; ~ = бүрийг 9
 ~ **{LOC}ABL 33** дундаас 33
 ~ **POSS.REFL 23** зуураа 14; ~ = дороо 9
 ~ **NOM & POSS.REFL 11** тусмаа 11
 ~ **{LOC}A.ATTEN1-POSS.REFL 13** дорхноо 13
 ~ **NOM & INSTR-POSS.REFL 20** чигээрээ 20
 ~ **NOM & DAT-POSS.REFL 25** мөртөө 25
 ~ **{LOC}POSS.REFL 9** дундаа 9
 ~ **{TEMP}POSS.REFL 14** аяараа 14
 ~ **NOM 574** хоёр 166; ~ = хүн 92; ~ = шөнө 43; ~ = өдөр 41; ~ = зүг 33; ~ = сайхан 31; ~ = жил 23; ~ = том 23; ~ = завсар 18; ~ = муу 18; ~ = залуу 16; ~ = эр 13; ~ = даруй 12; ~ = зун 12; ~ = зуур 12; ~ = ойн 11; ~ = намар 10
 ~ **GEN-NOM 78** хүний 29; ~ = үеийн 14; ~ = цагийн 13; ~ = жилийн 11; ~ = уулын 11
 ~ **NOM & GEN-NOM 18** өдрийн 18
 ~ **ABS-GEN-NOM 26** хоёрын 26
 ~ **ABS-NOM 22** гурав 12; ~ = өглөө 10
 ~ **{TEMP}NOM 34** орой 34
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP 11** хар 11
 ~ **INSTR 18** ёсоор 18
 ~ **DAT 109** цагт 60; ~ = үед 38; ~ = хүнд 11
 ~ **{PART} 14** маань 14
 хамаг_ **W нь NOM 23** бие 23
 хамаг_ **W {PART}EMPH & POSS.REFL 11** юмаа 11
 ~ **NOM 28** бие 19; ~ = хэрэг 9
 хамгийн_ **W нь NOM 13** гол 13
 хамгийн_ **W NOM 10** сайхан 10
 ~ **NOM & REL-NOM 29** түрүүн 29
 ~ **NOM & VF.OPT.IMP & DAT 10** сүүлд 10
 ~ **NOM & DAT & DAT 22** түрүүнд 22
 харин_ **W {TEMP}NOM 15** одоо 15
 хэд_ **W дараа NOM & GEN-NOM 11** хоногийн 11
 хэд_ **W NOM 95** дахин 48; ~ = хоног 47
 ~ **REL-NOM 15** гурван 15
 хэдэн_ **W өмнө GEN-NOM 30** жилийн 30
 хэдэн_ **W дараа NOM & GEN-NOM 30** өдрийн 19; ~ = хоногийн 11
 хэдэн_ **W POSS.REFL 9** малаа 9
 ~ **NOM 162** хүн 40; ~ = жил 33; ~ = давхар 26; ~ = өдөр 20; ~ = хоног 17; ~ = том 14; ~ = сар 12
 ~ **REL-NOM 79** зуун 40; ~ = арван 25; ~ = мянган 14
 ~ **COM-NOM 11** морьтой 11
 ~ **GEN-NOM 9** хүний 9
 ~ **NOM & GEN-NOM 12** өдрийн 12
 ~ **ABS-NOM 26** үг 26
 хэн_ **W вэ PC.PROSP-NOM 11** мэдэх 11
 хэн_ **W VF.IND.PROF-EMPH 22** мэдлээ 22
 ~ **GEN-NOM 20** хүний 11; ~ = бүхний 9
 ~ **REL-GEN-NOM 11** нэгний 11
 ~ **VF.OPT.JUSS 18** байг 18
 ~ **DAT 9** бүхэнд 9
 чи_ **W байна {ADV} & CVB.CNGR 10** яаж 10

чи_ *W* нь NOM 14 *ер* 14
 чи_ *W* POSS.REFL 19 *өөрөө* 19
 ~ NOM 11 *муу* 11
 ~ PC.PRF-NOM 12 *яасан* 12
 ~ CVB.MOD & REL-NOM 11 *бидэн* 11
 ~ {PART} & ABS-NOM 33 *юу* 33
 ~ {TEMP}NOM 19 *одоо* 19
 ~ INSTR 17 *зүгээр* 17
 ~ DAT 13 *юунд* 13
 ~ CVB.ANT 18 *тэгээд* 18
 ~ {ADV} & CVB.ANT 20 *яагаад* 20
 чи_ *бид* *W* NOM 42 *хоёр* 42
 ~ ABS-GEN-NOM 11 *хоёрын* 11
 эд_ *W* NOM 12 *хөрөнгө* 12
 энд_ *W* нь DAT 9 *тэнд* 9
 энд_ *W* DAT-ABL 11 *тэндээс* 11
 ~ DAT-CAR-NOM 28 *тэндгүй* 28
 ~ CVB.CNGR 9 *ирж* 9
 ~ DAT 70 *тэнд* 70
 энд_ *намайг* *W* PC.PROSP-DAT 11 *ирэхэд* 11
 энэ_ *W* бол NOM 10 *хүн* 10
 энэ_ *W* дээр NOM 9 *хорвоо* 9
 энэ_ *W* ACC 162 *үгийг* 68; ~ = *тэрийг* 49;
 ~ = *хүнийг* 26; ~ = *дууг* 10; ~ = *хоёрыг* 9
 ~ VF.IND.RENARR-EMPH 11 *ажээ* 11
 ~ {PART}ABL 50 *учраас* 50
 ~ POSS.REFL 9 *бүхнээ* 9
 ~ REL-DAT-POSS.REFL 9 *насанд* 9
 ~ NOM 577 *хоёр* 83; ~ = *хүн* 67; ~ = *зуур* 52;
 ~ = *муу* 51; ~ = *жил* 50; ~ = *даруй* 47; ~ = *сайхан*
 42; ~ = *өдөр* 26; ~ = *шөнө* 21; ~ = *газар* 20; ~ = *дэл-*
хийн 17; ~ = *явдал* 15; ~ = *лав* 13; ~ = *хүүхэн* 12;
 ~ = *муусайн* 11; ~ = *том* 11; ~ = *хүү* 11; ~ = *за-*
всар 10; ~ = *өвгөн* 9; ~ = *хэрэг* 9
 ~ ABS-NOM & NOM 11 *уул* 11
 ~ REL-NOM 11 *гурван* 11
 ~ GEN-NOM 48 *хүний* 22; ~ = *уулын* 14; ~ = *хор-*
воогийн 12
 ~ NOM & GEN-NOM 24 *өдрийн* 13; ~ = *айлын*
 11
 ~ ABS-GEN-NOM 19 *хоёрын* 19
 ~ ABS-NOM 42 *үг* 33; ~ = *гурав* 9
 ~ {LOC}NOM 20 *хооронд* 20
 ~ {TEMP}NOM 11 *орой* 11
 ~ NOM & VF.OPT.IMP 13 *хар* 13
 ~ INSTR 22 *үеэр* 11; ~ = *мэтээр* 11
 ~ DAT 198 *үед* 95; ~ = *дэлхийд* 22; ~ = *үгэнд*
 21; ~ = *удаад* 21; ~ = *хүнд* 17; ~ = *хорвоод* 13;
 ~ = *бүхэнд* 9
 ~ A.COM-NOM & DAT 11 *нутагт* 11
 ~ REL-DAT 17 *насанд* 17
 ~ {POST.REL}DAT 17 *тухайд* 17
 ~ {PART} 18 *маань* 18
 ~ {ADV} 11 *хэр* 11
 эс_ *W* VF.IND.PRS1 9 *чадна* 9
 ямар_ *W* NOM 32 *сайхан* 22; ~ = *хүн* 10

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- 1947 — Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л.: Учпедгиз, 1947. 784 с. [Vinogradov V. V. *Russkiy yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian language. A grammatical teaching about the Word]. Moscow; Leningrad: Uchpedgiz, 1947. 784 p.].
 1965 — Гак В. Г. Десемантизация языкового знака в аналитических структурах синтаксиса // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л.: Наука, 1965. С. 129–143. [Gak V. G. Desemantization of a language sign in syntactical analytical structures. *Analiticheskie konstruksii v yazykakh razlichnykh tipov* [Analytical constructions in languages of various types]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 129–143].
 1976 — Жирмунский В. М. Об аналитических конструкциях (1963) // Жирмунский В. М. Общее и германское языкознание. Л.: Наука, ЛО, 1976. С. 82–125. [Zhirmunsky V. M. About analytical constructions (1963). *Obschee i germanskoe yazykoznanie* [General and German linguistics]. Leningrad: Nauka, 1976. Pp. 82–125].
 1948 — Кацнельсон С. Д. О грамматической категории // Вестник ЛГУ, 1948, № 2. С. 114–134. [Katsnelson S. D. About the grammatical category. *Vestnik LGU*. 1948. No. 2. Pp. 114–134].
 1986 — Кацнельсон С. Д. Общее и типологическое языкознание. Л.: Наука, 1986. 298 с. [Katsnelson S. D. *Obschee i tipologicheskoe yazykoznanie* [General and typological linguistics]. Leningrad: Nauka, 1986. 298 p.].
 Крылов 2014 — Крылов С. А. Теоретическая грамматика монгольского языка и смежные проблемы общей лингвистики: (в 6 ч.) Ч. 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на базе Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука, Вост. лит. 2014. 637 с. [Krylov S. A. *Teoreticheskaya grammatika mongol'skogo yazyka i smezhnye problemy obschey lingvistiki: (v 6 ch.) Ch. 2. Struktturno-veroyatnostnaya model' sovremennogo mongol'skogo yazyka (na baze General'nogo korpusa sovremennogo mongol'skogo yazyka)* [Mongolian theoretical grammar and related issues of general linguistics. In 6 vol. Vol. 2: A structural and probabilistic model of modern Mongolian (a case study of the General Corpus of Modern Mongolian)]. Moscow: Nauka, Vost. Lit., 2014. 637 p.].

- 1975 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. пособие для филол. специальностей университетов. М.: Высшая школа, 1975. 328 с. [Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie: Ucheb. posobie dlya filol. spetsial'nostey universitetov* [An introduction to linguistics. A textbook for philology students]. Moscow: Vysshaya Shkola, 1975. 328 p.]
- 1987 — Маслов Ю. С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1987. 272 с. [Maslov Yu. S. *Vvedenie v yazykoznanie: Ucheb. dlya filol. spets. vuzov*. 2nd ed., rev. and suppl. Moscow: Vysshaya Shkola, 1987. 272 p.]
- Meйе 1912 — Meillet, Antoine. L'évolution des formes grammaticales. *Scientia (Rivista di scienza)*. Vol. XII. 1912. No. XXVI, 6 (Reprinted in: Meillet, Antoine. *Linguistique historique et linguistique generale*. Paris: Champion; Geneva: Slatkine, 1982. 335 p. (Pp.130–149)).

УДК 811.512.3

Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ

Сергей Александрович Крылов¹

¹ доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация). E-mail: krylov-58@mail.ru

Аннотация. В работе сделана попытка измерить употребительность аналитических словоформ монгольского языка. Эвристически наиболее плодотворным признаётся «широкий» подход к аналитическим конструкциям, представленный в т.н. теории «грамматикализации» или «грамматизации»; но этот подход должен быть дополнен количественными методами, разработанными в корпусной лингвистике. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. На его материале изучены наиболее употребительные аналитические словоформы. Словоформы представлены в прямом алфавитном порядке аналитических структурных моделей, внутри него — в инверсионном порядке синтетических грамматем, входящих в аналитические грамматемы, а внутри этого порядка — в ранговом порядке убывания частот. Приведены наиболее употребительные аналитические словоформы, абсолютная частотность которых превышает 10 вхождений, а относительная — 9 ipm. Таких словоформ в корпусе ГКМЯ-1а насчитывается 1818.

В настоящей работе ставится задача измерить употребительность аналитических форм монгольского языка. Одна из главных трудностей такого исследования заключается в том, что границы самого инвентаря аналитических форм не вполне ясны. По-видимому, это множество имеет диффузную природу, то есть его границы расплывчаты. Тем не менее они поддаются исследованию достаточно точными методами, если эти методы будут иметь характер, адекватный своему реальному объекту, то есть количественный характер. Для этого необходимо на некотором первичном этапе исследования условиться, какие именно формально диагностируемые признаки есть у аналитических форм.

Представляется, что эвристически наиболее плодотворный подход к аналитическим формам — так называемый «широкий» подход, представленный в т. н. теории «грамматикализации», а также «грамматизации» (в отечественном языкознании), например, работами В. В. Виноградова, С. Д. Кацнельсона, В. М. Жирмунского, В. Г. Гака, Ю. С. Маслова и других авторов. Но эти авторы при выделении аналитических форм не прибегают к количественным (статистическим, квантитативным) методам, ограничиваясь характеристикой семантической и синтаксической специфики аналитических конструкций, образуемых этими аналитическими формами; таким образом, встаёт вопрос о применимости вероятностно-дистрибутивного подхода к самой процедуре выделения аналитических форм.

Целью данной работы будет первичная квантитативная систематизация материала монгольского языка на материале специально разработанного автором Генерального корпуса современного монгольского языка (ГКМЯ-1а), представленного в ряде предшествующих публикаций автора.

Изложение материала будет наиболее наглядным, если мы представим его в словарной форме.

Ключевые слова: монгольский язык, корпусная лингвистика, количественные методы в лингвистике, аналитические конструкции, аналитические формы

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 102–109, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-102-109
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 811.512

Horse Coat Colors: Investigating Yakut and Mongolian Lexical Parallels

*Ninel V. Malysheva*¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Associate Professor, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of Northeast Russia, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

*Alla E. Bozhedonova*²

² Graduate Student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of Northeast Russia, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

*Yana E. Starostina*³

³ Postgraduate Student, Institute of Languages and Cultures of the Peoples of Northeast Russia, North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russian Federation). E-mail: namina-s@mail.ru

Abstract. The article aims to identify some phonostructural and lexical-semantic features of the Yakut-Mongolian lexical parallels denoting horse coat colors. It is known that the horse is a sacred animal in the Yakut and Mongolian cultures and, therefore, horse breeding terminology is elaborate and rich enough in both the languages. The study of words denoting horse coat colors, thus, would facilitate revealing some questions of the historical development of the Yakut language. In furtherance of this goal, the paper applies several research methods of, the main ones being those involving component and distributive analysis. The component analysis was used to reveal lexical-semantic features of such parallels. The lexemes were divided into three groups, namely: a) those characterized by stability of the lexical meaning of the word; b) those with a partial coincidence of the lexical meaning of the word; c) those featured by a noticeable change in the lexical meaning of the word. The distributive analysis showed the phonostructural features of adjectives denoting horse coat colors, and also revealed ethnocultural differences and similarities. As a result of the study, 13 Yakut-Mongolian parallels have been discovered. As is known, there are about 200 horse coat colors, and to distinguish between them different nations use their complex adjectives. Therefore, the revealed Yakut-Mongolian parallels are divided into 2 categories: one-component (9) and two-component (4). The analysis of the structural type of one-component lexical parallels concluded that 4 out of 9 parallels were subjected to structural changes. Of the 5 parallels with absolute structural coincidences there are three Yakut stems — *saalir*, *buulur*, *kyreng* — that are most probably late borrowings from the Mongolian language. This assumption is based on the criterion developed by professor V. I. Rassadin. The component analysis has shown that preservation of the stability of lexical meanings is noted in 31 % (4) of the parallels, some slight lexical changes occurred in 39 % (5), and notable lexical changes — in 31 % (4). The investigation of lexical meanings and phonetic structures of the borrowed stems in the Yakut language leads to a consistent conclusion that the Mongolian tribes from which the Yakuts had borrowed a large number of horse and cattle breeding, haymaking terms — had mastered livestock breeding activities much earlier than the Yakut people.

Keywords: horse coat color, comparative study, lexical and semantic features, lexical parallels, stable lexical meanings, one-component stems, two-component stems

Вопрос происхождения и исторического развития якутского языка до настоящего времени остается одним из актуальных и недостаточно изученных аспектов исследования, требующих системного изучения с привлечением дополнительного языкового материала из других родственных и неродственных языков в сравнительно-сопоставительном и типологическом планах в диахроническом и синхроническом срезах.

Гипотезу о нетюркском происхождении якутского языка впервые выдвинул В. В. Радлов, разделив историческое развитие якутского языка на три этапа, причем якутский рассматривался им как наречие монгольского языка [Radloff 1908]. Предложенная В. В. Радловым идея не нашла сторонников. Но при этом в работах исследователей тюркских и монгольских языков — В. И. Рассадина [Рассадин 1980], Е. И. Убрятовой [Убрятова 2011], Ст. Калужинского [Калужинский 1961], Н. К. Антонова [Антонов 1971], П. А. Слепцова [Слепцов 2008], Г. Г. Левина [Левин 2013], С. Д. Егиновой [Егинова 2014], А. Е. Шамаевой [Шамаева 2012] отмечается определенное влияние монгольского языка на историческое развитие якутского языка.

А. И. Гоголев отмечает длительные якутско-бурятские (монгольские) контакты в Предбайкалье с середины I тыс. н. э. [Гоголев 1993: 58–63]. Он подчеркивает, что следствием данных контактов являются не только монголизмы в якутском языке. Основная часть тюркизмов в бурятском языке была заимствована из праякутского языка.

По мнению В. И. Рассадина, в период с XIII по XIV (даже до XVI) вв. произошло мощное влияние неуставленного восточномонгольского языка на якутский язык [Рассадин 1977: 90]. По всей вероятности, это основное соприкосновение произошло на Верхней (в курыканское время) и Средней Лене с уже освоившими край монголоязычными племенами, с которыми якуты могли сосуществовать в условиях двуязычия длительное время [Якуты (Саха) 2013: 60].

Якутскими историками предпринимается попытка разрешения вопроса о месте и времени якутско-монгольских контактов, которые повлияли на сильное изменение звукового строя якутского языка: восстановлены звуки *д*, *дь*, *ч*, *л*, *н*; увулярные *х*, *б* употребляются с широкими гласными, заднеязычные *к*, *г* — с узкими гласны-

ми [Слепцов 2008: 110]. Кроме этого, под влиянием монголоязычных племен в древнеякутский период (XI–XIII вв.) в лексику якутского языка вошли многочисленные глаголы, образные слова со всей системой живых морфологических форм. В результате этого процесса было установлено, что в активной лексике якутского языка имеется свыше 2 500 монгольских слов, среди которых много образных слов, глаголов, прилагательных, в том числе наименований, обозначающих масти лошади [Слепцов 2008: 110–111]. Предполагается, что в этот период основные фонетические, морфологические закономерности, грамматический строй якутского языка укрепились и сохранились до настоящего времени.

Таким образом, вопрос отношения монгольского языка к историческому развитию и происхождению якутского языка до сих пор остается дискуссионным. В последнее время назрела очевидная необходимость ревизии, переоценки и усовершенствования ранее выдвинутых генеалогических гипотез по рассмотрению данного вопроса. В этой связи особое значение имеет изучение наименований мастей лошади в якутском и монгольском языках, так как большая часть якутской скотоводческой и коневодческой лексики была заимствована из монгольского языка. Лошадь в национальной картине мира двух народов имеет особое значение, определяются не только как средство передвижения, но и как основной источник жизненной необходимости.

В работе были использованы следующие основные методы исследования: 1) компонентный анализ, предполагающий выявление семантической структуры слова с помощью разделения его лексического значения на три группы: а) устойчивость лексического значения слова; б) частичное совпадение лексического значения слова; в) заметное изменение лексического значения слова; 2) дистрибутивный анализ, основанный на изучении окружения рассматриваемых прилагательных, который позволяет выявить различные значения и оттенки значений имен прилагательных; выявление структурных особенностей лексических параллелей по следующим трем показателям: а) абсолютное совпадение (например, [CVC]=[CVC]); б) частичное совпадение (например, [CVC]→[CV:C]); в) подвергшиеся структурным изменениям (например, [CVC]→[VCC]). В работе также были ис-

пользованы методы сравнительно-сопоставительного анализа, позволяющие выявить общее и специфическое в рассматриваемых языках. Также применяется количественно-статистический метод исследования, с помощью которого выводятся количественные и процентные показатели по основным результатам анализов. Основным критерием отбора прилагательных является обозначение значения масти лошади, учитывая его подмастичный и оттеночный характеры.

Фактический материал исследования извлекался путем сплошной выборки прилагательных, обозначающих масти лошади из словаря якутского языка Э. К. Пекарского [Словарь якутского языка I–III 1959], «Толкового словаря якутского языка» [2004; 2005; 2006; 2007; 2008; 2009; 2010; 2011; 2012; 2013] (далее — ТСЯЯ), откуда выявлено 164 имени прилагательных, сопоставленных затем с монгольским языком, приведенным в «Большом академическом монгольско-русском словаре» [2001–2002] (далее — БАМРС).

Из 164 якутских имен прилагательных, описывающих масти лошади, 16 наименований обозначают основные масти якутской лошади: *хара* ‘вороной’, *кугас* ‘рыжий’, *сур* ‘мышастый’, *сиэр* ‘саврасый’, *чуоһур* ‘чубарый’, *элэмэс* ‘пегий’, *күрэн* ‘бурый’, *араҕас* ‘соловая’, *тураҕас* ‘гнедая’, *эһэ хара* ‘караковый’, *саалыр* ‘буланный’, *хоһор* ‘игрневый’, *көбөччөр* ‘сивый’, *буулуур* ‘чалый’, *ала* ‘пестрый’, *улаан* ‘светло-серый’.

Из выявленных в якутском языке имен прилагательных 13 основ имеют лексические параллели в монгольском языке, в том числе 61 % (8) относятся к основным мастям, 31 % (4) — к подмасткам, 1 — к оттенкам лошади.

Якутско-монгольские лексические параллели рассматриваются по двум основным категориям:

1. Однокомпонентные основы (9 наименований): 1) як. *хара* ‘вороной’ [Словарь якутского языка, III 1959: 3330] // монг. *хар* ‘вороной’ [БАМРС, IV 2001: 45]; 2) як. *ала* ‘пестрый’ [ТСЯЯ, I 2004: 384] // монг. *алаг* ‘пегий, пестрый, с пестринами; разномастный’ [БАМРС, I 2001: 69]; 3) як. *буулуур* (*бурул*) ‘седина, чалый’ [ТСЯЯ, II 2005: 598] // монг. *буурал* ‘2. чалый (о масти)’ [БАМРС, I 2001: 295]; 4) як. *улаан* ‘светло-серая’ [Словарь якутского языка, III 1959: 2994] // монг. *улаан* ‘красный, алый, румяный’ [БАМРС, III 2001: 315]; 5) як. *саалыр* ‘бу-

ланный’ [ТСЯЯ, VIII 2011: 75] // монг. *саарал* ‘серый, пепельный, грязный (о цвете); мышастый’ [БАМРС, III 2001: 61]; 6) як. *чуоһур* ‘чубарая’ [Словарь якутского языка, III 1959: 3688] // монг. *цоохор* ‘пестрый, пятнистый, рябой; конопатый; чубарый’ [БАМРС, IV 2002: 167]; 7) як. *күрэн* ‘бурая’ [Словарь якутского языка, III 1959: 1327] // монг. *хүрэн* ‘коричневый, бурый; темно-рыжий о масти’ [БАМРС, IV 2002: 192]; 8) як. *хоһор* ‘игрневый’ [Словарь якутского языка, III 1959: 3489] // монг. *хонгор* ‘буланный; белокурый; светло-желтый; саврасый, каурый’ [БАМРС, IV 2002: 104]; 9) як. *маҕаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных)’ [ТСЯЯ, VI 2009: 222] // монг. *маҕаас* ‘лысина’ [БАМРС, IV 2002: 26]. Белая широкая полоса, соединенная с большой звездой на лбу и захватывающие боковые стороны головы, иногда глаза и морду [Рансфорд 2007: 16].

2. Двухкомпонентные основы (4 наименования): 1) як. *сырдык саалыр* ‘светло-буланая’ // монг. *цагаан саарал* ‘бело-серый’ [БАМРС, III 2002: 61]. Окрас корпуса от светло-песочного до кремового оттенка. Голова иногда окрашена темнее. На этом фоне сильно выделяются черные грива и хвост. Конечности иногда с примесью светлого волоса; 2) як. *хара чуоһур* ‘темного цвета со светлыми пятнами’ [Словарь якутского языка, III 1959: 3688] // монг. *хар цоохор* ‘черно-пестрый, с черными пестринами’ [БАМРС, IV 2002: 167]. Все туловище украшено пигментированными пятнышками. И находятся они на фоне белоснежной шерсти; 3) як. *хараҕатыҥы күрэн* ‘темно-бурый’ [Словарь якутского языка, III 1959: 1327] // монг. *хар-хүрэн* ‘темно-коричневый’ [БАМРС, IV 2002: 54]. Насыщенный темно-коричневый цвет, оттенка жженого кофе или шоколада, почти приближенный к черному цвету. Хвост и грива лошади могут быть как в цвет лошади, так и темнее, за счет более темных волос; 4) як. *кыһыл улаан* ‘красновато-серая’ // монг. *улаан бор* ‘красновато-серый’ [БАМРС, III 2001: 316].

Однокомпонентные лексические параллели по структурным типам рассмотрены в следующем порядке:

1) с абсолютным совпадением 39 % (5):1) [VCV:C]=[VCV:C]: як. *улаан* ‘светло-серая’ // монг. *улаан* ‘красный, алый, румяный’; 2) [CV:CVC]=[CV:CVC]: як.

саалыр ‘буланный’ // монг. *саарал* ‘серый, пепельный, грязный (о цвете); мышастый (о масти)’; 3) [CVCVC]=[CVCVC]: як. *күрэн* ‘бурая’ // монг. *хүрэн* ‘коричневый, бурый; темно-рыжий (о масти)’; 4) [CVCV:C]=[CVCV:C]: як. *маңаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных)’ // монг. *мабаас* ‘лысина’; 5) [CV:CVC]=[CV:CVC]: як. *буулур* (*бурул*) ‘чалый’ // монг. *буурал* ‘чалый; седина’. По семантическому критерию В. И. Рассадина, предложенному для определения заимствований из монгольского в тюркские языки [Рассадин 1980: 7], якутские основы ‘*саалыр*’, ‘*буулур*’, ‘*күрэн*’, по всей вероятности, являются поздними заимствованиями из монгольского языка. Данный критерий свидетельствует о монгольском происхождении слов, когда в тюркские языки (в нашем случае в якутский) слово вошло в каком-либо одном значении (в нашем случае только как масть лошади), зачастую в переносном, в то время как в монгольских языках это слово имеет все свои основные прямые и переносные значения (монг. *буурал* ‘чалый; седина’, монг. *саарал* ‘серый, пепельный, грязный (о цвете); мышастый (о масти)’; монг. *хүрэн* ‘коричневый, бурый; темно-рыжий (о масти)’).

2) подвергшиеся структурным изменениям 31% (4): 1) [CVCV]→[CVC]: як. *хара* ‘вороной’ // монг. *хар* ‘вороной’; 2) [VCV]→[VCVC]: як. *ала* ‘пестрый’ // монг. *алаг* ‘пегий’; 3) [CV,CVC]→[CV:CVC]: як. *чуокур* ‘чубарая’ // монг. *цоохор* ‘пестрый, пятнистый рябой, конопатый; чубарый’. Якутский *чуокур*, возможно, был заимствован из средневекового монгольского языка в XIII–XIV вв. Сохранение шипящего аффриката среднемонгольского [ч] в якутском языке является характерной особенностью средневекового монгольского языка. В монгольском языке данный аффрикат подвергся изменению и в современном монгольском представлен как смычно-щелевой [ц]. 4) [CVCVC]→[CVCCVC]: як. *хоңор* ‘игреневый’ // монг. *хонгор* ‘буланный; белокурый; светло-желтый; саврасый каурый’. Здесь отмечается сужение лексического значения якутской формы. По мнению В. И. Рассадина, одним из показателей монгольского заимствования в якутский язык является инлаутное соответствие монг. элемента [нг] к як. [н] с сужением лексического значения: монг. *онгуца* ‘корыто, колода для поения скота; лодка, корабль’ // як. *оңочо* ‘лодка’,

монг. *хонгор* ‘буланный; белокурый; светло-желтый; саврасый, каурый’ // як. *хоңор* ‘игреневый’ [Рассадин 1980: 89]

31 % мастей лошади состоят из двухкомпонентных основ, способ образования которых придает дополнительный оттенок.

Имя прилагательное со значением цвета с интенсивной функцией + имя прилагательное со значением цвета (2): 1) як. *хараңатыңы күрэн* ‘темно-бурый’ // монг. *хар-хүрэн* ‘темно-коричневый’; 2) як. *сырдык саалыр* ‘светло-буланный’ // монг. *цагаан саарал* ‘бело-серый’. В данных примерах имена прилагательные ‘хараңатыңы’ и ‘сырдык’ со значением интенсивности придают масти темный и светлый оттенок. Оба якутских прилагательных образованы по типу согласования, где зависимыми основами выступают ‘хараңатыңы’ и ‘сырдык’, уподобляемые главным основам — ‘күрэн’ и ‘саалыр’. Якутская основа ‘хараңатыңы’ образована при помощи аффикса *-тыңы*, передающего значение ‘блеклости, слабости’ бурой масти.

Имя прилагательное со значением цвета + имя прилагательное со значением цвета (2): 1) як. *хара чуокур* ‘темный со светлыми пятнами’ // монг. *хар цоохор* ‘чернопестрый, с черными пестринами’; 2) як. *кыһыл улаан* ‘красновато-серый’ // монг. *улаан бор* ‘красновато-серый’. Якутские лексические двухкомпонентные имена прилагательные образованы типом согласования. В якутском ‘хара чуокур’ первый компонент несет уточняющую функцию масти, а второй компонент является основной мастью со светлыми пятнами. В прилагательном ‘кыһыл улаан’ первая основа уточняет основную масть — ‘улаан’, обозначающую серую масть.

Что касается лексико-семантических особенностей якутско-монгольских параллелей, то в 31% параллелей отмечается устойчивость лексических значений основ:

1) як. *буулур* (*бурул*) ‘чалый’ // монг. *буурал* ‘чалый’. Обе масти обладают сильной примесью белых волос (не седого) на фоне любой масти. Голова и нижние части ног лошади при этом часто имеют меньше всего белых волос и сохраняют цвет главной масти, а глаза и копыта всегда темные. С возрастом данная масть не меняется (см. рис. 1).

2) як. *кыһыл улаан* ‘красновато-серая’ // монг. *улаан бор* ‘красновато-серый’. Желтовато-песочная или золотистая с черной

гровкой и хвостом, включая ног до скакательных и запястных суставов (см. рис. 2).

3) як. *маңаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных)’ // монг. *мабаас* ‘лысина’. В якутском и монгольском языках основа несёт идентичную характеристику отметины лошади в виде белой широкой полосы на морде, охватывающей нос и губы (см. рис. 3).

4) як. *хара* ‘вороной’ // монг. *хар* ‘вороной’. Вороная лошадь имеет черную окраску всего туловища, головы, конечностей, гривы и хвоста (см. рис. 4).

Незначительным лексическим изменениям подверглись 39 % (5) якутских основ по отношению к монгольским, из них сужение лексического значения лексем отмечается в 4 случаях:

1) як. *күрэн* ‘бурая’ // монг. *хүрэн* ‘коричневый, бурый; темно-рыжий о масти’. В отличие от монгольского якутский *күрэн* ‘бурая’ означает определенную масть, в которой туловище и голова лошади имеют каштановый цвет или цвет жженого кофе, а грива и хвост темнее, с примесью черных волос. Бурая лошадь якутской масти часто имеет темный ремень вдоль хребта (см. рис. 5). Монгольский же вариант, кроме бурой масти, означает также коричневую и темно-рыжую масти.

2) як. *чуокур* ‘чубарая’ // монг. *цоохор* ‘пестрый, пятнистый рябой, конопатый; чубарый’. Якутская масть *чуокур* ‘чубарая’ обозначает наличие мелких пятнышек на белом фоне или белые пятнышки на темном (см. рис. 6). В монгольском языке название данной масти используется для обозначения нескольких значений: а) наличие круглых мелких пятен; б) наличие полосы вдоль хребта; в) наличие рябины; г) наличие конопатости.

3) як. *хараҕатыҥы күрэн* ‘темно-бурый’ // монг. *хар-хүрэн* ‘темно-коричневый’. Бурая лошадь якутской породы имеет насыщенный темно-коричневый оттенок жженого кофе или шоколада. Грива, хвост и нижняя часть конечностей обычно черного цвета (см. рис. 7). В якутской основе *хараҕатыҥы күрэн* ‘темно-бурый’ представлен более светлый бурый по интенсивности, чем в монгольском.

4) як. *хара чуокур* ‘темного цвета со светлыми пятнами’ // монг. *хар цоохор* ‘черно-пестрый, с черными пестринами’. Все туловище лошади данной масти покрыто пигментированными пятнышками, которые

находятся на фоне белоснежной шерсти (см. рис. 8). В отличие от якутского в монгольском *хар цоохор* имеется указание на пестроту.

Расширение лексического значения лексем зафиксировано в параллели: як. *ала* ‘пестрый’ // монг. *алаг* ‘пегий’. Якутское *ала* ‘пестрый’ имеет более расширенное значение по лексике, чем монгольский *алаг* ‘пегий’. Это связано с тем, что якутское *ала* означает белую полосу вдоль хребта (см. рис. 9), а монгольский *алаг* означает большие пятна, разбросанные по телу, неправильной формы.

Заметные лексические изменения произошли в 31 % (4) параллелей: 1) як. *улаан* ‘светло-серый’ // монг. *улаан* ‘красный, алый, румяный»; 2) як. *саалыр* ‘буланный’ // монг. *саарал* ‘серый, пепельный, грязный (о цвете); мышастый»; 3) як. *хоңор* ‘игренивый’ // монг. *хонгор* ‘буланный; белокурый»; 4) як. *сырдык саалыр* ‘светло-буланая’ // монг. *цагаан саарал* ‘бело-серый’. Рассматриваемые лексические параллели имеют одинаковую структуру [VCV:C; CV:CVC; CVCVC, CVCCVCC:CVC] и похожие фоноструктурные типы, но отличаются тем, что обозначают виды разных мастей лошади. В связи с тем, что рассматриваемые якутско-монгольские формы имеют похожую структуру с закономерными фонетическими изменениями и относятся к одной тематической группе терминов мастей лошади, як. *улаан* // монг. *улаан*, як. *саалыр* // монг. *саарал*, як. *хоңор* // монг. *хонгор*, як. *сырдык саалыр* // монг. *цагаан саарал* анализируются как лексические параллели. Интересным для нас представляется тот факт, что лексема ‘улаан’ зафиксирована только в якутском и монгольском языках, в других восточно-тюркских языках отсутствует термин ‘улаан’, обозначающий какой-либо вид масти лошади.

Заключение

Фоноструктурный, лексико-семантический, морфологический, дистрибутивный анализы позволяют сделать следующие основные выводы:

1. В ходе исследования на основе лексикографических источников было выявлено 13 якутско-монгольских лексических параллелей, обозначающих масти лошади. Из зафиксированных 13 якутских основ, имеющих параллели в монгольском языке, 10 (77 %), по всей вероятности, являются

Рис. 1

Рис. 2

Рис. 3

Рис. 4

Рис. 5

Рис. 6

Рис. 7

Рис. 8

Рис. 9

заимствованными из монгольского языка. Это объясняется сохранением в якутском: начального [с] (як. *саалыр* // монг. *саарал*); среднемонгольского шипящего аффриката [ч]; соответствующего современному [ц] (як. *чуобур* // монг. *цоохор* (ср. монг. *чоохор*)); полногласия кратких слогов, характерного для средневекового монгольского языка (як. *күрэн* // монг. *хүрэн*) и др.

2. Распределение лексических параллелей по компонентным особенностям представляется следующим образом: однокомпонентные — 9 (69 %), двухкомпонентные — 4 (31 %). Однокомпонентная лексическая параллель ‘маңаас’ в обоих языках обозначает отметину лошади, остальные однокомпонентные параллели обозначают основные масти лошади. Все двухкомпонентные якутско-монгольские параллели обозначают подмастки основных мастей.

3. Устойчивость структурных оформлений якутских лексем по отношению к монгольским формам наблюдается в 39 % случаях по следующим структурным типам: [VCV:C]=[VCV:C]: як. *улаан* // монг. *улаан*, [CV:CVC]=[CV:CVC]: як. *саалыр* // монг. *саарал*, [CVCVC]=[CVCVC]: як. *күрэн* // монг. *хүрэн*, [CVCV:C]=[CVCV:C]: як. *маңаас* // монг. *маңаас*, [CV:CVC]=[CV:CVC]: як. *буулур* // монг. *буурал*. Якутские основы ‘саалыр’, ‘буулур’, ‘күрэн’, видимо, являются поздними заимствованиями из монгольского языка. Это объясняется тем, что монгольские слова вошли в якутскую лексику в переносном значении как ‘масти лошади’, хотя в монгольских языках эти слова имеют свои основные прямые и переносные значения [Рассадин 1980: 7].

4. Основные причины неустойчивости фоноструктур имен прилагательных монгольского языка в якутском объясняются: в двусложных основах — образованием конечного гласного [а] (як. *хара* // монг. *хар*); опущение ауслаутного консонантного элемента [г] (як. *ала* // монг. *алаг*); соответствие долгих гласных [оо] на якутский дифтонг [уо] (як. *чуобур* // монг. *цоохор*) и др.

5. Все двухкомпонентные сложные имена прилагательные в якутском языке образованы от сочетаний слов, подчиненных одно другому по способу согласования. Все зависимые основы в сложных именах прилагательных показывают интенсивность и уточняют цвет масти.

6. В результате сравнительного анализа лексико-семантических особенностей якут-

ско-монгольских рефлексов, устойчивость лексических значений отмечается в 31 % параллелей. Незначительные лексические изменения произошли в 38 % рефлексах при сужении и расширении семантических значений основ. Заметные лексические изменения наблюдаются в 31 % параллелей.

Рассмотренные якутско-монгольские параллели, показывают, что в коневодческой деятельности монголы оказали большое влияние на якутов. Как известно, монгольские народы издавна вели кочевой образ жизни: они в большом количестве разводили лошадей, которые обеспечивали им, кроме источника еды, одежды, также свободу перемещения по огромным пространствам во время перекочевки и миграций [Бачаева 2016: 203]. Обращает на себя внимание наличие довольно большого числа монголизмов в якутском языке, обозначающих масти лошади. Сохранение лексического значения и фоноструктуры заимствованных основ в якутском создает устойчивое впечатление о том, что монгольские племена, передавшие якутам большое количество терминов, связанных с коневодством, скотоводством, сенокосением, гораздо раньше якутов освоили животноводческую деятельность. Данный факт также подтверждается в работах В. И. Рассадина [Рассадин 1980: 77] и Н. К. Антонова [Антонов 1966: 213].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Антонов 1966 — Антонов Н. К. О некоторых якутских именных основах монгольского происхождения // Труды историко-филологического факультета (Якутский ун-т), 1966, вып. 1. С. 207–214. [Antonov N. K. Revisiting some Yakut nominal stems once borrowed from Mongolian. *Trudy istoriko-filologicheskogo fakul'teta*. Yakutsk: Yakutsk State University, 1966. Iss.1. Pp. 207–214].
- Антонов 1971 — Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 174 с. [Antonov N. K. *Materialy po istoricheskoy leksike yakutskogo yazyka* [The Yakut language: materials on historical vocabulary]. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 174 p.].
- Бачаева 2016 — Бачаева С. Е. Толкования наименований масти лошадей // Вестник КИГИ РАН. 2016. № 1. С. 202–211. [Bachaeva S. E. Interpretations of horse coat color names. *Vestnik KIGI RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research of the RAS). 2016. No. 1. Pp. 202–211].

- Гоголев 1993 — Гоголев А. И. Якуты: Проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск, 1993. 200 с. [Gogolev A. I. *Yakuty: Problemy etnogeneza i formirovanie kul'tury* [The Yakuts: problems of ethnogenesis and culture formation]. Yakutsk, 1993. 200 p.].
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. / Отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. 520 с.; Т. 2. Д–О. 536 с.; Т. 3. Ё–Ф. 440 с. М.: Academia, 2001; Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с. [*Bol'shoy akademicheskij mongol'sko-russkij slovar'* [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vol. G. Ts. Pyurbeyev (ed.). Vol. 1. А–Г. 520 p.; vol. 2. Д–О. 536 p.; vol. 3. Ё–Ф. 440 p. Moscow: Academia, 2001; vol. 4. Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p.].
- Егинова 2014 — Егинова С. Д. Образные прилагательные якутского языка (в сопоставлении с бурятским и киргизским языками) / С. Д. Егинова. Новосибирск: Наука, 2014. 232 с. [Eginova S. D. *Obraznye prilagatel'nye yakutskogo yazyka (v sopostavlenii s buryatskim i kirgizskim yazykami)* [Yakut metaphoric adjectives (in comparison with Buryat and Kyrgyz lexical units)]. Novosibirsk: Nauka, 2014. 232 s.].
- Калужинский 1961 — Калужинский Ст. Некоторые вопросы монгольских заимствований в якутском языке // Труды ИЯЛИ ЯФ СО АН СССР. Якутск: Кн. изд-во, 1961. Вып. 3 (8). С. 5–21. [Kaluzhinsky St. Some issues of Mongolian borrowings in the Yakut language. *Trudy IYaLI YaF SO AN SSSR*. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1961. Iss. 3 (8). Pp. 5–21].
- Левин 2013 — Левин Г. Г. Исторические связи якутского языка с древнетюркскими языками VII–IX вв. (в сравнительно-сопоставительном аспекте с восточно-тюркскими и монгольскими языками). Якутск: ИД СВФУ, 2013. 439 с. [Levin G. G. *Istoricheskie svyazi yakutskogo yazyka s drevnetyurkskimi yazykami VII–IX vv. (v sravnitel'no-sopostavitel'nom aspekte s vostochno-tyurkskimi i mongol'skimi yazykami)* [The Yakut and 7th–9th cc. ancient Turkic languages: historical ties (viewed in comparison with the Eastern Turkic and Mongolic languages)]. Yakutsk: Northeastern Federal University, 2013. 439 p.].
- Словарь якутского языка I–III 1959 — Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. Л.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 1. – 1200 стб.; Т. 2. – 2010 стб.; Т. 3. – 3858 стб. [Pekarsky E. K. *Slovar' yakutskogo yazyka* [A dictionary of the Yakut language]. Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1959. Vol. 1, 1200 col.; vol. 2, 2010 col.; vol. 3, 3858 col.].
- Рассадин 1977 — Рассадин В. И. Проблемы общности в тюркских языках Саяно-Алтайского региона // Тюркологический сборник 1977. М., 1981. С. 219–231. [Rassadin V. I. Turkic languages of the Sayan-Altai Region: affinity issues. *Tyurkologicheskij sbornik 1977*. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 219–231].
- Рассадин 1980 — Рассадин В. И. Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М.: Наука, 1980. 115 с. [Rassadin V. I. *Mongolo-buryatskie zaimstvovaniya v sibirskikh tyurkskikh yazykakh* [Mongol-Buryat loanwords in the Turkic languages of Siberia]. Moscow: Nauka, 1980. 115 p.].
- Рансфорд 2007 — Рансфорд, Санди. Лошади и пони. Иллюстрированная энциклопедия. СПб.: Астрель-СПб, 2007. 224 с. [Ransford, Sandy. *Loshadi i poni* [Horses and Ponies]. An illustrated encyclopedia. St. Petersburg: Astrel-SPb, 2007. 224 p.].
- Слепцов 2008 — Слепцов П. А. Ступени и проблемы якутского языкознания. Якутск, 2008. 544 с. [Sleptsov P. A. *Stupeni i problemy yakutskogo yazykoznaniya* [Yakut linguistics: development stages and problems]. Yakutsk: Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North (SB of RAS), 2008. 544 p.].
- ТСЯЯ — Толковый словарь якутского языка. В 15 т. / Под ред. П. А. Слепцова. Т. I – Новосибирск: Наука, 2004. – 680 с. (Буква А), Т. II – Новосибирск: Наука, 2005. – 912 с. (Буква Б), т. Т. VI: (Буквы Л, М, Н) – Новосибирск: Наука, 2009. – 519 с., Т. VIII: (Буква С) – Новосибирск: Наука, 2011. 572 с. [*Tolkovyy slovar' yakutskogo yazyka. V 15 t.* [A definition dictionary of the Yakut language]. P. A. Sleptsov (ed.). Vol. I. Novosibirsk: Nauka, 2004. 680 p. (Letter A); vol. II. Novosibirsk: Nauka, 2005. 912 p. (Letter Б); vol. VI. Novosibirsk: Nauka, 2009. 519 p. (Letters Л, М, Н); vol. VIII. Novosibirsk: Nauka, 2011. 572 p. (Letter С).].
- Убрятова 2011 — Убрятова Е. И. Исследования по тюркским языкам. Избранные труды. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2011. 282 с. [Ubryatova E. I. *Issledovaniya po tyurkskim yazykam. Izbrannye trudy* [Studies of Turkic languages. Selected works]. Novosibirsk: Novosibirsk State University, 2011. 282 p.].
- Шамаева 2012 — Шамаева А. Е. Монгольские параллели диалектной лексики якутского языка: автореф. дисс. ... к. филол. н. Якутск, 2012. 22 с. [Shamaeva A. E. *Mongol'skie paralleli dialektnoy leksiki yakutskogo yazyka*

- [The dialectal vocabulary of Yakut: Mongolian lexical parallels]. A PhD thesis abstract. Yakutsk, 2012. 22 p.]
- Якуты (Саха) 2013 — Якуты (Саха) / отв. ред. Н. А. Алексеев, Е. Н. Романова, З. П. Соколова. М.: Наука, 2013. 599 с. [*Yakuty (Sakha)* [The Yakuts (Sakha)]. N. A. Alekseev, E. N. Romanova, Z. P. Sokolova (eds.). Moscow: Nauka, 2013. 599 p.]
- Radloff 1908 — *Radloff W.* Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen [The Yakut language in its relations to (other) Turkic languages]. St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc., 1908. 86 p.

УДК 811.512

Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади

Нинель Васильевна Малышева¹

Алла Евгеньевна Божедонова²

Яна Егоровна Старостина³

¹ доцент, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, РФ). E-mail: ninel_malysheva@mail.ru

² магистрант, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, РФ). E-mail: bozhedonova2015@mail.ru

³ аспирант, Институт языков и культуры народов Северо-Востока РФ, Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (Якутск, РФ). E-mail: namina-s@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-сопоставительному исследованию якутско-монгольских параллелей, обозначающих наименования мастей лошади. Всего выявлено 13 якутско-монгольских параллелей, которые были разделены на 2 категории: однокомпонентные и двухкомпонентные. К однокомпонентной категории входят, например, такие параллели, как як. *күрэн* // монг. *хүрэн*, як. *маҕаас* // монг. *мабаас*, к двухкомпонентным — як. *сырдык саалыр* ‘светло-буланая’ // монг. *цагаан саарал* ‘бело-серый’. Для достижения поставленной цели были использованы фоноструктурный, лексико-семантический, морфологический, дистрибутивный анализы. С помощью проведенных анализов авторы пришли к следующим выводам: 1) исследование показало, что, по всей вероятности, 10 наименований мастей лошади якутского языка являются заимствованием из монгольского языка, например: *саалыр* ‘буланый’, *чуоһур* ‘чубарая’, *буулур* (*бурул*) ‘чалый’, як. *маҕаас* ‘с белой отметиной на морде независимо от масти (о домашних животных)’ и др.; 2) все двухкомпонентные якутско-монгольские параллели обозначают подмастки основных мастей; 3) устойчивость структурных оформлений якутских лексем наблюдается в 39 % случаях; 4) 3 якутские основы ‘саалыр’, ‘буулур’, ‘күрэн’ можно отнести к поздним монгольским заимствованиям; 5) монгольский язык оказал большое влияние на развитие коневодческой терминологии якутского языка.

Ключевые слова: масть лошади, сравнительно-сопоставительное исследование, лексико-семантические особенности, лексические параллели, устойчивые лексические значения, однокомпонентные основы, двухкомпонентные основы

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 110–121, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-110-121
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 81

Translating Word Combinations Containing the Lexeme ‘God’ into Chinese (a Case Study of *The Captain’s Daughter* by A. S. Pushkin)

Jing Tun¹

¹Degree Seeking Applicant (External Ph.D. Candidate), Russian Language Department, Institute of Social Sciences and Humanities, Tyumen State University (Tyumen, Russian Federation). E-mail: 184613074@qq.com

Abstract. The article studies some specific features of Russian to Chinese translations of word combinations — both fixed and free phrases — containing the lexeme ‘God’ within literary text. The study proves topical enough due to increased Chinese-Russian cultural contacts which requires that new adequate language units be discovered to translate the fundamental concepts (including that of ‘God’) constituting the worldviews of the nations. The Russian and Chinese religious and linguistics world-images are classified as ‘divine (deific)’ and ‘heavenly’ respectively which is mirrored in phraseological units: the words ‘God’ and ‘Heaven’ are widely used in Russian and Chinese standard collocations.

The paper examines A. S. Pushkin’s novel *The Captains Daughter* along with its seven Chinese translations (editions issued between 1956 and 2013), paying special attention to translation variants of word combinations containing the word/concept ‘God’. Due consideration is also given to lexical semantics and syntactical functions of the analyzed phrases. The study primarily aims to discover linguocultural and contextual consistent translation patterns, and reveal some individual preferences of the translators. It also analyzes a number of Russian dictionaries and accordingly introduces a typology of communicative situations to use collocations containing the word ‘God’.

The study materials are constituted by 33 constructions to be met in the original text from 1 to 17 times (with a total of 84 patterns). The paper asserts translation variants depend upon specific communicative situations that can be differently identified by ethnic Russians and Chinese, and determines the two situations: a) similar translation variants to be discovered in virtually all editions, b) more frequent (twice as many) differing translation patterns, including individual ones.

The author’s analysis reveals two translation strategies. First, commitment to specific linguoculture of the original text when the image of God is basically viewed as that of the Heavenly Emperor 上帝. The strategy is represented in 50,6 % to 82,3 % (depending upon individual preferences) of the analyzed translation patterns which makes it possible to classify such ‘God’-stemmed phraseological units as ‘culturonims’. Secondly, fixation on the national linguoculture when preference is given to the image of Heaven 天. This variant proved less widespread, and has been discovered only in 6,9 % to 34,5 % lexical units.

The analysis of lexical co-occurrence within the source Russian-language constructions and their translations concluded that the image of God in Russian discourse is not necessarily perceived as such 上帝_(60r) in Chinese-language texts. In Chinese culture, people are inclined to thank Heaven 天 rather

than God 上帝. And it is Heaven 天 who fundamentally knows it all and plays somewhat objective — though passive — role within the structure of the universe.

In Chinese linguoculture, the active role — predetermined by a contact with the individual — is attributed to God who sees something (including the individual's actions) and gives (or gives not) this or that to a person who, in turn, believes in the former and, thus, can turn to the one with prayers and requests: human well-being depends upon God that functionally acts as the Heavenly Emperor to make some crucial decisions in human life. But in daily situations, e. g., when greeting or treating someone, one should not turn to Supreme Forces (neither to 上帝, nor to 天), and it is improper to attest them to assert one's honesty.

Keywords: translation, translation patterns, Chinese language, A. S. Pushkin, *The Captain's Daughter*

Представление о Боге является одним из важнейших компонентов русской религиозной и языковой культуры. Слово *бог* в современном толковом словаре имеет три значения: «1) *В религии*: верховное всемогущее существо, управляющее миром или (при многобожии) одно из таких существ; 2) *(Б прописное)*. *В христианстве*: триединное божество, творец и всеобщее мировое начало Бог Отец, Бог Сын и Бог Дух Святой; 3) *перен.* Предмет поклонения, обожания (*устар., книжн.*) [Ожегов, Шведова]. Синонимы для слова *Бог/бог* — другие возвышенные номинации: *господь, создатель, творец, всевышний, вседержитель, всемогущий, предвечный, вышний* [Бабенко 2011]. Из этого ряда слова *бог* и *господь* широко употребляются в русских устойчивых сочетаниях (пословицах и поговорках, афоризмах и фразеологизмах), например: *слава богу; человек предполагает, а бог располагает; господь знает; господь не выдаст, свинья не съест* и т. д.

Е. М. Верещагин и В. Г. Костомаров в книге «Язык и культура» отмечают историческую и национально-культурную ценность фразеологизмов, отражающих «национальную культуру своими прототипами, поскольку генетически свободные словосочетания описывали определенные обычаи, традиции, подробности быта и культуры, исторические события и многое другое» [Верещагин, Костомаров 2005: 179]. В. А. Маслова пишет, что «фразеологический компонент языка не только воспроизводит элементы и черты культурно-национального миропонимания, но и формирует их. И каждый фразеологизм, если он содержит культурную коннотацию, вносит свой вклад в общую мозаичную картину национальной культуры» [Маслова 2001: 87].

Русское слово *Бог/бог* и в современном электронном «Большом китайско-русском словаре» [БКРС], и в опубликованном в 2001 г. «Большом русско-китайском словаре» [БРКС 2001] имеет четыре варианта перевода: 1) 上帝; 2) 天主; 3) 神; 4) 老天爷.

Обратный перевод дает следующие многовариантные результаты:

1) 上帝: 'а) бог, небеса, божество; б) Шан-ди, верховный владыка Неба; в) *устар.* совершенные правители древности (пять мифических императоров); г) *устар.* небо и пять императоров; д) царь небесный; бог; е) *разг.* обозначение клиента, зрителя в сфере обслуживания; ж) господь бог; отец небесный';

2) 天主: 'а) небесный владыка; б) *христ.* бог (особенно в канонах римско-католической церкви)';

3) 神: **I суц.**: 'а) дух; гений; небожитель, святой; относящийся к духам; сверхъестественный <...>; б) божество, бог; боги; божественный; в) дух, душа (*напр. умершего*); духовное начало (*в человеке*); разум, <...> состояние духа <...>; г) проявление душевной силы; вдохновение <...>; д) внешний вид, выражение (*лица*) <...>; **II прил./наречие**: тонкий; изумительный, сверхъестественный; <...> паразитально; **III гл.** а) *диал.* задаваться, заноситься <...>; б) изменяться, претворяться; **IV собств.** Шэнь (*фамилия*)';

4) 老天爷: 'владыка неба; царь небесный; Бог; Господь; небесная канцелярия' [БКРС].

Образ Неба, так или иначе представленный во всех обратных переводах, является одной из важнейших примет китайской национальной культуры. Иероглиф 天 «Небо» (тянь) состоит из двух элементов: «единица» и «великий», т. е. Небо — Великое

Одно. Согласно БКРС, иероглиф 天 имеет 14 значений: первое связано с идеей природы (в которую можно включить еще семь значений, связанных со временем), второе — с религиозной сферой ('*религ.* небо (как местопребывание бога); бог, божество'), третье — с идеей власти (три значения: 'незыблемое начало; верховная власть; непререкаемый авторитет; твёрдая основа'; '*уст.* император'; 'рок, удел, судьба'); а также 'тянь, небо (6 очков при игре в кости)' и '*диал.* тянь (мера земельной площади в 10 му)' [БКРС].

Как видим, словари отражают национальную специфику восприятия мира носителями русского и китайского языков, и сопоставительное исследование особенностей русской и китайской лингвокультур, в том числе в религиозно-философском аспекте, не теряет своей актуальности (см., например: [Ан 2008; Го Нинин 2013; Цзян Шаоцин 2013; Доркина 2014; Ромеро Интриаго 2014; Ван Юе 2015]).

Слово *Бог/бог* в русском языке, как и иероглиф 天 в китайском, можно отнести к «культуронимам» — «языковым единицам, закрепленным за элементами различных культур» [Разумовская 2016: 112]. Подтверждением тому может, например, служить тот факт, что только в одном издании «Капитанской дочки» А. С. Пушкина (1956 г.) при переводе сочетания *боже мой* переводчик использовал выражение 我的_(мой) 上帝_(бог) [Пушкин 1956: 89], ориентированное на лингвокультуру оригинального произведения, в то время как во всех более поздних изданиях констатируем ориентированное на китайского читателя выражение 我的_(мой) 天_(небо) [Пушкин 1995а: 282; Пушкин 1995б: 73; Пушкин 1997: 64; Пушкин 2000: 70; Художественная проза... 2013: 63; Цзян Шаоцин 2013: 204].

В качестве иллюстрации когнитивного диссонанса, который может возникнуть у китайского читателя, приведем фрагмент предложения (часть высказывания Василисы Егоровны) ...*частый гребень, да веник, да алтын денег (прости бог!)* [Пушкин 2015: 154], осложненного вводным компонентом со значением 'стыдно сказать' [СЛЯП 2000: 133]. Здесь отражена привычка русских употреблять слово *Бог/бог* в составе устойчивых непервообразных междометий, «обслуживающих сферу эмоций» [РГ 1980: 732], что представляет собой особенность русской лингвокультуры. Судя по всему,

эта ситуация не была учтена переводчиками, которые не выразили смысл 'стыдно сказать' ни в одном из вариантов фразы на китайском языке (сделав буквальный перевод), например:

...请_(прошу, пожалуйста) 上帝_(бог) 饶恕_(простить)! [Пушкин 1997: 25; Художественная проза ... 2013: 179];

...上帝_(бог) 可怜可怜_(явить божескую милость) 吧
(конечная модальная частица предложения, выражающая догадку, предположение, побуждение)! [Пушкин 2000: 29].

Для понимания смыслов, стоящих за культуронимами, т. е. для снятия лакун в межкультурной коммуникации, возникающих у читателя-инофона, в переводной текст могут быть включены комментарии — дополнительная пояснительная информация. В современном переводедании комментарии принято рассматривать в качестве вторичного текста [Папулова 2015: 39], инициатива создания которого принадлежит переводчику или издателю. Анализ исследуемых нами семи китайских изданий текста А. С. Пушкина показал, в частности, что наличие комментариев в переводах факультативно, списки объектов комментирования и содержание комментариев может значительно различаться. В этом отношении важно отметить, что ни в одном из семи изданий нет комментариев к русскому словупонятию *Бог/бог*, а к его синониму *Господь* находим пояснение только у переводчика Суня при комментировании им устойчивого выражения *Господь не выдаст, свинья не съест*: 谚语, 意思是: 信神就不怕坏人 (只要上帝保佑, 猪就吃不到什么) — пословица, означает: верить в бога, негодяя не бояться [Пушкин 1956: 69].

В романе «Капитанская дочка» А. С. Пушкина [Пушкин 2015] различные сочетания со словом *Бог/бог* (всего 33 конструкции) использованы 84 раза. В китайских переводах [Пушкин 1956; 1995а; 1995б; 1997; 2000; 2013; Художественная проза ... 2013], следовательно, мы могли бы обнаружить $(84 \times 7 =)$ 588 случаев перевода слова *Бог/бог*. Кроме того, в оригинале фиксируем четыре конструкции со словом *господь*, а также формы *господи* (12), *боже* (5), *божья* (5), которые мы не рассматриваем в настоящей статье.

Изучив варианты перевода русских выражений со словом *Бог/бог* в китайских изданиях романа «Капитанская дочка», мы

обнаружили три варианта перевода: 1) с помощью образа Бога: 上^(верховный)帝^(владыка); 2) с помощью образа Неба: 天^(небо), 老天爷^(владыка неба), 老天^(небо) и др. синонимические выражения; 3) с использованием выражений, имеющих смысл, не связанный с религиозной культурой.

При этом констатируем две ситуации: а) принципиально одинаковый перевод во всех изданиях и б) принципиально разный, в том числе индивидуальный, перевод. Приведем количественную информацию и отдельные примеры.

А. Подсчеты показали, что из 84 анализируемых выражений:

— в 27 случаях все переводчики дали принципиально одинаковый перевод, используя образ Бога, например, при переводе пушкинского ... *да пусть отец Герасим наложит на них епитимию, чтоб молили у бога прощения* [Пушкин 2015: 161], например:

祈祷^(молиться)上帝^(бог)饶恕^(прощение) [Пушкин 1956: 50];

求^(просить)上帝^(бог)饶恕^(прощение) [Пушкин 1995а: 250];

祈求^(просить)上帝^(бог)宽恕^(пощада, прощение, помилование) [Пушкин 1995б: 40];

— в двух случаях все использовали образ Неба, например: ... *я горячился, бранил маркера, который считал бог ведает как...*:

天^(небо)晓得^(знать) [Пушкин 1956: 12; Пушкин 1995б: 8; Пушкин 2013: 7];

天^(небо)知道^(знать) [Пушкин 1995а: 223; Пушкин 1997: 7; Пушкин 2000: 8; Художественная проза ... 2013: 168];

— в четырех случаях все переводчики отказались от использования образа Высшей Силы (Бог, Небо). Так, при переводе реплики «Как это вас бог принес?» во всех переводах использован образ ветра, например:

什么^(какой)风^(ветер)把^(грамм.компонент)您^(вы)吹来^(принести)的^(грамм.компонент)? [Пушкин 1956: 45];

是^(являться)什么^(какой)风^(ветер)把^(грамм.компонент)您^(вы)吹来^(принести)啦^(грамм.компонент)? [Пушкин 1995б: 36];

什么^(какой)风^(ветер)把^(грамм.компонент)您^(вы)给^(грамм.компонент)吹来了^(принес)? [Пушкин 1997: 31].

Или, например, для перевода фразеологизма *чем бог послал* использованы конструкции, которые мы относим к варианту «другое»:

有^(иметь)什么^(что)就^(тогда, в таком случае)吃^(кушать)什么^(что) [Пушкин 1956: 11],

有^(иметь)啥^(что)吃^(кушать)啥^(что) [Пушкин 1995б: 7; Пушкин 2013: 6],

随便^(произвольный, любой) [Пушкин 1995а: 222; Пушкин 1997: 6],

有^(иметь)什么^(что)吃^(кушать)什么^(что) [Пушкин 2000: 7],

随便^(произвольный, любой)地^(суффикс наречий) [Художественная проза ... 2013: 167].

Этот же вариант «другое» отмечаем при переводе выражения *ступай себе с богом*: все переводчики использовали сочетание иероглифов 去^(уходить, идти)吧^(модальная частица, выражающая догадку, предположение, побуждение) [Пушкин 1956: 34], в том числе добавив к нему иероглиф 你^(ты) [Пушкин 1995а: 239; Пушкин 1995б: 27; Пушкин 1997: 23; Пушкин 2000: 26; Пушкин 2013: 23] или модальный оборот, получив конструкцию 忙^(ты поспешно уйди)你的去吧^(ты поспешно уйди) [Художественная проза ... 2013: 178].

Б. В 54 случаях мы наблюдаем другую картину: при переводе одного и того же русского выражения разные переводчики используют принципиально разные варианты. Так, переводя пушкинское *Сторона мне знакомая, — отвечал дорожный, — слава богу, исхожена и изъезжена вдоль и поперек* [Пушкин 2015: 143];

а) переводчики пяти изданий обратились к образу Бога как Небесного Императора 上帝, используя при этом разные иероглифы для выражения идеи благодарности: а) 谢谢^(благодарить) [Пушкин 1956: 20]; б) 感谢^(благодарить) [Пушкин 1995б: 15; Пушкин 1997: 13; Пушкин 2013: 12]; в) 荣耀^(слава)归于^(относить к) [Пушкин 1995а: 229];

б) переводчик Лю использовал китайский фразеологизм 谢^(благодарить)天^(небо)谢^(благодарить)地^(земля) включающий в свой состав иероглиф 天 [Художественная проза ... 2013: 172];

в) переводчик Ли оставил без перевода вводный компонент [Пушкин 2000: 14].

Сопоставляя переводы обращенной к Савельичу реплики урядника в диалоге: «*Растерял дорожю! А что же у тебя побрякивает за пазухой? Бессовестный!*» — «*...Бог с тобой, старинушка! Это бречит уздечка, а не полтина*» [Пушкин 2015: 199], — мы видим все три варианта:

а) ...上帝保佑你 (Бог благословит тебя) [Пушкин 1995а: 294; Художественная проза ... 2013: 212];

б) ...天哪 (о Боже) [12, с. 87]; ...天哪, 你咋啦 (о Боже, что случилось с тобой) [Художественная про-

за ... 1997: 76]; ...天_(небо)啦_(конечная частица, подчеркивающая: а) удовлетворение, б) становление действия, в) завершенность действия) [Пушкин 2013: 75];

в) ...随你说好了_(мне все равно, что ты думаешь) [Пушкин 1956: 105]; ...你得了吧_(полно тебе) [Пушкин 2000: 83].

Получить представление о предпочтениях переводчиков позволяет таблица 1, материалы которой демонстрируют частотность употребления разных вариантов перевода: с помощью образов Бог, Небо или без них — в сопоставляемых китайских переводах.

Таблица 1. Варианты переводов сочетаний со словами Бог / бог / господь

Переводчики	Перевод посредством			Всего русских сочетаний
	образа «Бог»	образа «Небо»	других вариантов	
Сунь	72 (82,3 %)	6 (6,9 %)	9 (10,8 %)	87 (100 %)
Хуан	47 (54 %)	30 (34,5 %)	10 (11,5 %)	87 (100 %)
Фэн, Чжан	67 (77 %)	8 (9,2 %)	12 (13,8 %)	87 (100 %)
Цзан, Шао	53 (60,9 %)	20 (23 %)	14 (16,1 %)	87 (100 %)
Ли	44 (50,6 %)	18 (20,7 %)	25 (28,7 %)	87 (100 %)
Чжилян	49 (56,3 %)	29 (33,3 %)	9 (10,4 %)	87 (100 %)
Лю	59 (67,8 %)	19 (21,8 %)	9 (10,4 %)	87 (100 %)

Проанализировав данные таблицы, мы делаем следующие выводы об общих тенденциях и индивидуальных предпочтениях:

1) каждый из переводчиков перевел выражения со словом *Бог/бог* (или *господь*) чаще с помощью образа Бога, т. е. использовал культуроним;

2) выбор такого варианта перевода особенно характерен для переводчиков двух изданий (Сунь [Пушкин 1956]; Фэн и Чжан [Пушкин 1995а]);

3) переводчики Хуан [Пушкин 1995б] и Чжилян [Пушкин 2013] активно обращаются к более свойственному для китайской картины мира образу Неба;

4) переводчик Ли [Пушкин 2000] выделяется на фоне других резким преобладанием третьего (более нейтрального, «светско-

го») варианта перевода (без использования образов Бога и Неба); в прочих изданиях такой вариант перевода представлен в среднем в 1,8–2,7 раза реже.

Обратившись к изучению русского материала с точки зрения особенностей коммуникативных ситуаций, в которых используются сочетания со словом *Бог/бог*, для выявления общих закономерностей перевода, мы посчитали необходимым использовать сведения, содержащиеся в «Словаре языка Пушкина» [СЛЯП 2000], а также во «Фразеологическом словаре русского литературного языка» А. И. Федорова [2008]. В таблице 2 представлена количественная информация, характеризующая вариативность переводов для каждой из 33 русских конструкций со словом *Бог/бог*.

Таблица 2. Варианты перевода конструкций со словом Бог / бог

№	конструкция (отмечена в словаре А. И. Федорова)*	согласно «Словарю языка Пушкина» употребляется	всего фиксаций		из них вариантов перевода:		
			рус.	кит.	1) 上帝	2) 天	3) другое
1	слава богу*	при выражении удовлетворения	17	117	54	62	1
2	дай бог*	при желании благополучного осуществления чего-н.	5	35	34	-	1
3	бог даст*	при выражении надежды на что-н., на благополучный исход	4	28	20	7	1
4	бог дал*	при проявлении наличия чего-н. приятного, неприятного	1	7	7	-	-
5	бог знает*	о чем-н. неизвестном	6	42	15	25	2
6	бог ведаёт		1	7	-	7	-
7	бог весть		1	7	1	6	-
8	ради бога*	при просьбе	5	35	31	-	4
9	бог с ним / с тобой	пожелание	3	19	13	3	3
10	с богом*	благополучия при начале какого-л. дела	1	7	-	-	7
11	бог принес*	о чем-н. прибытии, приходе	3	21	4	2	15
12	чем бог послал*	о еде, угощении	2	14	-	-	14
13	бог видит*	при подтверждении правильности чего-н.	2	14	11	3	-
14	ей-богу*		2	14	1	1	12
15	как бог свят*		1	7	3	1	3
16	бог милостив*	при выражении	2	14	14	-	-
17	бог не оставит	надежды на то, что всё пройдет благополучно	1	7	6	1	-
18	прости бог	в значении вводного выражения «стыдно сказать»	1	7	7	-	-
19	бог вынес*	о благополучном исходе, завершении чего-н.	1	7	6	-	1
20	бог судья	при выражении прощения, снисхождения	1	7	7	-	-
21	бог милует*	приветствие при встрече	1	7	1	-	6
22	бог привел*	сделать что-н.	1	7	7	-	-
23	не приведи бог	при нежелании осуществления	1	7	6	-	1
24	молить бога*	-	10	70	62	-	8
25	бога не бояться*	-	2	14	13	-	1

26	молиться богу	-	2	14	14	-	-
27	веровать в бога	-	1	7	7	-	-
28	молить у бога	-	1	7	7	-	-
29	бог волен	-	1	7	2	4	1
30	принося богу раскаяние	-	1	7	7	-	-
31	богу угодно	-	1	7	4	2	1
32	бог путь укажет	-	1	7	5	-	2
33	промчи бог тучу мимо	-	1	7	6	-	1
ИТОГО:			84	584	375	124	85

Материалы таблицы позволяют сформулировать следующие выводы, которые можно проиллюстрировать отдельными примерами.

Во-первых, вместо ожидаемых во всех китайских изданиях 588 переводных конструкций их на 4 меньше: переводчик Ли дважды не перевел выражение *слава богу* в позиции вводного компонента [Пушкин 2000]; переводчики Сунь и Лю не перевели оборот *бог с ним* в предложении *И добро б уж закололи вы его: Бог с ним, с Алексеем Ивановичем; я и сам до него не охотник* [Пушкин 2015: 158], в то время как другие, например, перевели:

...上帝_(бог) 保佑_(благословлять) 他_(он) 亚力克赛-伊凡内奇_(Алексей Иванович), 我自己也不喜欢他_(я в свою очередь не люблю его) [Пушкин 1995б: 36];

...愿_(желать) 上帝_(бог) 保佑_(благословлять) 他_(он) 阿列克赛-伊凡内奇_(Алексей Иванович); 我也不喜欢他_(я тоже не люблю его) [Пушкин 2000: 36].

Из текста известно: Ивану Игнатьичу Швабрин не нравится, и в предстоящей дуэли, с его точки зрения, было бы лучше, если бы Гринев заколол Швабрина. Но пятеро переводчиков перевели *Бог с ним* как *Бог благословит его*. Следовательно, у китайских читателей, может, возникнет вопрос: почему человек не нравится, но именно ему желают благополучия, успеха в предстоящей дуэли? Мы видим, что переводчики не выразили значение '1. Пусть будет так (выражение согласия, примирения, прощения, уступки)' [Быстрова и др. 1997: 20]. Думается, что переводчики Сунь и Лю в этой ситуации приняли более правильное решение.

Во-вторых, суммарно во всех переводах использование образа Бога как Небесного Императора является преобладающим, составляя почти две трети (64,2 %) переводче-

ских решений; переводы с использованием образа Неба составляют чуть более одной пятой (21,2 %); на другие переводческие решения приходится 14,6 % исследуемого китайского материала.

В-третьих, 23 из 33-х, или 69,7 % анализируемых русских сочетаний отмечены в «Словаре языка Пушкина» как устойчивые выражения, характерные для употребления в типичных ситуациях приветствия, прощания, прощения, приглашения к столу и др., в которых принято использовать фатические высказывания. При переводе этих 23 сочетаний обращение к образу Бога представлено в 56,9 % случаев, образу Неба — в 26,9 % случаев, другие варианты — в 16,2 % переводческих решений. Из этих 23 сочетаний 16 отмечены как устойчивые во фразеологическом словаре А. И. Федорова [Федоров 2008].

В-четвертых, на перевод 23-х фатических высказываний приходится максимальная (95,2 %) доля от переводов с использованием традиционного для китайской лингвокультуры образа Неба. Очень значительна (83,5 %) здесь и доля других вариантов переводов. Конструкции с иероглифом 上帝_(бог) при переводе фатических высказываний составляют 66,7 % от общего количества реализаций такого варианта перевода. Эти количественные данные находят, например, отражение в следующем примере: при переводе предложения *Нет, брат ворон, чем триста лет питаться падалью, лучше раз напиться живой кровью, а там что бог даст!* [Пушкин 2015: 218] пятеро переводчиков использовали китайский фразеологизм 听_(слушаться) 天_(небо) 由_(покориться) 命_(судьба) [Пушкин 1956: 132; Пушкин 1995а: 314; Пушкин 1995б: 108; Пушкин 1997: 96; Пушкин 2013: 95]; переводчик Ли перевел 随它怎样吧_(как оно хочет) [Пушкин 2000: 104],

и переводчик Лю перевел 听^(слушаться)上帝^(бог)的安排^(устройство) [Художественная проза ... 2013: 224].

В-пятых, при переводе прочих 10 конструкций (т. е. не отмеченных в «Словаре языка Пушкина» как конструкции со связанной сочетаемостью, хотя две из них — *молить бога* и *бога не бояться* — вошли во фразеологический словарь А. И. Федорова), как показывают данные таблицы, в подавляющем большинстве переводов (86,2 %) представлен вариант 上帝^(бог). Например, при переводе словосочетания в предложении *Молю бога, чтоб ты исправился...* [Пушкин 2015: 167] констатируем во всех изданиях одинаковый компонент 上帝^(бог) при разных глаголах: 祷告^(молиться) [Пушкин 1956: 58], 祈求^(просить) [Пушкин 1995б: 47; Пушкин 2000: 48], 乞求^(умолять) [Пушкин 1997: 41; Художественная проза ... 2013: 189]; 求^(просить) [Пушкин 1995: 258]; 恳求^(умолять) [Пушкин 2013: 40].

На втором месте (9,7 %) при переводе свободных сочетаний со словом *Бог/бог* — другие варианты перевода. Так, переводя пушкинское ... *отпусти меня с бедною сиротою, куда нам бог путь укажет* [Пушкин 2015: 221], пятеро переводчиков дали буквальный перевод, использовав вариант 上帝^(бог), но двое избрали другие возможности: ... 哪儿有路我们就往哪里去^(где есть дорога, туда мы и пойдем) [Пушкин 1995а: 319]; ... 哪儿能去就往哪儿去^(куда можно пойти, туда и пойдем) [Пушкин 2000: 108].

И только в 4,1 % китайских переводов свободных словосочетаний представлен вариант 天^(небо), что можно наблюдать, например, при переводе пушкинского *Богу угодно было лишить меня вдруг отца и матери...* [Пушкин 2015: 205]: в четырех изданиях находим вариант 上帝 [Пушкин 1956: 113; Пушкин 1995а: 301; Пушкин 1997: 83; Художественная проза... 2013: 215], в одном — свободный перевод 大祸临头^{(большая беда}

нависла над головой; грозит несчастье, чревато катастрофой; беда, катастрофа) [Пушкин 2000: 90]. Двое использовали иероглиф 天^(небо): 天意^(воля неба, божья воля; императорское желание; естественное желание) [Пушкин 2013: 81]; 苍天^(голубое небо, светлеющее небо) 有意^{(1) умысленный, пред-}

намеренный; нарочитый; нарочно, намеренно, сознательно, умышленно, с умыслом; 2) желать, хотеть; иметь намерение, собираться) [Пушкин 1995б: 93].

Анализ лексической сочетаемости в анализируемых русских конструкциях со словом *Бог/бог* и их переводах позволяет сделать следующие выводы о «распределении ролей» между Богом и Небом в китайской языковой картине мира, восстанавливаемой на основании семи изученных переводов. Наш основной вывод: не везде, где у русских действует или присутствует Бог, в Китае актуален 上帝^(бог). Здесь славят и благодарят чаще Небо, чем Бога. Знает что-либо о чем-либо преимущественно Небо, которому отводится скорее объектно-пассивная роль.

Активная же роль, предопределенная контактом с человеком, у Бога. Именно бог видит что-либо (в том числе все действия человека), и дает или не дает что-либо человеку Бог, в которого человек верует и которого, следовательно, можно о чем-то молить, просить: от него зависит благополучие человека. Именно Бог, которому можно принести раскаяние, выступает в качестве судьи и может миловать и прощать. Таким образом, Богу свойственны функции Небесного Императора, принимающего решения в судьбоносных для человека ситуациях. В приземленных же, обыденных ситуациях, например, угощения, неуместно обращаться к Высшим Силам (ни к 上帝, ни к 天), а для доказательства своей честности человеку неприлично звать эти Высшие Силы в свидетели.

Подводя итоги, мы констатируем, что в результате сопоставления русских выражений со словом *Бог/бог* (или *господь*) и их китайских переводов получены следующие новые знания:

— во-первых, переводчики (вероятно, для отражения в переводе национальной специфики, в качестве экзотизма для китайского читателя) предпочитают использовать образ Бога, как в русском оригинале;

— во-вторых, когда для перевода на китайский язык можно найти эквивалентный китайский фразеологизм (с использованием образа Неба), отдельные переводчики пользуются этой возможностью;

— в-третьих, в некоторых коммуникативных ситуациях значение слова *Бог/бог* не связано с выражением религиозного образа, который, как представляется, ослабевает или совсем исчезает. В таких ситуациях китайским переводчикам нужно обратить

внимание на русские словари, в которых зафиксированы толкования устойчивых сочетаний. Если перевести посредством буквального перевода или если переводчик усмотрит в ситуации авторский смысл религиозного обращения к Богу или Небу, то китайский читатель может обнаружить в тексте «лишний», не присутствующий в оригинале смысл, что отрицательно повлияет на качество перевода.

Таким образом, изучив устойчивые выражения с компонентом *Бог /бог* (или *господь*) в романе А. С. Пушкина «Капитанская дочка», мы отмечаем, что они активно употребляются в разных коммуникативных ситуациях, характеризующих языковую жизнь русских, которые, с одной стороны, обращаются в критических жизненных ситуациях к *Богу* (или *Господу*) как носители православной веры, с другой стороны, используют слово «всуче» — в качестве составной части устойчивых выражений, и в этом случае значение, связанное с религиозной семантикой, ослабевает. Вероятно, в этих ситуациях переводчики могли бы воспользоваться китайскими эквивалентными выражениями, не употребляя вариант 上帝.

Если же слово *бог* (или *господь*) входит в состав русских пословиц, то китайские переводчики переводят его, либо используя образ Бога, либо сопровождая перевод комментарием, чтобы читатели могли лучше (т. е. ближе к оригинальному содержанию) понять смысл происходящих в романе событий и разговоров персонажей. Мы считаем, что комментарий лингвокультурных особенностей, связанных с употреблением слова *Бог /бог* как одного из основных русских культуронимов, был бы полезен во всех изданиях «Капитанской дочки» А. С. Пушкина, как и другой русской классической литературы.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Ан 2008 — Ан С. А. Представления об образе неба в китайской философии // Исторические науки. 2008. № 2. С. 12–16. [An S. A. The image of the Heaven: Chinese philosophical representations. *Istoricheskie nauki*. 2008. No. 2. Pp. 12–16].
- Бабенко 2011 — Бабенко Л. Г. Словарь синонимов русского языка / под редакцией Л. Г. Бабенко. М.: Астрель, 2011. 688 с. [Babenko L. G. *Slovar' sinonimov russkogo yazyka* [Dictionary of Russian synonyms]. L. G. Babenko (ed.). Moscow: Astrel', 2011. 688 p.].
- БКРС — Большой китайско-русский словарь // [электронный ресурс] URL: <https://bkrs.info> (дата обращения: 30.01.2018). [*Bol'shoy kitaysko-russkiy slovar'* [The Great Chinese-Russian Dictionary].] Available at: <https://bkrs.info> (accessed: 30 January 2018).
- БРКС 2001 — Большой русско-китайский словарь: Испр. изд. Пекин: Коммерческое изд-во, 2001. (大俄汉词典 - 修订版 北京: 商务印书馆, 2001). 2857 с. [*Bol'shoy russko-kitayskiy slovar'*: *Ispr. izd.* [The Great Russian-Chinese Dictionary. A revised edition]. Beijing: Commercial Press, 2001. 2857 p.].
- Быстрова и др. 1997 — Быстрова Е. А., Окунева А. П., Шанский Н. М. Учебный фразеологический словарь. М.: АСТ, 1997. 289 с. [Bystrova E. A., Okuneva A. P., Shansky N. M. *Uchebnyy frazeologicheskiy slovar'* [A student's phraseological dictionary]. Moscow: AST, 1997. 289 p.].
- Ван Юе 2015 — Ван Юе. Анализ перевода фразеологизмов русского и китайского языков (王月. 浅析俄汉成语对比翻译). 2015 // [электронный ресурс] URL: <https://www.doc88.com/p-6781259956661.html> (дата обращения: 15.12.2017). [Wang Yue. *Analiz perevoda frazeologizmov russkogo i kitayskogo yazykov* [Russian and Chinese phraseological units: translation analysis]. 2015.] Available at: <https://www.doc88.com/p-6781259956661.html> (accessed: 15 December 2017).
- Верещагин, Костомаров 2005 — Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с. [Vereschagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Moscow: Indrik, 2005. 1038 p.].
- Го Нинин 2013 — Го Нинин. Лингвокультурные аспекты китайской фразеологии // [электронный ресурс] Вестник Тамбовского университета. Сер. «Гуманитарные науки. Филология и искусствоведение». Вып. 2 (118). 2013. С. 166–168. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-aspekty-kitayskoy-frazeologii> (дата обращения: 19.12.2017). [Go Ninnin. Linguocultural aspects of Chinese phraseology. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Ser. «Gumanitarnye nauki. Filologiya i iskusstvovedenie»*. Iss. 2 (118). 2013. Pp. 166–168.] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvokulturnye-aspekty-kitayskoy-frazeologii> (accessed: 19 December 2017).
- Доркина 2014 — Доркина Ю. В. О способах перевода на китайский язык фразеологизмов священного писания // [электронный ресурс] Magister Dixit, №1 (13), апрель. 2014.

- C.15–20. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sposobah-perevoda-na-kitayskiy-yazyk-frazeologizmov-svyaschennogo-pisaniya> (дата обращения: 19.12.2017). [Dorkina Yu. V. The ways of translation of biblical idioms in the Chinese language. *Magister Dixit*. No. 1 (13), April. 2014. Pp. 15–20.] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sposobah-perevoda-na-kitayskiy-yazyk-frazeologizmov-svyaschennogo-pisaniya> (accessed: 19 December 2017).
- Пушкин 2013 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. Перевод Ван Чжилян. Шанхай: Изд-во Педагогического университета Восточного Китая, 2013. 145 с. (上尉的女儿. (俄)普希金著. 智量译. 上海: 华东师范大学出版社, 2013). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Zhi Liang (transl.). Shanghai: East China Pedagogical University, 2013. 145 p.]
- Пушкин 2000 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. (Россия). Перевод Ли Ган. Ханчжоу: Изд-во «Чжецзян вэньи», 2000. 143 с. (上尉的女儿. (俄)普希金著. 力冈译. 杭州: 浙江文艺出版社, 2000). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Li Gang (transl.). Hangzhou: Zhejiang Wenyi, 2000. 143 p.]
- Пушкин 1956 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. (Россия). Перевод Сунь Юн. Ред. Шэньфу. Пекин: Изд-во народной литературы, 1956. 186 с. (上尉的女儿. (俄)普希金著. 孙用译. 毕慎夫校. 北京: 人民文学出版社, 1956). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Sun Yong (transl.), Bi Shenfu (ed.). Beijing: People's Literature Press, 1956. 186 p.]
- Пушкин 1995 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. Перевод Хуан Цзянянь. Ухань: Изд-во «Чанцзян вэньи», 1995. 152 с. (上尉的女儿. (俄)普希金著. 黄甲年译. 长江文艺出版社, 1995). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Huang Jianian (transl.). Wuhan: Changjiang Wenyi, 1995. 152 p.]
- Пушкин 1997 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. Перевод Цзан Чуаньчжень, Шао Мин. Тяньцзинь: Изд-во «Байхуа вэньи», 1997. 139 с. (上尉的女儿. (俄)普希金著. 臧传真 少明译. 天津: 百花文艺出版社, 1997). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Zang Chuanzhen, Shao Ming (transl.). Tianjin: Baihua Wenyi, 1997. 139 p.]
- Пушкин 1995а — Пушкин А. С. Капитанская дочка. Перевод Фэн Чун, Чжан Хуэй. Шанхай: Шанхайское изд-во переводов, 1995а. 369 с. (上尉的女儿. 普希金著. 冯春 张惠译. 上海: 上海译文出版社, 1995). [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Feng Chun, Zhang Hui (transl.). Shanghai: Shanghai Translation Press, 1995. 369 p.]
- Маслова 2001 — Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Академия, 2001. 208 с. [Maslova V. A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow: Akademia, 2001. 208 p.]
- Ожегов, Шведова — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/13502>. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Russian explanatory dictionary].] Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/13502>.
- Папулова 2015 — Папулова Ю. К. Переводческий комментарий как особый вид метатекста // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. №1 (11). 2015. С. 38–45. [Papulova Yu. K. Translation comments as a type of metatext. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnikeskogo universiteta. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki*. 2015. No.1 (11). Pp. 38–45].
- Пушкин 2015 — Пушкин А. С. Капитанская дочка. М.: Эксмо, 2015. 256 с. [Pushkin A. S. *Kapitanskaya dochka* [The Captain's Daughter]. Moscow: Eksmo, 2015. 256 p.]
- Разумовская 2016 — Разумовская В. А. Переводимость культурной информации и стратегии художественного перевода // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 4. С. 110–121. [Razumovskaya V. A. Cultural information translatability and strategies of literary translation. *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedenie. Zhurnalistika*. 2016. Iss. 4. Pp. 110–121].
- Ромеро Интриаго 2014 — Ромеро Интриаго Д. И., Щербакова Н. В. Религиозная картина мира в русской и китайской фразеологии // [Электронный ресурс] Научные ведомости Белгородского университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2014. №9 (180). Вып. 28. С.191–195. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-kartina-mira-v-russkoy-i>

- kitayskoy-frazeologii (дата обращения: 19.12.2017). [Romero Intriago D. I., Scherbakova N. V. The religious world view in Russian and Chinese phraseology. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo universiteta. Ser. Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 2014. No. 9 (180). Iss. 28. Pp. 191–195.] Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-kartina-mira-v-russkoy-i-kitayskoy-frazeologii> (accessed: 19 December 2017).
- РГ — Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1. 783 с. [*Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Moscow: Nauka, 1980. Vol. 1. 783 p.]
- СЛЯП 2000 — Словарь языка Пушкина: в 4 т. 2-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. Т. 1. 973 с. [*Slovar' yazyka Pushkina: v 4 t. 2-e izd., dop.* [A dictionary of Pushkin's language. In 4 vol. 2nd ed., suppl.]. Moscow: Azbukovnik, 2000. Vol. 1. 973 p.]
- Федоров 2008 — Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008. 828 с. [Fedorov A. I. *Frazeologicheskiy slovar' russkogo literaturnogo yazyka* [A phraseological dictionary of literary Russian]. Moscow: Astrel': AST, 2008. 828 p.]
- Художественная проза ... 2013 — Художественная проза Пушкина. (Россия). Пушкин написал. Лю Вэньфэй перевел. Гуйлинь: Изд-во «Лицзянь», 2013. 249 с. (普希金小说选. /(俄罗斯) 普希金著. 刘文飞译. 桂林: 漓江出版社, 2013) [*Khudozhestvennaya proza Pushkina* [Pushkin's literary prose]. Liu Wenfei (transl.). Guilin: Lijiang, 2013. 249 p.]
- Цзян Шаоцин 2013 — Цзян Шаоцин. Эквивалентность перевода фразеологизмов русского и китайского языков (蒋少琴. 汉俄成语翻译得对等性 transliteration: хань э чэн юй фань и дэ дуй дэн син). 2013 [электронный ресурс] URL: <https://www.doc88.com/p-3983717573843.html>. (дата обращения: 15.12.2017). [Jiang Shaoqin. *Ekvivalentnost' perevoda frazeologizmov russkogo i kitayskogo yazykov* [Russian and Chinese phraseological units: translation equivalence]. 2013.] Available at: <https://www.doc88.com/p-3983717573843.html>. (accessed: 15 December 2017).

УДК 81

О вариантах перевода сочетаний со словом *Бог* на китайский язык (на материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»)

Цзин Тун¹

¹ соискатель кафедры русского языка Института социально-гуманитарных наук Тюменского государственного университета (Тюмень, Российская Федерация). E-mail: 184613074@qq.com

Аннотация. Статья посвящена исследованию особенностей перевода фразеологически связанных и свободных словосочетаний со словом Бог/бог с русского на китайский язык, функционирующих в художественном тексте. Актуальность исследования объясняется активизацией китайско-русских культурных контактов, что обуславливает необходимость поиска адекватных языковых единиц для перевода фундаментальных концептов (в том числе Бог/бог), входящих в национальные картины мира. Русская и китайская религиозная и языковая картины мира различаются как «божественная» (православная) и «небесная», что отражается во фразеологии: слова *Бог* и *Небо* широко употребляются в русских и китайских устойчивых сочетаниях.

На материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка» и семи его изданий на китайском языке рассматриваются варианты перевода сочетаний со словом-понятием *Бог/бог* (относительно которого ни в одном из семи изданий нет комментариев) с учетом лексической

семантики управляемого (управляющего) компонента и его синтаксической функции. Основной задачей исследования является сопоставление условий употребления каждого из трех выявленных в китайских изданиях вариантов перевода русских фразеологических и свободных сочетаний с целью обнаружения лингвокультурных, контекстуальных закономерностей перевода, а также субъективных, индивидуальных предпочтений переводчиков. В статье предлагается типология коммуникативных ситуаций употребления устойчивых сочетаний со словом *Бог/бог*, составленная на основании русских словарей. Цель исследования — выявление закономерностей, проявляющих взаимовлияние языка и культуры при переводе художественного произведения для читателя-инофона.

Ключевые слова: перевод, варианты перевода, китайский язык, А. С. Пушкин, «Капитанская дочка»

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 122–130, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-122-130
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 81'374.3

The Kalmyk Adjective *Dogšin*: Peculiarities of Lexical Co-Occurrence*

Saglar E. Bachaeva¹

¹ Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: bachaevase@kigiran.com

Abstract. Contemporary linguists pay great attention to the issue of lexical co-occurrence of words. Co-occurrence of Kalmyk adjectives remains largely understudied, and there have been only some few articles dealing with syntagmatics of adjectives denoting motion, size, quantity and geometric form. With evidence from texts of the Kalmyk heroic epic of *Jangar* and materials of the Kalmyk National Corpus (Rus. *HKKЯ*, <http://kalmncorpora.ru>), the paper aims to investigate the peculiarities of lexical co-occurrence inherent to the adjective *dogšin* which denotes negative personal qualities.

The study has identified and examined lexical combinations of the mentioned (most widespread) adjective *dogšin* which signifies intense and somewhat negative traits of character. The adjective is characterized by extensive lexical co-occurrence with different nouns. E.g., *dogšin* as a means to describe personal qualities may be used to designate some external manifestations (a glance, look) — *dogšin khäläts* 'furious look / glance'. It also co-occurs with nouns denoting parts of human body: *dogšin nüdn* 'fierce eyes', *dogšin chirä* 'fierce face'. Co-occurrence with the somatism 'heart' is not that productive — *dogšin zürkn* 'hard heart'. But it often combines with the nouns 'speech, voice, word': *dogšin dun* 'ferocious voice', *dogšin ä* 'intense sound', *dogšin üg* 'hard word'.

The lexeme *dogšin* has both a direct meaning ('man of physical vigor, cruelty and ferocity') and an indirect one ('super-tough, strong, he who smites others dead'). Since the *Jangar* is a heroic text describing warriors and their deeds of valor, strength, and bravery, *dogšin* here often co-occurs with names of different bladed weapons. Another indirect meaning of *dogšin* is 'exceptionally strong / severe': *dogšin kün* 'cruel man' — *dogšin nooldan* 'vicious fight' — *dogšin sal'kn* 'severe frost'.

The paper concludes that the main nominative meanings of the adjective *dogšin* are as follows:

1. 'cruel' — exceptionally severe, merciless, ruthless, non-compassionate.
2. 'fierce, strong, restless' (about animals and birds).
3. 'rampant, smashing, relentless' (about bladed weapons of warriors).
4. 'severe, fierce, furious, bitterly intense' (about frost, wind).
5. 'expressing atrocity' (about appearances, look, face).
6. 'indomitable, furious' (about water reservoirs).
7. 'strict, fierce' (epithets of warriors).

Keywords: lexical co-occurrence, adjectives, epic, lexeme, severe

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Толковый словарь языка калмыцкого героического эпоса «Джангар» (номер госрегистрации: 114071170020)

В настоящее время лингвисты огромное внимание уделяют проблеме лексической сочетаемости слов. Изучению лексической сочетаемости имен прилагательных посвящены исследования В. В. Виноградова [1977], В. В. Морковкина [1984], Е. В. Рахилиной [2008], Д. Н. Шмелева [1973] и многих других. В калмыцком языке сочетаемость имен прилагательных недостаточно изучена, имеется ряд статей, в которых рассматривалась синтагматика имен прилагательных, обозначающих движение, размер, величину и геометрическую форму [см.: Бачаева 2015; Куканова 2016; Мулаева 2016].

М. В. Влавацкая считает, что синтагматика понимается как область языкознания, изучающая линейные отношения языковых единиц в пределах определенного уровня системы языка. Синтагматика как аспект изучения отношений лексических единиц представлена, во-первых, уровнем языковой синтагматики, изучающим потенциальную сочетаемость слов, и, во-вторых, уровнем речевой синтагматики, изучающим реальную сочетаемость слов в речи [Влавацкая 2013: 18–21].

В языке любого народа отражается не только культурное своеобразие, мироощущение, но и национальный характер человека, который можно выявить, исследуя имена прилагательные интересующего вас языка. Данная работа посвящена выявлению особенностей лексической сочетаемости имени прилагательного *догшин*, обозначающего отрицательные черты характера

человека. Материалом для исследования послужили песни калмыцкого героического эпоса «Джангар» и тексты Национального корпуса калмыцкого языка — НККЯ (<http://kalmcorp.ru>).

Прилагательные, обозначающие черты характера, указывают на внутренние положительные и отрицательные качества человека, его поступки, отношение к другим людям. К именам прилагательным, характеризующим отрицательные черты характера человека в калмыцком языке, относятся следующие слова: *догшин* ‘свирепый, жестокий’, *шүрүн* ‘суровый’, *му* ‘плохой’, *уурта* ‘злой, сердитый’, *ховдг* ‘скупой’, *зүткэ* ‘упрямый’, *эргү* ‘глупый’, *залху* ‘ленивый’, *му заңта* ‘капризный’, *хэрг* ‘нелюдимый’.

По мнению С. Д. Егиновой, в микросистеме прилагательных, обозначающих черты характера человека, «запечатлены» нравственные, моральные ценности народа, отношение к внешнему и внутреннему проявлению определенных эмоциональных состояний, к возможностям психики, к личностным свойствам человека. Данные прилагательные как референты обозначаемого отражают «языковую картину мира», несут в себе уникальную информацию по когнитивной, этимологической памяти [Егинова 2012: 124–125].

Степень распространенности таких прилагательных не одинакова, частотность некоторых лексем невелика. Рассмотрим выборку некоторых употреблений в таблице № 1.

Таблица № 1. Сопоставительный анализ частотности прилагательных¹

прилагательные		<i>догшин</i>	<i>шүрүн</i>	<i>уурта</i>	<i>му</i>	<i>мектэ</i>
Количество примеров	Национальный корпус калмыцкого языка (НККЯ)	2400	670	447	4846	183
	Калмыцкий героический эпос «Джангар»	182	20	3	54	1

Из данной таблицы видно, что в НККЯ наиболее частотным является слово *му*. В калмыцком героическом эпосе «Джангар» наиболее частотным прилагательным, обозначающим характер человека, является *догшин* ‘жестокий’, имеющее резкую отрицательную оценку: ‘крайне суровый, безжалостный, беспощадный’.¹

¹ Следует отметить, что в данной работе берется частота не только прилагательных, обозначающих отрицательный характер человека, но и всех других значений данных слов.

В «Калмыцко-русском словаре» указаны следующие значения *догшин*: 1) ‘свирепый, жестокий (о характере)’; *догшин заң* ‘жестokie нравы’ 2) ‘хищный’; *догшин шовун хоңшарарн медгдг* посл. ‘хищная птица узнается по клюву’ 3) ‘непокойный (о лошади)’; *догшин мөрн* ‘непокойная лошадь’ 4) ‘сильный, резкий’; *догшин салькн* ‘сильный ветер’ [КРС 1977: 203].

В «Толковом словаре калмыцкого языка» Б. Б. Манджиковой дано пять значений слова *догшин*: 1. *Аврлг уга, өршэңгү уга*. Свирепый, жестокий (о характере). *Догшин*

заң. 2. Махч. Хищный. 3. Альвн; доклзсн; догдлсн; эср. Неспокойный (о лошади). Догшин мөрн. 4. Сильный, резкий. Күчтә, ик күчтә; чаңһ. Догшин салькн; догшин киитн;

догшин халун. 5. Перен. сверпрочный. Күчтә, бат [Манджикова 2002: 41].

Значения прилагательного *жестокый* представлены в сводной таблице № 2.

Таблица № 2. Сводная таблица значений прилагательных *догшин* / 'жестокый' в калмыцком и русском языках¹

№	Значения	Калмыцкое слово <i>догшин</i>		Русское слово <i>жестокый</i>	
		КРС	ТСКЯ	Ефремова	Ожегов, Шведова
1	жестокый (о характере)	+	+	—	—
2	хищный	+	+	—	—
3	неспокойный	+	+	—	—
4	сильный, резкий	+	+	—	—
5	сверпрочный	—	+	—	—
6	свирепый	+	+	—	—
7	очень сильный, превышающий обычную степень, размеры	—	—	+	+
8	беспощадный	—	—	+	+
9	безжалостный	—	—	+	+

В «Калмыцко-русском словаре», «Толковом словаре калмыцкого языка» лексема *жестокый* имеет одинаковые значения: свирепый, жестокий (о характере); сильный, резкий; беспокойный; хищный. В словарях Т. Ф. Ефремовой, С. И. Ожегова даны значения: очень сильный, превышающий обычную степень, размеры; беспощадный, безжалостный [Ефремова 2000; Ожегов 2013].¹

В «Толковом словаре монгольского языка»² *догшин* — 1) *амьтны зан байдан номхон дару биш хатан, шируун харгис; догшин ууртай хүн; эмнэг догшин морь*; 2) *юмны чанар, хат, хэтэрхий чанга; ган төмөр хэдий догшин боловч галд заавал уярдаг*; 3) *юмны ааг чадал хатуу, их, догшин амт; догшин архи; догшин салхи*. 1) обозначает крутой нрав человека или животного, суровый свирепый; жестокий человек; дикий беспокойный конь; 2) обозначает свойство чего-либо, крепость, стойкость; сколь крепка бы ни была сталь, в огне расплавится; 3) означает свойства природных

явлений или еды; крепкая водка, сильный ветер' [Цэвэл 1966: 196].

В «Монгольско-русском словаре» Ю. Н. Кручкина *догшин* — 1) дикий, жестокий, свирепый, норовистый, резвый, 2) крепкий, горький, кислый, сильный, строгий: *зэрлэг* ~ 'жестокый, зверский'; ~ *морь* 'резвый конь, норовистая лошадь', ~ *ааи авир* 'жестокый характер', ~ *салхи* 'сильный ветер', ~ *амт* 'горький вкус', ~ *архи* 'крепкая водка', ~ *хүн* 'жестокый/свирепый человек' [Кручкин 2013: 111].

В «Калмыцко-русском словаре» А. М. Позднеева *догшин* — жестокий, свирепый, строгий, суровый. *Даб дээрэ хурбан догшиди алаба* 'сразу убил трех злостных' [Позднеев 1911: 220].

Догшин сочетается со словами, обозначающими:

1) человека: *догшин аңһучнр* 'жестокие охотники', *догшин цергч* 'жестокый солдат', *догшин алач* 'жестокый убийца', *догшин хортн* 'жестокый враг', *догшин хан* 'жестокый хан', *догшин күн* 'жестокый человек', *догшин залу* 'жестокый мужчина';

2) животных, птиц: *догшин аң* 'свирепые звери', *догшин зерлг кер* 'беспокойный дикий гнедой', *догшин тоһрун* 'сильный журавль', *догшин бух* 'свирепый бык', *догшин ажрһ* 'беспокойный жеребец', *догшин мөрн*

¹ Данная таблица дается только к самому частотному и имеющему наиболее распространенную лексическую сочетаемость прилагательному — *догшин*.

² Монгол хэлний товч тайлбар толь [Цэвэл 1966]

‘неспокойная лошадь’¹, *догшин ноха* ‘свирепая собака’, *догшин чон* ‘хищный волк’;

3) холодное оружие: *догшин үлд* ‘грозный меч’, *догшин шор* ‘грозный штык’, *догшин хар селм* ‘грозная черная сабля’, *догшин бэрңк* ‘грозное копьё’;

4) явления природы, погодные условия, стихии: *догшин киитн өдр* ‘сильно холодный день’, *догшин салькн* ‘сильный, резкий ветер’, *догшин урсхл* ‘сильное течение’, *догшин киитн* ‘сильный холод’, *догшин халун* ‘сильная жара’, *догшин киитн усн* ‘сильно холодная вода’, *догшин шуурһн* ‘сильная метель’, *догшин зуд* ‘сильная бескормица’, *догшин үвл* ‘лютая зима’, *догшин һаң* ‘сильная засуха’, *догшин аюл* ‘сильное бедствие’, *догшин һал* ‘сильный огонь’, *догшин мөндр* ‘сильный град’;

5) военные действия: *догшин дән* ‘жестокая война’, *догшин атак* ‘жестокая атака’, *догшин бэрлдән* ‘жестокая схватка’, *догшин дээлдән* ‘жестокое сражение’;

6) названия частей тела человека: *догшин нүдн* ‘жестокые глаза’, *догшин зүркн* ‘жестокое сердце’, *догшин чирэ* ‘жестокое лицо’;

7) водные бассейны и его объекты: *догшин дала* ‘неукротимый океан’, *догшин дольган* ‘неукротимая волна’, *догшин нур* ‘неукротимое озеро’, *догшин теңс* ‘неукротимое море’, *догшин һол* ‘неукротимая река’;

8) выражение глаз, мышление: *догшин ухан* ‘жестокий ум’, *догшин хэлэц* ‘жестокий взгляд’, *догшин тоолвр* ‘жестокое мнение’;

9) судебно-правовую лексику (судопроизводство): *догшин шоодвр* ‘жестокое наказание’, *догшин закон* ‘жестокий закон’, *догшин зарһ* ‘жестокий суд’, *догшин засг* ‘жестокое наказание’, *догшин зэңг* ‘жестокая новость’, *догшин цааж* ‘жестокое наказание’, *догшин некр* ‘жестокое взыскание’, *догшин зэрлг* ‘жестокий указ’;

10) культовые и ритуальные действия — *догшин тэрн* ‘сильное заклинание’: *Һазрин дундурт* / *Догшин тэрнтэ* / *Шар Ширмин хан* / *Тэрн гүүлгэд*, / *Күлг арнэл хойриг* / *Күцэд, күрэд ирв.* [ШД: I] ‘Обладатель сильных заклинаний Шара Ширмин хан, на середине пути произнеса заклинание, догнал скакуна и аранзала’;

¹ *Догшин мөрн* — *тогтун, номһн биш, шүрүн заңта мөрн* ‘неспокойная, норовистая лошадь’; *гүн кедү догшин болв чигн унһан ишклдго посл.* ‘Как бы ни была норовиста кобылица, она никогда не лягнет своего жеребенка’ [Пюрбеев 1996: 44].

11) божеств² (бурханов), святых людей, отмеченных печатью божественности и святости: *Арвн эктэ догшин бурхнн* / *Зүркн тэрниг һурв умһад*, / *Һурв үлэхэд, оһтрһуд цацв.* [БЦ: I] ‘Трижды прочитав заклинание, обращенное к десяти гневным бурханам, трижды дунув, бросил в небеса’.

Г. Ц. Пюрбеев считает, что *догшин* имеет значение ‘неумолимый, разящий насмерть, грозный, громкий’ и обозначает названия богатырского оружия, ритуальные военные атрибуты, снаряжения, природные объекты и явления (стихии): *догшин шар шорнч* ‘неумолимый желтый штык’; *догшин хар селм* ‘разящая насмерть черная сабля’, *догшин цаһан дуң* ‘громкая белая труба-раковина’³, *догшин ном* ‘грозное заклинание’, встречается при совершении обряда присяги в подтверждение клятвенных слов богатырей *догшин хар селмин ир дола дэжэ долав* ‘семикратно целует лезвие своего грозного булатного меча’⁴ [Пюрбеев 2015: 74–77], *догшин хар бэрңк* ‘грозное черное копьё’⁵.

В героическом эпосе «Джангар» *догшин* входит в состав имени собственного и является постоянным эпитетом: *Догшин Хар Санл* ‘Строгий Смуглоликий Санал’, *Догшин Шар Маңһс хан* ‘Свирепый Шара Мангас хан’, *Догшин Маңна хан* ‘Свирепый Мангна хан’, *Догшин Замбл хан* ‘Свирепый Замбал хан’.

² В работе «Опыт лингвистического исследования эпоса „Джангар“» Б. Х. Тодаева дает следующие толкования слова *бурхн* — 1) будда, бурхан; бог, божество; *эдстэ бурхнь хээрлсн эрүн цаһан эмэн* ‘святое лекарство, пожалованное священной буддой’; 2) святой, священный, божественный; *бурхн цаһан маңнадан эдслэд* ‘приложил (благословляя) к своему божественно-белому лбу’ [Тодаева 1976: 226]. В «Калмыцко-русском словаре» приводятся значения слова *бурхн* — бурхан, божество; божок [КРС 1977: 121].

³ *Далн хойр далан дархдудыг* / *Догшин цаһан дуңгар* / *Дуудад хээрлти!* [МД: III] ‘Окажите милость, созвав грозным звуком белой раковины кузнецов семидесяти двух вод’.

⁴ *Догшин харл селмэн тачл авад*, / *Долаһад, нэгмэхэдл чавчлдад одв.* [БН: I] ‘Вытащили грозные черные мечи, по семь, восемь раз стали рубиться’.

⁵ *Азг Улан Хоңһр* / *Саадг-шагшан агсад*, / *Анчн нертэ* / *Догшин хар бэрңкэн зүүһэд*, / *Мухр хар үлдэн хавчулад*, *мордов.* [ШД: II] ‘Азыг Улан Хонгор привесил лук со стрелами, грозное черное копьё бяринке, засунул за пояс короткий меч и отправился в путь’.

Догшин Шар Гүргү 'Свирепый Шара Гюргю', Догшин Хар Кинс 'Свирепый Хара Киняс', Догшин Шар Мерген 'Свирепый Шара Мерген', Догшин Шоңхр баатр 'богатырь Свирепый Шонхор'; названия моря: Догшин улан теңс 'неукротимое Красное море'.

Г. Ц. Пюрбеев пишет, что имена эпических героев-богатырей, как правило, сопровождаются индивидуальными эпитетами, выступающими их постоянными качественными характеристиками: *Арг Улан Хоңһр* (Алый лев Хонгор), *Күнд һарта Савр* (Савар Тяжелорукий), *Догшин хар Санл* (Смуглолицый Санал Неукротимый) [Пюрбеев 2015: 26].

Структура полных имен эпических героев обычно бывает многокомпонентной. В их составе могут быть: определение-эпитет (один и более), личное имя (простое или сложное), название титула, указание на род занятий и т. д., например: *Бөк Санл нойн* (Бёке Санал нойн), *Догшин Шоңхр баатр* (богатырь Догшин Шонхор) [Пюрбеев 2015: 26–27]. Здесь мы видим, что в имени *Догшин хар Санл* — *догшин* переводится как 'неукротимый', а в *Догшин Шоңхр баатр* дается без перевода. *Догшин* в имени Санала мы переводим как 'строгий', 'суровый', т. е. имеющий положительное значение, а в составных именах остальных ханов, богатырей — 'свирепый', так как считаем, что в первом случае *догшин* характеризует Санала¹ как не допускающего снисхождений, сурового, придерживающегося принятых норм поведения, во втором случае дается характеристика грозного, безжалостного, жестокого воина.

В эпическом тексте встречается слово *догшид* 'свирепые божества', относящееся к буддийской мифологии. В «Калмыцко-русском словаре» — *догшид* свирепые боги докшиды (род духовных лиц и божеств) [КРС 1977: 203]. В книге Б. Х. Тодаевой «Опыт лингвистического исследования

¹ Буйн төгс ааван көвүн уга окгсн, бурхн сээхн ээжһһән буй уга хайгсн, бум өрк алван ной уга оксн, арвн нээмтә эңр улан хатан һанц бийһһн өкад, Буурл Һалзарн иржс, Эзн богдыг дахсн Бульһһрин [көвүн] Догшин Хар Санл болна — 'Санал, сын Булингира, без сына оставил своего добродетельного отца, оставил без почестей мать, прекрасную, как бурхан, сто тысяч семей подданных оставил без владыки, восемнадцатилетнюю краснолицую ханшу оставил одну, последовал за богом [Джангаром] на Буурал Галзане'.

эпоса „Джангар“ дано толкование термина *догшид*: 'свирепые гении, докшиты'; *догшид номиннь яңнь* 'чтение докшитских молитвенников'² [Тодаева 1976: 264].

Нами зафиксированы и рассмотрены лексические сочетания наиболее распространенного имени прилагательного *догшин*, обозначающего сильные и в определенных случаях отрицательные черты характера человека. Рассматриваемое нами прилагательное *догшин* имеет очень широкую лексическую сочетаемость с существительными различных групп. Прилагательное *догшин*, определяющее характер человека, может быть использовано для характеристики внешних проявлений (взгляд): *догшин халәц* 'свирепый взгляд'; сочетается с существительными, обозначающими части тела человека: *догшин нүдн* 'свирепые глаза', *догшин чирә* 'свирепое лицо'. Менее продуктивное употребление в сочетании с существительным-соматизмом «сердце»: *догшин зүркн* 'жестокое сердце'. Часто встречается сочетание с существительными «речь, голос, слово»: *догшин дун* 'жестокое слово', *догшин ә* 'сильный звук', *догшин үг* 'жестокое слово'.

Анализ прилагательного *догшин* позволяет сделать вывод, что *догшин* имеет не только прямое значение, обозначая человека с большой физической силой, жестокого, свирепого, но и *переносное* — сверхпрочный, крепкий, разящий насмерть. В связи с тем, что «Джангар» — героический текст, описывающий богатырей, их доблесть, силу, отвагу, сочетание *догшин* также связано с различными видами богатырского холодного оружия.

Как считает А. И. Ильдарова, прилагательные со значением нравственной характеристики человека переносное значение образуют по модели: «значение нравственной характеристики человека → метафорический перенос на основе ассоциации—

² Алдр тана зергд, / Миң гигч уулан бәрвв, / Миңһн түмн алван бәрвв, / Сарин һурвн мацт / Нээмн догшид дурдыт! [ЭО: VIII] 'Вашему священству гору Минг жертвую, сто тысяч подданных жертвую, три раза в месяц, в день поста вспоминайте восемь догшидов'

Дуң-бүрәһин дунь / Догшин хату дән нутт / Күңһжс соңсгдв, / Догшид номиннь яңнь / Деер, теңгрин орнд, / Жирәһһжс соңсгддг болна [БЦ: I] 'В жестокой вражеской стране слышались звуки раковин и труб, наверху в стране тенгриев слышались духовные песнопения во славу догшидов'.

сходства эмоциональных впечатлений → обозначение степени эмоций». Например: *злой враг — злой мороз; жестокий человек — жестокая засуха; хитрый человек — хитрая уловка* [Ильдарова 2007: 21]. *Догшин* имеет *переносное значение* ‘очень сильный, превосходящий обычное’: *догшин күн* ‘жестокий человек’ — *догшин ноолдан* ‘жестокая борьба’ — *догшин салькн* ‘крепкий, жестокий мороз’.

В качестве основного номинативного значения прилагательного *догшин* мы выделяем:

1. *Жестокий* — крайне суровый, безжалостный, беспощадный, не проявляющий сострадания; черта, в основном характеризующая врага, взрослого человека: *догшин залу* ‘жестокий мужчина’, *догшин күн* ‘жестокий человек’ — *Түүнэ эзн помещик икл догшин күн*. [НККЯ. Балакан А: Залу зөрг]. ‘Его хозяин помещик очень жестокий человек’.

2. *Свирепый, сильный, беспокойный* (о животных, птицах): *догшин һард* ‘свирепый Гаруда’, *догшин мөрн* ‘беспокойная лошадь’ — *Догшин һардин нүдэр / Дор-деер соляд, / Долахн наста Жаңһр / Дуут Бумбин ор / Эзлгсн бээдг* [МД: II] ‘Свирепыми глазами Гаруды глядя то вверх, то вниз, властвует в прославленной Бумбе семилетний Джангар’.

3. *Грозный, разящий, неумолимый* (о богатырском холодном оружии): *догшин үлд* ‘грозный меч’, *догшин шор* ‘грозный штык’ — *Күмнд уга һурвн миңһн урн урһн хатаж, / Долан түмн өрк дольгта / Догшин хар болд үлд*. [БЦ: III] ‘Грозный черный булатный меч, какого ни у кого нет, тремя тысячами мастерами закаленный, ценой в семьдесят тысяч семей’.

4. *Жестокий, свирепый, лютый, резкий, очень сильный* (о морозе, ветре): *догшин салькн* ‘сильный, резкий ветер’, *догшин үвл* ‘лютая зима’ — *Хаврин сээхн ноһан чигн, зуна һаң халун чигн, намрин догшин салькн чигн, үвлин жсиң киитн чигн жсирһлин хаалһд харһдмн*. [НККЯ. Балакаев А: Экин зүркн] ‘На протяжении всей жизни встречается и весенняя красивая зелень, и летний зной, и осенний свирепый ветер, и зимний пронизывающий холод’.

5. *Выражающий жестокость* (о виде, взгляде, лице): *догшин халэц* ‘жестокий взгляд’, *догшин чирэ* ‘жестокое лицо’ — *Аль терүнэ догшин халэцэс сүрдүв* [НККЯ. Бадмин А: Зултрһн теегин ноһан] ‘Или же испугался его жестокого взгляда’.

6. *Неукротимый, свирепый* (о водных бассейнах): *догшин дала* ‘неукротимый океан’, *догшин теңс* ‘неукротимое море’ — *«Долан давхр һазр дор, / Догшин улан теңгсин йорал дор хай!»* гив. [МД: III] ‘Брось на дно неукротимого, свирепого красного моря, под землю семи уровней! — сказал’.

7. *Строгий, свирепый* (эпитеты имен богатырей): *Догшин Хар Санл* ‘Строгий Смуглолицый Санал’, *Догшин Шар Маңһс хан* ‘Свирепый Шара Мангас хан’.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.ru/> (дата обращения: 10.03.2018). [Natsional'nyu korpus kalmytskogo yazyka [Kalmyk National Corpus].] Available at: <http://kalmcorp.ru/> (accessed: 10 March 2018).

Багацохуровский цикл песен / The Baya Tsokhor Epic Cycle

БЦ: I — «Дуут богд Жаңһр Догшин Хар Кинсиг дөрэцүлгсн бөлг» («О том, как славный богдо Джангар свирепого Хара Кинеса покорил»). [«*Duut bogd Janḡr Dogshn Khar Kinsig dörätsülgsn bölg*»] [Song about the victory of glorious Bogdo Jangar over furious Khara Kinyas.]

БЦ: III — «Догшин Замбл хаана һалзу долан бодһгиг Аср Улан Хоңһр Күнд Һарта Савр хойр дөрэцүлгсн бөлг» («О победе Улан Хонгора Могучего и Тяжелорукого Савара над семью неукротимыми вепрями [богатырями] свирепого Замбал-хана»). [«*Dogshn Zambal khaana ḡalzu dolan bodḡgig Asr Ulan Khoḡḡr Künd Yarta Savr khoḡr dörätsülgsn bölg*»] [Song about the victory of desperate Ulan Khongor and mighty Savar over indomitable warriors of furious Zambal Khan.]

Малодербетовский цикл песен / The Baya Dorbet Epic Cycle

МД: II — «Күрл Эрдн Маңһс хааг богд Жаңһр дөрэцүлгсн бөлг» («О победе богдо Джангара над ханом мангасов Кюриол Эрдени»). [«*Kürl Erdn' Maḡs khaag bogd Janḡr dörätsülgsn bölg*»] [Song about the victory of Bogdo Jangar over Küröl Erdeni, the Khan of Mangases].]

МД: III — «Догшин Шар Гүргү Маңһс хааг Дуут Улан Шовшур дөрэцүлгсн бөлг» («О победе славного Алого Шовшура над свирепым ханом мангасов Шара Гюргю»). [«*Dogshn Shar Gürgü Maḡs khaag Duut Ulan Shovshur dörätsülgsn bölg*»] [Song about the victory of glorious Ulan Shovshur over Shara Gürgü, the furious Khan of Mangases].]

Цикл песен из репертуара Давы Шавалиева / Dava Shavaliyev's Epic Cycle

ШД: I — «Арнзлын хурдн Зеердиг хулха авсна туск бөлг» («О том, как был угнан резвый Аранзал Зерде»). [*Arnzlyn khurdn Zeerdig khulkha avсна tusk bölg*] [Song about how fast Aranzal Zerde (war-horse) was reived away].]

ШД: II — «Азг Улан Хоңгрин гер авлһна бөлг» («Песня о женитьбе Азыг Улан Хонгора»). [*Azg Ulan Khoᠩᠭᠢᠷᠢᠨ ger avlһna bölg*] [Song about Ulan Khongor's marriage].]

Песня из репертуара Балдра Наснк (Насанки Балдырова) / A Song from Nasanka Baldyrov's Repertory

БН: I — «Алдр богд Жаңхрахн Өэх Догшин Магна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («О битве [богатырей] Джангара с лютым Грозным Догшин Мангна ханом»). [*Aldr bogd Janyrakhn Äähk Dogshn Maᠭᠩᠭᠠᠨᠭᠠᠯᠠᠭᠠᠨᠯᠠᠭᠡᠷᠦᠨᠪᠡᠷᠦᠨᠪᠡᠷᠯᠳᠦᠭᠰᠢᠨ bölg*] [Song about the battle between Jangar's warriors and furious Doqshin Mangna Khan].]

Цикл песен из репертуара Овла Эляева / Ovla Elyayev's Epic Cycle

ЭО: VIII — «Орчлнгин Сээхн Миңъян Түрг хаани түмн шар-цоохр агт көөгсн бөлг» («О том, как красивейший во вселенной Мингян пригнал табун золото-рыже-пегих скакунов Тюрк-Алтан-хана»). [*Orchlygin Säähkn Miᠩᠶᠠᠨ Tüᠷᠭᠠᠨᠠᠨᠢ түмн шар-цоохр агт көөгсн bölg*] [Song about how most handsome Mingyan reived a herd of Turk Altan Khan's gold-red-black horses].]

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бачаева 2015 — Бачаева С. Е. Лексическая сочетаемость имен прилагательных, обозначающих размер и величину (на материале песен эпоса «Джангар» и Национального корпуса калмыцкого языка) // Актуальные проблемы современного монголоведения. Элиста: КИГИ РАН, 2015. С. 103–115. [Bachaeva S. E. Lexical co-occurrence of adjectives denoting size and magnitude (a case study of the *Jangar* Epic and the Kalmyk National Corpus). *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedeniya*. Elista: Kalmyk Institute for Humanities Research of RAS, 2015. Pp. 103–115].

Влавацкая 2013 — Влавацкая М. В. Теоретические основы комбинаторной лингвистики: лексикологический и лексикографический аспекты (на материале русского и английского языков) Автореф. диссер. ... д-ра филол. наук. Кемерово 2013. 51 с. [Vlavatskaya M. V. *Teoreticheskie osnovy*

kombinatornoy lingvistiki: leksikologicheskii i leksikograficheskiy aspekty (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov) [Theoretical fundamentals of combinatorial linguistics: lexicological and lexicographic aspects (a case study of English and Russian)]. A PhD thesis abstract. Kemerovo, 2013. 51 p.].

Виноградов 1977 — Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с. [Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy. Leksikologiya i leksikografiya* [Selected works. Lexicology and lexicography]. Moscow: Nauka, 1977. 312 p.].

Егинова 2012 — Егинова С. Д. Прилагательные, характеризующие человека: этимология и семантика // Вопросы когнитивной лингвистики. № 1 (030). 2012. С. 124–129. [Eginova S. D. Adjectives describing a man: etymology and semantics. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. No. 1 (030). 2012. Pp. 124–129].

Ефремова 2000 — Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный // [Электронный ресурс] М.: Русский язык, 2000. URL: <https://www.efremova.info/> (дата обращения: 20.02.2018). [Efremova T. F. *Novyy slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyy* [A new (definition and word formation) dictionary of the Russian language]. Moscow: Russkiy Yazyk, 2000.] Available at: <https://www.efremova.info/> (accessed: 20 February 2018).

Ильдарова 2007 — Ильдарова А. И. Прилагательные со значением нравственной оценки человека в русском языке. Дисс. ... канд. филол. наук. Махачкала, 2007. 133 с. [Ildarova A. I. *Prilagatel'nye so znacheniem нравstvennoy otsenki cheloveka v russkom yazyke* [Russian adjectives containing moral assessments]. A PhD thesis. Makhachkala, 2007. 133 p.].

КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с. [*Kalmytsko-russkiy slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. B. D. Muniev (ed.). Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p.].

Кручкин 2013 — Кручкин Ю. Н. Монгольско-русский словарь. М.; Улан-Батор; Лос-Анжелес, 2013. 1260 с. [Kruchkin Yu. N. *Mongol'sko-russkiy slovar'* [A Mongolian-Russian dictionary]. Moscow; Ulaanbaatar; Los Angeles, 2013. 1260 p.].

Куканова 2016 — Куканова В. В. Сочетаемость имен прилагательных *хурдн* и *шулун* («быстрый») в калмыцком языке (на материале Национального корпуса калмыцкого языка) // Вестник Калмыцкого университета. 2016. № 4 (32). С. 93–99. [Kukanova V. V. Со-

- occurrence of the adjectives *khurdn* and *shulun* 'quick' in the Kalmyk language (evidence from the Kalmyk National Corpus). *Vestnik Kalmytskogo universiteta*. 2016. No. 4 (32). Pp. 93–99].
- Манджикова 2002 — Манджикова Б. Б. Толковый словарь калмыцкого языка: пособие для учащихся. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 171 с. [Mandzhikova B. B. *Tolkovyy slovar' kalmytskogo yazyka: posobie dlya uchashchikhsya* [A definition dictionary of the Kalmyk language: a study book]. Elista: Dzhangar, 2002. 171 p.].
- Морковкин 1984 — Морковкин В. В. Семантика и сочетаемость слова // Сочетаемость слова и вопросы обучения русскому языку иностранцев. М.: Русские словари, 1984. С. 5–14. [Morkovkin V. V. Lexical semantics and co-occurrence. *Sochetaemost' slova i voprosy obucheniya russkomu yazyku inostrantsev*. Moscow: Russkie Slovari, 1984. Pp. 5–14].
- Мулаева 2016 — Мулаева Н. М. Синтагматика имен прилагательных *tögrg* 'круглый', *utul'ny* 'овальный' // Гуманитарная наука Юга России: международное и региональное взаимодействие. Мат-лы II Междунар. науч. конф., посвященной 75-летию Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН (г. Элиста, 14–15 сентября 2016 г.). Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 207–209. [Mulaeva N. M. Syntagmatics of the adjectives *tögrg* 'round' and *utul'ny* 'oval'. *Gumanitarnaya nauka Yuga Rossii: mezhdunarodnoe i regional'noe vzaimodeystvie. Mat-ly II Mezhdunar. nauch. konf., posvyaschennoy 75-letiyu Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN (g. Elista, 14–15 sentyabrya 2016 g.)*. Elista: Kalmyk Institute for Humanities Research, 2016. Pp. 207–209].
- Ожегов 2013 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: А ТЕМП, 2013. 874 с. [Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [A definition dictionary of the Russian language]. Moscow: A TEMP, 2013. 874 p.].
- Позднеев 1911 — Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь. СПб.: Тип. императорской академии наук, 1911. 306 с. [Pozdneev A. M. *Kalmytsko-russkiy slovar'* [A Kalmyk-Russian dictionary]. St. Petersburg: Imperial Acad. of Sc., 1911. 306 p.].
- Пюрбеев 1996 — Пюрбеев Г. Ц. Толковый словарь традиционного быта калмыков. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с. [Pyurbeyev G. Ts. *Tolkovyy slovar' traditsionnogo byta kalmykov* [The Kalmyk traditional lifestyle: a definition dictionary]. Elista: Kalm. Book Publ., 1996. 176 p.].
- Пюрбеев 2015 — Пюрбеев Г. Ц. Эпос «Джангар»: культура и язык. 2-е изд., перераб. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар»», 2015. 280 с. [Pyurbeyev G. Ts. *Epos «Dzhangar»: kul'tura i yazyk* [The Epic of *Jangar*: culture and language]. 2nd ed., rev. Elista: Dzhangar, 2015. 280 p.].
- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. 416 с. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyy analiz predmetnykh imen: semantika i sochetaemost'* [A cognitive analysis of substantive names: semantics and co-occurrence]. Moscow: Russkie Slovari, 2008. 416 p.].
- Тодаева 1976 — Тодаева Б. Х. Опыт лингвистического исследования эпоса «Джангар». Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 530 с. [Todaeva B. Kh. *Opyt lingvisticheskogo issledovaniya eposa «Dzhangar»* [The Epic of *Jangar*: an effort of linguistic research]. Elista: Kalm. Book Publ., 1976. 530 p.].
- Цэвэл 1966 — Цэвэл Я. Монгол хэлний товч тайлбар толь. Улаанбаатар, 1966. 911 с. [Tsevel Ya. *Mongol khelniy tovch taylbar tol'* [A definition dictionary of the Mongolian language]. Ulaanbaatar, 1966. 911 p.].
- Шмелев 1973 — Шмелев Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973. 244 с. [Shmelev D. N. *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Lexis: problems of semantic analysis]. Moscow, 1973. 244 p.].

УДК 81'374.3

Особенности лексической сочетаемости имени прилагательного «ДОГШИН»

Саглар Егоровна Бачаева¹

¹ кандидат филологических наук, научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: bachaevase@kigiran.com

Аннотация. В настоящее время лингвисты огромное внимание уделяют проблеме лексической сочетаемости слов. В калмыцком языке сочетаемость имен прилагательных недостаточно изучена, имеется ряд статей, в которых рассматривалась синтагматика имен прилагательных, обозначающих движение, размер, величину и геометрическую форму. Данная работа посвящена выявлению особенностей лексической сочетаемости имени прилагательного *догшин*, обозначающего отрицательные черты характера человека. Материалом для исследования послужили песни калмыцкого героического эпоса «Джангар» и тексты Национального корпуса калмыцкого языка — НККЯ (<http://kalmncorpora.ru>).

Нами зафиксированы и рассмотрены лексические сочетания наиболее распространенного имени прилагательного — *догшин*, обозначающего сильные и в определенных случаях отрицательные черты характера человека. Рассматриваемое нами прилагательное *догшин* имеет весьма широкую лексическую сочетаемость с существительными различных групп. Прилагательное *догшин*, определяющее характер человека, может быть использовано для характеристики внешних проявлений (взгляд): *догшин хэлэц* 'свирепый взгляд'; сочетается с существительными, обозначающими части тела человека: *догшин нүдн* 'свирепые глаза', *догшин чирэ* 'свирепое лицо'. Менее продуктивное употребление в сочетании с существительным-соматизмом «сердце»: *догшин зүркн* 'жестокое сердце'. Часто встречается сочетание с существительными «речь, голос, слово»: *догшин дун* 'жестокое слово', *догшин э* 'сильный звук', *догшин үг* 'жестокое слово'.

Лексема *догшин* имеет не только прямое значение, обозначая человека с большой физической силой, жестокого, свирепого, но и *переносное* — сверхпрочный, крепкий, разящий насмерть. В связи с тем, что «Джангар» — героический текст, описывающий богатырей, их доблесть, силу, отвагу, сочетание *догшин* также связано с различными видами богатырского холодного оружия. *Догшин* имеет *переносное значение* 'очень сильный, превосходящий обычное': *догшин кун* 'жестокое оружие' — *догшин ноолдан* 'жестокое оружие' — *догшин салькн* 'крепкий, жестокий мороз'.

В качестве основного номинативного значения прилагательного *догшин* мы выделяем:

1. *жестокое* — крайне суровый, безжалостный, беспощадный, не проявляющий сострадания.
2. *свирепый, сильный, беспокойный* (о животных, птицах).
3. *грозный, разящий, неумолимый* (о богатырском холодном оружии).
4. *жестокое, свирепый, лютый, резкий, очень сильный* (о морозе, ветре).
5. *выражающий жестокость* (о виде, взгляде, лице).
6. *неукротимый, свирепый* (о водных бассейнах).
7. *строгий, свирепый* (эпитеты имен богатырей).

Ключевые слова: лексическая сочетаемость, прилагательные, эпос, лексема, *жестокое*

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 131–143, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-131-143
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 821.584.6

The Written Tradition of Vajrayana Buddhism: *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja* (Tib. *Bzang spyod smon lam*)

Saglara V. Mirzaeva¹

¹ Junior Research Associate, Department of Mongolian Philology, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: kundgabo@list.ru

Abstract. The article examines one of the most popular aspiration prayers of Tibetan Buddhism — *Ārya Bhadracarya Praṇidhāna Rāja* (shortly referred to as *Bhadracarya*), known in the Tibetan tradition as *Zangcho monlam* (Tib. *Bzang spyod smon lam*). It is considered both in the context of grand sutras — the *Avataṃsaka Sūtra* and *Gaṇḍavyūha Sutra* — as a part of which it once entered the canonical collections of *Kangyur* and *Tengyur*, and as an independent text. Its popularity and wide dispersion in the written culture since the very beginnings of the Buddhist era in Tibet (Tib. *snga dar*) are evidenced by numerous written versions, as well as some epigraphic sources, e. g., an inscription in the Brag Yerpa monastic complex dated to the 9th century AD. Moreover, the Dunhuang manuscripts dated to the same period comprise over forty texts of this monument represented by Tibetan and Chinese translations along with some related narratives. One such narrative, manuscript PT 149, most likely contains attempts by Tibetan translators to identify the transmission line of *Bhadracarya*, which definitely adds to its significance in the tradition of Tibetan Buddhism. The text dealt with the cult of the Pure Land of Buddha Amitabha — Sukhavati — in China and, probably, in Tibet, and, as researchers S. van Schaik and L. Doney suggested, was had been recited for the long life of King Trisong Detsen. Also, in the Tibetan written tradition *Bhadracarya* was often quoted by Buddhist teachers as an example of the sevenfold ritual which is very important to Vajrayana practices.

The article also deals with biographies of the translators mentioned in the colophons of Tibetan translations of *Bhadracarya* — Kawa Peltseg (Tib. *Ska ba dpal rtsegs*), Cogro Lui Gyaltsen (Tib. *Cog ro klu'i rgyal mtshan*) and Ma Ratna Yatra (тиб. *Rma rad na ya kra*) whose translation is contained by the Dunhuang sources; and Yeshe De (Tib. *Ye shes sde*), Indian pandits Jinamitra (Tib. *Dzi na mitra*) and Surendrabodhi (Tib. *Su rendra bo dhi*), and Vairocana (Tib. *Bai ro tsā na*) whose translation was included in the *Kangyur* and *Tengyur*. *Bhadracarya* is still very popular in contemporary Tibetan Buddhism, and the fact is emphasized by many scholars.

Keywords: Tibetan literature, *Bhadracarya*, *Zangcho monlam*, translations, *Kangyur*, *Tengyur*, Kawa Peltseg, Yeshe De

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Жанровое и национальное своеобразие старописьменной и современной литературы ойратов и калмыков» (номер госрегистрации АААА-А16-116053010034-8).

«Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» (санскр. *Ārya bhadra caryā prañidhāna rāja*; тиб. *'phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*; монг. *qutuγ-tu sayin yabudal-un irüger-ün qayan*, букв. 'Благородный Царь молитв-устремлений благих деяний') (сокращенно — «Бхадрачарья»¹) — одна из наиболее известных молитв-устремлений, практикуемая практически во всех традициях буддизма Махаяны вплоть до настоящего времени. В китайском, тибетском и монгольском канонах она представляет собой стихотворный текст из шестидесяти двух (в тибетском и монгольском переводах — шестидесяти трех) строф, завершающих последний фрагмент «Гандавьюха-сутры» «Самантабхадра-чарья-пранидхану» (санскр. *Samantabhadracaryāprañidhānam*). В тибетской, а затем и монгольской традициях этот стихотворный текст стал функционировать самостоятельно², вне контекста «Гандавьюха-сутры», поэтому в составе Кагьюра и Тэнгьюра встречаются несколько вариантов данного текста: в Кагьюре как заключительная часть «Гандавьюха-сутры» — в разделе *Phal chen*, а также как самостоятельный текст — в разделах Кагьюра *Mdo sde* (чонэское издание), *Gzungs 'dus* (чонэское, пекинское, ургинское издания), *'Dul ba* (пекинское издание); в разделах Тэнгьюра *Sna tshogs* (чонэское издание), *Ngo mtshar bstan bcos* (пекинское издание). Составление санскритской версии «Бхадрачарьи» датируется IV–V вв. н. э.; Д. Осто считает, что лишь в VIII в. н. э. она была включена в состав «Гандавьюха-сутры» [Osto 1999: 12; Osto 2010: 1].

Сложение корпуса махаянской литературы происходило с I в. до н. э. по VI в. н. э. (особенно интенсивно — в период со II по IV вв. н. э. [Торчинов 2005: 89]), предположительно, в регионе Андхра в южной

¹ Такое сокращенное название (англ. *Bhadra-carya / Bhadracari*) используют европейские исследователи, изучающие роль данного текста в традициях Индии, Китая и Тибета (см. [Asmusen 1961; Osto 1999; 2010]). Д. Осто использует сокращение «Bhadracari» (*Bhad*) для обозначения стихотворного фрагмента заключительной части «Гандавьюха-сутры», отличая его таким образом от прозаической части, которая обозначается им как «Samantabhadracaryāprañidhānam» (*Scp*) [Osto 1999: 2].

² Д. Осто пишет о том, что в китайском каноне «Бхадрачарья» также встречается как самостоятельный текст [Osto 1999: 13].

Индии, поскольку многие выдающиеся философы Махаяны — Нагарджуна, Дигнага, Чандракирти, Арьядева, Бхававивека — формировали свои постулаты именно в период своего пребывания в буддийских общинах Андхры [Padma, Barber 2008: 1].

Сутры праджняпарамиты, представляющие, согласно Ваджраяне, учение второго поворота колеса Учения³, и цикл сутр «Аватамсака-сутра» (санскр. *Mahavaipulya-buddhāvataṃsaka-sūtra*; тиб. *Sangs rgyas phal po che 'i mdo*, монг. *Olangki burqan neretü yeke delgerenggüi sudur*), связываемый с третьим поворотом колеса Учения⁴, являются, пожалуй, наиболее значительными памятниками литературы Махаяны [Урбанаева 2014: 75]. Как пишет И. С. Урбанаева, и «Праджняпарамита-сутра», и «Аватамсака-сутра» относятся «к группе ранних махаянских сутр, причем „Аватамсака-сутра“ и связанные с нею тексты имеют более позднее происхождение» [Урбанаева 2014: 75]. О тесной связи этих двух групп текстов свидетельствует легенда о происхождении «Аватамсака-сутры» из биографии Нагарджуны, изложенная китайским автором Джизангом (549–623), согласно которой Нагарджуна принес самую короткую версию сутры из 100 тыс. шлок и 48 частей из царства нагов [Namar 2007: 152]. Аналогичные легенды объясняют происхождение праджняпарамитских сутр.

Лишь две части «Аватамсака-сутры» дошли до нас на санскрите: это «Дашабхумика-сутра», описывающая духовный путь бодхисаттвы, и «Гандавьюха-сутра», повествующая о духовных поисках юноши по имени Судхана. И. Хамар приходит к выводу о том, что эта сутра не была распространена в Индии как цельное произведение, а скорее была известна по отдельным входящим в нее сутрам [Namar 2007: 154]. Он пишет о том, что, вероятнее всего, «Аватамсака-сутра» как собрание сутр сформировалась в Хотане [Namar 2007: 152]. Похожего мнения при-

³ К первому повороту колеса Учения относится Учение Будды Шакьямуни о Четырех Благородных истинах.

⁴ В колофоне тибетского перевода «Аватамсака-сутры» написано: «*'dir tha ma don dam rnam par nges pa'i 'khor lo'i snying po phul du byung ba sangs rgyas phal po che*» ('Здесь [изложена] выдающаяся «Аватамсака-сутра», [представляющая собой] сущность последнего поворота колеса [Учения] абсолютной истины») [Bka' 'gyur, Phal po che, 38 2008: 797].

держивается Е. А. Торчинов, который считает, что сутра окончательно сформировалась в Центральной Азии, Согдиане и Хотане во второй половине IV в., после чего, будучи переведенной на китайский язык, произвела «настоящий переворот в понимании китайцами буддизма и во многом определила дальнейшее направление эволюции дальневосточной Махаяны» [Торчинов 2005: 100]. О ключевой роли «Аватамсака-сутры» в формировании многих школ китайского (*хуаянь*, *чань* и *тяньтай*) и японского (*кегон*) буддизма писали многие ученые: Д. Судзуки назвал «Аватамсака-сутру» квинтэссенцией всей буддийской мысли, буддийского духа и буддийского опыта [Судзуки 2005: 65], а А. Уоттс — кульминацией индийской Махаяны [Watts 1957: 70].

При составлении канонических сборников — Кагьюра и Тэнгьюра — на тибетском языке «Аватамсака-сутра» была включена в состав Кагьюра и составила отдельный раздел (тиб. *Phal chen*, монг. *Olangki*) из шести (в некоторых изданиях — семи) томов, который в XVII–XVIII вв. был переведен на монгольский. В колофоне тибетского перевода, в 38-м томе сводного Кагьюра, составленном гелонгом Таши Церингом (тиб. *Bkra shis tshe ring*) по просьбе правителя Дерге Тенпа Церинга (тиб. *Bstan pa tshe ring*) (1678–1738), написано, что «Аватамсака-сутра» известна также под названиями «Высшее украшение для слуха» (тиб. *Snyan gyi gong rgyan*) и «Лотосовое украшение» (тиб. *Pad ma 'i rgyan*).

Изучению «Гандавьюха-сутры», которая неоднократно переводилась на европейские языки, посвящено немало работ, однако для нас наибольший интерес представляет работа Д. Осто, рассматривающая заключительную часть «Гандавьюха-сутры» — «Самантабхадра-чарья-пранидхану», в конце которой и размещен рассматриваемый нами текст [Osto 1999]. В «Самантабхадра-чарья-пранидхане» (Д. Осто использует обозначение *Scp*) главный герой «Гандавьюха-сутры» Судхана встречает бодхисаттву Самантабхадру, благодаря чему, по мнению Д. Осто, Судхана достигает Пробуждения.

Эта встреча состоит из пяти стадий. Во время первых двух стадий до того, как лицезреть Самантабхадру, Судхана видит десять знаков и десять лучей света, которые очищают все сферы будд и превращают обычный мир в безграничное пространство

*дхармадхату*¹. Затем Судхана видит Самантабхадру, восседающего на львином троне перед Буддой Вайрочаной и держащего в руках великую лotosовую драгоценность. Судхана видит, как из каждой поры тела Самантабхадры, которое содержит внутри себя мириады миров с горами, реками, городами и т. д., испускаются лучи света, благоухающие деревья, драгоценности, исполняющие желания, собрания божеств, сферы будд и т. д. Четвертая стадия наступает, когда бодхисаттва Самантабхадра кладет правую руку на голову Судхане, и тот постигает уровни медитации, число которых равно числу атомов во всех сферах будд. Самантабхадра рассказывает Судхане о том, как в поисках Всеведения он занимался практикой бесчисленное количество жизней, жертвуя телом, имуществом, и обрел десять сил, благодаря которым он и реализовал дхармакайю и рупакайю, что дает ему возможность демонстрировать подобные волшебные иллюзии. Наконец Судхана достигает пятой, заключительной стадии визуализации: в каждой поре тела Самантабхадры он видит всех будд и бодхисаттв и их сферы, в которых находятся бесчисленные живые существа, достигшие созревания для обретения Пробуждения. Таким образом сам Судхана приходит к высшему Пробуждению [Osto 1999: 28–35]. После этого Самантабхадра объясняет десять обетов бодхисаттвы:

- 1) поклоняться всем буддам;
- 2) восхвалять татхагат;
- 3) совершать обильные подношения;
- 4) посредством раскаяния устранять препятствия дурной кармы;
- 5) практиковать добродетель сорадования;
- 6) просить будд вращать колесо Дхармы;
- 7) просить будд находиться в мире;
- 8) постоянно следовать наставлениям будд;
- 9) постоянно исполнять желания всех живых существ;
- 10) практиковать посвящение заслуг [Избранные сутры... 2000: 338].

Дав разъяснение этих обетов, Самантабхадра произносит стихотворную часть — «Бхадрачарью» (Д. Осто обозначает как *Bhad*), истинность слов которой подтверждает Будда Вайрочана. Понятие *пранидханы* тесно связано с термином *вьякарана* ‘пред-

¹ Дхармадхату (санскр. *dharmadhātu*, тиб. *chos kyi dbyings*, монг. *nom-un ele činar*) — истинная природа всех дхарм.

сказание' (санскр. *vyakarana*, тиб. *lung bstan*, монг., ойр. *vivanggirid*): «Путь бодхисаттвы к Пробуждению начинается с зарождения бодхичитты, затем он создает устремление-*пранидхану* и произносит его в присутствии Будды, который произносит предсказание-*вьякарану* о достижении тем состояния будды. Таким образом, и *пранидхана*, и *вьякарана* являются ключевыми моментами на пути к Пробуждению» [Dayal 1932: 64–67].

В «Бхадрачарье» нашла отражение одна из основных идей «Аватамсака-сутры», выраженная Г. Дюмуленом как «единство в многообразии: все — в одном, одно — во всем» [Дюмулен 1994: 59]. Он же пишет о том, что бесконечность мира будд, а также бесконечная повторяемость этих миров должны продемонстрировать не только беспредельность времени и пространства, но и невыразимость знания и опыта Будды, обретенного им в *самадхи* [Дюмулен 1994: 59].

Проанализировав историю переводов «Аватамсака-сутры», «Гандавьяуха-сутры» и «Бхадрачарьи» на китайский язык, Д. Осто делает вывод, что составленная на санскрите или одном из пракритов до V в. н. э. «Бхадрачарья» лишь в VIII в. была включена в состав «Гандавьяуха-сутры» [Osto 2010: 5]. Исследователь считает, что изначально этот стихотворный текст (*Bhad*) использовался в качестве *дхарани*, мнемонического текста, начитывание которого использовалось практикующими для накопления благих заслуг [Osto 2010: 7–8], что подтверждается эпиграфическими находками индийского и тибетского происхождения. Г. Шопен опубликовал датированную X в. надпись на ступе монастыря Наланда, которая содержит фрагмент, соответствующий 46-й строфе «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджи» [Schopen 1989]. Уникальность находки заключается в том, что это единственный образец как непосредственно самого текста «Бхадрачарьи» в эпиграфике, так и махаянских текстов в целом: Г. Шопен пишет, что это «единственный известный в настоящее время отрывок из махаянского текста, встречающийся в индийских надписях» [Schopen 1989: 150].

Х. Ричардсон опубликовал в работе «Корпус ранних тибетских надписей» текст надписи на храмовом колоколе в монастырском комплексе Драг Ерма (тиб. *brag yer pa*), расположенном в пятнадцати километрах от Лхасы в уединенной долине к северу от реки Кьи-чу (тиб. *Skyid chu*) [Richardson

1985: 144]. Легенды приписывают основание комплекса царям Сонгцен Гампо и Трисонг Децену. На верхней части колокола высечены четыре строки, которые автор идентифицирует как фрагмент «Бхадрачарьи» и приводит тибетский текст с английским переводом:

*Rgyal ba rnams kyi dam pa'i chos 'dzin cing /
Byang chub spyad pa kun tu snang bar byed /
Bzang po spyod pa rnam par sbyang ba yang /
Ma 'ongs bskal pa kun tu spyad par bgyi/*
[Richardson 1985: 145].

Текст надписи соответствует 26-й строфе известных нам тибетских и монгольских текстов «Бхадрачарьи». Х. Ричардсон на основании особенностей орфографии, представленной в надписи, и физических характеристик самого колокола, датирует надпись IX в. [Richardson 1985: 145].

Д. Осто предполагает, что к VIII в. н. э. «Бхадрачарья» обрела большую популярность и использовалась в буддизме Махаяны во время девициональных ритуалов, а позже вошла в состав подготовительных тантрических практик. Факт ее включения в состав «Гандавьяуха-сутры» Д. Осто интерпретирует следующим образом: вдохновленные историей духовных исканий Судханы, изложенной в «Гандавьяуха-сутре», буддийские практики затем заучивали наизусть текст «Бхадрачарьи» как часть ритуальной практики [Osto 2010: 6]. Ю. Матсунага предлагает две трактовки термина *дхарани*: 1) текст для запоминания; 2) магическое заклинание. П. Уильямс и А. Трайб пишут, что эти два значения связаны между собой в том смысле, что заученный наизусть текст *дхарани* заключает в себе магическую силу слова самого Будды, способного защитить от вреда и одолеть врагов [цит. по: Osto 2010: 7]. Р. Дэвидсон рассматривает *дхарани* как закодированную систему речи Будды, предназначенную защищать живых существ, вести бодхисаттв к Пробуждению, развивать ораторские способности проповедников, запоминать Четыре Благородные истины и т. д., и пишет о том, что к ним могли относиться различные молитвы, молитвы-устремления и ритуальные тексты [Davidson 2009: 141–142]. Л. Уоддель относит возникновение жанра *дхарани* к доарийским верованиям Индии [цит. по: Dayal 1932: 267]. Е. А. Торчинов интерпретирует *дхарани* как «сочетания звуков и слогов, кодирующих содержание развернутых текстов психопрактического характера, их своеобразный слоговой

и звуковой аспект» [Торчинов 2000: 138]. По определению Д. Н. Музраевой, *дхарани* «могли представлять как сущность учения, так и опыт определенного состояния сознания, которые посредством *дхарани* можно было произвольно вновь вызвать или воссоздать в любой момент» [Музраева 2003: 48].

Если рассматривать «Бхадрачарью» как *дхарани*, т. е. как мнемонический текст, заключающий в себе силу слов Будды, это объясняет ее присутствие на ступе в монастыре Наланда и колоколе в Драг Ерма. Р. Дэвидсон пишет о том, что тексты *дхарани* могут приводиться и в сокращенном виде, и частично без утраты смысла [Davidson 2009: 142]: таким образом, даже одна строфа «Бхадрачарьи», выгравированная на камне или колоколе, аккумулирует в себе силу всего текста. В тибето-монгольской буддийской традиции «Бхадрачарья» вошла в состав ритуального сборника «Сундуй» Таранатхи (тиб. *Gzungs 'dus*, букв. «сборник *дхарани*»), что свидетельствует о ритуальном характере текста и лишний раз подтверждает вывод Д. Осто.

В своей работе Д. Осто пишет также об искусственности включения «Бхадрачарьи» в «Гандавьюха-сутру» и возникших в связи с этим противоречиях в тексте [Osto 2010: 5–7]. В «Гандавьюха-сутре» Самантабхадра является воплощением пути бодхисаттвы к Пробуждению, вследствие чего зачастую в сутре разница между образами бодхисаттвы и будды не столь очевидна. В заключительном прозаическом фрагменте «Гандавьюха-сутры» Судхана сливается с телом Самантабхадры, вмещающим в себя всю вселенную, после чего бодхисаттва произносит строки «Бхадрачарьи», и на этом сутра резко заканчивается. Д. Осто предполагает, что бодхисаттва Самантабхадра стал ассоциироваться со строфами «Бхадрачарьи» лишь в период незадолго до начала VIII в. н. э. (т. е. до составления китайского перевода Праджны), ввиду созвучности слов *Samantabhadra* и *bhadracarya*, что и обусловило включение «Бхадрачарьи» в текст «Гандавьюха-сутры». Хотя подразумевается, что строфы «Бхадрачарьи» произносит Самантабхадра, в трех строфах он говорит о себе в третьем лице, например, в 55-й строфе: «Чтобы обрести мудрость, / Подобную мудрости героя Манджушри и Самантабхадры, / И, обучаясь, подобным им стать, / Я совершаю посвящение благих заслуг!».

Во-вторых, в тексте «Бхадрачарьи» говорится о Поле будды¹ (санскр. *buddhakṣetra*, тиб. *sangs rgyas kyi zhing*, монг., ойр. *burqan-u oron*) Амитабхи — Сукхавати², однако в остальном тексте «Гандавьюха-сутры» упоминаний ни о ней, ни об Амитабхе не встречается [Osto 2010: 5–7]. Г. Шопен отмечает, что в некоторых сутрах, имеющих иную доктринальную направленность, мотив перерождения в Сукхавати, несомненно, является более поздней вставкой [Schopen 1989: 150]. Известно, что в более поздний период «Бхадрачарья» стала одним из основных текстов учения о Сукхавати в Китае и, возможно, Тибете.

В одной недавно опубликованной рукописи под шифром PT 149 из тибетской коллекции Дуньхуана (2-я пол. IX — 2-я пол. X вв.) [Tibetan documents... 2007: 363] повествуется о трех тибетских монахах во времена Трисонг Децена (754–797), которые благодаря начитыванию строф «Бхадрачарьи» обрели рождение в Сукхавати. В начале этой рукописи под названием «Повествование о первой проповеди этой „Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджи“» (тиб. *'Phags pa bzang po spyod pa'i smon lam gyi rgyal po 'di dang por bshad pa'i gleng gzhi*) рассказывается о духовных поисках юного Судханы, который обращается к Манджушри и Самантабхадре и, получив от последнего «Арья-бхадрачарья-пранидхану», достигает ступени (*бхуми*) «великой радости» (тиб. *rab tu dga' ba*) [Schaik, Doney 2009: 178]. Затем повествование меняется, и начинается рассказ о том, как этот текст был переведен на тибетский

¹ «Сфера духовного влияния одного из Будд. Существа, живущие в определенном поле Будды, развиваются в духовном отношении под его руководством и накапливают заслуги» [Шантидева 2014: 221]. Другой вариант перевода термина — Чистая Земля.

² Сукхавати описывается следующим образом: «В этой стране существа рождаются в бутоне лотоса, который они сами создают, призывая Амитабху. Все существа здесь обладают золотыми телами, отмеченными тридцатью двумя признаками совершенства. Все, здесь рожденные, обладают знанием своих прошлых жизней, а также „божественным оком“ (т. е. знанием цикла перерождения всех существ) и „небесным ухом“ (т. е. способностью слышать голоса людей и богов). Все здесь способны передвигаться сверхъестественными способами и читать мысли других существ» [цит. по: Шантидева 2014: 255].

в рамках масштабного проекта по переводу буддийских текстов во время правления царя Трисонг Децена. Придворный священник Ба Пэлчжам (тиб. *Dbā' dpal byams*) видит сон и просит Шантаракшиту расшифровать его. По словам настоятеля-Бодхисаттвы¹, священник должен три дня и три ночи начитывать «Арья-бхадрачарья-пранидхану». У него не получается исполнить взятое обязательство, после чего он обращается с просьбой к царю разрешить ему удалиться в уединенное место. С позволения Трисонг Децена Ба Пэлчжам направляется в пещеры Чимпу и по дороге встречает двух монахов, которые рассказывают ему о ниспосланных им знаках о предстоящей встрече с ним. Втроем они продолжают путь и, начитывая текст «Бхадрачарьи», достигают Чистой Земли Сукхавати [Schaik, Doney 2009: 178]. Исследователи данного текста С. Шайк и Л. Доуни датируют рукопись X в. и считают, что писец скопировал данный текст из рукописи, в которой он предшествовал тексту «Бхадрачарьи» [Schaik, Doney 2009: 184].

Интересно отметить, что рассказ в начале рукописи представляет собой краткую версию «Гандавьюха-сутры», отличающуюся от известных нам текстов тем, что в ней повествуется о 102 учителях, к которым обращается Судхана: во всех доступных в настоящее время санскритских, китайских и тибетских версиях число учителей составляет 53². Исследователи приходят к выводу, что в основе рукописи РТ 149 лежит ранняя тибетская версия «Гандавьюха-сутры», не сохранившаяся до наших дней, или версия, испытавшая сильное влияние устных рассказов о Судхане, бытовавших в IX–X вв. в Тибете, Китае и, возможно, Хотане [Schaik, Doney 2009: 190].

Остальная часть текста РТ 149 посвящена описанию того, как Ба Пэлчжам, держатель самайи (тиб. *thugs dam pa*) по отношению к Трисонг Децену, получил и распространил передачу «Арья-бхадрачарья-пранидханы» в Тибете. По мнению ученых, Ба Пэлчжам

— это Ба Пэлъянг (тиб. *Dbā' dpal dbyangs*)³, сыгравший, согласно хронике «Баше» (тиб. *Sba bzhed*), важную роль в формировании традиции монастырского буддизма в Тибете и участвовавший в знаменитом диспуте в Самье как приверженец последовательного пути. Также он известен как первый тибетец, принявший монашеские обеты и удостоенный высокого титула от царя [Schaik, Doney 2009: 190–191]. Титул «держатель самайи» применительно к Ба Пэлчжаму встречается только в этом тексте, что позволяет предположить, что его самайя, или духовная клятва, относится к обязательству совершать начитывание «Арья-бхадрачарья-пранидханы». Сначала она была передана Шантаракшитой Ба Пэлчжаму, а затем Ба Пэлчжамом — двум его ученикам⁴. Несмотря на то, что непрерывная линия передачи «Бхадрачарьи» из Индии в Тибет отсутствует, что немаловажно для подобных текстов, в рукописи РТ 149 прослеживается попытка обосновать преемственность тибетской традиции: история о Ба Пэлчжаме по структуре повторяет историю о Судхане; кроме того, в обеих историях встречаются общие мотивы (знаки, предсказания и принятие «Арья-бхадрачарья-пранидханы» в качестве самайи).

С. Шайк и Л. Доуни отмечают, что этот текст был очень популярен уже в IX в. н. э. [Schaik, Doney 2009: 184], поскольку только в дуньхуанской коллекции сохранилось более сорока его копий на тибетском в виде отдельных текстов или в составе сборников. Вполне вероятно, что подобные сборники использовались во время коллективного чтения текстов и ритуальных практик, что лишний раз подтверждает предположение Д. Осто о том, что текст «Бхадрачарьи» выполнял функцию *дхарани*, поскольку в такие сборники зачастую включались тексты этого жанра, например, «Пуджамегхадхарани» (санскр. *Pūjāmeghadhāraṇī*).

Кроме того, в рукописной коллекции Дуньхуана сохранились тибетские переводы индийских комментариев на этот текст,

³ Исследователи пишут о том, что компонент *byams* заменяет *dbyangs* и в другом имени, упомянутом в рукописи IOL Tib J 470, — вместо имени *Gnyan Dpal dbyangs*, известного по другим источникам, в колофоне приводится другой вариант — *Slobs dpon Dpal byams* [Schaik, Doney 2009: 191].

⁴ В дуньхуанских рукописях традиция передачи Учения описывается именно в терминах передачи самайи [Schaik, Doney 2009: 191].

¹ Тиб. *Bodhi sadva mkhan po* — так в тибетских источниках называют Шантаракшиту.

² Хроника «Баше» упоминает о существовании настенных фресок, изображающих историю о Судхане и 102 учителях, в монастыре Самье [цит. по: Schaik, Doney 2009: 187], однако сохранились ли они до настоящего времени, неизвестно.

в том числе комментариев Бхадрапаны (тиб. *Slob dpon rgyan bzang po*) «Обширный комментарий к „Молитве-устремлению о благих деяниях“» (тиб. *bzang spyod smon lam gyi rgya cher 'grel pa*), переведенный на тибетский Джнянагарбхой и Кава Пэлцегом и вошедший в раздел *Mdo sde* дергеского издания Тенгьюра.

В одном из ранних тибетских исторических источников «Качем какхолма» (тиб. *Bka' chems ka khol ma*) упомянуто, что во время путешествия китайской принцессы, направлявшейся в Лхасу, чтобы выйти замуж за царя Сронцен Гампо, в Денмадраге (тиб. *Ldan ma brag*), в камне были высечены изображение Майтрейи и надпись с фрагментом из «Бхадрачарьи». Однако П. Соренсен, изучив эту надпись, утверждает, что приведенные данные неверны: в камне вырезано изображение Вайрочаны, а не Майтрейи, а надпись не имеет отношения к «Бхадрачарье»; более того, П. Соренсен датирует их более поздним временем — периодом правления царя Трисонг Децена [цит. по: Schaik, Doney 2009: 186].

В другом раннем историческом источнике «Чойчжун метог нингпо» (тиб. *Chos 'byung me tog snying po*) Ньянгрел Нима Озера (тиб. *Nyang ral nyi ma 'od zer*) утверждается, что перевод «Бхадрачарьи» был написан золотыми чернилами во время правления Трисонг Децена, чтобы продлить его жизнь, и хранился в храме Гечемалинг (тиб. *dge (rgyas) bye ma gling*) [цит. по: Schaik, Doney 2009: 186].

Как самостоятельный текст, «Бхадрачарья» входит в многочисленные ритуальные сборники, используемые буддийскими монахами во время чтения молебнов, например, послуживший одним из источников для нашего исследования «*Bstod smon phyogs bsgrigs*» (букв. «Сборник восхвалений и молитв-устремлений») [Bstod smon 1993: 117–129]. А. М. Позднеев, изучая монгольскую буддийскую традицию, пишет о том, что подобные сборники, называемые *сумбумами* (от тиб. *gsung 'bum* «собрание сочинений»), включают в себя *рапсалы* (тиб. *rab gsal*, букв. «очень ясный»), или гимны, которые в свою очередь подразделяются на молитвы раскаяния, исповедания (монг. *öber-ün aman-u bisilyal*), хвалебные гимны (монг. *maytayal*), молитвы-просьбы (монг. *jalbiral*), благопожелания и благословения (монг. *irügel*). За *рапсалами* следуют практики защитников Учения (монг. *doysid*,

nom-i tedkügči, sakiyulsun) и четырех классов тантры (монг. *ündüsün*)¹ [Позднеев 1993: 307]. В качестве образца благопожеланий (*йөрөлей*), наиболее распространенного у монгольских лам, автор приводит перевод «Бхадрачарьи» под тибетским («Санжит молам» — от тиб. *bzang spyod smon lam*) и монгольским («Хутухту сайн ябудал'ун ирүгэл'үн хагән» — от монг. *Qutuytu sayin yabudal-un irügel-ün qayan*) названиями [Позднеев 1993: 315–320]. В *сумбумах* традиции *гелуг* «Бхадрачарья» обычно включена в состав пяти молитв-устремлений (тиб. *smoṇ lam lnga*), которые следуют друг за другом [Bstod smon 1993: 2]:

1) «Молитва-устремление благих деяний» (тиб. *Bzang spyod smon lam*);

2) «Молитва-устремление Майтрейи» (тиб. *Byams pa'i smon lam*);

3) «Молитва-устремление к „Бодхичарья-аватаре“» (тиб. *Spyod 'jug smon lam*);

4) «Молитва-устремление о добродетели, [совершаемой] в начале, середине и конце» (тиб. *Thog mtha' bar du dge ba'i smon lam*);

5) «Молитва-устремление о перерождении в Сукхавати» (тиб. *Bde ba can du skye ba'i smon lam*).

Подобные сборники молитв-устремлений также зачитываются во время тибетского праздника Монлам Ченмо (тиб. *Smon lam chen mo*), учрежденного Цонкапой в 1409 г. В словаре «*Dung dkar tshig mdzod chen mo*» приводится информация, что этот праздник начинался в четвертый день первого месяца по тибетскому календарю и заканчивался в двадцать пятый день церемонией приглашения Майтрейи, описанной на примере монгольских монастырей А. М. Позднеевым [1993: 384–392]. Монлам Ченмо, на который собирались монахи из трех крупнейших монастырей Лхасы — Дрепунга, Сера и Гандена, символизирует победу Будды Шакья-

¹ Тантра действия (санскр. *kriyātantra*, тиб. *bya ba'i rgyud*, монг. *üile-yin ündüsün*), тантра поведения (санскр. *ācāraṇtantra*, тиб. *spyod pa'i rgyud*, монг. *yabudal-un ündüsün*), йога-тантра (санскр. *yogatantra*, тиб. *rnal 'byor rgyud*, монг. *yoga-yin ündüsün*) и тантра высшей йоги (санскр. *anuttarayogatantra*, тиб. *rnal 'byor bla na med pa'i rgyud*, монг. *tengsel ügei ündüsün*).

² В тибетско-английском онлайн-словаре [http://www.thlib.org] указывается, что вместо этой молитвы-устремления могут читать «Молитву-устремление Гухьясамаджи» (тиб. *Gsang 'dus smon lam*).

муни над шестью учителями-тирхиками и пятнадцать продемонстрированных им чудес.

В настоящее время этот праздник, несмотря на то, что он запрещен в Китае, продолжает свое бытование и даже подразделяется в соответствии с различными направлениями тибетского буддизма: помимо общего празднования, в Бодхгае проводятся Кагью Монлам и Ньингма Монлам [https://en.wikipedia.org/wiki/Monlam_Prayer_Festival]. Интересно отметить, что «Бхадрачарья» является основным текстом, зачитываемым во время Кагью Монлама [<https://www.karmapa.org/kagy-monlam/>].

Структура «Бхадрачарьи», вероятно, легла в основу семеричного ритуала, или молитвы семи ветвей (тиб. *yan lag bdun*)¹, очень важного в традиции тибетского буддизма. Согласно воззрениям Ваджраяны, он объединяет в себе все методы накопления заслуг и мудрости [Патрул ринпоче 2007: 426] и представляет уникальный метод, «позволяющий очиститься от пагубного, накопить заслуги и тем самым подготовить ум к зарождению бодхичитты» [Шантидева 2014: 235]. Семеричный ритуал включает в себя следующие разделы: простираание (тиб. *phyag tshal ba*) как противоядие от гордости²; подношение (тиб. *mchod pa*) как противоядие от жадности; исповедь во вредоносных действиях (тиб. *bshags pa*) как противоядие от гнева; сорадование (тиб. *rjes su yi rang ba*) как противоядие от зависти; прошение к Буддам повернуть колесо Учения (тиб. *chos kyi 'khor lo bskor bar bskul ba*) как противоядие от неведения; прошение к Буддам не переходить в нирвану (тиб. *mya ngan las mi 'da' bar gsol bar gdab pa*) как противоядие от ложных воззрений; посвящение заслуг (тиб. *dge ba rdzogs byang du bsngo ba*) как противоядие от сомнений [<http://www.thlib.org/reference/dictionaries/tibetan-dictionary/translate.php>].

В тексте «Бхадрачарьи» простираание соответствует строкам 1 и 2, подношение — строкам 5, 6, 7, раскаяние — строке 8, сорадование — строке 9, просьба о повороте колеса Дхармы — строке 10, просьба не покидать сансару — строке 11, посвящение заслуг — строке 12. Также семеричный ри-

¹ В русском переводе «Бодхичарья-аватары» Шантидевы дается перевод «семичленная молитва» [Шантидева 2014: 235].

² Каждая из частей направлена против определенной клеши.

туал как мощный метод накопления заслуг входит в состав текстов многих буддийских практик — садхан [<http://www.dharmaling.org/en/glossary/140-seven-branch-prayer>]. В «Ламриме» Цонкапы и «Словах моего несравненного Учителя» Патрула Ринпоче «Бхадрачарья» упоминается как образец текста семеричного ритуала.

Кроме того, строфы 55–56 «Бхадрачарьи» «Подражая герою Манджушри, / Самантабхадра и всем мудрецам, / Я тоже неукоснительно посвящаю / Все действия, что являются благами! / Победоносные Сугаты трех времен, / Что пожелание восславили как высшее, этим / Корни моих этих добродетелей / [Я] посвящаю превосходному Пути!» превратились в самостоятельную молитву посвящения заслуг, очень распространенную в Тибете и среди монгольских народов.

В описанной выше рукописи РТ 149 из дунхуанской рукописной коллекции «Повествование о первой проповеди этой „Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджи“» в качестве переводчиков «Бхадрачарьи» на тибетский язык указаны Кава Пэлцэг (тиб. *Ska ba dpal risegs*), Чогро Луи Гьялцен (тиб. *Cog ro klu'i rgyal mtshan*) и Ма Ратна Ятра (тиб. *Rma rad na ya kra*)³. Можно предположить, что в дунхуанских версиях «Бхадрачарьи» представлен именно этот перевод. В Кагьюр и Тенгьюр же был включен перевод Еше Де, Джинамитры и Сурендрабодхи, что следует из колофона к 38-му тому раздела *Phal po che* Кагьюра: *Rgya gar gyi mkhan po Dzi na mi tra dang / Su rendra bo dhi dang / zhus chen gyi lo tsā ba bande Ye shes sde / la sogs pas bsgyur cing zhus te gtan la phab pa'o* «Индийские учителя Джинамитра и Сурендрабодхи, лоцзава-редактор, послушник Еше Дэ и др. перевели и отредактировали [текст]». Х. Ричардсон, идентифицируя надпись на колоколе в Драг Ерма как фрагмент «Бхадрачарьи», указывает, что этот текст был переведен на тибетский Сурендрабодхи [Richardson 1985: 145]. В колофоне сборника «Практики Дхармы [школы] джонан» (тиб. *Jo nang chos spyod*), куда включен также текст «Бхадрачарьи», в качестве редактора указан еще великий лоцзава-переводчик Вайрочана [Jo nang: 1083].

Кава Пэлцэг — один из трех великих тибетских переводчиков раннего периода

³ Он же, вероятно, Ма Ринчен Чог (тиб. *Rma rin chen mchog*) [Schaik, Doney 2009: 199].

распространения Учения Будды (тиб. *bstan pa snga dar*) в Тибете, известных как *Ska Cog Zhang gsum* 'Ка, Чог и Шан' — сокращение от Кава Пэлцэг (*Ska ba dpal btsegs*), Чогро Луи Гьялцен (*Cog ro klu'i rgyal mtshan*) и Шан Еше Де (*Zhang ye shes sde*). В словаре «Dung dkar tshig mdzod chen mo» о нем приводятся следующие сведения: он родился в местности Пэнпо (тиб. *'Phan po*) в роду Кава (тиб. *Ska ba*) у Кава Лодэна (тиб. *Ska ba blo ldan*) и женщины из рода Дро по имени Дордже Чам (тиб. *'Bro bza' rdo rje lcam*). Вместе с Шантакракшитой они перевели циклы текстов по крия-тантре и чарья-тантре. Также из множества чойчжунов¹ (тиб. *chos 'byung*), описывающих ранний период распространения Дхармы, известно, что царь Трисонг Децен, поднеся золото Кава Пэлцэгу, Чогро Луи Гьялцену и Ма Ринчен Чогу (тиб. *Rma rin chen mchog*), отправил их в Индию, чтобы они пригласили в Тибет великого пандиту Вималамитру. Он перевел такие сочинения, как «Свет срединности» (санскр. *Madhyamakāloka*, тиб. *Dbu ma snang ba*), комментарии на «Бхадрачарью» Шакьямитры и Бхадрапаны, «Сутра-аламкара» Майтрейи, «Бодхисаттва-чарья-аватара» Шантидевы, «Послание другу» и «Шата-сахасрика-праджняпарамита» Нагарджуны, «Послание ученикам» Чандрагомина и многие другие [Dungkar 2002: 208–210].

Следующий переводчик Чогро Луи Гьялцен также известен как один из трех молодых лоцзав из группы девяти лучших переводчиков (тиб. *lo tsā ba rab dgu'i nang gses gzhon gsum gyi ya gyal*). Он перевел «Сутру обетов личного освобождения Учителя-отца², в которой собраны 253 полных монашеских обета бхикшу-отца, относящиеся к первому повороту колеса [Учения]», «Сутру обетов личного освобождения для женщин, включающую 364 обета для монахинь-бхикшуни» и др. [Dungkar 2002: 782–783].

Третий переводчик — Шан Еше Де (также известен как *Sna nam ye shes sde*, *Zhang gi bhan dhe ye shes sde*) (2-я половина VIII — начало IX вв.) — также причисляется к трем молодым лоцзавам, как и Чогро Луи Гьялцен. Он перевел многие сочинения цикла праджняпарамиты, относящиеся ко второму повороту колеса Учения, например, «Прад-

жняпарамита в 100 тыс. шлок», «Праджняпарамита в 25 тыс. шлок», «Аштасахасрика-праджняпарамита в 60-ти томах», «Ваджрачхедика-сутра»; раздел сутр «Аватамсака-сутра», относящийся к последнему, третьему, повороту колеса Учения [Dungkar 2002: 1764]. Согласно колофонам многих сочинений Кагьюра и Тенгьюра, он перевел 347 сочинений на тибетский язык, список которых приводится в статье Шераба Ралди, а также был автором трех трудов [Sherab Rhaldi]. Тибетский ученый пишет о том, что согласно историческому сочинению «Тан-йиг» (тиб. *Thang yig*), Вайрочана и Еше Де — один человек, в переводах текстов тантры подписывавшийся как Вайрочана, а в сочинениях сутры — как Еше Де [Sherab Rhaldi: 21]. Эта же точка зрения в более развернутом виде содержится в словаре «Dung dkar tshig mdzod chen mo»: «Кроме того, поскольку Вайрочана перевел много удивительных учений и известно много [его] имен, то [можно сделать вывод, что] в переводах учений Сутры он подписывался как Еше Де, в переводах Мантра[яны] — как Вайрочана, в переводах бонских текстов — как Ганджаг Тангта, в переводах астрологических сочинений — как Индра Вайро[чана], в переводах текстов по медицине — как Чойбар и т. д.» (тиб. *gzhan yang lo chen Bai ro tsa na'i khyad chos ni bsgyur ba mang zhing / mtshan yang mang bas mdo bsgyur nang du Ye shes sde bris / sngags bsgyur nang du Bai ro tsa na bris / bon bsgyur nang du Gan jag thang ta bris / rtsis bsgyur nang du In dra bai ro bris / sman bsgyur nang du chos 'bar bya ba bcug bcas su grags*) [Dungkar 2002: 1764]. Приведенный выше текст из колофона «Сундую» Таранатхи опровергает эту гипотезу, поскольку в нем Еше Де и Вайрочана упоминаются как разные люди. Согласно словарю «Dung dkar tshig mdzod chen mo», Вайрочана является одним из трех старших переводчиков-лоцзав, чья деятельность пришлась на ранний этап распространения буддизма (тиб. *bstan pa snga dar skabs yongs grags kyi lo tsā ba chen po rgan gras gsum*). Он также стал одним из семи первых тибетцев (тиб. *sad mi bdun*), принявших монашество по инициативе Трисонг Децена и Шантаракшиты в 767 г., который хотел проверить, способны ли тибетцы соблюдать монашеские обеты [Шантидева 2014: 227]. Он родился в местности Ньемо Чекхар³ (тиб. *Snye mo bye*

¹ Жанр тибетской исторической литературы, содержащий описания истории распространения буддизма.

² Будда Шакьямуни.

³ Современное название — *Snye mo rdzong zangs ri chus*.

mkhar), при рождении ему дали имя Генджаг Тангта (тиб. *Gan jag thang ta*). С детства он отличался незаурядным умом и поэтому в восьмилетнем возрасте был отобран в числе тысячи мальчиков из всех уголков Тибета царем Трисонг Деценом, который последовал совету Падмасамбхавы о необходимости воспитания лоцзав-переводчиков в недавно возведенном монастыре Самье, чтобы они в будущем перевели тексты Дхармы на тибетский язык и таким образом распространили Учение Будды в Тибете. Эти дети, находясь в непосредственной близости к Шантаракшита и Падмасамбхаве, должны были в течение семи лет изучать науки и совершенствоваться в познании, затем три года — изучать санскрит.

История возникновения первой монашеской общины в Тибете описана в чойчжуне Будон Ринчендуба: «В год Овцы двенадцать монахов школы сарвастивадинов были приглашены и провели испытание: смогут ли тибетцы быть монахами. Для этой цели выбрали семерых и посвятили в монахи. Согласно некоторым источникам, тремя старшими из них были Манджушри из Ба, Девендра из Цанга и Кумудика из Танга, младшими были Насендра из Кхона, Вайрочана из Пагора и Ачарья Ринченчог из Ма. Средним был Катана из Ланга. Наставником их был, как говорят, Данашила. <...> Согласно другим источникам, после того как Ачарья Бодхисаттва сделался наставником, прежде всех стал монахом Жадизиг, обретя сверхъестественные способности. После этого Салнанг из Ба, Тишер из Ба, Шита из Цанга, Вайрочана Ракшита из Пагора, Джиноттамагхоша из Ранла, Нагендракшита из Кхона, Ачарья Ринченчог из Ма и Легдуб из Цанга — числом семь, которые получили религиозные имена Джнянендра, Шригхоша и т. д. О них говорят как о „семи избранных“ (тиб. *sad mi bdun*)» [Будон 1999: 252].

Так Вайрочана стал одним из семи первых монахов-тибетцев и двадцати пяти ближайших учеников Падмасамбхавы. Затем Трисонг Децен отправил в Индию его и сына Тангла из Цанга Легдуба (тиб. *gtsang thang lha'i bu Legs grub*) как лучших учеников изучать учение Великого Совершенства (тиб. *bka' rdzogs pa chen po*). По возвращении Вайрочана передал это учение царю, министрам и подданным. По навету министра Тара Лугонга (тиб. *Ta ra klu gong*) и других придворных, следовавших бонской традиции, он был изгнан в местность Гьял-

мо ронг (тиб. *Rgyal mo rong*), где впервые в Тибете получило распространение учение Дзогчен. Когда позиции буддизма укрепились, он вернулся из ссылки и в сотрудничестве с лоцзавой Акашагарбхой (тиб. *Nam mkha'snying po*) перевел много тантр и садхан, например: «Садхану Ваджрайогини» (тиб. *Rnal 'byor ma'i sgrub thabs*), «Садхану белой Ваджрайогини» (тиб. *Rnal 'byor ma dkar mo'i sgrub thabs*), «Объяснение Царя тантр — достославного Гухьясамаджи» (тиб. *Rgyud kyi rgyal po dpal gsang ba 'dus pa'i rnam par bshad pa*), «Сокращенную праджняпарамиту» (тиб. *Pha rol du phyin pa bsdu pa*) и т. д. Вайрочана был переводчиком во время правления трех царей — Трисонг Децена, Муне ценпо (тиб. *Mu ne btсан po*) и Триде Сонгцена (тиб. *Khri lde srong btсан*). Также он был известен как выдающийся астролог и врач [Dungkar 2002: 1399–1401].

Кашмирский пандита Джинамитра (тиб. *Rgyal ba'i bshes gnyen*), а также другие пандиты, в том числе и Шилендрабодхи и Данашила, прибыли в Тибет по приглашению царя Тицугдэцэн Ралпачена (тиб. *Khri gtsug lde btсан ral pa can*) (815–841) (в некоторых источниках указывается, что Джинамитра прибыл в Тибет раньше, во время правления царя Трисонг Децена (755–797)) для перевода священных текстов с санскрита на тибетский язык. В итоге этой работы был составлен первый санскритско-тибетский словарь «Махавьюттпати» и выработана официальная индо-тибетская буддийская терминология [Кычанов, Мельниченко 2005: 40]. Сурендрабодхи (тиб. *Lha dbang byang chub*) упоминается в числе пандит, приглашенных царем Ралпаченом [Surendrabodhi].

Наконец, Ма Ринчен Чог, упомянутый в дунхуанских текстах как Ма Ратна Ятра, был одним из семи первых монахов и одним из трех средних переводчиков из группы из девяти лучших лоцзав, дожившим до правления царя Ландармы. Многие его переводы сочинений Сутры и Тантры редактировал Кава Пэлцэг [Dungkar 2002: 1637–1638].

Итак, вероятно, существовало два тибетских перевода «Бхадрачарьи»: первый — Кава Пэлцэга, Чогро Луи Гьялцена и Ма Ринчен Чога, и второй — Еше Де, Джинамитры, Вайрочаны и Сурендрабодхи. Самое главное различие между переводами — в количестве строф: в переводе Кава Пэлцэга — шестьдесят строф, в переводе Еше Де — шестьдесят три, причем мон-

гольский монах У. Пурэвсүх, составитель комментария к «Бхадрачарье», пишет о том, что последнее (шестьдесят третье. — С. М.) четверостишие было добавлено гуши Вайрочаной (монг. *Сүүлийн энэ ёрөөл нь гууш Вэйрочанагийн орчуулгаа хийж дуусаад нэмж хийсэн ёрөөл юм*) [Пурэвсүх 2007: 69]. Стоит отметить, что оба перевода — стихотворные, что лишний раз свидетельствует о мастерстве переводчиков.

«Бхадрачарья» также нашла отражение в тибетском искусстве, в частности в живописи: в храмовом комплексе Табо в Западном Тибете, датируемом X в., сохранились фрески, на которых изображены сопровождаемые текстом сцены из «Гандавьяуха-сутры»: на последней, вероятно, изображена сцена из «Бхадрачарьи»¹.

Многие исследователи подчеркивают значительную роль, которую «Бхадрачарья» продолжает играть в современной традиции тибетского буддизма, в которой она более известна как «Зангчо монлам» (тиб. *bzang spyod smon lam*). С. Бейер пишет о том, что этот текст очень популярен среди тибетцев, которые стараются иметь на алтаре копию этого текста [Beyer 1973: 188].

Локеш Чандра приводит данные о том, что «Бхадрачарья» начитывалась в ритуальных целях для переноса сознания во время сна или для возвращения мертвеца к жизни [цит. по: Osto 2010: 19]².

М. Капстейн придерживается мнения, что «эта молитва, возможно, является одной из наиболее популярных в Тибете» [Kapstein 2000: 97].

С. Шайк и Л. Доуни со ссылкой на С. Кармая и Я. Нагано пишут о том, что в бонском каноне существует аналогичный текст под названием «Неизменный Царь молитв-устремлений благих деяний» (тиб. *G.yung drung bzang por spyod pa'i smon lam gyi rgyal po*) [Schaik, Doney 2009: 184].

Многие буддийские учителя дают комментарии к «Бхадрачарье»: Дзогчен Раньяк Патрул Ринпоче, Дзонгсар Кхьенце Рин-

поче, Шамарпа Ринпоче, монахиня Тубтен Чодрон и мн. др. Таким образом, «Бхадрачарья», или «Зангчо монлам», являет собой пример редкого буддийского текста, пользующегося популярностью в традиции тибетского буддизма, начиная с IX в. вплоть до настоящего времени.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Bka' 'gyur, Phal po che 2008 — Bka' 'gyur. Phal po che [Kangyur. Avatamsaka Sūtra]. Vol. 38. 2008. 802 p.

Bstod smon 1993 — Bstod smon phyogs bsgrigs [Collection of aspiration prayers]. Qinghai: National Typography, 1959. 355 p.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Будон 1999 — Будон Ринчендуб. История буддизма / пер. с тиб. на англ. Е. Е. Обермиллера, с англ. на рус. А. А. Донца. СПб.: Евразия, 1999. 336 с. [Butön Rinchen Drup. *Istoriya buddizma* [History of Buddhism]. E. E. Obermiller (Tib. to Eng. transl.), A. A. Donets (Eng. to Rus. transl.). St. Petersburg: Evraziya, 1999. 336 p.]

Дюмулен 1994 — Дюмулен Г. История дзэн-буддизма. Индия и Китай. СПб.: ОРИС; Яна-Принт, 1994. 336 с. [Dumoulin H. *Istoriya dzen-buddizma. Indiya i Kitay* [A history of Zen Buddhism. India and China]. St. Petersburg: ORIS; Yana-Print, 1994. 336 p.]

Избранные сутры... 2000 — Избранные сутры китайского буддизма / пер. с кит. Д. В. Поповцева, К. Ю. Солонина, Е. А. Торчинова. СПб.: Наука, 2000. 464 с. [Izbrannye sutry kitayskogo buddizma [Selected works of Chinese Buddhism]. D. V. Popovtsev, K. Yu. Solonin, E. A. Torchinov (transl.). St. Petersburg: Nauka, 2000. 464 p.]

Кычанов, Мельниченко 2005 — Кычанов Е. И., Мельниченко Б. И. История Тибета с древнейших времен до наших дней. М.: Вост. лит., 2005. 351 с. [Kychanov E. I., Melnichenko B. I. *Istoriya Tibeta s drevneyshikh vremen do nashikh dnei* [A history of Tibet: from the earliest times to the present days]. Moscow: Vost. Lit., 2005. 351 p.]

Музраева 2003 — Музраева Д. Н. О молитвенных текстах дхарани (по материалам тибетской коллекции КИГИ РАН) // Монголоведение. Сб. науч. тр. Вып. 2. Элиста: АПП «Джангар», 2003. С. 46–68. [Muzraeva D. N. Revisiting the dharani prayer texts (a case study of the Tibetan Collection of the Kalm. Humanities Research Institute of the RAS). *Mongolovedenie*. Collected scholarly papers. Iss. 2. Elista: Dzhangar, 2003. Pp. 46–68].

¹ Точно определить, является ли изображенная иллюстрацией «Бхадрачарьи», невозможно, поскольку сопроводительная надпись не сохранилась.

² Д. Геллнер отмечает в своей работе, посвященной современному неварскому (непальскому) буддизму, что стихи «Бхадрачарьи», знакомые практически каждому, зачитывают для пользы умершего человека и иногда как часть ежедневных устремлений [Gellner 1992: 107].

- Патрул Ринпоче 2007 — *Патрул Ринпоче*. Слова моего несравненного учителя. СПб.: Нартанг, 2007. 504 с. [Patrul Rinpoche. *Slova moego nesravnennogo uchitelya* [Words of my Perfect Teacher]. St. Petersburg: Nartang, 2007. 504 p.].
- Позднеев 1993 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. Репринтное издание. Элиста. Калм. кн. изд-во, 1993. 512 с. [Pozdneev A. M. *Ocherki byta buddiyskikh monastyrey i buddiyskogo dukhovenstva v Mongolii v svyazi s otnosheniem sego poslednego k narodu* [Sketches of the life of Buddhist monasteries and clergy in Mongolia, in connection with the latter's relation to the people]. Reprint edition. Elista: Kalm. Book Publ., 1993. 512 p.].
- Пүрэвсүх 2007 — *Пүрэвсүх У.* Хутагт сайн явдлын ерөөлийн хаан. Судрын тайлбар. Улаанбаатар: Соёмбо Принтинг ХХК, 2007. 100 х. [Pürevsükh U. *Khutagt sayn yavdlyn eröoliyn khaan. Sudryn taylbar* [The King of Aspiration Prayers. An interpretation of the sutra]. Ulaanbaatar: Soembo Printing Ltd., 2007. 100 p.].
- Судзуки 2005 — *Судзуки Д. Т.* Очерки о дзэн-буддизме / пер. с англ. С. Бурмистрова. СПб.: Наука, 2005. 432 с. [Suzuki D. T. *Ocherki o dzen-buddizme* [Essays in Zen Buddhism]. S. Burmistrov (transl.). St. Petersburg: Nauka, 2005. 432 p.].
- Торчинов 2000 — *Торчинов Е. А.* Введение в буддологию. Курс лекций. СПб.: Санкт-Петербургское философ. общ-во, 2000. 304 с. [Torchinov E. A. *Vvedenie v buddologiyu. Kurs lektsiy* [Introduction to Buddhist studies. A series of lectures]. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophy Society, 2000. 304 p.].
- Торчинов 2005 — *Торчинов Е. А.* Введение в буддизм. СПб.: Амфора, 2005. 352 с. [Torchinov E. A. *Vvedenie v buddizm* [Introduction to Buddhism]. St. Petersburg: Amfora, 2005. 352 p.].
- Урбанаева 2014 — *Урбанаева И. С.* Буддийская философия и медитация в компаративистском контексте (на основе индо-тибетских текстов и живой традиции тибетского буддизма). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2014. 376 с. [Urbanaeva I. S. *Buddiyskaya filosofiya i meditatsiya v komparativistskom kontekste (na osnove indo-tibetskikh tekstov i zhivoy traditsii tibetskogo buddizma)* [Buddhist philosophy and meditation in a comparative context (a case study of some Indo-Tibetan texts and the living tradition of Tibetan Buddhism)]. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of SB of RAS, 2014. 376 p.].
- Шантидева 2014 — *Шантидева*. Путь бодхисаттвы (Бодхичарья-аватара) / пер. и общ. ред. Ю. Жиронкиной, науч. ред. Б. Загуменнов. М.: Фонд «Сохраним Тибет», 2014. 280 с. [Shantideva. *Put' bodkhisattvy (Bodkhar'ya-avataara)* [The Way of the Bodhisattva (Bodhisattvacaryāvatāra)]. Yu. Zhironkina (transl. and ed.), B. Zagumennov (ed.). Moscow: Save Tibet Foundation, 2014. 280 p.].
- Asmussen 1961 — *Asmussen J. P.* The Khotanese Bhadracaryādeśanā (Text, translation, and glossary, together with the Buddhist Sanskrit original). Copenhagen: Bianco Lunos Bogtrykkeri A-S, 1961. 97 p.
- Beyer 1973 — *Beyer S.* The cult of Tārā: Magic and Ritual in Tibet. Los-Angeles: University of California Press, 1973. 542 p.
- Dayal 1932 — *Dayal H.* The Bodhisattva doctrine in Buddhist Sanskrit literature. London: Kegan Paul, Trench, Trübner and Co., 1932. 392 p.
- Davidson 2009 — *Davidson R.* Studies in Dhāraṇī Literature I: Revisiting the Meaning of the term *Dhāraṇī* // Journal of Indian Philosophy. Iss. 37. 2009. P. 97–147.
- Dungkar 2002 — *Dung dkar tshig mdzod chen mo*. Beijing: Krung go'i bod rig pa dpe skrun khang, 2002. 2388 p.
- Gellner 1992 — *Gellner D.* Monk, Householder, and Tantric priest. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 452 p.
- Hamar 2007 — *Hamar I.* The History of the Buddhāvataṃsaka-sūtra: shorter and larger texts. *Reflecting mirrors: perspectives on Huayan Buddhism*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2007. Pp. 139–167.
- Jo nang — Jo nang chos spyod // [электронный ресурс] Buddhist digital resource center. URL: <https://www.tbrc.org/#!rid=W23923> (дата обращения: 15.03.2018). [Jonang School learning resources.] Available at: <https://www.tbrc.org/#!rid=W23923> (accessed: 15 March 2018).
- Kapstein 2000 — *Kapstein M.* The Tibetan assimilation of Buddhism: conversion, contestation and memory. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 316 p.
- Osto 2010 — *Osto D. E.* A new translation of the Sanskrit *Bhadracarī* with introduction and notes. *New Zealand Journal of Asian Studies* 12, 2 (December 2010). Pp. 1–21.
- Osto 1999 — *Osto D. E.* A study and translation of the Samantabhadracaryāpraṇidhānam (prose) of the Gaṇḍavyūhasūtra. A thesis submitted ...

- for the degree of Master of Arts. Washington: University of Washington, 1999. 118 p.
- Richardson 1985 — *Richardson H. E.* A Corpus of early Tibetan inscriptions. London: Royal Asiatic Society, 1985. 201 p.
- Schaik, Doney 2009 — *Schaik van S., Doney L.* The prayer, the priest and the Tsenpo: an early Buddhist narrative from Dunhuang. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. Vol. 30. No. 1–2. 2007 (2009). Pp. 175–219.
- Schopen 1989 — *Schopen G.* A verse from the Bhadracarīpranidhāna in a 10th century inscription found at Nalanda. *Journal of the International Association of Buddhist Studies*. Vol. 12. No. 1. 1989. Pp. 149–157.
- Sherab Rhaldi — *Sherab Rhaldi.* Ye Shes sDe, Tibetan scholar and saint [электронный ресурс] // URL: <https://www.repository.cam.ac.uk> (дата обращения: 26.05.2017). [...] Available at: <https://www.repository.cam.ac.uk> (accessed: 26May 2017).
- Surendrabodhi — Surendrabodhi — [электронный ресурс] // URL: <http://rywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (дата обращения: 15.03.2018). [Buddhist online dictionary entry.] Available at: <http://rywiki.tsadra.org/index.php/Surendrabodhi> (accessed: 15 March 2018).
- Tibetan documents ... 2007 — Tibetan documents from Dunhuang in the Bibliothèque Nationale de France. Fonds Pelliot tibetain (0097–0151). Vol. 3. Shanghai: les Editions des Classiques Chinois, 2007. 317 p.
- Watts 1957 — *Watts A.* The way of Zen. New York: Pantheon, 1957. 236 p.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ / ONLINE SOURCES

- https://en.wikipedia.org/wiki/Monlam_Prayer_Festival
- <https://www.karmapa.org/kagy-monlam/>

УДК 821.584.6

«Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» («Зангчо монлам») в письменной традиции буддизма ваджраяны

Саглар Викторовна Мирзаева¹

¹ младший научный сотрудник, отдел монгольской филологии, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: kundgabo@list.ru

Аннотация. В статье описывается одна из наиболее популярных в тибетском буддизме молитв-устремлений «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» (сокращенно — «Бхадрачарья»), более известная в тибетской традиции как «Зангчо монлам» (тиб. *bzang spyod smon lam*). Она рассмотрена в контексте крупных сутр, в составе которых она входит в канонические сборники Кагьюр и Тэнгьюр, — «Аватамсака-сутры» и «Гандавьюха-сутры», а также как самостоятельный текст. «Бхадрачарья» была связана с культом Чистой Земли Будды Амидабхи Сукхавати в Китае и, вероятно, Тибете, и, как предполагают исследователи С. Шайк и Л. Доуни, начитывалась для долголетия царя Трисонг Децена. Также в тибетской письменной традиции текст «Бхадрачарьи» цитировался многими учителями как образец семеричного ритуала, имеющего важное значение в буддийской практике. Кроме того, в статье вкратце приведены биографии переводчиков, упомянутых в колофонах тибетских переводов «Бхадрачарьи». Этот текст все еще имеет широкое бытование в современном тибетском буддизме, что подчеркивают многие исследователи.

Ключевые слова: тибетская литература, «Бхадрачарья», «Зангчо монлам», Кагьюр, Тэнгьюр, Кава Пэлцэг, Еше Де

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 144–161, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-144-161
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 316.4

Preservation and Development of the Tatar Language in the Eyes of Tatarstan's Youth: Vision Statements and Projects

Aygul R. Mukhametzyanova¹

¹ Research Associate, Department of Ethnic Studies, Marjani Institute of History, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation). E-mail: aygul.mukhametzyanova@gmail.com

Abstract. Preservation and development of the Tatar language is a relevant objective of the Republic of Tatarstan. Future of any language largely depends upon strategies to be selected by younger generations: whether the language shall be spoken in the family, studied at education establishments and used in different spheres of life. The latest surveys show that the use of the Tatar language within the urban Tatar youth communities is limited to somewhat household and family spheres, while Russian serves as the main communicative means for urban residents. In rural areas, the Tatar language still remains the main language of everyday communication. But the urbanization rates and limited language use areas (rural districts only) are insufficient conditions for further preservation and development of the language in its entirety.

Despite attending Tatar language learning programs in preschool facilities and taking complete school courses of the Tatar language and literature, residents of the republic of non-Tatar descent as well as Russian-speaking Tatars basically have low language competence and do not speak the language in everyday life. Moreover, all topical events in the spheres of culture, IT, and business are organized with the use of Russian, the Tatar language thus progressively becoming a language of household and family communication.

The article considers judgments made by the younger generation of Tatarstan, and some projects they support and implement to preserve and develop the language. The study analyzes the youth projects for further development of the Tatar language, namely: 1) projects aimed to create and elaborate Tatar language learning/teaching methods and practices, 2) projects to represent Tatarstan as a bilingual society, 3) projects aimed to widen the sphere of use of Tatar, including projects for children.

Keywords: preservation of national languages, Tatar language, Republic of Tatarstan, youth, projects, sociological surveys

Сохранение и развитие татарского языка является актуальной задачей для Республики Татарстан (далее — РТ). Будущее языка во многом зависит от того, какую стратегию выберет молодое поколение: будет ли говорить в семье, изучать в учебных заведениях и использовать его в разных сферах своей жизни. По данным последнего исследования [Габдрахманова, Мухаметзянова 2015: 40], использование татарского языка среди городской татарской молодежи ограничивается бытовым уровнем и сферой семьи, а основную коммуникативную функцию в городах выполняет русский язык. В сельской местности татарский язык сохраняет свою роль основного языка общения, однако темпы урбанизации и ограничение ареала функционирования языка только сельскими районами не позволяют сохраниться и развиваться языку во всей широте его возможностей.

Жители республики, для которых татарский язык не является родным, а также русскоязычные татары, несмотря на обучение языку в детских дошкольных учреждениях (далее — ДДУ), реализацию полного курса татарского языка и литературы в школах демонстрируют невысокий уровень языковой компетенции и не используют его в своей жизни. Кроме того, все передовые темы в сферах культуры, технологии, бизнеса презентуются в Татарстане на русском языке, татарский — оказывается языком семейно-бытового общения. Ввиду вышеперечисленного нам хотелось выяснить, как эта ситуация оценивается молодым поколением татарстанцев и, что не менее важно, какие проекты по сохранению и развитию языка они поддерживают или реализуют сами.

В основу данной работы легли материалы:

- 6 фокус-групп с татарской молодежью в РТ, проведенные с участием автора в 2015 г.¹;

¹ 4 — в городах республики (2 — в Казани, 1 — в Альметьевске, 1 — в Набережных Челнах) и 2 — в селах с татарским населением. В городах беседа велась на русском, в селах — на татарском языке. Среднее число участников каждой фокус-группы составило 10 человек. Всего в фокус-группах приняло участие 60 человек в возрасте от 20 до 25 лет. При рекрутировании участников учитывался их профессиональный и образовательный статусы — предпочтение отдавалось учащимся средних специальных учебных заведений (ссузов) и студентам высших учебных заведений (вузов), молодым людям, закончившим обучение и работающим в разных отраслях, а также не работающим.

- биографические интервью с молодежью г. Казани (2016 г.)²;
- интервью с активистами национально-культурных молодежных объединений: Всемирный форум татарской молодежи (ВФТМ), «Сэлэт»; а также активистами в сфере развития татарского языка;
- наблюдения автора на мероприятиях ВФТМ: Печән базары (31 июля 2015 г.), Jadid-fest (2 апреля 2016 г.), VII Всемирный Форум татарской молодежи (г. Казань, 4–7 августа 2016 г.);
- материалы интернет-изданий, освещающих события татарского мира и Татарстана: Азатлык радиосы (<http://www.azatliq.org>), Бизнес Online (<http://www.business-gazeta.ru>) и др.

Молодежь, не принимающая активного участия в деятельности национально-культурных общественных объединений, при предложении назвать мероприятия, поддерживающие татарский язык, обращалась к своему опыту изучения татарского языка, который, как правило, ограничивался школьными уроками. Несмотря на то, что проживание в Татарстане обуславливает существование татарского в языковом пространстве ребенка с самого раннего возраста (речь на улице, общение с соседями, родственниками), и это положительно сказывается на отношении к татарскому языку (об этом ниже), для русскоязычных татар и русских нередко первый опыт, а также отношение к языку связаны со школьным обучением.

Исходя из анализа материалов, мы выделили проекты, предлагаемые молодежью в сфере развития татарского языка, по направлениям: проекты, направленные на создание и усовершенствование методик и практик изучения татарского языка; проекты, представляющие Татарстан как билингвальное сообщество; проекты, направленные на расширение сфер применения татарского языка и проекты для детей.

Проекты, направленные на усовершенствование методики изучения татарского языка

С 1992 г. в школах Татарстана введены уроки татарского языка и литературы [Закон

² Всего 21 интервью с татарами и русскими в возрасте 18–30 лет с разным отношением к татарскому языку.

«О языках ...]. Все молодые люди, участвовавшие в интервью, фокус-группах (молодые люди и девушки, родившиеся в 1988–1998 гг.), посещали эти уроки. Дошкольный возраст в контексте языков наши респонденты помнят плохо, и воспоминания их связаны больше с семьей, чем с детскими дошкольными учреждениями.

Как показывают данные интервью, знание татарского языка и отношение к нему находятся в прямой зависимости от профессионализма учителя и используемой им методики преподавания татарского языка.

В школе была замечательная преподавательница <...> которая полностью вовлекала в процесс <...> все мои знания сейчас — это просто остаточные знания, как раз-таки этого преподавателя. Она просто базу составила в голове. Нам всегда было интересно. Хоть у нас была школа с углубленным английским языком, татарский мы знали очень хорошо, потому что нам было самым интересно этим заниматься <...> Мы и песенки пели, и стихотворения учили, и кроссворды на татарском сами составляли <...>, кто больше кроссвордов сделает (2016, № 1, жен., рус.).

Неудовлетворительный опыт обучения татарскому языку связывался также с несовершенством методики его обучения:

...это были проверочные работы постоянно. Я помню, что мы писали по падежам, нам нужно было просклонять слово и написать в каждом падеже, то есть с этим словом в каждом падеже составить предложение. <...> Разговорного <...> он был, но он был в меньшей степени, то есть в большей степени были проверочные работы, такие письменные <...> Ну, мне не хватало разговорного языка, то есть мне не хватало возможности общения <...> Прошла я грамматику. Я ее до сих пор прекрасно помню. Я могу вам просклонять любое существительное на татарском языке. Но, по сути, разговаривать я не могу (2016, № 11, жен., рус.).

Нужно отметить, что критике подвергается не только методика обучения татарскому языку в школе, но и другим неродным языкам (английскому, к примеру). Несмотря на то, что большинство школьников изучают английский язык с начальных классов, уровень владения им тоже относительно невысок: «Это (методика преподавания. — А. М.) проблема всех языков, которым обучаются в России. Иностранцы всегда говорят, что такое ощущение, будто в России никто не разговаривает по-английски.

Идем по улице, обращаемся, а в ответ: „No, no, нет, не говорю“» [Яруллин 2016a]¹.

Соглашаются и респонденты:

В школе <...> у нас часто менялись учителя, преподаватели <...> максимум один год <...> И в основном это письменный <...>, то есть это не разговорная речь (2016, № 11, жен., рус.).

Таким образом, мы фиксируем неприятие методики обучения татарскому языку, при этом для русскоязычного населения республики важнее овладеть азами грамматики и минимальным словарным запасом, что позволило бы понимать язык и говорить на нем. То есть важными являются вопросы постановки целей обучения татарскому языку в Татарстане.

Нужно отметить, что в республике, благодаря системам мониторинга, совершенствуется учебно-методический комплекс. К новому 2016–2017 учебному году были подготовлены простые, красочные учебные пособия, направленные на усвоение повседневного языка без углубления в лингвистическую часть для русскоговорящих жителей Татарстана [Яңа дәреслек... 2016]. Вместе с тем для продолжающих изучать татарский язык тоже нужны интересные форматы.

Ощувив на себе неэффективность обучения языку из-за несовершенства методики, молодые люди предлагают усовершенствовать ее за счет применения современных технологий, адаптирования методик обучения иностранным языкам. К примеру, автор настольной игры «Хәрәкәт» — ученик лицея-интерната № 2 г. Казани И. Хайруллин предлагает ввести ее на уроках татарского языка:

Яшьләргә татарча сөйләшүен телибез икән, аларга татарча уеннарны да булдырырга кирәктер бит инде. Беркем дә моның белән шөгыйльләнмәгәч, үзем моны башкарырга булдым. Өстәвенә, татар теле дәресләренә дә интерактивлык җитмәвен сизәм. Инглиз теле дәресләрендә күпме кызыклы уеннар, сүзле карталар куллалар, бездә бу җитеп бетми [Татар телендә 2015] ‘Если мы хотим, чтобы молодежь говорила на татарском, нужно создавать и татарские игры. Никто этим не занимался, и я сам решил сделать. К тому же чувствуется отсутствие интерактива на уроках татарского языка. На уроках английского языка используется много интересных игр, словесных карт, нам этого не хватает (пер. — А. М.)’.

Настольная игра «Хәрәкәт» представляет собой татароязычный вариант популярной игры «Активити». Интерес к настоль-

¹ Табрис Яруллин — глава ВФТМ.

ным играм среди молодежи побуждает адаптировать, используя татарский язык, и другие популярные игры. На VII ВФТМ были презентованы также настольные игры «Игезэклар», «Татарча экиятлар».

В казанском лицее-интернате № 2 на ярмарке татарских проектов были представлены другие современные способы изучения татарского языка, а именно видеолекции. Говорит создатель видео-урока татарского языка:

Бүгенге көндә кеше телләре интернет аша гына өйрәнә ала. Чит телләре өйрәнү өчен интернетта бик күп видеодәресләр табып була. Кызганычка каршы, интернетта сыйфатлы һәм аңлаешлы татар видеодәресләре бик аз. Шуңа күрә без мондый дәресләре үзбез төшерергә булдык [Казан укучылары... 2015]. 'На сегодняшний день изучение иностранных языков возможно и через интернет. Для изучения иностранных языков в сети есть много видеоуроков. К сожалению, хороших и понятных татарских видеолекций очень мало. Поэтому мы сами решили снять эти уроки' (пер. — А. М.).

Если в Татарстане стоит вопрос улучшения методики обучения татарского языка, то за пределами республики молодые люди решают задачи самостоятельного изучения родного языка. Из независимо запущенных и действующих проектов, направленных на изучение татарского языка, можно назвать сайт «По ступеням татарского языка» (www.tatartele.com). Автор программы попытался использовать методику обучения иностранным языкам. На самом сайте указано, что «самоучитель ориентирован на тех, кто с трудом общается на татарском языке или не говорит на нем вообще», «после нескольких занятий Вы сможете выстраивать простые разговорные фразы. Тем более что для более легкого обучения мы решили избежать описания сложных грамматических правил». На презентации сайта автор М. Тухватуллин сказал, что благодаря этой программе смог самостоятельно овладеть татарским языком на уровне чтения. Сайт, по его словам, на данный момент принимает около 140–300 пользователей в день. Основной контингент посетителей сайта — молодые женщины до 30 лет.

Кроме онлайн-программ, изучение языка в веб-сфере представлено приложениями для мобильных устройств. Молодые люди в интервью нередко говорили о том, что нужны простые, но действенные приложения удобного формата.

Нет доступных средств изучения татарского языка; в школе трудные книги, учебники. Пожалуйста, если есть желание, ты в интернет зайдешь и <...> специальное приложение скачиваешь, тудаходишь, и воттуда включили татарский язык просто энтузиасты, и, пожалуйста, ты каждый день пять слов берешь на татарском языке и изучаешь (Т. Яруллин, глава ВФТМ).

Из реализованных идей можно назвать приложение для Android «Tatarcha — Учу татарский язык!». На странице приложения указано: «Пополняй свой словарный запас, изучай основы грамматики с помощью интересных игр» [Tatarcha — Учу татарский...]. У этого же разработчика есть приложение и для детей.

О популярности и востребованности такой формы изучения татарского языка свидетельствует и то, что образовательный проект онлайн-обучения татарскому языку «Ана теле» ('Язык матери'), разработанный в рамках реализации соглашения между Республикой Татарстан и компанией EF Education First, исчерпал возможные лицензии уже фактически через месяц после запуска очередного этапа. Изучать язык могут 10 тыс. человек в год [Ана теле... 2014].

По данным проведенных интервью, выявлены предложения по увеличению оффлайн-групп по изучению татарскому языку. Однако молодые люди отмечали, что не готовы на данный момент платить по рыночной стоимости, так как в условиях ограниченных финансовых возможностей выбирают английский язык, имеющий международное применение. И второе ограничение — наличие бесплатных курсов именно для начинающих, тогда как большинство татарстанских бывших школьников уже имеют какие-то знания и хотели бы продолжить обучение с определенного уровня:

Ну, во-первых, скажем, это не так развито. То есть это не то большое количество курсов, где ты можешь пойти в любой центр и [говоришь] 'я хочу изучать татарский язык', причем тебе же определенный уровень нужен <...> И я не знаю, где вообще это возможно. Я знаю, что есть бесплатные курсы (три месяца), но опять же это нулевой уровень. Я считаю, что это очень здорово <...> что это, во-первых, на бесплатной основе. И я очень этому рада. Но опять же, мне не нужен этот нулевой уровень. Мне все-таки нужен чуть-чуть повышение <...> То есть я забыла многое, но все-таки у меня не нулевой уровень. И где найти такие

курсы, это второй вопрос <...> В то же время я понимаю, что на данный момент я не готова платить за это. Если бы были бесплатные курсы моего уровня, я думаю, что я бы пошла, мне интересно, мне нравится изучать язык. Но в плане материальном, наверное, сейчас я больше готова вкладывать в английский, чем, например, в татарский язык. Но если бы были бесплатные курсы, я бы пошла с удовольствием. Потому что считаю, что это важно (2016, № 11, жен., рус.).

В подтверждение растущего интереса к курсам татарского языка приведем следующие данные: в 2016 г. желание изучать татарский язык на трехмесячных бесплатных курсах в КФУ выразили 800 человек при квоте в 300 человек (в 2015 г. желающих было 700 чел., обучили 500) [Изучать татарский... 2016].

Второй немаловажный фактор неудовлетворительного знания татарского языка бывшими татарстанскими школьниками — отсутствие мотивации к его изучению [Мусина, Махмутов 2015: 87]. Республика провела большую работу по поиску средств и возможностей к введению преподавания татарского языка и литературы в детских дошкольных учреждениях (ДДУ), школах, ссузах и вузах (выделение часов, подготовка преподавателей и учебных пособий). Однако, по данным наших исследований, а также общественных дискуссий, с периодичностью возникающих в связи с обязательными занятиями по татарскому языку и литературе, можно фиксировать отсутствие понимания целей и мотивов изучения татарского языка в Республике Татарстан.

Какие перспективы, зачем мне нужен татарский язык, если в университете обучение идет на русском языке? Тем более у меня были такие пожелания, возможно, уехать уже из Татарстана. Поступать уже в московские, петербургские вузы, то есть мотивации как таковой не было. И окружение было русскоговорящее (2016, № 11, жен., рус.).

В средней школе <...> у меня появилось такое чувство протеста. Когда приходит осознание, что тебя учат языку, который <...> отъезжая двести, двести пятьдесят километров от моего родного города в сторону — мне он уже не пригодится. И меня мало кто поймет на нем <...> И если сравнивать с английским, там очень-очень прямая связь. Что тебе он пригодится, потому что <...> английский позволяет открывать очень большую область знаний, информации, которая недоступна. С татарским

языком этой связи нет, потому что вся информация, которая доступна на татарском, она доступна и на русском. Поэтому у меня был прямо жесткий протест. И, когда я пошел в университет, нам тоже начали преподавать татарский, и там я тоже возмущался (2016, № 5, муж., рус.).

Фактор «это (татарский язык. — А. М.) не пригодится в дальнейшей жизни» лидирует в 2015 г. у школьников среди негативной мотивации учащихся к изучению татарского языка (80 % у русских, 48 % — у татар). Он в сумме у респондентов русской национальности опережает такие факторы, как «неинтересная программа, темы» (23 % у русских, 48 % — у татар), «не нравится учитель» (13 % у русских, 19 % у татар) и «не нравится, чему нас учат...» (12 % у русских, 19 % у татар) [Мусина, Махмутов 2015: 85].

Занятия в школе рассматриваются школьниками, а также их родителями с точки зрения необходимости в будущем: при сдаче ЕГЭ для поступления в вузы. Требование сдавать ЕГЭ только на русском языке и список дисциплин, в который не входит татарский язык, также побуждают школьников, учителей и родителей будущих абитуриентов больше времени уделять необходимым для них предметам (русский язык, математика и предметы по выбору) и не принимать во внимание остальные, «не нужные» предметы, к которым относится и татарский язык.

Все понимали, что будут какие-то экзамены в конце учебы и ЕГЭ. А по татарскому его не будет, и он необязателен, для поступления он не нужен, и в дальнейшем. То есть, раскладывалась такая цепочка <...> Может быть, несерьезность была даже со стороны учителя <...> Поэтому они были снисходительны (2016, № 5, муж., рус.).

Отношение к татарскому языку как к необязательному школьному предмету существует не только у школьников и их родителей, но и у самих преподавателей данной дисциплины. Традиционная позиция, что основы языка и отношение к нему закладываются в семье. Однако в случае русскоговорящей семьи отношение к языку, мотивы к его изучению закладываются в школе, и во многом — учителями татарского языка и литературы. И при отсутствии понимания целей обучения татарскому языку у учителя такое же непонимание формируется и у учеников.

Функциональное значение татарского языка для школьников в 2015 г. выглядело следующим образом. У татар: «мой родной язык» (79 %), «государственный язык РТ» (43 %), «язык моих родителей» (42 %), «язык, помогающий татарам сохраниться как народ» (34 %), «символ татарской культуры» (34 %), «язык, объединяющий татарстанцев» (12 %) и др. У русских: «символ татарской культуры» (50 %), «государственный язык РТ» (48 %), «чужой язык» (34 %), «язык, помогающий татарам сохраниться как народ» (30 %), «язык, близкий для всех тюркских народов», (22 %) и «язык, объединяющий татарстанцев» (17 %) [Мусина, Махмутов 2015: 97]. Как видим, у русских школьников нет близких для них мотивов к изучению татарского языка. В интервью молодые люди также оценивают татарский язык, как язык, нужный татарам, а не татарстанцам:

Если посмотреть со стороны сохранения идентичности народа (татарского. — А. М.) и всего такого, то можно понять, почему его преподают. И почему его преподают даже в русской группе. Потому что нельзя же делать нагрузку только на татар. А отпускать в это время людей, которые в одном классе, по сути, учатся (нехорошо. — А. М.). (2016, № 5, муж., рус.).

Изучая проекты, которые презентует молодежь на площадках по развитию татарского языка, мы получали ответы на вопрос: зачем нужен татарский язык в Татарстане.

Татарстан как билингвальное пространство

«Татарский язык — для татар» — тезис, который имел сторонников на волне обретения суверенитета. Однако прошедшие почти 25 лет показали, что этот тезис не может быть лозунгом в регионе с населением из разных этнических групп. «Татарский язык для Татарстана» — так звучит современное понимание указанного тезиса молодежью.

Осознание того, что нужно знать татарский язык, у меня пришло раньше, это не связано с работой. Хотя, конечно, непосредственно это тоже стимулирует <...> Наверное, с осознанием культурных особенностей нашей республики. Все-таки осознание того, что это национальная республика, и мне кажется, что ее особенность — это прежде всего татарская культура, как главный маркер — это язык <...> Хорошо бы знать (татарский язык. — А. М.). Нет, я считаю, что это важно — знать та-

тарский язык. — А. М.). Я бы вот так сказала (2016, № 11).

«Каждый год перед акцией „Мин татарча сөйләшәм“ мы раздаем подарки. Мы выходим на улицу и говорим: „Вы знаете по-татарски? Нет? Хотели бы изучить?“ И аргументируем: „Если вы будете знать татарский, вам откроется 500-миллионная аудитория тюркского мира, вы сможете признаться в любви еще на одном языке, сможете стать президентом Татарстана, у вас поднимется уровень IQ, потому что у двуязычных быстрее работает мозг“ (Смеется)» [Яруллин 2016а].

Привлекательность билингвизма для татарстанцев раскрывает Г. Гиззатуллина в своем проекте «Азбука для взрослых „Панорамное звучание“». Автор излагает свою идею через понятия стерео- и монозвука. По ее мнению, людей, живущих в двуязычном государстве и не знающих второй язык, можно сравнить со слушающими лишь один канал (или использующих монозвук). Панорамное звучание — подобно стереозвуку, когда для записи используются два канала. В книге Г. Гиззатуллиной раскрываются преимущества знания второго государственного языка [Азбука для взрослых]. В небольшой брошюре графический дизайнер к каждой букве алфавита приводит цитату известной личности, которая может стать аргументом для изучения второго государственного языка республики: «А — А что если ты живешь в Татарстане? Язык — это дорожная карта культуры. Он поведает, откуда пришли его люди и куда идут. Рита Мей Браун»; «К — Коммуникационные возможности. Знание татарского языка дает возможность общаться со всеми представителями тюркских народов»; и т. д.

Для нас было показательно, что данные проведенных фокус-групп и интервью свидетельствуют о том, что молодые жители Татарстана лояльны татарскому языку. И значение «чужой язык» у русских, скорее всего, не несет отрицательной коннотации, а является синонимом слова «неродной язык». Тогда как для приезжих из других регионов это не всегда так. Девушка, родившаяся в Подмосковье и выросшая в Ханты-Мансийском АО РФ, говорила нам в интервью:

Я переехала в Нижнекамск. Испытала культурный шок <...> Потому что выросла я в таких тепличных условиях, где все говорят по-русски, <...> а приехала сюда и <...> сначала не-

множко удивлялась, что люди вокруг разговаривают на другом языке, прислушивалась к нему, пыталась понять, что они говорят, ничего не получалось (2016, № 8, жен., рус.).

Даже противники изучения татарского языка в школе говорили:

Действительно, живешь в Татарстане, знай хотя бы основы татарского языка. <...> Вот если бы его <...> легко преподавали, и ребенок бы с радостью ходил, я была бы только рада. Ради бога... (2016, № 11, жен., рус.).

Те люди, которые в Татарстане живут, они в принципе лояльно очень относятся к татарскому языку» (2016, № 7, муж., рус.).

Таким образом, на данный момент существующая мотивация к изучению татарского языка для русскоязычных жителей республики не эффективна, и остро стоит вопрос разработки мотивации изучения татарского языка в Татарстане. Молодые активисты пытаются разработать новую систему привлекательности билингвизма и представить ее.

Расширение сферы применения татарского языка

Выше мы говорили о различных образовательных проектах, направленных на изучение татарского языка, как правило, с нулевого уровня. Для людей, владеющих татарским, проблема его развития — ограничение сферы его применения семейно-бытовой сферой. А для тех, у кого в семье татарский язык не является средством коммуникации, практика языка исчезает совсем:

Постепенно, как бы естественно я татарский язык тоже как бы забывал. Потому что практики нет здесь. А с теми друзьями, которые появились у меня здесь, в Казани, <...> в основном, на русском общение происходило. Поэтому вот тут уже язык <...> применялся уже в рамках школьной программы только. И постепенно, постепенно уже это все сошло на нет (2016, № 7, рус., муж.).

Лидеры национально-культурных общественных объединений видят необходимость в создании сообщества, говорящем на татарском языке:

Мы считаем, что единственная возможность сохранить язык заключается в том, чтобы создать пространство, в котором бы этот язык жил. Но для этого очень важно ответить на вопрос, кто является носителями этого языка, это должны быть те люди, которые стремятся к знаниям, те люди, которые двигают

науку, те люди, которые современны и с очень сильным духовным потенциалом, желанием знать историю, культуру, которые вот к этому всему очень бережно относятся (Т. Сулейманов, исполнительный директор ТРМОФ «Сэлэт»).

«Многие не разговаривают по-татарски. Но, чтобы говорить, должна быть среда. Не должно быть так, что ты татарский язык слышишь только в семье или только на уроке татарского языка. Ты должен выйти из кабинета и увидеть афишу кино на двух языках. Окна нашего кабинета выходят на оперный театр. Почему нельзя в афише написать и на татарском языке? Я думаю, нет ничего плохого в том, чтобы рядом с „магазин“ написать „кибет“» [Яруллин 2016a].

Таким образом, сами молодые люди видят проблему в сужении сфер функционирования татарского языка. В ответ на это в последние годы появляются проекты, направленные на расширение сфер функционирования языка.

«Образование — явный городской тренд последних лет. И оказалось, что он никак не связан с системой профессионального образования, куда обычно идут только за дипломом», — говорит на открытой лекции в ЦСК «Смена» Ю. Сапрыкин [Сапрыкин 2015]. Популярность открытых лекций, интернет-площадок, специализирующихся на знаниях: лекции TED, Arzamas, Пост-наука и др., — подтверждение тому. Об этом говорит и глава ВФТМ Т. Яруллин:

Тагын бер тренд сизелә — яшьләр белем эзли. Кеше табиб булып эшлдер, әмма аны галәм кызыксындыра. Яки кеше пешекче ди, әмма аңа психология кызык. Интернетка күз салсаң, нинди генә темага лекцияләр узмый! Ихтыяж бар икән, без аны татарча тәкъдим итәргә тиеш дип саныйбыз. Без аның форматын уйлап таптык. „Акыл фабрикасы“нда өч зур темага проектларны гамәлгә кую мәктәбе узды» [Яруллин 2016b]. 'Еще один тренд чувствуется — молодежь тянется к знаниям. Возможно, человек работает врачом, а ему интересен космос. Или повар, которому интересна психология. Если помотришь в интернете, каких только лекций нет! Раз есть потребность, мы считаем, должны предоставить возможность на татарском. Мы придумали формат. В рамках проекта „Фабрика мысли“ прошли 3 больших школы по реализации проектов (пер. — А. М.)'.

Образовательный проект «Акыл фабрикасы» («Фабрика мысли») был предложен ВФТМ и начал работу с 2015 г. Шко-

ла представляет собой лекции спикеров по заявленной тематике, за которыми следует стратегическая сессия, групповая работа, направленная на совместную разработку задачи по заявленной теме. К настоящему моменту прошли школы на темы: «История и туризм», «Воспитание и развитие ребенка», «Менеджмент этнокультурных проектов», «Истоки возникновения татар».

Еще один образовательный, но уже Интернет-проект, созданный изначально на базе Актанышской гуманитарной гимназии-интерната для одарённых детей, — «Гыйлем» (<http://giylem.tatar/>) (в пер. с тат. — ‘знание, просвещение’) — представляет собой современный мультимедийный ресурс для получения знаний в удобном формате на татарском языке. Главная цель — сделать знания из разных научных областей доступными на родном языке. Надо отметить современный дизайн сайта, активное использование изображений, инфографики — всё вместе делает портал привлекательным.

Проект, для которого избран формат видео-лекций на татарском языке, — «Әлбәттә» (<http://elbette.ru/>) — «это научно-популярный проект, цель которого — познакомить зрителей с татарской наукой. В этом проекте публикуются короткие видео-лекции современных ученых и специалистов в области татарской истории, языкознания, литературы, искусства и фольклора» [О проекте Әлбәттә]. По словам автора проекта И. Аюпова, наиболее интересны аудитории лекции по истории татар и по языкознанию.

Кроме существующих образовательных проектов, надо отметить интерес к этой сфере и у школьников. Ученики лицея-интерната № 2 г. Казани на «Ярмарке татарских проектов» тоже выделяют сферу получения знаний на татарском языке.

«Татар телендә география һәм гомумән табигать фәннәренәң үсеше тоткарлана. Бу гомум телнең үсешенә негатив фактор булып тора. Тел үсешен өчен аның барлык өлкәләре, юнәлешләре үсәргә тиеш. Шуңа күрә без дөнья, аның илләре, табигать фәннәре, сәяхәтләр турында сөйли торган „Жәгърәфия“ журналын чыгарырга булдык. Инде өч сан дөнья күрдә. Исемне махсус иске татар теленнән алдык, атамасы безгә бик ошый <...> Киләчәктә журналыбызны National Geographic кебек күрәбез. Сайтын да ясау, видеолар төшерә башлау, хәтта интернет-ТВ да булдыру хыялларыбыз бар» ‘Рост знаний в области географии и в целом естественных наук на татарском языке

ке задерживается. Это в целом негативный фактор для развития языка. Для того чтобы язык рос, необходимо развитие его во всех сферах. Поэтому мы решили выпускать журнал „Жәгърәфия“ о мире, его странах, природе, путешествиях. Уже вышли три номера. Название выбрали из старо-татарского, оно нам очень нравится. В будущем видим его как журнал National Geographic. В мечтах — создание сайта, Интернет-ТВ, запись видео» (пер. с тат. — А. М.).

«Русча һәркем „Занимательная физика“ кебек журналлар күргәндер. Яшьләр, укучылар өчен күп кенә кызыклы тәҗрибәләр турында сөйләнә торган эсбаплар күп анысы. Тик татарчалары күрәнми шул. Шуңа күрә без татарча „Кызык-мызык физик“ исемле журнал чыгарырга булдык. Әлегә ике санны чыгардык» ‘На русском все видели такой журнал, как „Занимательная физика“. Для молодежи, читателей много пособий, рассказывающих об интересных опытах’ [Казан укучылары... 2015].

Все вышеперечисленные образовательные проекты могут получить развитие при создании интернет-образовательных учреждений. Тенденции в образовательной сфере указывают на этот вектор. К примеру, Coursera — образовательная платформа, которая предлагает онлайн-курсы от ведущих университетов и организаций мира; Постнаука, которая начиналась как сайт научно-популярных лекций, а ныне предлагает желающим пройти курсы по определенной тематике. Тема национального (татарского) университета, который национальными активистами более старшего поколения и сейчас представляется как классический университет [Исхаков 2016], молодежью рассматривается как виртуальный национальный университет.

«Гомумән, без әлегә яралып килгән проектыбызны татарның киләчәк университеты итеп күз алдына китерәбез. Татар телендә белем бирә торган милли һәм виртуаль дарелфөнүнебез булса иде дип хыяллау мин аның турында [Шайхин 2015] ‘В целом, мы наш проект рассматриваем как будущий университет татар. Я мечтаю о нём, как о национальном университете, дающем знания на татарском языке’ (пер. — А. М.), — говорит создатель «Гыйлем» А. Шайхин.

Еще одна сфера развития языка — национальная культура. Язык может быть интересен как ключ к национальной культуре:

Культурный пласт, который открывает английский язык (большой. — А. М.). Преподаватель может использовать какие-то объекты

массовой культуры, которая <...> не только в англоязычных странах. А с татарским языком не получится. Потому что культура, она очень сугубо региональная, и что-то выдающееся, что доходит до широкой массы, даже в масштабах республики, культурной, она не очень <...> это единственный случай (2016, № 5, муж., рус).

Вышеприведенная цитата свидетельствует о том, что среди молодежи существует мнение: татарской культуры, которая была бы интересна для ознакомления, не существует. На что этно-ориентированная часть молодежи отвечает:

Без еш кына ишетэбиз, „татар телендә әдәбият юк инде ул“, әлбәттә, юк, әгәр дә син аны укымыйсың икән. Син аны бер тапкыр да кулыңа тотып карамаган икән, син Гаяз Исхакийны укымагансың икән, әйе, син аның кем икәннән белмисең икән, бик җиңел генә әйтергә була, татар телендә әдәбият юк, музыка юк, әгәр дә син безнең классик музыканы тыңламыйсың икән» 'Мы часто слышим: „нет литературы на татарском языке“, конечно, нет, если ты ее не читаешь, если ты ни разу не брала ее в руки, если ты не читала Гаяза Исхаки, если ты не знаешь, кто он такой, легко можно сказать „нет литературы на татарском языке, нет музыки“, если ты не слушаешь нашу классическую музыку (пер. с тат. — А. М.; 2016, № 13, жен., тат.).

Городская татарская молодежь на просьбу назвать значимых представителей татарской культуры смогла назвать лишь 2–3 татарских писателя (Г. Тукай, М. Джалиль) и еще меньше композиторов [Макарова 2015: 71].

Этно-ориентированная молодежь говорит о том, что в республике отсутствует пиар национальной профессиональной культуры. К примеру, Р. Кашапов отмечает отсутствие простой удобной электронной базы татарской литературы, хотя интерес к татарской литературе потенциально есть. К примеру, сообщество соцсети «ВКонтакте» — «Укы. Читай. Read» (<https://new.vk.com/ukyu.chitay.read>) публикует отрывки из произведений татарских писателей. Автор проекта А. Массарова считает целью проекта сделать так, чтобы народ «не стеснялся своей татарскости»: «Почему сегодняшняя молодежь не говорит на татарском языке? Потому что они стесняются, стесняются языка своей матери! Это стеснение идет от невежества. Они не знают, какая богатая, могучая, знаменитая литература и история у народа. Почему не знают? Потому что не читают. Поэтому наш

небольшой проект называется „Укы. Читай. Read“» (пер. с тат. — А. М.) [Массарова 2016].

Отсутствие площадок для регулярных постановок национальных музыкальных произведений приводит к ситуации, о которой говорит респондент:

Оперный театр, он такой, я не говорю, что русский, просто был местом, который показывает мировую культуру <...> Вот у нашего театра Камала есть своя сцена, <...> нужна сцена, которая показывает татарскую профессиональную музыку, потому что, да, у нас есть татарский театр, слава Богу, у нас есть театр Тинчурин, театр Камала. Однако поднимать национальную культуру — еще один путь признания нации, это признание национальной культуры. И вот именно со стороны признания национальной культуры, мне кажется, для татарской профессиональной музыки нужна сцена <...> Если будет одно место, куда люди могли бы пойти. Вот он туда приходит и слышит татарскую музыку. У БКЗ есть своя публика, но они теперь <...> стали ходить на оркестр. Однако этот оркестр исполняет мировую музыку, мировых композиторов. Это неплохо, это должно быть, безусловно, однако, если там были какие-то дни татарской музыки, и шла активная реклама, не только нашу попсу, а именно классику. А мы их можем слушать только на государственных мероприятиях, организованных на высоком уровне. И коммерческой основы нет, если бы продали билет на коммерческой основе, ты мог бы привлечь туда публику, потому что, не знаю, то ли пиара не хватает, не продуман маркетинг, то ли публика не готова, вот есть эта сторона (2016, № 13, жен., тат.).

Кроме профессиональной музыки, молодежи интересны и другие жанры и форматы музыки. Современная татарская эстрадная музыка, как показывают исследования, не устраивает молодежь [Габдрахманова, Мухаметзянова 2015: 43–44]. Поэтому, к примеру, ВФТМ активно поддерживает проекты альтернативной татарской музыки, организует татароязычные рэп-батлы («Тегермән»), вечера песен под гитару (Фатирник), что является следствием их общей концепции развития современной городской татарской культуры. Кроме этого, есть проект «ШИКӘРные» (пер. с тат. — сахарные), представляющий татароязычные клипы-пародии и т. п. Интересно отметить, что в вышеупомянутой программе по изучению татарского языка «По ступеням татарского языка» клип «Манты» был рекомендован для понимания «принципов словообразова-

ния в татарском языке». Юмористический проект «Фэрхэд һәм Фэрхэд» представляет собой татароязычный вариант популярного телешоу Comedy Club. Видео-ролики данного проекта набирают более 300 тыс. просмотров в сети Youtube.

В целом, молодежь презентует проекты мероприятия, на которых бы создавалась среда для общения на татарском языке. По наблюдениям автора, это особенно актуально для диаспор, которые на VII ВФТМ презентовали такие мероприятия-сборы татарской молодежи, как конкурс татарских молодежных проектов, завершающийся награждением победителей и праздником «Хәрәкәт» (г. Москва); Сибирский фестиваль татарской молодежи (г. Новосибирск); «Көзге очрашу» (г. Дрезден).

Освоение татароязычного пространства молодежью идет с разных сторон. Татарские открытки «Хатлар йорты» («Дом писем»):

«Барлык яхшы бизнес, беренче чиратта, үзгә кирәк булганнан туа диләр. Бу хатлар-тәбрикнамәләр иң элек үземә кирәк иде! <...> Заманча итеп эшләсәң, зәвыклы итеп эшләсәң, дәрәс итеп халыкка житкәрә белсәң — популяр була ала!» «Говорят, что любой хороший бизнес возникает из личной потребности. Эти поздравительные открытки нужны были мне самой! <...> Если сделать это качественно, современно, правильно донести до народа — может быть популярным!» (пер. — А. М.) — пишет автор проекта Э. Садыкова [Татарча хатлар-тәбрикләмәләр... 2016].

Создание кинотеатра, где демонстрировались бы фильмы на татарском языке, отмечалось в резолюции ВФТМ еще в 2014 г. В этом году этот вопрос снова поднимался; Р. Якупов на пленарном заседании говорил:

«Яшүсмерләргә, яшьләргә нәрсәләр кызыклы? Фильмнар, уеннар, заманча эсбаплар, технологиялар. Татар теле бу өлкәләргә кереп урнаша алмый шул. Һәм шулай итеп яшьләр үзләрен кызыксындырган нәрсәләргә татар телендә таба алмыйча, рус теленә күчә. Нәтижәдә татарча уйлау, сөйләшү, язучыларда юк булып чыга. Димәк, бик зур проблема булып татар теленә кулланылыш даирәсен киңәйтү мәсьәләсе баса. Узган тапкыр форум резолюциясенә Казанда татар телендә чит ил фильмнарын татарча күрсәткән кинотеатр ачу тәкъдире кертелгән иде. Әлегә бу тормышка ашмады, тик мәсьәлә һаман актуаль булып кала» «Подросткам, молодежи что интересно?

Фильмы, игры, современные пособия, технологии. Татарский язык не может установиться в этой области. И молодежь, не найдя интересных себе вещей на татарском языке, переходит на русский. В итоге у них нет размышлений, чтения, письма на татарском языке. Таким образом, большой проблемой становится расширение сфер применения татарского языка. В резолюции прошлого форума был пункт об открытии в Казани кинотеатра, показывающего зарубежные фильмы на татарском языке. На данный момент этого не случилось, но задача остается актуальной» (пер. — А. М.).

Автор некоммерческого проекта «Безнең тәҗрибә» самостоятельно начал перевод голливудских фильмов на татарский язык:

«„Безнең тәҗрибә“ (БТ) проектының төп вазифасы — чит телдәге популяр видеоматериалларны туган телебездә булдыру; сезгә телебезнең матурлыгын күрсәтү, кирәклегең аңлатырга тырышу» «Главная цель проекта «Наш опыт» — перевод популярных зарубежных видеоматериалов на родной язык; показать Вам красоту нашего языка, попытка объяснить необходимость» [Еш бирелә ... 2016] (пер. — А. М.).

О готовности потреблять продукты западной культуры не на русском, а на татарском языке говорят проекты по переводу популярных англоязычных книг на татарский язык. На момент написания данного раздела группа волонтеров занималась переводом новой книги Д. Роулинг «Гарри Поттер и проклятое дитя» на татарский язык (<http://potter.tatar/>). Однако эти проекты сталкиваются с вопросом авторских прав, который не может быть решен на уровне частных инициатив:

«... пока основная сложность, чтобы нам дали разрешение. <...> балкарцы сделали „Король Лев“ <...> на балкарском языке <...> стали на них наезжать, они сказали, что мы это бесплатно показываем в интернете, поэтому все. <...> И все знают, что каждый месяц в кинотеатре „Мир“ мультфильм голливудский. „Алладин“, „Король Лир“, „Красавица и чудовище“ на татарском языке, круто же, вообще супер. Мне кажется, вот это интересно. То есть, если не сами, то, по крайней мере, все что есть мировое, чтобы оно было на татарском тоже и чтобы это звучало» (Т. Сулейманов, исполнительный директор фонда «Сәләт», в личном интервью автору).

Молодые люди сами активно осваивают татароязычное пространство, заполняя его

по своим потребностям. Т. Яруллин называет этот процесс: «*Мы татарское актуализуем, а актуальное татаризируем*».

Нельзя не отметить тренд визуальных презентаций татарской культуры в молодежной среде, который особое развитие получил в одежде и аксессуарах с национальной символикой (текстом-принтом): проекты Tatarchacausal, Mirarahmat, Abau, Милли изю, Matur, Bizek, Ekiyati др.

Кроме того, сейчас наблюдается расширение указанного процесса и в сферу декорирования дома. Показательно создание целого Интернет-портала (<http://www.rukami.tatar/>), аккумулирующего работы татарских дизайнеров. При этом речь идет именно о национальной символике, без мусульманского направления, которая представляет собой отдельное крупное течение. Несмотря на то, что эти вещи, как правило, не связаны непосредственно с татарским языком, они создают общий татарский фон. Однако материалы нашего исследования не позволяют нам делать выводы по этой сфере.

Подытоживая изложение материалов по данному направлению, можно привести слова Т. Сулейманова, который говорит, что объединяет эти проекты следующее:

«Они должны быть стильные, они должны быть крутые. То есть, это звучит по-татарски, это звучит круто. Современный человек говорит по-татарски — это класс, потому что очень важны носители, очень важна и обертка, и носители, содержание, если совпадает и с татарским языком еще <...> То есть на татарском языке говорят ученые, говорят успешные люди, говорят бизнесмены» (Т. Сулейманов, исполнительный директор фонда «Сэлэт», в личном интервью автору).

Проекты для детей

По материалам интервью выясняется, что вопрос не только татарского языка, но и воспитания на татарском языке актуализировался с появлением детей у молодого поколения.

Телне белергә кирәк дип саныйм, рус телен дә белергә кирәк, әлбәттә. Мин балаларыма анда рус телен өйрәтмим дигән сүз түгел, алар аны иркен аралашсыннар, әмма ләкин безнең үзбездә өчен, татар халкы өчен мин саныйм рус теле ул бөтен жирдә килә. Син өйдән чыктың, син ул мохиткә эләктең һәм сиңа аны өйрәнер өчен ниндидер зур көч куярга кирәкли. Ә татар телен саклап калу, безнең мохит кечерәйгәннән кечерәя бара. Һәм шуңа күрә ул мохитне өйдә

булса да булдырырга кирәк, һәм кайда тагын булдыра аласың балага, чөнки үземнән чыгып нәрсәне әйтә алам. Мәсәлән бүгенгә кадәр мин ниндидер милли бизәкне күрсәм анда, әйеме, без кечкенә вакытта киеп биегән бала итәкле күлмәкләр, аляпкычлар, яулыклар күрсәм, Салават Фәтхетдиновның «Сандугач кәрдекүңелгә» жәңгеләгәндә, мин аңлым, ничек минем йөрәк ешрак тибә башлы һәм ул миңа чыннан да ниндидер рәхәтлек бирә, ләззәт бирә, якты уйлар, якты фикерләр һәм киләчәктә үземнең балаларымда шундый әйбәр булуын теләм. Аларның телгә, милләткә тартылу шул очракта гына була, әгәр дә бала вакыттан ук салынмый икән, киләчәктә аның каяндыр килеп чыгуы мөмкин, әмма бик сирәк очракта гына» 'Я считаю, что язык надо знать, и русский язык надо знать, конечно же, я не говорю, что мои дети не будут изучать русский язык, пусть свободно общаются, однако, для нас, для татарского народа [важно и другое], я считаю, что русский язык — он везде есть. Он везде, ты вышла из дома, ты попала в эту среду, и тебе не надо вложить какие-то усилия для того, чтобы изучить этот язык. А чтобы сберечь татарский язык — а наша среда становится все меньше и меньше — эту среду надо создать хотя бы дома и еще где ты можешь, создать такую среду для ребенка, потому что, я могу сказать, например, до сегодняшнего дня я, если увижу какой-то национальный орнамент, платья с рюшами, которые мы в детстве одевали и плясали, аляпкычлар, платки увижу, когда я слушаю песню Салавата Фатхутдинова «Сандугач кәрдекүңелгә», я понимаю, как стучит мое сердце, и оно действительно мне дает удовлетворение, приятные воспоминания, добрые мысли, и я хочу, чтобы в будущем у моих детей было то же самое. Их можно притягивать к языку, к нации только в том случае, если это в них вложить с детства, в будущем это может появиться, но в очень редких случаях (пер. с тат. — А. М.; 2016, № 13, жен., тат.).

Татарский язык закладывается в семье, считают молодые родители. Совершенные знания языка присутствуют только тогда, когда на родном языке происходило свободное общение в семье. Однако есть несколько задач, которые приходится решать тем, кто стремится воспитывать ребенка на родном языке. Во-первых, по сравнению с русскоязычной продукцией гораздо меньшее число детской продукции (книг, пособий, игр и т. д.) на татарском языке. Г. Хасанова, основатель издательства «Юлбасма», отмечает, что идея первого проекта родилась в 2011 г. в связи с отсутствием «картонных» книг для

детей младшего возраста, когда ее семья занялась поисками книг для сына. В это время Агентство инвестиционного развития Республики Татарстан объявило конкурс на получение грантов (300 тыс. руб.) для социальных предпринимателей, который был ею успешно выигран [Хасанова 2015].

В настоящее время с каждым годом увеличивается выпуск татароязычных книг для детей издательством «Таткнигоиздат», вышеупомянутое издательство «Юлбасма» не только издает книги, но и открыло книжный Интернет-магазин на татарском языке; на VII ВФТМ были презентованы первые татарские комиксы «Шүрәле» и «Су анасы» от татарской дизайн-студии Mardesign.

«Татаризация актуального» находит свое выражение и в сфере воспитания. Проект «Акыллым» представляет собой татарский вариант системы раннего развития Г. Домана. На сайте системы указано, что его содержание «особенно актуально для тех семей, в которых родители преимущественно общаются на русском языке, но имеют желание научить ребенка и татарскому».

В сфере обучения детей появился татарский вариант известных кубиков Зайцева — «Татар теле шакмактар» ('Татарские кубики'). Автор основной мотив создания системы видит в том, что угроза забвения культуры и языка татарского народа может повлечь исчезновение этноса, и это заставляет активистов задумываться, искать пути выхода из нынешней ситуации, и одним из путей развития языка он считает обучение татарскому языку с детских лет [Телне үстерү ... 2016].

Нужно отметить еще один проект, помогающий родителям растить детей на татарском языке, — «Үчтеки». Проект основывается на татарском народном творчестве (потешки, пальчиковые игры и пр.), которым молодое поколение может не владеть, но нуждается в нем при необходимости воспитывать детей с самого раннего возраста на родном языке. Проект «растет» вместе с детьми автора [Аюпова 2015]. Автор проекта говорит:

Если говорить о том, чего не хватает, то это качественные иллюстрации, новые неизбитые темы. Если 1-2-леток удовлетворяют темы «лиса», «гусь», «медведь», «волк», то детей постарше уже интересуют динозавры, космос, техника и другое. Я считаю, что нужно переиздать ранее выпущенные качественные книги (например, сборник детского фольклора).

Было бы хорошо выкупить авторские права у авторов хороших зарубежных книг и издать их на татарском языке. Кроме этого, было бы полезно выпустить карманный словарь-гlossарий для родителей. Во многих случаях на вопрос ребенка бывает сложно ответить, вспомнив редкоупотребительные слова (пер. с тат. — А. М.).

Нужно отметить, что, действительно, на данный момент в детской татароязычной литературе, после продолжительного отсутствия развития в этой области вообще, существует тренд на её количество. Тогда как качество большинства изданий не может конкурировать с зарубежными и русскоязычными книгами.

Среди Интернет-проектов, направленных именно для детей, можно назвать вышеупомянутое приложение для ОС Android — «Tatarcha — Первые слова!», «приложение для маленьких детей, в котором все очень легко, и дети смогут играть без родителей! Учите татарский язык и совершенствуйте его вместе с нами!», а также приложение «Ябалак», целью которого разработчики также ставят обучение детей татарскому языку.

Кроме однозначно образовательных, нужно отметить проект «Татарская кукла» [Татарская кукла]. Тряпичные куклы ручной работы, одетые в татарский национальный костюм или мусульманскую одежду, делают Д. Гилязова и А. Гилязова. Куклы «говорят» на татарском или арабском языке, поют песни, рассказывают стихотворения. Авторы о своих куклах говорят:

«Бала кечкенәдән туган телен, аның жырларын, фольклорын ишетеп, танышып үсә. Милли мәдәнияткә тартылу, кызыксыну уяна. Моннан кала, баланың гомумән дөньяга карашы киңәя, аның рухи үсешендә уңай чагылыш таба. Икенчедән, хәтерне үстерү. Курчак баланың ишетү хәтерен яхшырта» [Татар курчагы... 2016]. 'Ребенок с детства знакомится с родным языком, его песнями, фольклором. Это пробуждает интерес и стремление к национальной культуре. Кроме этого, расширяется кругозор ребенка, положительное влияние на духовное развитие. Во-вторых, развитие памяти. Кукла развивает слуховую память ребенка' (пер. с тат. — А. М.).

Во-вторых, это проблема невысокого уровня владения татарским языком большой доли родителей, небольшой словарный запас, который не позволяет говорить с растущим ребенком на возрастающий круг

тем. Родители либо стараются поднять свой уровень татарского языка, либо выбирают другой путь:

Мы изначально планировали ее (дочку. — А. М.) отдать в двадцать четвертый садик, в татарский. Я как раз хотела, чтобы она там усваивала татарский (2016, № 15, жен., тат.).

Однако, как отмечают молодые родители, во-первых, татарских детских садов мало, а во-вторых, ДДУ, заявленные, как татарские, по факту не всегда обеспечивают татароязычную среду:

Чөнки алар татар балалар бакчасына йөрсәләр дә, алар белән тәрбиячеләр татарча сөйләшә, ә балалар үзәра русча сөйләшәләр, чөнки өйдә сөйләшү рус телендә/.../ Әммә ләкин, рәхмәт эти-әниләренә татар балалар бакчасына китергәннәре өчен, димәк, аларның әле ниндидер өметләре, теләкләре бар, баланың татарча белүенә алар каршы түгел» 'Потому что даже если они (дети. — А. М.) посещают татарский детский сад, воспитатели с ними говорят на татарском языке, а дети между собой разговаривают на русском, так как дома общение на русском <...>. Но спасибо родителям, что привели в татарский детский садик, значит, у них есть какие-то надежды, желания, они не против того, чтобы ребенок знал татарский' (пер. с тат.; 2016, № 13, жен., тат.).

Эта потребность в ДДУ, ведущих обучение и воспитание на татарском языке, породила ряд проектов, которые сейчас существуют в Казани. Первый — это детский центр «Сабыллар», он «создан для того, чтобы помочь родителям дать возможность для гармоничного развития ребенка в татарской среде», — указано на сайте центра. Он предлагает занятия для детей от 6 месяцев до 7 лет на татарском языке: «Бишектән үстерү» — для малышей, «Тәүфыйклы балачак» — для детей постарше, «Беләсем килә» — курсы для дошкольников и др., а также действует группа неполного дня.

На вопрос о том, кто приводит детей в центр, сотрудники отвечают, что это родители-татары, не знающие родного языка, но желающие, чтобы их ребенок овладел им. Приводят пример и русской семьи с мальчиком Мишей, родители которого хотят, чтобы их ребенок знал татарский язык.

Кроме того, в 2016 г. на базе центра были организованы летние смены. По словам организаторов, данные формы пользовались популярностью среди жителей диаспор, которые во время летних отпусков гостили

в Казани и предлагали своим детям полное погружение в татарское. Поэтому одна из смен носила название «Милли алан» (национальная смена — пер. с тат.), знакомящая детей с национальной одеждой, обувью, едой, музыкой, историей, орнаментом и т. д.

О наличии потребности именно в татарских группах говорит и тот факт, что 2 крупных частных ДДУ г. Казани («Бала-сити» и «Мозаика-republic») объявили в 2016 г. о запуске в своих сетях татароязычных групп. «Мозаика-republic» анонсировала это следующим образом: «Если вы хотите привить своему ребенку любовь к татарским традициям, воспитываете его в духе национального языка, мечтаете приобщить к татарской культуре, то эта группа для Вас! Татароговорящие педагог и няня, специальная программа, ориентированная на обучение татарскому языку как родному, создаёт полное погружение в языковую среду. Все обучение и все разговоры ведутся на родном языке!».

Потребность в татароязычной среде для детей у молодых родителей ощущается по мере взросления их ребенка. Г. Хасанова, руководитель ИД «Юлбасма» и руководитель проекта «Бәләкәч», говорит о ситуации в сфере дополнительного детского образования: «Оказывается, в Татарстане нет ни одного центра детского дополнительного образования, ведущего работу полностью на татарском языке. Это же смешно. Сколько слов о сохранении языка, а в Татарстане нет ни одного <...> И «Бәләкәч» я вижу как аналог ДК Алиша, но полностью на татарском языке <...> Я не вижу возможности его самоокупаемости. Нужно ставить самую возможно минимальную цену, а лучше переводить это в бесплатный формат».

Мотивацию татарского воспитания обозначил Т. Сулейманов: «Татарская идентичность заключается в том, хочешь ли ты и делаешь ли ты все возможное для того, чтоб твои дети и внуки говорили по-татарски».

Молодежь, заинтересованная в татароязычном воспитании своих детей, самостоятельно запускает небольшие проекты. Однако дальнейшее их развитие тормозится недостаточным уровнем финансирования. Для того чтобы выкупать права у зарубежных издателей книг, мультфильмов; запускать большой центр детского развития на татарском языке, нужны гораздо более значительные объемы ресурсов, чем они располагают на данный момент.

Выводы

Результаты нашего исследования свидетельствуют о том, что молодые люди, прошедшие социализацию в Татарстане, в целом лояльны к татарскому языку. Однако в условиях отсутствия необходимости в нем в различных сферах жизни даже в рамках республики, мотивация к его изучению неочетлива. Для татар это, прежде всего, «язык матери», для русских — «государственной язык РТ», который в реальности не стал полноценным государственным языком и поэтому не является необходимым даже в пределах Татарстана. Молодые татары, осознавая отсутствие ясных и необходимых целей обучения языку, предлагают проекты по продвижению билингвизма в Татарстане. Нам кажется это важным, так как даже прямые трансляторы татарского языка и культуры — учителя татарского языка — не имеют представлений о целях владения татарским языком нетатарами. Кроме этого, молодые татары отмечают, что в республике недостаточно активно публично демонстрируется татарская культура. Ее богатство, уникальность могли бы быть аргументом для изучения языка как ключа к этой культуре.

Группа проектов, направленная на усовершенствование методики преподавания татарского языка прежде всего в школе, представляют собой адаптированные методики изучения иностранных языков, тотальное использование онлайн-форм обучения, введение различных интерактивных форм. Эффективными оказываются ярмарки проектов в этно-ориентированных школах, из которых «вырастают» качественные и интересные самой молодежи продукты. Однако эти проекты скорее являются подмогой в обучении, тогда как среди молодежи, закончившей обучение в школах и вузах, существует интерес к полноценным языковым курсам.

Большое число проектов не связаны непосредственно с изучением татарского языка, однако, имеют цель расширить сферы его функционирования, вывести его за пределы семейно-бытового общения. Крупным направлением в татароязычных проектах, как и в целом среди молодежных предложений, являются образовательные проекты. Авторы продуктов, представляющих актуальную современную информацию на татарском языке или уникальное знание о татарах (истории, культуре, языке), видят развитие своих проектов в формировании

курсов по направлениям — своеобразный online-вариант национального (татарского) университета.

Большинство предложений молодежи являются Интернет-проектами. Это закономерно и эффективно для молодежной аудитории. Однако существуют направления, для которых нужны площадки: молодежь говорит о нехватке закрепленных площадок для татарской музыки (профессиональной, современной), а также площадок для реализации творческих инициатив.

Наконец, молодое поколение озабочено проблемой образования и воспитания своих детей. Мы наблюдаем растущий спрос на татарские ДДУ, и при неспособности удовлетворить его в рамках государственных ДДУ предлагаются различные варианты обучения и воспитания детей на татарском языке: частные татароязычные группы, развивающие центры. Кроме этого, на татарский язык переводятся и адаптируются мировые обучающие системы.

ИСТОЧНИКИ / SOURCES

Закон «О языках ... — Закон РТ «О языках народов Республики Татарстан» (от 8 июля 1992 г. №1560) // [электронный ресурс] Электронный фонд правовой и научно-технической информации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/917000176> (дата обращения: 02.12.2017). [*Zakon «O yazykakh narodov Respubliki Tatarstan» (ot 8 iyulya 1992 g. №1560)*] [Law of the Republic of Tatarstan of 8 July 1992 No.1560 On Languages of Peoples of the Republic of Tatarstan].] Available at: <http://docs.cntd.ru/document/917000176> (accessed: 2 December 2017).

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Габдрахманова, Мухаметзянова 2015 — Габдрахманова Г., Мухаметзянова А. Этническая идентичность татарской молодежи // Этническая идентичность татар в региональных контекстах / отв. ред. Г. Габдрахманова, Г. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 29–53. [Gabbrakhmanova G., Mukhametzyanova A. Ethnic identity of the Tatar youth. *Etnicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh*. G. Gabdrakhmanova, G. Makarova (eds.). Kazan: Märçani Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.), 2015. Pp. 29–53].
- Макарова 2015 — Макарова Г. Региональная идентичность в повседневном дискурсе вопросов этнической и национально-гражданской общности // Этническая идентичность

- татар в региональных контекстах / отв. ред. Г. Габдрахманова, Г. Макарова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2015. С. 53–78. [Makarova G. Regional identity in everyday discourse regarding issues of ethnic, national and civil communities. *Et-nicheskaya identichnost' tatar v regional'nykh kontekstakh*. G. Gabdrakhmanova, G. Makarova (eds.). Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.), 2015. Pp. 53–78].
- Мусина, Махмутов 2015 — Мусина Р., Махмутов З. Средние общеобразовательные учебные заведения // Государственные языки Республики Татарстан: множественность измерений. 2014, С.57–134. [Musina R., Makhmutov Z. Secondary education institutions. *Gosudarstvennye yazyki Respubliki Tatarstan: mnozhestvennost' izmereniy*. G. Gabdrakhmanova, G. Makarova (eds.). Kazan: Märcani Institute of History (Tatarstan Acad. of Sc.); Artifact Publ., 2014. Pp. 57–134].
- ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ /
ONLINE SOURCES**
- Азбука для взрослых — Азбука для взрослых «Панорамное звучание» // [электронный ресурс] URL: <https://www.behance.net/gallery/32598879/bukvar-dlja-vzroslyh-panoramnoe-zvuchanie> (дата обращения: 01.12.2017). [*Azbuka dlya vzroslykh «Panoramnoe zvuchanie»* [Panoramic Sounding: ABC for adults].] Available at: <https://www.behance.net/gallery/32598879/bukvar-dlja-vzroslyh-panoramnoe-zvuchanie> (accessed: 1 December 2017).
- Ана теле... 2014 — «Ана теле»: кто не успел, тот опоздал // [электронный ресурс], 24.06.2014 г. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/107554/> (дата обращения: 01.12.2017). [*«Ana tele»: kto ne uspel, tot opozdal* [Ana Tele: opportunity only knocks once].] Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/107554/> (accessed: 1 December 2017).
- Аюпова 2015 — «Үчтеки» балаларга татарча белем һәм тәрбия бирү юлларын өйрәтә («Үчтеки» учит путям обучения и воспитания детей на татарском) // [электронный ресурс] Интервью Айгуль Аюповой радио Азатлык (Azatliq Radiosi), 16.09.2015 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27249687.html> (дата обращения: 1.12.2017). [*«Ychteki» balalar-ga tatarcha belem ham tarbiya biry yullaryn oyreata* ... [Üchteki Project teaches Tatar-language child education practices. An interview of Aygul Ayupova to Azatlyk Radio (Azatliq Radiosi) on 16 September 2015.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27249687.html> (accessed: 1 December 2017).
- Еш бирелә ...2016 — Еш бирелә торган сорауларга җаваплар (Ответы на часто задаваемые вопросы) // [электронный ресурс] Безнең тәҗрибә, 20.01.2016 г. URL: https://vk.com/topic-103021137_34379076 (дата обращения: 30.11.2017). [*Esh birela tor-gan soraularga javaplar* [Answers to frequently asked questions]. *Beznen tajriba*, 20 January 2016.] Available at: https://vk.com/topic-103021137_34379076 (accessed: 30 November 2017).
- Изучать татарский... 2016 — Изучать татарский язык на курсах КФУ изъявили желание 800 человек при квоте 300 // [электронный ресурс] Kazan-inform, 15.09.2016 г. URL: <http://kazan2013.ru/obrazovanie/3201-izuchat-tatarskiy-yazyk-na-kursah-kfu-izyavili-zhelanie-800-chelovek-pri-kvоте-300.html> (дата обращения: 01.12.2017). [*Izuchat' tatarskiy yazyk na kursakh KFU iz'yavili zhelanie 800 chelovek pri kvote 300* [800 citizens – with a quota of 300 – expressed a desire to attend Tatar language courses held at Kazan Federal University]. *Kazan-Inform*, 15 September 2016.] Available at: <http://kazan2013.ru/obrazovanie/3201-izuchat-tatarskiy-yazyk-na-kursah-kfu-izyavili-zhelanie-800-chelovek-pri-kvоте-300.html> (accessed: 1 December 2017).
- Исхаков 2016 — Дамир Исхаков: «В отличие от Казани все наши соседи свои университеты сохранили...» // [электронный ресурс] Интервью Дамира Исхакова деловой газете «Бизнес-онлайн», 18 июня 2016 г. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/314205> (дата обращения: 30.11.2017). [*Damir Iskhakov: «V otlichie ot Kazani vse nashi sosedi svoi universitety sokhranili...»* [Damir Iskhakov: 'Except for Kazan, all our neighbors have retained their universities ...']. An interview of Damir Iskhakov to the *Business-Online*, 18 June 2016.] Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/314205> (accessed: 30 November 2017).
- Казан укучылары... 2015 — Казан укучылары татар телен үстерү проектларын башкара (Казанские учащиеся создают проекты по развитию татарского языка) // [электронный ресурс], 6.12.2015 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27409023.html> (дата обращения: 30.11.2017). [*Kazan ukuchylary tatar telen ystery proektlaryn bashkara* [Kazan school children create Tatar language development projects]. 6 December 2015.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27409023.html> (accessed: 30 November 2017).

- Массарова 2016 — «Туган телдән оялу наданлыктан килә» («Стеснение родного языка идет от безграмотности») // [электронный ресурс] Интервью А. Массаровой радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 3.01.2016 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27462010.html> (дата обращения: 1.12.2017). [*«Tugan teldән oyalu nadanlyktan kilә»* [‘The root of mother-tongue related discomfort is sheer ignorance’]. An interview of A. Massarova to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) on 3 January 2016.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27462010.html> (accessed: 1 December 2017).
- О проекте Элбәттә — О проекте. Научно-популярный проект Элбәттә // [электронный ресурс] URL: <http://elbette.ru/proekt-turynda/> (дата обращения: 01.12.2017). [*O proekte. Nauchno-populyarnyy proekt Elbәttә* [Elbәttә: an overview of the popular science project].] Available at: <http://elbette.ru/proekt-turynda/> (accessed: 1 December 2017).
- Сапрыкин 2015 — Юрий Сапрыкин: «Образование не там, где мы привыкли искать» // [электронный ресурс] Лекция в ЦСК «Смена», 17.12.2015 г. URL: <http://www.sobaka.ru/kzn/city/city/41513> (дата обращения: 01.12.2017). [*Yuriy Saprykin: «Obrazovanie ne tam, gde my privykli iskat'»* [Yuri Saprykin: ‘We search for education in wrong places’]. A lecture at Smena Modern Culture Center of 17 December 2015.] Available at: <http://www.sobaka.ru/kzn/city/city/41513> (accessed: 1 December 2017).
- Татар курчагы... 2016 — «Татар курчагы — татарлыкны саклауга керткән кечкенә өлешебез» («Татарская кукла — наш небольшой вклад в сохранение татарскости») // [электронный ресурс] Интервью Адили Гаязовой радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 21.03.2016 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27609797.html> (дата обращения: 2.12.2017). [*«Tatar kurchagy — tatarlykny saklauga kertkән kechkenә öleshebez»* [‘The Tatar doll is our modest contribution to the preservation of Tatarhood’]. An interview of Adilya Gayazova to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) of 21 March 2016.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27609797.html> (accessed: 2 December 2017).
- Татарча хатлар-тәбрикләмәләр... 2016 — «Татарча хатлар-тәбрикләмәләр иң элек үземә кирәк иде» («Татарские открытки-поздравления, в первую очередь, нужны были мне самой») // [электронный ресурс] Интервью Энже Садыковой радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 10.07.2016 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27837458.html> (дата обращения: 2.12.2017). [*«Tatarcha khatlar-tәbriklәмәләр иң элек үземә кирәк иде»* [‘I myself needed Tatar language greeting cards most of all’]. An interview of Enzhe Sadykova to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) of 10 July 2016.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27837458.html> (accessed: 2 December 2017).
- Татар телендә... 2015 — Татар телендә өстәл уеннары бик кирәк (Очень нужны настольные игры на татарском языке) // [электронный ресурс] Интервью Ирека Хайруллина радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 29.12.2015 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27395989.html> (дата обращения: 01.12.2017). [*Tatar telendә östәl uennary bik kirәk* [Tatar language tabletop games are urgently required]. An interview of Irek Khayrullin to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) of 29 December 2015.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27395989.html> (accessed: 1 December 2017).
- Татарская кукла — Татарская кукла // [электронный ресурс] URL: <http://tatarskaya-kukla.ru/> (дата обращения: 02.12.2017). [*Tatarskaya kukla* [The Tatar doll].] Available at: <http://tatarskaya-kukla.ru/> (accessed: 2 December 2017).
- Телне үстерү ... 2016 — «Телне үстерү эшен кечкенә балалардан башларга кирәк» («Развитие языка нужно начинать с маленьких детей») // [электронный ресурс] Интервью Азата Шафигуллина радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 13.03.2016 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27607650.html> (дата обращения: 01.12.2017). [*«Telne үstery eshen kechkenә balalardan bashlarga kirәk»* [‘It is most urgent that language development activities should involve little children first’]. An interview of Azat Shafigullin to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) of 13 March 2016.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27607650.html> (accessed: 1 December 2017).
- Хасанова 2015 — «Милли продукцияне дәүләт кенә чыгарырга тиеш түгел» (Национальную продукцию должно создавать не только государство) // [электронный ресурс] Интервью Гузель Хасановой радио Азатлык (Azatlyk Radiosi), 9.11.2015 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27349354.html> (дата обращения: 30.11.2017). [*«Milli produktsiyane дәүләт кенә chygaryrga tiesh түгел»* [‘Not only government organizations should create ethnical products’]. An interview of Guzel Hasanova to Azatlyk Radio (Azatlyk Radiosi) of 9 November 2015.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27349354.html> (accessed: 30 November 2017).

- Шайхин 2015 — «Гыйлем» проектын татарның киләчәк милли университеты итеп күзаллыым» («Я вижу проект «Гыйлем» как будущий национальный университет татар») // [электронный ресурс] Интервью Айдаша Шайхина радио Азатлык (Azatliq Radiosi) 26.05.2015 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27037700.html> (дата обращения: 30.11.2017). [*Gyylem» proektyn tatarnuñ kiläçäk milli universiteti itep kuzallyum*] [‘I see Gyilym Project as a platform to establish the Tatar people’s national university’]. An interview of Aydar Shaykhina to Azatlyk Radio (Azatliq Radiosi) of 26 May 2015.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27037700.html> (accessed: 30 November 2017).
- Яна дәреслек... 2016 — Яңа дәреслек татарча сөйләшәргә өйрәтәчәк (Новый учебник научит говорить на татарском) // [электронный ресурс] Интервью Рустама Бахтияева радио Азатлык (Azatliq Radiosi), 19.08.2016 г. URL: <http://www.azatliq.org/a/27932020.html> (дата обращения: 02.12.2017). [*Yana dāreslek tatarcha sōylāshergā öyrätäçäk*] [The new course book shall help develop Tatar language speaking skills]. An interview of Rustam Bakhtiev to Azatlyk Radio (Azatliq Radiosi) of 19 August 2016.] Available at: <http://www.azatliq.org/a/27932020.html> (accessed: 2 December 2017).
- Яруллин 2016а — Табрис Яруллин: «Мы дети суверенитета, мы избавлены от комплексов...» // [электронный ресурс] Интервью Табриса Яруллина деловой газете «Бизнес-онлайн», 3.08.2016 г. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/318666> (дата обращения: 01.12.2017). [*Tabris Yarullin: «My deti suvereniteta, my izbavleny ot kompleksov...»*] [Tabris Yarullin: ‘We are generation of sovereignty, we have no (political) inferiority complexes’]. An interview of Tabris Yarullin to the Business-Online of 3 August 2016.] Available at: <http://www.business-gazeta.ru/article/318666> (accessed: 1 December 2017).
- Яруллин 2016б — Табрис Яруллин: «Фикерне әйтмичә тел яшереп утыра алмыйбыз» (Табрис Яруллин: «Мы не можем сидеть молча скрывая язык») // [электронный ресурс] Интервью Табриса Яруллина радио Азатлык (Azatliq Radiosi), 12.06.2016 г. URL: <https://www.azatliq.org/a/27853777.html> (дата обращения: 01.12.2017). [*Tābris Yarullin: «Fik-erne äytmişä tel yasherep utyra almyybyz»*] (Tabris Yarullin: ‘We have no right to sit mum and conceal our language’]. An interview of Tabris Yarullin to Azatlyk Radio (Azatliq Radiosi) of 12 June 2016.] Available at: <https://www.azatliq.org/a/27853777.html> (accessed: 1 December 2017).
- Tatarcha — Учу татарский... — «Tatarcha — Учу татарский язык!» // [электронный ресурс] Мобильное приложение. URL: <http://www.ninestore.ru/android-games/tatarchaapps-app-tatarcha/> (дата обращения 2.12.2017). [*‘Tatarcha — Uchu tatarskiy yazyk!’*] [‘Tatarcha — I learn Tatar!’]. A smartphone app.] Available at: <http://www.ninestore.ru/android-games/tatarchaapps-app-tatarcha/> (accessed: 2 December 2017).

УДК 316.4

Сохранение и развитие татарского языка глазами татарстанской молодежи: предложения и проекты

Айгуль Рафгатовна Мухаметзянова¹

¹ научный сотрудник, отдел этнологических исследований, Институт истории им. Ш. Марджани, Академия наук Республики Татарстан (Казань, Российская Федерация). E-mail: aygul.mukhametzyanova@gmail.com

Аннотация. Сохранение и развитие татарского языка является актуальной задачей для Республики Татарстан. Будущее языка во многом зависит от того, какую стратегию выберет молодое поколение: будет ли говорить в семье, изучать в учебных заведениях и использовать его в разных сферах своей жизни. По данным последних исследований, использование татарского языка среди городской татарской молодежи ограничивается бытовым уровнем и сферой семьи; а основную коммуникативную функцию в городах выполняет русский язык.

В сельской местности татарский язык сохраняет свою роль основного языка общения, однако темпы урбанизации и функционирование языка только в сельских районах не позволяют сохраниться и развиваться языку во всей широте его возможностей.

Жители республики, для которых татарский язык не является родным, а также русскоязычные татары, несмотря на обучение языку в детских дошкольных учреждениях, полный курс татарского языка и литературы в школах, демонстрируют невысокий уровень языковой компетенции и не используют его в своей жизни. Кроме того, все передовые темы в сферах культуры, технологии, бизнеса презентуются в Татарстане на русском языке, татарский оказывается языком семейно-бытового общения. В статье показано, как эта ситуация оценивается молодым поколением татарстанцев и какие проекты по сохранению и развитию языка они поддерживают или реализуют сами. Автор анализирует проекты, предлагаемые молодежью в сфере развития татарского языка, по их задачам: 1) проекты, направленные на создание и усовершенствование методик и практик изучения татарского языка; 2) проекты, представляющие Татарстан как билингвальное сообщество; 3) проекты, направленные на расширение сфер применения татарского языка, и проекты для детей.

Ключевые слова: сохранение национальных языков, татарский язык, Республика Татарстан, молодежь, проекты, социологические исследования

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 162–170, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-162-170
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 316. 354:351/354

Rural Population of Kalmykia: Social Adaptation Revisited (Summarizing the Results of 2016 and 2017 Surveys)

Ludmila V. Namrueva¹

¹ Ph. D. in Sociology (Cand. of Sociological Sc.), Head of Department for Complex Monitoring and Information Technologies, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Abstract. The article is topical enough since for further development of the agricultural sector in the republic it is urgent to comprehensively analyze some social consequences of the agrarian reforms and adaptational patterns of the population. Adaptation here shall be understood to mean processes individuals and social groups experience to accommodate themselves to varied environment, some permanent changes caused by market and democratic reforms. And those are labor related economic factors that virtually play first fiddle. Nowadays rural settlements of the republic basically experience financial hardships and can be characterized by poor economic potential which results in the lack of investment resources required for production development and creation of jobs. Consequently, labor migration has increased in the region, in search of job opportunities rural residents leave their villages, the republic. Almost half of the informants (48 %) have travelled away (or intended to) to start a business of their own or purchase a dwelling in the republic. For the purposes of the study we shall designate this as a positive indicator of social adaptation. Since the informants have certain life plans, they think over opportunities for success and make steps on the basis of available material and social capital.

The paper uses the results of 2016/2017 opinion surveys conducted by employees of the Department in 2016 and 2017 in rural areas of the region. It analyzes assessments of the current economic conditions, topical social problems and social well-being given by rural residents.

The increased state support of rural manufacturers and enhanced opportunities for obtaining credit resources gradually improved conditions for the national agri-food sector. So, villagers now could develop household plots and farming enterprises. Rural dwellers gradually adapt to market conditions.

The obtained results show that over half of the informants (51,9 %) characterize the economic situation in the republic as 'positive', while some individuals would describe it as 'negative' (44 %). And those are optimists who create the social mental determination to overcome difficulties and sustain political stability.

Most informants (84 %) assessed their personal economic conditions as poor or hardcore poor. This signifies that a large part of the rural population never adapted to the market society. Those people are still dependent upon wages and transfer payments of the government that help disadvantaged groups survive the tough time of crisis.

* Исследование проведено в рамках государственной субсидии — госзадание № АААА-А17-117030910098-1 «Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов» (2017–2021).

There still remain quite a number of unsettled problems related to labor market, low wages, absence of village-forming enterprises, investment resources, and poor social infrastructure required for the development of rural territories and adaptation of villagers to market conditions.

Keywords: rural population, social well-being, optimism, pessimism, unemployment, low income, adaptation processes

Введение

Современное российское общество претерпевает значительные изменения, которые проявляются, прежде всего, в базовых социальных институтах — семье, экономике, политике, образовании. Калмыцкие ученые, анализируя трансформационные процессы в сельской местности Калмыкии, преимущественно исследуют организационно-хозяйственные, демографические, экономические и институциональные изменения сельских поселений республики и их эффективность [Бадмаева 2017а; 2017б; Нухаева 2017а; 2017б]. Значительно в меньшей степени рассмотрены социальные последствия аграрных реформ, практически не изучены жизненные интересы, ценностные ориентации сельского населения, его отношение к изменяющейся социальной реальности, адаптация к ней. В данной статье, используя результаты социологических исследований 2016 и 2017 гг., попытаемся восполнить имеющийся пробел.

Автором статьи в 2016 и 2017 гг. проведены анкетные опросы в сельских районах республики в рамках выполнения государственного задания КалмНЦ РАН. Объем выборочной совокупности опроса 2016 г. составил 387 человек. Из них мужчины составляют 55 %, женщины — 45 %. 226 респондентов проживают в селах (58 %), 161 — в районных центрах (42 %). Распределение по возрасту выглядит следующим образом: 2,6 % — респонденты до 20 лет, 16 % — 21–30 лет, 26,9 % — 31–40 лет, 24,3 % — 41–50 лет, 22,0 % — 51–60 лет, 8,0 % — старше 60 лет [Намруева, Землянская 2017].

В 2017 г. опрошены 385 человек. В анкетировании участвовали жители сельских муниципальных образований (54,6 % от выборки) и районных центров (45,4 %). Распределение по гендерному и этническому признакам выглядит следующим образом: мужчины составляют 51,6 %, женщины — 48,4 %; калмыки представляют большинство выборочной совокупности — 77,2 %, русские — 15 %, представители других этнических групп — 7,8 %. Нами анализиру-

ется мнение представителей двух основных этнических групп в республике — калмыков и русских.

Кардинальные трансформации российского общества в постсоветский период преобразовали все стороны жизни и деятельности людей. По мнению П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, «по мере формирования качественно новых экономических, политических, социальных и духовно-нравственных отношений способность адаптироваться к обновляющейся социальной среде стала жизненно важной для всех групп населения» [Козырева, Смирнов 2016: 136]. Эта проблема вызвала огромный интерес исследователей, так как в ходе адаптации изменяется не только человек, но и социум. В результате их взаимодействия происходит приспособление субъекта к постоянно изменяющимся условиям среды и, как подчеркивают ученые, коррекция его поведения в направлении активизации действий по изменению как внешних условий, так и самих себя [Капто 2008: 11]. Согласно разделяемому нами мнению вышеупомянутых П. М. Козыревой и А. И. Смирнова, «социальная адаптация представляет собой изменение, некий порядок развития данного процесса, характеризующийся последовательной сменой его состояний во времени и направленный на гармонизацию отношений между адаптантом и социальной средой» [Козырева, Смирнов 2016: 136].

Адаптация понимается нами как процесс приспособления личностей и социальных групп к изменяющимся условиям жизнедеятельности, к постоянным переменам, вызванным рыночными и демократическими реформами. Здесь ведущими являются экономические факторы, которые связаны непосредственно с трудовой деятельностью.

Отмечая достаточно объемный перечень показателей социальной адаптации, в рамках одной статьи остановимся на анализе социально-экономических предпосылок, эмоционального состояния, социального оптимизма/пессимизма сельских жителей республики.

Социальная адаптация сельских жителей Калмыкии

Село Калмыкии с конца XX в. продолжительное время находилось в глубоком кризисе. И в начале XXI в. ситуация на рынке труда в отдельных селах республики близка к критической, поскольку исчезло гарантированное государством пространство трудовой занятости. Современные сельские поселения характеризуют сложное финансовое положение сельскохозяйственных предприятий, слабый экономический потенциал, отсутствие инвестиционных ресурсов для развития производства, ввода новых рабочих мест. Вследствие этих причин по всей республике активизировалось трудовое отходничество, селяне пытаются найти работу за пределами села, республики. Среди всех субъектов РФ Калмыкия входит в первую пятерку по доле занятого населения (11,4 %), работающего за пределами региона проживания. Лидируют Республика Адыгея (15,7 %), Ленинградская область (14,9 %), Чувашская Республика (13,9 %), замыкает пятерку Московская область (10,9 %) [Абдрахманов и др. 2016: 365]. В трудовом отходничестве имеются как положительные, так и отрицательные последствия, о которых пишет башкирский социолог М. Туракаев: «Мобильная трудовая занятость не способствует существенному развитию глубинки, но в то же время не дает разрушиться и деградировать всей социально-экономической

и социокультурной системе сельских районов» [Туракаев 2016: 7675]. Эти тенденции имеют место и в Калмыкии. Определенная часть населения адаптируется к условиям внешней среды, покидая территорию республики. Жители степной республики проявляют конкурентоспособность в принимающей среде других регионов, демонстрируя высокий адаптационный ресурс, который выработан предками-кочевниками [Намруева 2017: 28].

Данные нашего исследования 2016 г. показывают, что миграционная активность сельского населения высока (см. табл. 1). В целом, 14 % опрошенных хотят навсегда покинуть республику, среди них преобладают женщины. У респондентов-русских это стремление выражено в три раза сильнее, чем у калмыков. 2,5 % респондентов мечтают навсегда уехать из страны, никогда не возвращаться. 15 % опрошенных желают выехать за пределы республики с целью получить качественное образование и вернуться назад. Почти половина выборки (48 %) выезжают на заработки, чтобы затем открыть свое дело, купить жилье в республике. Отметим этот вариант как позитивную тенденцию, которая характеризует социальную адаптацию, поскольку эти респонденты имеют определенный план жизненного пути, осмысливают возможности достижения успеха, действуют, исходя из наличия материального и социального капитала.

Таблица 1. Распределение ответов на вопрос
«*Имеется ли у Вас желание выехать за пределы республики?*» (в %)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
имеется, с целью получить качественное образование и вернуться назад в республику	14,9	15,6	17,7	14,2
поехать на заработки, чтобы затем открыть свое дело в республике, купить жилье в республике	52,8	43,9	55,9	52,3
уехать и не возвращаться в республику	11,2	17,3	9,1	27,6
уехать из страны, никогда не возвращаться	1,9	3,5	1,3	5,7

Из таблицы 2 видно, что главными социальными проблемами, влияющими на жизнь селян, вынуждающими их мигрировать, являются безработица (52,3 %), низкий уровень оплаты труда (49,5 %), активная миграция молодежи, оставляющей старшее поколение (33,6 %), отсутствие воды, газа (15,5 %). В зависимости от гендерной и этнической принадлежности мне-

ние респондентов разделяется в приоритетности указанных проблем. Так, мужчин (54,4 %), калмыков (57,3 %) в большей степени беспокоит безработица, а женщин (55,0 %), русских (50,7 %) — низкие зарплаты. Каждый пятый респондент анализируемого опроса 2016 г. указал, что более всего его волнует отсутствие селообразующего предприятия.

Таблица 2. Распределение ответов на вопрос:
«Какие социальные проблемы села сильно влияют на Вашу жизнь? (в %)»
(Опрос 2016 г.)

Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
безработица	54,4	50,3	57,3	44,8
низкий уровень оплаты труда	44,1	55,0	46,3	50,7
молодежь покидает село, оставляя стариков	34,3	33,9	30,9	38,9
отсутствие селообразующего предприятия	23,0	19,3	27,3	13,2
отсутствие воды, газа	16,4	14,6	15,0	16,9

В начале 2000-х гг. государство изменяет свое отношение к аграрной отрасли: усилилась финансовая и институциональная поддержка сельских товаропроизводителей, расширились возможности получения ими кредитных ресурсов, разработан и частично реализован приоритетный национальный проект по развитию агропродовольственного комплекса [Калугина 2015: 120]. Позитивные изменения наблюдаются и в республике, что сказалось на восприятии сельскими жителями социально-экономических процессов. Оценка, данная сельским населением экономической ситуации в республике, позволяет выявить группы оптимистов и пессимистов (табл. 3). Суммируя оценки «благоприятная», «вполне терпимая», определяем оптимистично настроенных селян, которые составляют примерно 51 %, т. е. половину выборочной совокупности. Отметим, что калмыков, оценивающих экономическую ситуацию в республике как благоприятную (4,1 %), гораздо меньше, чем респондентов-русских (12,5 %).

Более трети опрошенных, 36 %, с трудом терпят сложившуюся экономическую ситуацию. 8,9 % селян с большим трудом переносят сложности своего положения (мужчин и калмыков в этой группе чуть более, чем в других группах). Таким образом, позитивно, оптимистично оценивающих (51,9 %) респондентов несколько больше, чем респондентов, негативно, пессимистично оценивающих для себя экономическую ситуацию в республике (44 %). Именно первая группа «может создавать тот моральный фон в обществе, который может помогать преодолевать объективно существующие трудности и поддерживать социальную и политическую стабильность» [Баженова и др. 2016: 234]. На наш взгляд, группа оптимистов адаптировалась к жизни в рыночных условиях. Полученные результаты также свидетельствуют, что региональный социум не находится в состоянии эмоционального напряжения, которое способно привести к протестным действиям и проявлению агрессии.

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос
«Как Вы оцениваете нынешнюю экономическую ситуацию в республике для себя?»

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
1	благоприятной	14,5	11,0	4,1	12,5
2	вполне терпимой	37,4	41,6	38,6	39,7
3	терпимой с трудом	35,0	37,0	36,3	39,0
4	крайне трудной, нетерпимой	9,8	8,0	10,4	6,6

Важной характеристикой социальной адаптации населения является оценка собственного материального положения (табл. 4). М. К. Горшков, директор Института социологии РАН, отмечает склонность россиян объяснять низкий уровень жизни сложившейся в стране общей экономической ситуацией. «Основная проблема, с которой сталкиваются россияне, — это материальные трудности (43 %), к которым относятся плохое материальное положение

(36 %), скудное питание (4 %), проблемы с одеждой и обувью (3 %), а также с жильем (12 %)» [Горшков 2016: 17].

Полученные в ходе анкетного опроса ответы пятой части опрошенных (21 %) свидетельствуют, что они находятся на уровне бедности или обездоленности, т. е. еле сводят концы с концами, у них ни на что не хватает, постоянно берут продукты в долг. Следует отметить, что женщины (25 %) и респонденты-калмыки (25,9 %) чаще вы-

бирали этот ответ, чем мужчины (17,1 %) и респонденты-русские (16,1 %). Большинство опрошенных (63 %) живет бедно, они могут приобретать только самое необходимое. Безусловно, нахождение большинства опрошенных (84 %) на уровне бедности и ниже этой черты показывает, что эта солидная часть общества не приспособилась к жестким условиям рынка. Она зависима от заработной платы и государственных трансфертных платежей, которые помогают уязвимым группам пережить в какой-то степени сложности кризисного периода.

Ответы 12 % респондентов свидетельствуют, что они живут в достатке, обе-

спеченно, это позволяет им приобретать необходимое, а также бытовую технику без ущерба для бюджета. 1,8 % опрошенных не имеют никаких материальных проблем, так как могут свободно приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей. Из всей выборки лишь один человек заявил, что его доходы позволяют ему ко всему вышеуказанному покупать недвижимость. Можно утверждать, что эта небольшая часть общества приспособилась к рыночным условиям и не испытывает никаких материальных проблем.

Таблица 4. Оценка уровня доходов

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
1	Еле сводить концы с концами, ни на что не хватает, постоянно беру продукты в долг	17,1	25,0	25,9	16,1
2	Приобретать только самое необходимое	65,7	62,0	59,0	72,6
3	Приобретать необходимое и бытовую технику (без ущерба для бюджета)	13,7	11,0	12,7	9,7
4	Приобретать качественные продукты питания, бытовую технику, отдыхать за границей (без ущерба)	2,4	1,2	2,3	0,8
5	Приобретать качественные продукты питания, автомобиль, недвижимость, отдыхать за границей (без ущерба)	0,9	0	0	0,8

Исследователи к проблемам, серьезно осложняющим адаптационные процессы, относят огромное расслоение населения по уровню доходов и расходов [Козырева, Смирнов 2016: 147]. Проведенный нами анализ показал, как сильно дифференцировано сельское население республики по этому критерию, что, конечно, влияет на адаптационные возможности селян. Все вышеуказанное влияет на социальное самочувствие. В период кризиса экономическое положение многих тех, кто и до кризиса жил весьма скромно, значительно ухудшилось, что отразилось на самочувствии и настроении людей.

Далее рассмотрим такой индикатор социального самочувствия, как социальный оптимизм. Анализ ответов на закрытый вопрос «Не могли бы Вы оценить, каким бывает Ваше настроение чаще всего в последнее время?» свидетельствует, что у 7 % сельского населения республики настроение оптимистичное, приподнятое, хорошее (табл. 5). 29 % опрошенных отметили, что

у них настроение чаще стабильное, уверенное. Почти половина выборки (49 %) имеют разное настроение (иногда хорошее, иногда тревожное, тяжелое). Каждый девятый респондент чувствует себя плохо, испытывает неуверенность, страх (11 %). 1,9 % опрошенных чувствуют себя плохо, настроены пессимистично (нет будущего, не хочется жить). Отметим, что на социальный оптимизм не влияет этническая идентичность. Почти в равной мере респонденты калмыки (36 %) и русские (37 %) оптимистично оценили свое настроение. Женщины (31 %) значительно менее оптимистичны, чем мужчины (43,1 %). У первых более выражено настроение, зависящее от многих факторов, оно иногда хорошее, иногда тревожное, тяжелое (55 %).

В среднем у 13 % в каждой анализируемой группе настроение чаще плохое, испытывают неуверенность, тревогу. В каждой группе по 2–3 человека очень плохо настроены, не видят будущего. Согласно разделяемому нами мнению М. К. Горшко-

ва, «материальные проблемы и социальная уязвимость вызывают у наших сограждан наиболее негативные эмоционально-психологические состояния. Так, 17 % россиян, столкнувшихся с материальными проблемами и социально-экономической уязвимостью, постоянно находятся в состоянии раздражения, озлобленности и/или агрессии [Горшков 2016: 17]. Этот негативный настрой свидетельствует о том, что социально

уязвимая категория не адаптировалась к изменяющимся условиям жизни.

Однако, исходя из полученных результатов, можно констатировать, что более трети опрошенных (37 %) являются носителями социального оптимизма. Эта группа, на наш взгляд, вписалась в современные реалии, полагается в основном на свои силы и возможности.

Таблица 5. Распределение ответов на вопрос
«Каким бывает Ваше настроение чаще всего в последнее время?»

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
1	чаще оптимистическое, приподнятое, хорошее	11,0	4,8	10,0	4,4
2	чаще стабильное, уверенное	32,1	26,2	26,3	33,1
3	когда как, иногда хорошее, иногда тревожное, тяжелое	43,1	55,3	48,2	44,8
4	чаще плохое, испытываю неуверенность, тревогу	12,9	10,7	12,3	12,5
5	очень плохое, нет будущего	0,9	3,0	1,3	1,5

Отечественные социологи отмечают, что «при всей противоречивости и непоследовательности социально-экономических и общественно-политических процессов, сложности и неопределенности перспектив развития общества, с начала 2000-х гг. и вплоть до 2014 г. у россиян наблюдалось ослабление настроений беспокойства, тревоги и усиление того чувства определенной социальной уверенности, которое связано с построением своего жизненного пути, формированием жизненных стратегий, что в решающей степени было обусловлено улучшением жизни населения» [Козырева, Смирнов 2016: 164]. За период преобразований существенно изменились сознание

людей, их цели и потребности. Увеличилось количество тех, кто воспринимает изменяющуюся реальность как возможность реализации своих способностей, продвижения по социальной лестнице. Закрытый вопрос «Ответьте, пожалуйста, Вы как житель Республики Калмыкия, на кого более всего рассчитываете в решении насущных вопросов?» показал, что подавляющее большинство (84 %) полагается на себя самого. Во вторую очередь — на своих родственников и друзей (45 %). Следующий значимый фактор связан с личностью президента страны (9,5 %). Остальные варианты ответов выбраны незначительным количеством респондентов.

Таблица 6. Распределение ответов на вопрос
«Ответьте, пожалуйста, Вы как житель Республики Калмыкия, на кого более всего рассчитываете в решении насущных вопросов? (в % по группе)

№	Варианты ответов	Мужчины	Женщины	Калмыки	Русские
1	на себя самого	89,3	80,7	85,4	83,6
2	на своих родственников и друзей	50,3	40,3	46,7	43,8
3	на свою этническую и религиозную общину	1,1	0,6	0,6	1,6
4	на местные (районные и сельские) власти	3,1	3,1	2,3	4,7
5	на власти республики	2,5	6,8	5,4	1,6
6	на российское правительство	2,0	4,3	2,7	4,7
7	на президента страны	7,9	11,6	9,2	12,5

С 2014 г. ситуация на отечественном продовольственном рынке существенно изменилась вследствие введения Россией продовольственного эмбарго. Отказ от импорта ряда продовольственных товаров, ориентация на внутреннее производство, направленное на импортозамещение, предоставили отечественным сельхозпроизводителям исторический шанс для социально-экономического прорыва. Республика Калмыкия активно включена в процессы замещения импортной продукции, прежде всего мясной. Современное состояние сельскохозяйственной отрасли в республике свидетельствует о том, что после ее затяжного кризисного состояния наметились определенные позитивные сдвиги, получили развитие рыночные формы хозяйствования, крестьянские (фермерские) хозяйства, личные [Намуева 2015].

Выводы

Таким образом, наш анализ показал, что постепенно сельские жители приспосабливаются к новым условиям жизни. Увеличивается количество удовлетворенных положением дел в регионе, уменьшается число тех, кто с трудом терпит сложившуюся экономическую ситуацию в республике. Это позволяет нам утверждать, что социальное самочувствие, материальная обеспеченность сельского населения улучшаются по сравнению с 1990-ми гг. На эти положительные стороны жизнедеятельности селян повлияли такие позитивные аграрные преобразования в стране, как улучшение государственного субсидирования агропромышленной сферы, расширение возможностей развития личных подсобных хозяйств и крестьянских (фермерских) хозяйства. Однако необходимо отметить, что острые социальные проблемы (безработица, низкие зарплаты, трудовая миграция), стоявшие перед селом в 1990-е гг., не потеряли своей актуальности и в 2010-е гг., спустя два десятилетия. Ухудшение экономической ситуации в стране, вызванное совокупностью факторов (падение мировых цен на нефть и газ, санкции ЕС и США, непродуманность финансово-экономической политики и др.) усилили негативные проявления кризиса и дифференциацию населения по различным критериям, в том числе и по уровню адаптации к условиям изменяющейся социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Абдрахманов и др. 2016 — Абдрахманов Д. М., Буранчин А. М., Демичев И. В. Архаизация российских регионов как социальная проблема. Уфа: Мир печати, 2016. 404 с. [Abdrakhmanov D. M., Buranchin A. M., Demichev I. V. *Arkhaizatsiya rossiyskikh regionov kak sotsial'naya problema* [Archaization of Russia's regions as a social problem]. Ufa: Mir Pechati, 2016. 404 p.]
- Бадмаева 2017а — Бадмаева Н. В. Сельский рынок труда: состояние, проблемы и тенденции (на примере южнороссийских регионов) // Экономика и предпринимательство. 2017а. № 9–1. С. 477–480. [Badmaeva N. V. The rural labor market: the state, problems and trends (on the example of South Russian regions). *Ekonomika i predprinimatel'stvo*. 2017a. No. 9–1. Pp. 477–480].
- Бадмаева 2017б — Бадмаева Н. В. Демографический потенциал и проблемы занятости сельского населения южнороссийских регионов // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017б. С. 107–115. [Badmaeva N. V. Rural population of South Russian regions: demographic potential and problems of employment. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN*. 2017b. Pp. 107–115].
- Баженова и др. 2016 — Баженова Е. Ю., Васков М. А., Волков Ю. Г. Ростовская область: адаптация к жизни в условиях кризиса // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. ст.] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 228–253. [Bazhenova E. Yu., Vaskov M. A., Volkov Yu. G. Rostov Province: adapting to life during a crisis. *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik [sb. nauch. st.]*. M. K. Gorshkov (ed.); Institute of Sociology of RAS. Moscow: Novyy Khronograf, 2016. Iss. 14. Pp. 228–253].
- Горшков 2016 — Горшков М. К. О социальном ресурсе адаптации россиян к условиям кризиса (вместо предисловия) // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 5–20. [Gorshkov M. K. Revisiting the social resource of Russian citizens in their adaptation to crisis circumstances (in lieu of a preface). *Rossiia reformiruyushchayasya: Ezhegodnik [sb. nauch. st.]*. M. K. Gorshkov (ed.); Institute of Sociology of RAS. Moscow: Novyy Khronograf, 2016. Iss. 14. Pp. 5–20].

- Калугина 2015 — *Калугина З. И.* Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 2015. 342 с. [Kalugina Z. I. *Rynochhnaya transformatsiya agrarnogo sektora Rossii: Sotsiologicheskiiy diskurs* [Market transformation of Russia's agrarian sector: sociological discourse]. Novosibirsk: Institute of Economics and Industrial Engineering of SB of RAS, 2015. 342 p.]
- Капто 2008 — *Капто А. С.* Адаптация социальная // Социологический словарь / Отв. ред. Г. В. Осипов, Л. Н. Москвичев и др. М.: Норма, 2008. С. 11–12. [Kapto A. S. Social adaptation. *Sotsiologicheskiiy slovar'* [A dictionary of sociology]. G. V. Osipov, L. N. Moskvichev et al. (eds.). Moscow: Norma, 2008. Pp. 11–12].
- Козырева, Смирнов 2016 — *Козырева П. М., Смирнов А. И.* Особенности и тенденции адаптации россиян к изменяющимся условиям в постсоветский период // Россия реформирующаяся: Ежегодник [сб. науч. статей] / отв. ред. М. К. Горшков; Институт социологии РАН. М.: Новый хронограф, 2016. Вып. 14. С. 133–171. [Kozyreva P. M., Smirnov A. I. The peculiarities and tendencies of adapting Russians to the ever-changing conditions of the post-Soviet period. *Rossiya reformiruyuschayasya: Ezhegodnik [sb. nauch. st.]*. M. K. Gorshkov (ed.); Institute of Sociology of RAS. Moscow: Novyy Khronograf, 2016. Iss. 14. Pp. 133–171].
- Намруева 2015 — *Намруева Л. В.* Сельские поселения Республики Калмыкия в 2010-е гг.: типы и характеристика // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 192–197. [Namrueva L. V. Rural areas of the Republic of Kalmykia in 2010s: typology and characteristics. *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* (Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS). 2015. No. 4. Pp. 192–197].
- Намруева, Землянская 2017 — *Намруева Л. В., Землянская С. В.* Социальное самочувствие сельских жителей как фактор развития аграрной отрасли (по материалам анкетных опросов 1996 и 2016 гг. в республике Калмыкия) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. № 2в. С. 473–486. [Namrueva L. V., Zemlyanskaya S. V. Social well-being of rural residents as a factor of development of agrarian sector (on the basis of questionnaire surveys 1996 and 2016 in the Republic of Kalmykia). *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy*. 2017. No. 2в. Pp. 473–486].
- Намруева 2017 — *Намруева Л. В.* Сельские территории Республики Калмыкия: динамика изменений // Современное село Калмыкии: социологический срез. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017. С. 9–77. [Namrueva L. V. Rural areas of the Republic of Kalmykia: dynamic pattern. *Sovremennoe selo Kalmykii: sotsiologicheskiiy srez* [Kalmykia's modern village: a sociological perspective]. Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017. Pp. 9–77].
- Нусхаева 2017а — *Нусхаева Б. Б.* Сельское население Республики Калмыкия: основные демографические тенденции // Монголоведение. 2017а. № 10. С. 208–216. [Nuskhaeva B. B. Rural Population of the Republic of Kalmykia: the Main Demographic Trends. *Mongolovedenie*. 2017a. No. 10. Pp. 208–216.]
- Нусхаева 2017б — *Нусхаева Б. Б.* Демографический потенциал регионов Юга России // Намруева Л. В., Нусхаева Б. Б., Бадмаева Н. В. Развитие сельских территорий Юга России: комплексный анализ социально-экономических процессов. Отчет о НИР. Элиста: КалМНЦ РАН, 2017б. [Nuskhaeva B. B. Regions of South Russia: demographic potential. *Razvitie sel'skikh territoriy Yuga Rossii: kompleksnyy analiz sotsial'no-ekonomicheskikh protsessov* [Development of rural territories in South Russia: a comprehensive analysis of social and economic processes]. A research report. Namrueva L. V., Nuskhaeva B. B., Badmaeva N. V. (prep.). Elista: Kalmyk Scientific Center of RAS, 2017б.]
- Туракаев 2016 — *Туракаев М. С.* Мобильный вахтовый труд как фактор снижения социального неравенства (на примере муниципальных районов Республики Башкортостан) // Социология и общество: социальное неравенство и социальная справедливость (Екатеринбург, 19–21 октября 2016 г.). [Электронный ресурс]. Мат-лы V Всерос. социол. конгресса. М.: Российское общество социологов. 2016. (DVD ROM). С. 7670–7675. [Turakaev M. S. Work on a rotational basis as a factor of decreased social disparity (a case study of Bashkortostan's municipal districts). *Sotsiologiya i obshchestvo: sotsial'noe neravenstvo i sotsial'naya spravedlivost' (Ekaterinburg, 19–21 oktyabrya 2016 g.)*. Proc. of the 5th All-Russia Sociology Congress. Moscow: Russian Society of Sociologists, 2016. Pp. 7670–7675.] Available at: DVD ROM.

УДК 316. 354:351/354

О социальной адаптации сельского населения Калмыкии (по итогам опросов 2016 и 2017 гг.)

Людмила Васильевна Намруева¹

¹ кандидат социологических наук, заведующий отделом комплексного мониторинга и информационных технологий Калмыцкого научного центра Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: lnamrueva@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены отдельные показатели (уровень доходов, эмоциональное состояние, социальный оптимизм/пессимизм) сельских жителей республики, которые характеризуют адаптационные процессы в сельской местности.

Актуальность статьи заключается в необходимости всестороннего анализа социальных последствий аграрных реформ для развития сельскохозяйственной отрасли в Республике Калмыкия. С этой целью использованы результаты социологических исследований, проведенных в сельских районах Калмыцким научным центром РАН в 2016 и 2017 гг. Проанализирована оценка селянами экономической ситуации, актуальных социальных проблем в регионе, своего социального самочувствия.

С увеличением с середины 2000-х гг. поддержки государством сельских товаропроизводителей, расширением возможности получения кредитных ресурсов постепенно улучшалось состояние агропродовольственного комплекса страны, в том числе и Калмыкии. Селяне получили возможности развития личных подсобных хозяйств и крестьянских (фермерских) хозяйств. Сельские жители постепенно адаптируются к рыночным условиям.

Однако существует немало нерешенных проблем, связанных с ситуацией на рынке труда, низким уровнем заработной платы, отсутствием селообразующих предприятий, инвестиционных ресурсов, социальной инфраструктуры, необходимых для развития сельских территорий республики.

Ключевые слова: сельское население, Республика Калмыкия, социальное самочувствие, оптимизм/пессимизм, безработица, низкий уровень доходов, адаптационные процессы

REVIEW

Copyright © 2018 by the Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 36, Is. 2, pp. 171–173, 2018
DOI 10.22162/2075-7794-2018-36-2-171-173
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

Орлова К. В. Рец. на: **Желтая история (Шара туджи) / пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А. Д. Цендиной.** М.: Наука – Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII / редкол.: А. Б. Куделин (пред.) и др. – ISBN 978-5-02-039768-2. На русском яз.

Orlova K. V. Book review: *The Yellow Chronicle (Šir-a tuγuǰi).* A. D. Tsendina (transl., translit., introd. and comment.). Moscow: Nauka – Vost. Lit., 2017. 406 p. (Written monuments of the Orient. CXLVII. A. B. Kudelin et al. (eds.)) – ISBN 978-5-02-039768-2. (In Rus.).

Рецензируемая монография А. Д. Цендиной посвящена одной из известных среди исследователей летописи XVII в. — «Желтой истории» (*Šir-a tuγuǰi*). Анна Дамдиновна Цендина — доктор филологических наук, профессор, известный монголовед, первой награждена дипломом и кубком «Лучший монголовед – 2017». Она — крупнейший и авторитетный специалист в области монгольской и тибетской филологии, тибетско-монгольских литературных связей, монгольской письменной традиции и литературы XVII–XIX вв., автор более 200 публикаций, в том числе 10 монографий.

Данная работа вышла в престижной для востоковедов серии — «Памятники письменности Востока», для А. Д. Цендиной это не первая книга, вышедшая в этой серии: ранее были опубликованы ее работы «История Эрдэни-дзу» [Цендина 1999], «Агван Доржиев. Занимательные заметки» [Цендина, Сазыкин 2003].

История летописной традиции монголов XVII–XIX вв. обширна и многообразна. Среди них выделяются как широко известные и исследованные специалистами, так и до сих пор еще ждущие своего исследователя: «Золотое сказание» (Алтан тобчи), «Течение Ганга» (Гангайин урусхал), «История

Асрагчи» (Асрагчийн тууж), «Хрустальное зеркало» (Болор толи), «Хрустальные четки» (Болор эрихэ) и др. Летопись «Желтая история» находится в этом ряду.

В творчестве монголов монгольские летописи «являют собой едва ли не самое разнообразное по составу, богатое по объему и важное по значению собрание текстов» [Цендина 2007: 6]. Их краеугольным камнем считается генеалогия рода борджигид, вокруг которого строится повествование о жизни его потомков. Этот фундамент относится ко всем монгольским летописям, что позволяет «говорить об их единообразии» [Цендина 2007: 235]. Еще одно немаловажное замечание А. Д. Цендиной: «уже в сочинениях XVII в. („Золотое сказание“, „Краткое золотое сказание“, „Драгоценное сказание“, „Желтая история“ и др.) заметны новые тенденции: история Чингис-хана встроена в „мировую“ историю» [Цендина 2007: 238].

На сегодняшний день науке известно пять списков данной рукописи: три из них хранятся в Санкт-Петербурге (в Институте восточных рукописей РАН и Санкт-Петербургском государственном университете) и две — в Улан-Баторе (в Монгольской национальной библиотеке и

личной коллекции монгольского историка С. Чулууна). Еще один (шестой) список ('Norbu-Coimpil's Khalkha Nobles') обнаружен Д. Карой в 2000 г. и хранится в библиотечно-информационном центре Венгерской Академии наук. Рукопись датируется серединой XIX в. [Kápolnás 2016: 165], она была опубликована, когда работа А. Д. Цендиной находилась в печати.

Впервые о «Желтой истории» стало известно, когда ее обнаружил В. В. Радлов во время Орхонской экспедиции в 1891 г. (рукопись получила название «История Радлова» (или «Радловский» список)), и представил научной общественности. Она оказалась неполной (без заглавия и первых листов), тем не менее сразу оказалась в фокусе внимания специалистов [Цендина 2017: 11]. Именно этот список летописи (список А) с введением, переводом на русский язык, транслитерацией, комментариями и факсимиле текста «Желтой истории» был положен в основу исследования А. Д. Цендиной.

Летопись «Шара туджи» не раз становилась предметом исследований. История изучения летописи подробно и обстоятельно описана автором [Цендина 2017: 68–70], однако «в ее (летописи. — К. О.) исследовании до сих пор остаются лакуны» [Цендина 2017: 70–74].

Первое, на что обращает внимание А. Д. Цендина, это исследование текста летописи монголоведом Н. П. Шастиной [Шастина 1957], которое «является <...> отражением того, как издатель его понял, а понимал его, к сожалению, не всегда точно» [Цендина 2017: 70], в переводе много погрешностей и «неточностей <...> из-за трудностей понимания текста [Цендина 2017: 70], что привело к «серьезному искажению содержания» [Цендина 2017: 70]. А. Д. Цендина приводит конкретные неверные прочтения текста рукописи, они касаются истолкования имен и названий, «непонятных отдельных слов, изменяющих смысл фразы» [Цендина 2017: 73] при переводе стихов [Цендина 2017: 72], «неловкие выражения с точки зрения стилистики» [Цендина 2017: 74]. К слову, и сама Нина Павловна Шастина признавала: «...язык „Шара туджи“ очень лаконичен <...> труден для понимания, особые трудности представляли многочисленные имена» [Шастина 1957: 11]. Не надо забывать и год выхода книги — 1957 год, за 60 с лишним лет опубликовано немало литературы и источников, которые внесли много нового. Однако, по мнению

А. Д. Цендиной, труд Н. П. Шастиной, действительно, был прорывом в монголоведческой науке, и отдельные недочеты никак не умаляют его научной значимости: «примеры неверного перевода приведены здесь не для того, чтобы показать слабые стороны работы большого ученого, а для того чтобы продемонстрировать, что настало время для осуществления нового перевода. Наука далеко ушла вперед за эти годы: в Монголии, России, Китае, на Западе были опубликованы почти все известные монгольские летописи, и многие темные места „Желтой истории“ проясняются с помощью этих сочинений. Хотя, я уверена, новый перевод (т. е. перевод А. Д. Цендиной. — К. О.) также не свободен от ошибок и, возможно, когда-нибудь тоже будет подвергнут строгой критике и исправлению» [Цендина 2017: 74]. Лучше и не скажешь.

Заслуживают внимания исследователей приведенные в книге разночтения пяти списков «Желтой истории». Автор книги выделяет в «Желтой истории» 20 тематических фрагментов (список А), внутри этого списка есть повторяющиеся фрагменты (Четыре ойрата, потомки Гэрэсэндзэ), они различаются друг от друга по содержанию и размеру, поскольку, как считает А. Д. Цендина, взяты из разных источников [Цендина 2017: 14–16]. Есть и совпадения, например, «есть части, близкие к „Истории Асрагчи“» [Цендина 2017: 16–17]. И таких примеров автор книги приводит достаточное количество. Резюмируя, А. Д. Цендина считает, что летописи «Желтая история и «Драгоценное сказание» Саган Сэцэна «наиболее близки и, несомненно, относятся к единой традиции монгольской историографии XVII–XVIII вв.» [Цендина 2017: 57]. Именно они легли в основу других, более поздних источников, а сами «опирались на общий источник (или общие источники)» [Цендина 2017: 58]. Но, на самом деле, определенные фрагментарные сокращения, изменения выделены также из «Сокровенного сказания монголов» (XIII в.), монгольского перевода сочинения «Объяснение познаваемого» Пагба-ламы (XIII в.), «Краткого Золотого сказания» (XVII в.), сочинения Далай-ламы V «Пир молодежи» (XVII в.) [Цендина 2017: 46–47].

Не менее интересна и проблема авторства «Желтой истории» в интерпретации автора книги. По ее мнению, авторство летописи до сих пор остается открытым. И этому есть обоснование. Раскрывая предпо-

ложения исследователей по авторству летописи, А. Д. Цендина считает, что гипотеза Ц. Жамцарано и Н. П. Шастиной в отношении Тоба-тайджи несостоятельна [Цендина 2017: 63]. Их догадки скорректированы ученым из Внутренней Монголии КНР Улдзэйтү, предположившим, что сочинение написано не халхаским Тоба-тайджи, а ордосским. Однако, считает А. Д. Цендина, и его доводы «не вполне убедительны ... и без дополнительных доказательств не решают проблему авторства» [Цендина 2017: 63].

Далее эта тема была развита монгольскими учеными — Х. Пэрлээ и С. Чулууном. Х. Пэрлээ, опираясь на «Историю Асрагчи», предположил, что автором «Желтой истории» или ее последней части является Цогту-ахай, младший брат создателя «Истории Асрагчи» — Шамба. С. Чулуун допустил авторство в пользу Шамбы [см.: Цендина 2017: 63–65]. Однако обе гипотезы нуждаются в более тщательной проверке и весомых аргументах.

Вопрос датировки рукописи «Желтой истории» также в центре внимания автора книги. Каждый из пяти списков летописи имеет свою датировку. Ц. Жамцарано относит рукопись к концу XVII в., другие исследователи (В. Хайссиг и Улдзэйтү) — «периоду не ранее XVIII в.» [цит. по: Цендина 2017: 58]. Свои предположения ученые строили на сопоставлении и анализе «времени жизни князей... причем наиболее внимательно — в части, касающейся потомков Гэрэсэндзээ, т. е. халхаских управителей» [Цендина 2017: 58]. Сравнивая все списки, А. Д. Цендина приходит к выводу, по которому очевидно, что основной корпус летописи можно отнести к 1643–1662 гг., «полный текст — к 1689–1700 гг., остальные два — к XIX в., либо к рубежу XIX–XX вв.» [Цендина 2017: 62].

Таким образом, рецензируемая книга А. Д. Цендиной — блестящий образец исследования памятника халхаской летописной традиции монголов XVII в. Издание впервые проиллюстрировано факсимиле так называемого «Радловского» списка, новым переводом А. Д. Цендиной, во многом уточняющим уже существующий перевод Н. П. Шастиной, транслитерацией текста и транслитерацией текста вставок. Рукопись «Желтой истории» интересна с точки зрения диалектных особенностей языка автора, развития письменного монгольского языка.

Эта книга будет полезна и интересна историкам, лингвистам, источниковедам.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Цендина, Сазыкин 2003 — Агван Доржиев. Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография). Пер. с монг., А. Д. Цендиной; транслитерация, предисл., коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. 160 с. (Памятники письменности Востока. CXXXIII). [Agvan Dorzhiev. *Zanimatel'nye zametki: Opisanie puteshestviya vokrug sveta (Avtobiografiya)* [Intriguing notes: description of a journey round the world]. A. D. Tsendina (transl.); A. G. Sazykin, A. D. Tsendina (translit., comment., etc.). Moscow: Vost. Lit., 2003. 160 p.]
- Цендина 1999 — История Эрдэни-дзу. Факсимиле рукописи. Перевод с монг., введ, коммент. и прил. А. Д. Цендиной. М.: 1999. 255 с. (Памятники письменности Востока. CXVIII). [Istoriya Erdeni-dzu [A history of Erdene Zuu]. A facsimile of the manuscript. A. D. Tsendina (transl., comment., etc.). Moscow: Vost. Lit., 1999. 255 p.]
- Цендина 2007 — Цендина А. Д. Монгольские летописи XVII–XIX вв.: повествовательные традиции. М.: РГГУ, 2007. 272 с. [Tsendina A. D. *Mongol'skie letopisi XVII–XIX vv.: povestvovatel'nye traditsii* [Mongolian manuscripts of the 17th–19th cc.: narrative traditions]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007. 272 p.]
- Цендина 2017 — Желтая история (Шара туджи) / пер. с монгольского, транслит., введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука; Вост. лит., 2017. 406 с. [Zheltaya istoriya (Shara tudzhi) [The Yellow Chronicle]. A. D. Tsendina (transl., translit., introd. and comment.). Moscow: Vost. Lit., 2017. 406 p.]
- Шастина 1957 — Шара туджи. Монгольская летопись XVII века. Сводный текст, пер., введ. и примеч. Н. П. Шастиной. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 198 с. [Shara tudzhi. *Mongol'skaya letopis' XVII veka* [The Yellow Chronicle. A Mongolian manuscript of the 17th century]. N. P. Shastina (prep., transl., etc.). Moscow, Leningrad: USSR Acad. of Sc., 1957. 198 p.]
- Kápolnás 2016 — Kápolnás O. The manuscript 'F' of Šir-a tuγujī. *Inner Asian Studies*. No. 31. 2016. Pp. 165–174.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Всеобщая история	<i>Степанова А. В.</i> Происхождение конфедерации берберских племен санхаджа (Ṣanhādja)	2
	<i>Дагийраазайн Нямдорж.</i> Смысл и символика императорских печатей Богдо-хана	14
	<i>Китинов Б. У.</i> Тибетский контекст в хошутско-цинских отношениях: от равенства к подчинению	20
Отечественная история	<i>Лиджиева И. В., Козданова Б. В.</i> Делопроизводственная практика управления калмыцким народом	29
	<i>Коломейцева М. А.</i> Демографические процессы в среде крестьянства Дона в конце XIX в.	38
	<i>Баикуев В. Ю.</i> Советские врачебные репрезентации традиционного быта бурят в контексте кампании против социальных болезней (1920-е – начало 1930-х гг.)	47
	<i>Сартикова Е. В.</i> Яндыко-Мочажная партийная организация в 1921–1925 гг.	59
	<i>Максимов К. Н.</i> Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны	69
Этнология и антропология	<i>Содномпилова М. М.</i> Этнотерриториальные группы бурят в брачных предпочтениях: образ «другого»	79

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Языкознание	<i>Крылов С. А.</i> Опыт дистрибутивно-статистической классификации монгольских аналитических словоформ	88
	<i>Малышева Н. В., Божедонова А. Е., Старостина Я. Е.</i> Якутско-монгольские лексические параллели, обозначающие наименования мастей лошади	102
	<i>Цзин Тун.</i> О вариантах перевода сочетаний со словом <i>Бог</i> на китайский язык (на материале романа А. С. Пушкина «Капитанская дочка»)	110
	<i>Бачаева С. Е.</i> Особенности лексической сочетаемости имени прилагательного «догшн»	122
Литературоведение	<i>Мирзаева С. В.</i> «Арья-бхадрачарья-пранидхана-раджа» («Зангчо монлам») в письменной традиции буддизма ваджраяны	131

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Мухаметзянова А. Р.</i> Сохранение и развитие татарского языка глазами татарстанской молодежи: предложения и проекты.	144
<i>Намруева Л. В.</i> О социальной адаптации сельского населения Калмыкии (по итогам опросов 2016 и 2017 гг.)	162

РЕЦЕНЗИЯ

Орлова К. В. Рец. на: Желтая история (Шара туджи) / пер. с монгольского, транслитерация, введ. и коммент. А. Д. Цендиной. М.: Наука – Вост. лит., 2017. 406 с. (Памятники письменности Востока. CXLVII / редкол.: А. Б. Куделин (пред.) и др. – ISBN 978-5-02-039768-2. На русском яз.	171
--	-----

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ВЕСТНИК

Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН

2018. № 2 (36)

Сдано в набор 23.04.2018. Подписано в печать 10.05.2018.

Формат бумаги 60х84¹/₈. Усл. печ. л. 20,46.

Тираж 300 экз. Заказ 03-18.

Учредитель и издатель:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр
Российской академии наук»

Отпечатано в КалмНЦ РАН
(Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8).

ВЕСТНИК КАЛМЫЦКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ РАН

Издается с 1963 г.

ISSN 2410-7670 (online)

ISSN 2075-7794 (print)

Журнал зарегистрирован 1 июля 2009 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Рег. номер ПИ № ФС77-49346

2018. № 2 (36)

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

канд. филол. наук *В. В. Куканова*

Заместитель главного редактора:

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*

Редакционный совет:

акад. РАН *Г. Г. Матишов* (председатель — Россия, г. Ростов-на-Дону),
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *М. М. Балзер* (США),
акад. *Л. Болд* (Монголия), д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай* (Россия, г. Москва), д-р ист. наук *Вэй Цзянь* (КНР),
д-р ист. наук *В. В. Грайворонский* (Россия, г. Москва), чл.-корр. РАН *А. В. Дыбо* (Россия, г. Москва),
д-р филол. наук *В. Л. Кляус* (Россия, г. Москва), д-р филол. наук *И. В. Кульганек* (Россия, г. Санкт-Петербург),
д-р ист. наук *К. Н. Максимов* (Россия, г. Элиста), д-р филол. наук *О. А. Мудрак* (Россия, г. Москва),
д-р ист. наук *И. Ф. Попова* (Россия, г. Санкт-Петербург), д-р ист. наук *На. Сухбаатар* (Монголия),
акад. *Чао Геджин* (КНР), д-р ист. наук *Д. Шорковиц* (Германия)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов* (г. Махачкала), чл.-кор. РАН *Б. В. Базаров* (г. Улан-Удэ),
д-р соц. наук *В. В. Деларю* (г. Волгоград), д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская* (г. Москва),
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев* (г. Москва), д-р соц. наук *Д. С. Денисова* (г. Ростов-на-Дону),
д-р соц. наук *Н. В. Дулина* (г. Волгоград), д-р филол. наук *С. А. Крылов* (г. Москва),
д-р соц. наук *Д. А. Лушников* (г. Ставрополь), д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов* (г. Казань),
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник* (Германия), д-р филол. наук *В. В. Трепавлов* (г. Москва),
д-р филол. наук *Чао Гету* (КНР)

д-р ист. наук *Е. Н. Бадмаева*, д-р филол. наук *Т. Г. Басангова*,
д-р филос. наук *Б. А. Бичеев*, канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*,
д-р филол. наук *В. Н. Мушаев*, д-р ист. наук *У. Б. Очиров*,
д-р ист. наук *М. А. Очир-Горяева* (Россия, г. Элиста)

Адрес редакции и издателя:

Республика Калмыкия, 358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, 8.

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-39; факс: (84722) 2-37-84.

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com

Home page: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

